

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ТОМ 22, ВЫПУСК 6 (170), 2017

**ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

ОСНОВАН В 1994 ГОДУ

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 6 раз в год

Т. 22,
вып. 6
(170)

2017

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

7 *В.Ю. Стромов,
П.В. Сысоев,
В.В. Завьялов*

Современные направления деятельности общеуниверситетского студенческого научного общества: опыт Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

17 *И.А. Шаршов,
Л.Н. Макарова,
И.Н. Борzych*

Студенческое самоуправление в контексте профессионального воспитания студентов: формы организации и критерии оценивания

27 *С.А. Кленикова,
М.А. Мусатова,
Е.А. Антропова*

Методологические основы организации научно-исследовательского семинара как одной из ключевых форм научно-исследовательской работы магистрантов

32 *М.С. Чванова,
М.С. Анурьева,
И.А. Киселева*

Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

41 *О.Г. Шадский*

Частная и государственная социальная работа в 20-е гг. XX века в США: борьба идеологий

54 *А.А. Дружинина*

Формирование инновационной компетентности будущего специалиста социальной сферы

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

61 *М.И. Долженкова*

Досуговые традиции тамбовских клубов XIX – начала XX века

68 *И.В. Колесов*

Формирование социальной активности подростков средствами клубной деятельности: моделирование процесса

- 75 *Т.С. Зиновьева,
М.Н. Юрьева* Совершенствование технической подготовки спортсмена-танцора в командном исполнении формейшн
- 85 *Т.М. Никольская* Использование принципов семиотического анализа для изучения произведений живописи в вузе (на примере творчества Э. Мунка)

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

- 94 *Е.А. Уваров* Позитивное жизненное пространство через обретение личностью новой интеграции
- 107 *Г.Н. Карона* Системная дифференциация как закономерность и принцип обучения

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 117 *А.Н. Чугунов,
П.Д. Митчелл* Идиоматические выражения в португальском языке: особенности их перевода и употребления
- 123 *О.О. Амерханова* Педагогические условия обучения аспирантов письменному научному дискурсу на основе тандем-метода

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

- 131 *М.В. Маслова* Аудирование стихотворной речи на уроках русского языка в 5 классе

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- 138 *М.Г. Козадаев* Элементы контроля уровня физической подготовленности кадет
- 144 *С.А. Загузова,
А.С. Кузнецов* Развитие силовых способностей школьников 10–11 классов на занятиях пауэрлифтингом
- 151 *В.Б. Болдырева,
А.Ю. Кейно,
П.М. Грицков* Развитие координационных способностей умственно отсталых детей 9–11 лет средствами физического воспитания

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 160 *Д.В. Стрекалов,
Н.В. Стрекалова* Главы семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-демографический аспект
- 172 *Р.М. Житин,
А.Г. Топильский* Административные работники вотчинных контор Тамбовских имений в конце XIX века
- 179 *К. Кухер,
П.П. Щербинин* Особенности призрения детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века сквозь призму общественной и частной благотворительной деятельности
- 190 *Протоиерей
Владимир
Александрович
Сергунин* Женские монастыри и монашество как часть социальной истории России имперского периода (Историографический анализ исследований XVIII–XXI вв.)
- 200 *Протоиерей
Виктор Лисионин* Православное духовенство на правом фланге общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX вв.
- 211 *И.Е. Стрельцов* Расходы Российской империи на организацию военно-морской разведки накануне Первой мировой войны (1907–1914 гг.)
- 216 *Г.Р. Хасанишин* Ограничение полномочий шариатского суда как мера по интеграции инородцев Волго-Уральского региона в российское правовое пространство (по журналам Особого совещания по мусульманским делам 1914 г.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

222 Д.В. Налетова

Теоретические основы исследования идеологии Международной организации Франкофония

К 100-летию ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

231 А.Л. Аврех

«...факультет находит необходимым выехать в Тамбов в полном составе...». О московском происхождении Тамбовского агрофака (1918 г.)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов (г. Тамбов, Российская Федерация).
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор) (г. Тамбов, Российская Федерация), И.В. Ильина (отв. секретарь) (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва, Российская Федерация), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (г. Люксембург, Люксембург), д. пед. н., проф. М.И. Долженкова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Канищев (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис (г. Тамбов, Российская Федерация), д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Дерби, Великобритания); д. филос. н., проф. И.В. Налетова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Романов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва, Российская Федерация), доктор, проф. истории Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов (г. Тамбов, Российская Федерация).

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70574 от 3 августа 2017 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге АОА «Роспечать».

Редакторы: А.А. Манаенкова, М.И. Филатова.

Редакторы английских текстов: Т.А. Сустина, Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2017. – Т. 22, вып. 6 (170). – 236 с. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)

Подписано в печать 30.09.2017. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 27,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 17294. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2017

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки», 2017.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals
recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific
researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science

CONTENTS

THE ISSUES OF SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITY ORGANIZATION AMONG STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

- 7 *V.Y. Stromov,*
P.V. Sysoyev,
V.V. Zavyalov Modern trends in the activities of the university students' scientific society:
the experience of Tambov State University named after G.R. Derzhavin

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 17 *I.A. Sharshov,*
L.N. Makarova,
I.N. Borzykh Students' self-government in the context of professional education
of students: forms of organization and estimation criteria
- 27 *S.A. Klenikova,*
M.A. Musatova,
E.A. Antropova Methodological foundations of the organization of the scientific research
seminar as one of their key forms of the scientific research work
of the masters
- 32 *M.S. Chvanova,*
M.S. Anureva,
I.A. Kiseleva New forms of student youth socialization in the Internet space

QUESTIONS OF SOCIAL PEDAGOGY AND SOCIAL WORK

- 41 *O.G. Shadskiy* Private and public social work in the 20s of 19th century in the USA:
struggle of ideologies
- 54 *A.A. Druzhinina* The formation of innovation competence of future social sphere specialist

THEORY AND METHODS OF SOCIOCULTURAL ACTIVITY ORGANIZATION

- 61 *M.I. Dolzhenkova* Leisure traditions of Tambov clubs of 19th – the beginning of 20th century
- 68 *I.V. Kolesov* The formation of teenagers' social activity by means of club activity:
modeling of the process
- 75 *T.S. Zinoveva,*
M.N. Yureva Technology of technical training of the athlete-dancer in ensemble
performance formation

- 85 *T.M. Nikolskaya* The use of principles of semiotics analysis to study the paintings in the university (basing on the example of E. Munch's work)

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

- 94 *E.A. Uvarov* Positive life space through finding new integration by personality
107 *G.N. Karopa* System differentiation as a pattern and principle of education

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 117 *A.N. Chugunov, P.J. Mitchell* Idiomatic expressions in Portuguese: features of translation and use
123 *O.O. Amerkhanova* Pedagogical conditions for teaching post-graduate students a foreign language scientific discourse using a tandem-method

THEORY AND METHODS OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

- 131 *M.V. Maslova* Listening poetic speech on Russian lessons in the 5th grade

THEORY AND METHODS OF PHYSICAL TRAINING TEACHING

- 138 *M.G. Kozadaev* Controls of the level of cadets' physical fitness
144 *S.A. Zaguzova, A.S. Kuznetsov* The development of power capability of schoolchildren in 10–11 form during powerlifting practice
151 *V.B. Boldyreva, A.Y. Keyno, P.M. Gritskov* The development of coordination abilities of mentally retarded children 9–11 years old by means of physical education

NATIONAL HISTORY

- 160 *D.V. Strekalov, N.V. Strekalova* The heads of Tambov families at the end of the 18th – in the first half of the 19th century: social and demographic aspect
172 *R.M. Zhitin, A.G. Topilskiy* Administrative officers of the patrimonial offices of the Tambov estates in the late 19th century
179 *K. Kucher, P.P. Shcherbinin* Features of care of children-orphans in the Tambov province in the 19th – early 20th centuries through the prism of public and private charitable activities
190 *Archpriest Vladimir Alexandrovich Sergunin* Nunneries and monasticism as a part of the social history of Russia of the imperial period (Historiographical analysis of the studies of the 18th–21st centuries)
200 *Protoierey Viktor Lisyunin* Orthodox clergy at the right wing of social and political life at the end of 19th – the beginning of 20th centuries
211 *I.E. Streltsov* The costs of the Russian Empire in the organization of naval intelligence on the eve of the First World War (1907–1914)
216 *G.R. Khasanshin* Limitation of Sharia court authority as a measure for integration of outlanders of Volga-Ural region in the Russian legal space (in the journals of Special Meetings in Muslim affairs of 1914)

MODERN SOCIETY AND PROBLEMS OF GLOBALIZATION

- 222 *D.V. Naletova* Theoretical foundations of ideology research of International Organization of Francophonie

ON THE OCCASION OF 100 ANNIVERSARY OF HIGHER EDUCATION AT TAMBOV LAND

231 *A.L. Avrekh*

“...the faculty find that it is necessary to leave for Tambov with a full complement...”. About Moscow origin of Tambov agrarian faculty (1918)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin”
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya St.)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov (Tambov, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Scientific Editor) (Tambov, Russian Federation), I.V. Ilyina (Executive Editor) (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.G. Airapetov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigoreva (Moscow, (Russian Federation), Doctor of History, Professor Thierry Grosbois (Luxembourg, Luxembourg), Doctor of Pedagogy, Professor M.I. Dolzhenkova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor T.E. Manger (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor Y.A. Mizis (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor P.J. Mitchell (Derby, Great Britain), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Naletova (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor O.G. Polyakov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Romanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow, Russian Federation), Doctor, Professor of History Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov (Tambov, Russian Federation).

Editors address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФЦ77-70574 from 3 August, 2017.

Subscription index in the catalogue of the SCA “Rospechat” is 83371.

Editors: A.A. Manaenkova, M.I. Filatova.

English texts editors: T.A. Sustina, E.A. Finaeva.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2017. – Vol. 22, Issue 6 (170). – 236 p. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)

Подписано в печать 30.09.2017. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 27,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 17294. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2017

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2017.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

УДК 378.184

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕУНИВЕРСИТЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

© Владимир Юрьевич СТРОМОВ

кандидат юридических наук, доцент, ректор
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vladimir_stromov@mail.ru

© Павел Викторович СЫСОЕВ

доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления
научно-исследовательской деятельности студентов и молодых ученых
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: psysoyev@yandex.ru

© Владимир Владимирович ЗАВЬЯЛОВ

председатель Студенческого научного совета, специалист Управления
научно-исследовательской деятельности студентов и молодых ученых
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: zavtmb@mail.ru

Определены цели и задачи деятельности общеуниверситетского студенческого научного общества (СНО), а также описан опыт Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в развитии студенческого самоуправления в научно-исследовательской сфере. Под студенческим научным обществом понимается добровольное и открытое объединение студентов, занимающихся научно-исследовательской и инновационной деятельностью. Объединение студентов в СНО может происходить по ряду факторов: от тематической направленности исследований до принадлежности студентов к конкретному структурному подразделению вуза. Организация работы СНО осуществляется независимо членами студенческого научного актива. Деятельность СНО направлена на расширение возможностей студентов принимать участие в научно-исследовательской и инновационной деятельности, популяризацию науки и ее роли в студенческой среде, установление и поддержку связей со СНО других вузов, но не заменяет традиционную учебно-исследовательскую и научную работу в рамках учебного плана. В качестве целей деятельности общеуниверситетского СНО выделено следующее: 1) повышение и поддержание мотивации студентов заниматься научно-исследовательской и инновационной деятельностью; 2) создание дополнительных возможностей для научного становления студентов; 3) создание в вузе единого общеуниверситетского научного пространства; 4) развитие студенческих научных обществ в структурных подразделениях или тематических СНО; 5) установление и расширение связей со студенческими научными обществами других вузов. Проиллюстрированы достижения каждой из обозначенных целей деятельности общеуниверситетского СНО конкретными примерами мероприятий.

Ключевые слова: студенческая наука, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, научно-исследовательская деятельность студентов, студенческое научное общество, инновационная деятельность

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-7-16

АКТУАЛЬНОСТЬ

Данная работа является продолжением серии статей авторов, посвященных разным аспектам развития студенческой науки в вузе [1–4]. Актуальность исследования определяется одновременно несколькими факторами. Во-первых, на современном этапе одной из главных задач, стоящих перед высшими учебными заведениями, является подготовка

специалистов нового поколения, которые владеют необходимыми компетенциями осуществлять научно-исследовательскую деятельность в своей профессиональной сфере, внедрять новые научные открытия и передовые технологии в наукоемкие производства, готовы и способны гибко и квалифицированно реагировать на вызовы времени [5]. Такая качественная подготовка невозможна без создания системы организации научно-

исследовательской работы и инновационной деятельности студентов в период их обучения в вузе.

Во-вторых, в последнее время в российской высшей школе большую актуальность приобретает становление института студенческого самоуправления, под которым понимается «инициативная, самостоятельная и осуществляемая под свою ответственность деятельность студентов по решению жизненно важных вопросов по организации обучения, быта и досуга» [6]. Реализация студенческого самоуправления в вузе может осуществляться в различных сферах, в том числе и научно-исследовательской. Многие ученые в своих работах описывали положительный опыт работы факультетских и университетских студенческих научных обществ (СНО), свидетельствующий о влиянии деятельности СНО на количественные и качественные показатели развития студенческой науки в вузе. Вместе с тем, несмотря на то, что в научной педагогической литературе имеется корпус исследований, посвященных организации общеуниверситетских СНО, их целям и задачам, тем не менее приходится констатировать наличие ряда вопросов, без рассмотрения которых невозможно говорить о целостности и комплексности в организации деятельности общеуниверситетского СНО. К таким вопросам можно отнести следующие:

- четкое разделение функций между учебными дисциплинами, научно-исследовательской работой студентов в научных кружках, центрах и лабораториях и деятельностью общеуниверситетского СНО;
- обозначение целей и задач общеуниверситетского СНО;
- разработка перечня примерных мероприятий общеуниверситетского СНО, направленных на достижение поставленных целей.

Все эти положения и определили актуальность настоящей работы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Ключевым понятием в данной работе выступает «студенческое научное общество». Следует отметить, что в педагогических исследованиях ученые пришли к единому мнению относительно понятийного содержания термина. В частности, Н.В. Примчук определяет «студенческое научное общество» как

«общественное объединение студентов университета, принимающих активное участие в научно-исследовательской работе» [7, с. 93]. А.А. Баранов, В.Н. Малашенко, Н.А. Мурашова дают следующее определение понятия: «студенческое научное общество – это добровольное объединение студентов, занимающихся организацией их научно-исследовательской работы и созданное на основе общности интеллектуальных интересов» [8, с. 96]. В своей работе З.А. Дивненко и Е.С. Юдина под «студенческим научным обществом» понимают «общественную организацию, состоящую из студентов, принимающих активное участие в научно-организационной, общественной и исследовательской деятельности» [9, с. 230]. В.В. Завьялов в исследовании, посвященном направлениям деятельности СНО разного уровня (факультетского/институтского и общеуниверситетского), дал следующие определение понятия: «студенческое научное общество – это добровольное, открытое, публичное объединение студентов, активно занимающихся научно-исследовательской и инновационной деятельностью. При этом консолидация студенческого актива может происходить как по поставленным общим целям развития студенческой науки в вузе, так и по научным интересам студентов» [4, с. 105].

Анализ приведенных определений показывает, что в целом авторы пришли к единому мнению относительно того, что *студенческое научное общество – это добровольное и открытое объединение студентов, занимающихся научно-исследовательской и инновационной деятельностью*. Вместе с тем данное определение носит достаточно общий характер и требует ряда уточнений. Во-первых, согласно дополнениям А.А. Баранова, В.Н. Малашенко и Н.А. Мурашовой [8], а также В.В. Завьялова [4], *консолидация членов общества может происходить по ряду факторов*. С одной стороны, это может быть *интеллектуальный фактор*, выражающийся в тематической направленности общества и/или проблематике проводимых исследований. Так, могут образовываться СНО математиков и физиков, философов, лингвистов, медиков и т. п. С другой – *фактором консолидации может выступать принадлежность к определенному структурному подразделению*

вуза: СНО медицинского института, исторического или филологического факультета, объединяющее, в свою очередь, студентов разных направлений подготовки.

Во-вторых, ни одно из определений не ограничивает сферу деятельности СНО, что, как свидетельствует анализ ряда работ, необходимо. Некоторые ученые отождествляют сферу деятельности СНО с задачами конкретных дисциплин учебного плана и деятельностью (студенческих) научных кружков, центров и лабораторий. В частности, А.А. Баранов, В.Н. Малашенко, Н.А. Марашова [8], описывая опыт развития студенческой науки в своем вузе (Ярославской государственной медицинской академии), утверждают, что «СНО состоит из 46 студенческих научных кружков при кафедрах (курсах)... Общее руководство СНО осуществляет Ученый совет академии...» [8, с. 96]. А.П. Черватюк в своей работе также приписывает деятельности СНО составляющие традиционной учебно-исследовательской деятельности студентов: «В годовом плане работы научного общества необходимо предусмотреть выполнение курсовых и дипломных работ, входящих в планы вуза, с детальным рассмотрением техники их написания и содержательной стороны» [10, с. 146]. Подобное отождествление, на наш взгляд, можно объяснить сложившимися традициями в организации научно-исследовательской работы студентов в конкретных вузах, когда одни и те же учебные задачи решаются как на традиционных занятиях по дисциплинам учебного плана, так и на факультативных занятиях в студенческих научных кружках и центрах и заседаниях СНО. Безусловно, данная модель организации студенческой науки в вузах доказала свою эффективность и может быть использована.

В нашем исследовании мы выступаем за разделение функций между а) учебной деятельностью студентов, включающей учебно-исследовательскую работу, в ходе изучения дисциплин учебного плана, б) студенческими научными кружками, центрами и лабораториями и в) общеуниверситетским студенческим научным обществом. Изучение дисциплин учебного плана должно быть направлено на формирование профессиональных, общепрофессиональных и общекультурных компетенций,

представленных в современных ФГОС ВО. Научные кружки, центры и лаборатории, в которых могут заниматься студенты, – это творческие мастерские ученых университета. Проблематика исследований в научных кружках и центрах определяется, прежде всего, научными интересами конкретного ученого и его стремлением развивать свое научное направление или научную школу. Безусловно, научно-исследовательская работа в кружках, центрах и лабораториях должна быть направлена на значительное обогащение научной практики студентов, их становление и приобщение к исследовательской работе, но не заменять научную и учебно-исследовательскую деятельность студентов, которую они должны выполнять в рамках учебного плана, включая написание курсовых и дипломных работ. Студенческое научное общество же – это дополнительная платформа для объединения и взаимодействия студенческого научного актива университета для решения ряда других задач. О подобном функциональном разделении между деятельностью СНО, студенческих научных кружков и центров, а также дисциплинами учебного плана можно встретить в работах некоторых ученых [7; 11–12].

В этой связи, представляется целесообразным уточнить и расширить существующее определение понятия «студенческое научное общество». *Студенческое научное общество – это добровольное и открытое объединение студентов, занимающихся научно-исследовательской и инновационной деятельностью. Объединение студентов в научное общество может происходить по ряду факторов: от тематической направленности исследований до принадлежности студентов к конкретному структурному подразделению вуза. Организация работы СНО осуществляется независимо членами студенческого научного актива. Деятельность СНО направлена на расширение возможностей студентов принимать участие в научно-исследовательской и инновационной деятельности, популяризацию науки и ее роли в студенческой среде, установление и поддержку связей со СНО других вузов, но не заменяет традиционную учебно-исследовательскую и научную работу в рамках учебного плана.*

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОБЩЕУНИВЕРСИТЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА

В своих работах ученые выделяют разные цели и задачи СНО. Обусловлено это, прежде всего, следующими двумя причинами. Во-первых, многие исследователи, как показал обзор литературы в предыдущем разделе статьи, отождествляют функциональное значение СНО с дисциплинами учебного плана или с работой студенческих научных кружков. В результате перед СНО ставятся не свойственные для его деятельности задачи. Во-вторых, многие ученые не уточняют, о каком именно СНО идет речь: общеуниверситетском или факультетском/

институтском, каждое из которых будет иметь свой различный перечень задач в соответствии с уровнем организации студенческой науки. Учитывая многоуровневость организации студенческой науки в вузе в целом [1; 2] и СНО в частности [4], в данной работе выделяется следующий перечень целей и задач общеуниверситетского СНО (табл. 1).

Материалы табл. 1 свидетельствуют о том, что цели и задачи, которые ставятся перед общеуниверситетским СНО, являются уникальными, достигаются исключительно на этом уровне организации студенческого самоуправления в научно-исследовательской сфере и не дублируют цели и задачи студенческих научных кружков и центров, а также дисциплин учебного плана.

Таблица 1

Цели и задачи общеуниверситетского студенческого научного общества

Цель	Задачи
– повышение и поддержание мотивации студентов заниматься научно-исследовательской и инновационной деятельностью	– привлекать студентов разных специальностей и структурных подразделений к общеуниверситетским научным или просветительским проектам как в качестве слушателей, так и участников; – разработать и использовать систему поощрений студентов, участвующих в научно-исследовательской деятельности и достигших определенных результатов (конкурсы и рейтинги)
– создание дополнительных возможностей для научного становления студентов	– проводить общеуниверситетские тренинги и семинары по методологии исследования, письменному и устному научному дискурсу, заполнению заявок на гранты и стипендии; – информировать студентов об актуальных конкурсах и научных мероприятиях
– создание в вузе единого общеуниверситетского научного пространства	– организовывать мероприятия по популяризации науки, научных школ и направлений, университета среди студентов; знакомство с ведущими учеными университета и их исследованиями; – организовывать мероприятия, направленные на расширение связей между студенческими научными кружками, центрами и лабораториями внутри вуза; – организовывать мероприятия, направленные на расширение связей между СНО структурных подразделений; – создать единую платформу (интернет-сайт, газета) для обмена актуальной информацией о предстоящих научных мероприятиях, итогах прошедших мероприятий и «историями успеха» победителей студенческих научных конкурсов
– развитие СНО в структурных подразделениях или тематических СНО	– разработать программу организации и примерную программу работы студенческого научного общества структурного подразделения или тематического СНО; – проводить тренинги по созданию и деятельности СНО структурного подразделения или тематического СНО со студенческим активом подразделения
– установление и расширение связей со СНО других вузов	– проводить межвузовские студенческие научные мероприятия, направленные на обмен опытом, реализацию совместных проектов; – участвовать в студенческих научных мероприятиях, проводимых другими вузами, перенимать положительный опыт, участвовать в совместных научных и просветительских проектах

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ОБЩЕУНИВЕРСИТЕТСКОГО
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА: ОПЫТ
ТАМБОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

В июне 2016 г. в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина был создан объединенный Студенческий научный совет, в который вошли представители всех структурных подразделений университета, активно занимающиеся научной и инновационной деятельностью. Зимой 2017 г. на Общеуниверситетском слете студенческих научных объединений представители Студенческого научного совета вышли с предложением о создании в вузе общеуниверситетского СНО. За несколько месяцев своего существования общеуниверситетское СНО и Студенческий научный совет инициировали проведение ряда общеуниверситетских научных мероприятий, направленных на достижение поставленных перед СНО целей, СНО в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

1. *Формирование мотивации студентов заниматься научно-исследовательской и инновационной деятельностью*

Повышение и поддержание мотивации студентов заниматься научно-исследовательской и инновационной деятельностью пронизывает все другие цели деятельности общеуниверситетского СНО и реализуется посредством участия студентов в научных и просветительских мероприятиях. Участие студентов в научных конференциях, семинарах, мастер-классах различного уровня, возможность показать себя и увидеть результаты работы других мотивирует студентов к исследовательской работе. В Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина реализуется системный подход к организации научно-исследовательской работы студентов. В студенческих научных кружках, центрах и лабораториях под руководством научного наставника каждый студент может сделать первые шаги в науке, научиться проводить научное исследование и представлять его результаты. На базе университета ежегодно проводится более ста научных конференций различного уровня, на которых

студенты могут апробировать результаты своей научно-исследовательской работы.

Неделя презентаций студенческих научных кружков, центров и лабораторий – одно из первых научных мероприятий для студентов-первокурсников. Свои двери для них раскрывают 87 научных центров, в каждом из которых любой студент под руководством преподавателя кафедры может начать свои первые шаги в науке. Студентов обучают формулировать тему и определять методы исследования, анализировать научную литературу, проводить исследование и представлять полученные результаты в виде научных статей или выступлений на конференциях. Встречи организуются членами общеуниверситетского СНО. Студенты старших курсов представляют первокурсникам научные кружки и центры, рассказывают о тех возможностях академической мобильности, которые может дать грантовая активность студентов. Хочется отметить, что встречи проводятся в удивительно теплой атмосфере, а студенты-старшекурсники активно и с энтузиазмом подходят к своей просветительской миссии. Это мероприятие было создано в качестве помощи первокурсникам в непростом выборе научного пути.

Особую роль в поддержании мотивации студентов играет их участие в просветительских проектах, одним из которых является Декада профессиональной грамотности. Данный проект был инициирован Студенческим научным советом и ориентирован на школьников 9–11 классов с целью помочь им в выборе будущей профессии. Каждый день Декады посвящается одной из сфер жизнедеятельности человека, в которой современный гражданин должен хорошо разбираться. Программа каждого направления включает в себя несколько раундов творческих мастерских для учащихся средних общеобразовательных школ. В течение Декады державинцы проводят для старшеклассников интерактивные уроки в сфере юриспруденции, национальной безопасности, экономики и финансов, культуры и искусства, журналистики, медицины и психологии. Интерактивные уроки студенты проводят на площадках партнеров Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина – местах будущего трудоустройства выпускников: Избирательной комиссии Тамбовской облас-

ти, Тамбовском отделении Центрально-Черноземного банка ПАО «Сбербанк России», телекомпании «Новый Век», Управлении МВД России по г. Тамбов, Центральной станции скорой медицинской помощи г. Тамбов и др. Проходит Декада раз в семестр и при этом с каждым разом методика проведения становится все более совершенной, а наполняемость каждого дня более интересной, интенсивной и познавательной. За три сезона в Декаде приняло участие в общей сложности более 2500 обучающихся 9–11 классов средних общеобразовательных школ г. Тамбов и области.

Кроме предоставления возможности студентам участвовать в научных и просветительских мероприятиях для выделения и поощрения наиболее активных в научно-исследовательской и инновационной деятельности студентов используется рейтинг. Студенты с наибольшими показателями рейтинга и имеющие солидный научный задел рекомендуются к присуждению всероссийских, областных, городских и университетских стипендий и грантов.

2. Создание дополнительных возможностей для научного становления студентов

С целью создания дополнительных возможностей для научного становления студентов и формирования у них дополнительных компетенций в университете проводятся общеуниверситетские тренинги и семинары. В 2017 г. на базе университета были проведены тренинги по технологии написания научного текста (профессор А.С. Щербак), инновационной деятельности, бизнес-планированию. В 2018 г. общеуниверситетское СНО планирует провести тренинги по мастерству публичной защиты научных работ, основам организации студенческого научного самоуправления, правовым аспектам организации собственного бизнеса. Все тренинги носят «общий» характер и ориентированы на студентов разных направлений подготовки. Тренинги проводятся преимущественно студентами старших курсов и являются своего рода школой лидерства и наставничества, когда более опытные студенты передают опыт студентам младших курсов. Кроме того, методической доминантой при проведении тренингов и семинаров выступает система проблемных интерактивных заданий

[13; 14], позволяющая лучше и быстрее усвоить практико-ориентированные аспекты изучаемых тем.

Кроме проведения тренингов общеуниверситетское СНО выполняет информационную функцию, оповещая студентов об актуальных конкурсах и научных мероприятиях.

3. Создание в вузе единого общеуниверситетского научного пространства

Создание единого общеуниверситетского студенческого научного пространства представляется одним из новых и важных направлений деятельности общеуниверситетского СНО, пронизывающее большую часть мероприятий. В рамках данного направления в вузе реализуется целый комплекс проектов: Внутривузовский слет студенческих научных объединений, просветительский проект «Державинский университет – открытый университет», месяц открытых занятий в студенческих научных кружках и центрах, областная выставка «Студенческая наука – обществу», издание нового периодического научного журнала «Державинский форум». Остановимся подробнее на каждом из них.

Внутривузовский слет студенческих научных объединений выступает одним из крупномасштабных мероприятий, направленным на взаимодействие студентов разных структурных подразделений, обмен опытом и реализацию междисциплинарных научных проектов. Слет проводится на ежегодной основе. Студенты разных структурных подразделений встречаются вместе, отчитываются о проделанной в рамках научных кружков и институтских/факультетских СНО работе, обсуждают перспективы развития студенческой науки в вузе.

Также студенты различных направлений подготовки участвуют в просветительском проекте Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина – «Державинский университет – открытый университет». Целью проекта является познакомить студентов разных направлений подготовки с ведущими учеными университета, руководителями и основоположниками существующих научных школ и направлений, а также с проблематикой их исследований. В 2017 г. участниками проекта выступили такие ученые университета, как д.ф.-м.н., профессор Е.С. Жуковский (математика), д.э.н., профессор В.Д. Мамонтов (экономика), д.ф.н., про-

фессор А.С. Щербак (филология), к.и.н., профессор В.Л. Дьячков (история), к.ф.н., доцент А.В. Прохоров (реклама и связи с общественностью), д.п., профессор П.Дж. Митчелл (лингвистика), к.ю.н., доцент Р.В. Зелепукин (юриспруденция), д.б.н., профессор Г.А. Лада (биология), д.э.н., профессор И.И. Смагин (экономика), д.б.н., профессор А.В. Емельянов (биология и экология). В общей сложности в просветительском проекте приняло участие 800 студентов. В 2018 г. проект планируется продолжить.

Месяц открытых занятий в студенческих научных кружках и центрах – это традиционное мероприятие, которое проводится в университете раз в семестр (ноябрь и март). В рамках месяца все студенческие научные кружки, центры и лаборатории открывают свои двери для студентов вуза. У каждого студента появляется возможность посетить кружок или центр, принять участие в его работе, познакомиться с новой специальностью и особенностями проведения исследовательской работы, встретиться с людьми и обменяться опытом.

Областная выставка «Студенческая наука – обществу» является еще одним проектом общеуниверситетского СНО, на котором студенты разных направлений подготовки представляют уже готовые результаты своей научной и инновационной деятельности, проводимой совместно с учеными университета. Двери выставки открыты как для студентов университета, так и для всех желающих жителей города Тамбов и области. Примерами совместных проектов студентов и преподавателей, которые уже находят практическое применение, могут служить не имеющее аналогов органическое удобрение «Микула», обеспечивающее увеличение скорости первичного компостирования почвы в четыре раза, сбалансированность по составу полезных веществ и микроэлементов, повышение сопротивляемости различным заболеваниям и, как итог, повышение урожайности культурных растений; макет системы контроля объектов, с помощью которой можно организовать работу теплицы и подачу растениям питательной среды, устанавливать подходящую температуру и влажность; совместный проект «Новые технологии эффективного использования беспилотных летательных аппаратов» под маркой “Supercam”

представили ООО «Эко-Держава» и группа компаний «Беспилотные системы»; новые наноматериалы и нанотехнологии. Традиционно выставка и экспонаты вызывают большой интерес у посетителей, и каждый студент может увидеть, чего может реально достичь при усердии и кропотливой работе. Параллельно с выставкой студенты Державинского университета организуют короткие уроки-экскурсии, на которых в интерактивной форме рассказывают школьникам о том, как современные достижения науки используются в повседневной жизни.

«Державинский форум» – новый мультидисциплинарный журнал, целью которого является способствовать формированию единого общеуниверситетского студенческого научного пространства. Журнал помогает студентам познакомиться с научными изысканиями других студентов, аспирантов и молодых ученых. Отличительной особенностью журнала является то, что в его подготовке принимают участие как маститые ученые университета, так и студенты, активно занимающиеся наукой. Для них работа по рецензированию, редактированию и выпуску научной продукции станет школой научного лидерства и профессионального становления.

4. Развитие СНО в структурных подразделениях или тематических СНО

В рамках данного направления предполагается точечная работа со студенческим активом конкретного структурного подразделения или студентами определенного направления подготовки с целью разработки программы организации и примерной программы работы нового СНО. Особое значение для развития новых СНО имеет проведение специальных общеуниверситетских тренингов по методике организации работы студенческого научного самоуправления. Тренинги проводятся для лидеров студенческого актива.

5. Установление и расширение связей со СНО других вузов

В рамках данного направления предполагается проведение и участие студентов в межвузовских студенческих научно-практических мероприятиях, которые могут служить платформой для взаимодействия молодых исследователей между собой. При этом важно, чтобы межвузовские мероприятия любого уровня (областные, всероссийские,

международные) не ограничивались формальным представлением индивидуальных докладов на секциях, а были площадкой для совместной работы студентов в командах над общими проектами. Примером такого мероприятия, направленного на совместное решение поставленных научных проблем, может служить Областной слет студенческих научных объединений. На нем студенты пяти вузов Тамбовской области (ТГУ им. Г.Р. Державина, ТГТУ, МичГАУ, РАНХиГС и РосНОУ) встретятся вместе для совместной работы в смешанных командах по решению кейсов в рамках пяти форсайт-сессий по тематике Всероссийского фестиваля науки НАУКА 0+ «Индустрия 4.0 BigData» («Экономическое развитие региона в глобальной информационной среде», «Правовая компетенция и информационная безопасность в условиях информатизации и глобализации», «Цифровые технологии в социальной среде», «Изучение новых материалов в наномасштабе: электронная микроскопия, рамановская спектроскопия, дифрактометрия», «Медицина будущего: использование BigData для определения курса лечения»).

На Слете у студентов будет возможность встретиться с экспертами по проблематике форсайт-сессий для установления профессиональных контактов. В перспективе установление связей с представителями СНО других вузов может способствовать развитию связей между СНО разных вузов для последующего участия студентов в общих межвузовских проектах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был представлен опыт Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в развитии деятельности общеуниверситетского СНО. В ней были определены основные цели деятельности СНО: 1) повышение и поддержание мотивации студентов заниматься научно-исследовательской и инновационной деятельностью; 2) создание дополнительных возможностей для научного становления студентов; 3) создание в вузе единого общеуниверситетского научного пространства; 4) развитие СНО в структурных подразделениях или тематических СНО; 5) установление и расширение связей со СНО других вузов. Были приведе-

ны примеры мероприятий, направленных на достижение каждой из обозначенных целей деятельности общеуниверситетского СНО.

Список литературы

1. *Стромов В.Ю., Сысоев П.В.* Модель организации научно-исследовательской деятельности студентов в вузе // Высшее образование в России. 2017. № 10 (218). С. 75-82.
2. *Стромов В.Ю., Сысоев П.В.* Основные векторы развития студенческой науки в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 5 (169). С. 7-17. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-7-17
3. *Стромов В.Ю., Завьялов В.В.* Роль общеуниверситетского студенческого научного журнала в формировании общеуниверситетского студенческого научного пространства: на примере периодического издания «Державинский форум» // Державинский форум. 2017. № 3. С. 9-12.
4. *Завьялов В.В.* Теоретические аспекты развития общеуниверситетского студенческого научного общества // Державинский форум. 2017. № 3. С. 104-114.
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О развитии студенческого самоуправления в Российской Федерации: письмо Министра образования РФ от 14.07.2003 г. № 15-51-68/15-01-15. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Примчук Н.В.* Студенческое научное общество как институт продвижения результатов научно-исследовательской деятельности // Человек и образование. 2010. № 1. С. 92-96.
8. *Баранов А.А., Малащенко В.Н., Мурашова Н.А.* Студенческое научное общество: прошлое, настоящее, перспективы // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 95-100.
9. *Дивненко З.А., Юдина Е.С.* Студенческое научное общество как форма организации процесса формирования профессиональных компетенций молодежи // Университетское образование (МКУО-2015): сб. ст. 19 Междунар. науч.-метод. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2015. С. 230-231.
10. *Черватюк А.П.* Научное студенческое общество на музыкально-педагогическом факультете // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 145-147.

11. Изимбергенов Н.И. Роль студенческих научных обществ в подготовке будущих врачей // Медицинский журнал Западного Казахстана. 2011. № 2 (30). С. 98-102.
12. Янутш О.А. Студенческое научное общество и научно-исследовательская деятельность студентов: точки расхождения и соприкосновения // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 6. С. 53-55.
13. Махматов М.И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М., 1975.
14. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М., 1981.

References

1. Stromov V.Y., Sysoyev P.V. Model' organizatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov v vuze [Model of organization of students' scientific and research activity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2017, no. 10 (218), pp. 75-82. (In Russian).
2. Stromov V.Y., Sysoyev P.V. Osnovnye vektory razvitiya studencheskoy nauki v Tambovskom gosudarstvennom universitete im. G.R. Derzhavina na sovremennom etape [Main vectors of organization of students scientific and research activity at Tambov State University named after G.R. Derzhavin]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 5 (169), pp. 7-17. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-7-17. (In Russian).
3. Stromov V.Y., Zavyalov V.V. Rol' obshcheuniversitetskogo studencheskogo nauchnogo zhurnala v formirovani obshcheuniversitetskogo studencheskogo nauchnogo prostranstva: na primere periodicheskogo izdaniya «Derzhavinskiy forum» [Role of the university students' scientific journal in the formation of a university-wide student scientific environment: based on the periodical "Derzhavin Forum"]. *Derzhavinskiy forum – Derzhavin Forum*, 2017, no. 3, pp. 9-12. (In Russian).
4. Zavyalov V.V. Teoreticheskie aspekty razvitiya obshcheuniversitetskogo studencheskogo nauchnogo obshchestva [Theoretical aspects of development of university-wide students' scientific society]. *Derzhavinskiy forum – Derzhavin Forum*, 2017, no. 3, pp. 104-114. (In Russian).
5. Federal Law no. 273-FZ of December 29, 2012, *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii* [About education in the Russian Federation]. (In Russian). Available at: www.consultant.ru
6. Letter of the Minister of Education of the Russian Federation no. 15-51-68/15-01-15 of July 14, 2003, *O razvitii studencheskogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [About development of students' autonomy in the Russian Federation]. (In Russian). Available at: www.consultant.ru.
7. Primchuk N.V. Studencheskoe nauchnoe obshchestvo kak institut prodvizheniya rezul'tatov nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti [Students scientific society as an institution of promoting the research work results]. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*, 2010, no. 1, pp. 92-96. (In Russian).
8. Baranov A.A., Malashenko V.N., Murashova N.A. Studencheskoe nauchnoe obshchestvo: proshloe, nastoyashchee, perspektivy [Student's scientific society: last, present, perspectives]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2010, no. 2, pp. 95-100. (In Russian).
9. Divnenko Z.A., Yudina E.S. Studencheskoe nauchnoe obshchestvo kak forma organizatsii protsessa formirovaniya professional'nykh kompetentsiy molodezhi [Students' scientific society as a form of organisation the process of professional competence of youth formation]. *Sbornik statey 19 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne «Universitetskoe obrazovanie (MKUO–2015)»* [Proceedings of 19th International Scientific and Methodical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Victory in The Great Patriotic War "University Education (ICUE–2015)"]. Moscow, 2015, pp. 230-231. (In Russian).
10. Chervatyuk A.P. Nauchnoe studencheskoe obshchestvo na muzykal'no-pedagogicheskom fakul'tete [Student's and postgraduate's scientific activity on musical and pedagogical faculty]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2009, no. 9, pp. 145-147. (In Russian).
11. Izimbergenov N.I. Rol' studencheskikh nauchnykh obshchestv v podgotovke budushchikh vrachey [Role of student's scientific societies in the preparation of future doctors]. *Meditsinskiy zhurnal Zapadnogo Kazakhstana – Medical Journal of West Kazakhstan*, 2011, no. 2 (30), pp. 98-102. (In Russian).
12. Yanutsh O.A. Studencheskoe nauchnoe obshchestvo i nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' studentov: tochi raskhozhdeniya i soprikosnoveniya [Student scientific society and scientific-research activity of students: points of difference and coincidence]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of the Herzen University], 2011, no. 6, pp. 53-55. (In Russian).
13. Makhmutov M.I. *Problemnnoe obuchenie. Osnovnye voprosy teorii* [Problematic Education. Main Issues of Theory]. Moscow, 1975. (In Russian).

14. Lerner I.Y. *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya* [Didactical Basics of Methods of Education]. Moscow, 1981. (In Russian).

Accepted for press 24 September 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

Принята в печать 24.09.2017 г.

UDC 378.184

MODERN TRENDS IN THE ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY STUDENTS' SCIENTIFIC SOCIETY: THE EXPERIENCE OF TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN

Vladimir Yurevich STROMOV

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Rector

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: vladimir_stromov@mail.ru

Pavel Viktorovich SYSOYEV

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Students and Scholars' Research Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: psysoyev@yandex.ru

Vladimir Vladimirovich ZAVYALOV

President of Students' Scientific Council, Specialist of Students and Scholars' Research Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: zavtmb@mail.ru

The goals and objectives of the activities of the University-wide student scientific society (SSS), as well as the description of the experience of Tambov State University named after G.R. Derzhavin in the development of student government in the scientific and research field are defined. Under the student scientific society we understand the voluntary and open association of students engaged in research and innovation activities. The union of students in the SSS can take place according to a number of factors: from the thematic focus of research to the belonging of students to a specific structural subdivision of the university. The organization of the SSS is carried out independently by members of the students' scientific asset. The activities of SSS are aimed at enhancing the opportunities for students to participate in research and innovation activities, popularizing science and its role in the student environment, establishing and supporting links with the SSS of other schools, but not replacing traditional research and research work in the curriculum. The authors sing out the following goals as the goals of the activity of the University of the SSS are signed out: 1) increasing and maintaining the motivation of students to engage in research and innovation activities; 2) creation of additional opportunities for the scientific formation of students; 3) the creation in the university of a single university-wide scientific space; 4) development of student scientific societies in structural divisions or thematic SSS; 5) establishment and expansion of ties with student scientific societies of other universities. The achievement of each of the designated goals of the activities of the university-wide SSS with concrete examples of activities illustrated.

Keywords: students' research work; Tambov State University named after G.R. Derzhavin; students' research activity; students' scientific society; innovative activity

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-7-16

Для цитирования: Стромов В.Ю., Сысоев П.В., Завьялов В.В. Современные направления деятельности общеуниверситетского студенческого научного общества: опыт Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 7-16. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-7-16.

For citation: Stromov V.Y., Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. *Sovremennye napravleniya deyatel'nosti obshcheuniversitetskogo studencheskogo nauchnogo obshchestva: opyt Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina* [Modern trends in the activities of the university students' scientific society: the experience of Tambov State University named after G.R. Derzhavin]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 7-16. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-7-16. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 378+371.4

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ: ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ¹

© **Игорь Алексеевич ШАРШОВ**

доктор педагогических наук, профессор, начальник управления
фундаментальной и прикладной науки
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: silans@mail.ru

© **Людмила Николаевна МАКАРОВА**

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики
и образовательных технологий
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: mako20@inbox.ru

© **Ирина Николаевна БОРЗЫХ**

кандидат педагогических наук, заместитель главы администрации
Администрация Тамбовского района Тамбовской области
392001, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Гагарина, 141в
E-mail: bin@r00.tambov.gov.ru

Подробно проанализированы формы и методы организации студенческого самоуправления, способствующие профессиональному воспитанию студентов. Предложена трактовка студенческого самоуправления как социального института, обладающего значительным воспитательным потенциалом, реализующего особую форму управления, которая предполагает активное участие студентов в подготовке и реализации управленческих решений, касающихся как жизнедеятельности вуза, так и будущей профессиональной деятельности; приобретение и развитие профессионально-личностных качеств; активное включение в профессиональное сообщество и оказание студентам содействия в конструировании профессиональной биографии. Выявлены специфические возможности следующих форм и методов: экскурсии-наблюдения, тренинги, беседы-дискуссии, анализ конкретных ситуаций (решение профессиональных задач), использование примера (государственных служащих), самостоятельное выполнение поставленных задач. Обоснована критериальная база, необходимая для оценивания уровня профессиональной воспитанности студентов. Организационно-деятельностный критерий раскрывается через качества-показатели: умение работать с документацией, планирование и организация работы, контроль и самоконтроль, стратегическое мышление. Социально-коммуникативный критерий содержит следующие качества-показатели: общительность, коммуникативный контроль, деловая коммуникация, ситуативное моделирование общения. Качествами-показателями ценностного критерия выступают: патриотические ценности, этические правила, традиции коллектива, корпоративная культура органов госслужбы.

Ключевые слова: профессиональное воспитание; студенческое самоуправление; вуз; технология; воспитательная деятельность; критерии и показатели профессиональной воспитанности

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-17-26

В силу сложившихся исторических особенностей российское образование выступало и выступает в настоящее время не только как «фактор воспроизводства кадров», но как фундамент их профессионального воспитания, которое рассматривается нами как сознательно организованный процесс, в котором студент выступает субъектом собственного развития, самопознания, самовоспитания и самореализации. Именно в профессиональ-

ном воспитании осуществляется активное присвоение личностью духовно-нравственных личностных и профессиональных ценностей, аккумулированных в культуре, истории, литературе.

Принятый в 2016 г. Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования [1] акцентирует внимание на возвращение вопросов воспитания в круг государственных приоритетов, подчеркивает актуальность целенаправленного воспитания студентов в из-

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (ОГОН), проект № 15-36-01032.

менившихся социально-экономических условиях. Только через воспитание на демократических началах с учетом потребностей, интересов и способностей личности воспитуемого можно создать социальную базу гражданского общества, обеспечить реализацию демократических свобод.

Студенческое самоуправление (ССУ) в условиях высших образовательных учреждений как социальный институт обладает значительным воспитательным потенциалом, реализуя особую форму управления, которая предполагает активное участие студентов в подготовке, принятии и реализации управленческих решений, касающихся как жизнедеятельности высшего учебного заведения, так и будущей профессиональной деятельности; приобретение и развитие профессионально-личностных качеств; активное включение в профессиональное сообщество и оказание студентам содействия в конструировании профессиональной биографии [2].

Разрабатываемая нами технология профессионального воспитания студентов (на примере будущих государственных служащих) в ходе организации студенческого самоуправления в вузе ставит своей целью создание условий для развития у будущих специалистов потребности в профессионально-личностных качествах, повышения их уровня теоретико-технологической подготовки к профессиональной деятельности, а также для реализации творческой активности при выполнении своей будущей профессиональной деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо использовать различные виды внеучебной деятельности: как фронтальные занятия (практикумы), так и групповые и индивидуальные формы работы с привлечением нестандартных, игровых элементов (имитационные упражнения, анализ конкретных ситуаций, ролевые, деловые игры, создание социально-значимых проектов и т. д.). Определяющими факторами выбора форм работы является разнообразие используемых педагогических средств и увеличение доли инновационных проектов. Последнее способствует тому, что процесс формирования профессиональных качеств даст более значимый результат, будет инициировать активность студентов, коррелируя с условием поискового, развивающего воспитания. Кроме того, явля-

ясь составной частью воспитания личности в целом, профессиональное воспитание будет стимулировать развитие способности видеть и анализировать проблемы, формировать готовность учащихся к самостоятельному поиску решения профессиональных и личностных задач, к нестандартному видению предметов и явлений, к творческому преобразованию действительности [3].

Специально организованный Студенческий совет самоуправления вуза, которому делегируются соответствующие полномочия, проводит работу по активизации остальных студентов, развитию их мотивации к ССУ [4]. Он использует различные методы и приемы развития мотивации студентов: административные методы (дисциплина, чувство долга, стремление студента трудиться в группе, вузе, городе, области и т. д.); социально-психологические методы (формирование коллектива, личный пример, удовлетворение культурных и духовных потребностей, установление социальных норм поведения и социальное стимулирование коллектива, социальная защита студентов, вознаграждение за результаты деятельности, например, объявление благодарностей, вручение почетных грамот, фотография на доске почета, вручение дипломов, публикации о студентах, участвующих в ССУ в местной общественно-политической газете и др.).

Рассмотрим ряд основных форм и методов работы студенческого самоуправления, предложенных нами для наполнения технологии профессионального воспитания студентов в контексте ССУ: экскурсии-наблюдения, тренинги, беседы-дискуссии, анализ конкретных ситуаций (решение профессиональных задач), использование примера (государственных служащих), самостоятельное выполнение поставленных задач, консультации.

Экскурсии-наблюдения заключаются в том, что студенты наблюдают (изучают, учатся) за тем, как специалисты государственной службы работают с поступающими документами, как планируют и организуют свою деятельность, осуществляют контроль и самоконтроль, общаются, проявляют коммуникативный контроль, патриотические ценности, этические правила, как формируются традиции коллектива. Такое наблюдение мы проводили со студентами в структурных подразделениях вуза (отделе кадров,

учебном отделе, воспитательном, на кафедрах), в администрации г. Тамбов и области, в областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, общественных организациях и др. Кроме того, студенты знакомились с планами работы организации, с документами, регламентирующими контроль за деятельностью. Во время экскурсий студенты видели особенности профессионального общения, изучали примеры деловой коммуникации.

Полезно также использовать и «внешние» экскурсии по городам России, где студенты учатся решать проблемы своего города не только в своем вузе, но и находясь за пределами города, области. Будущие государственные служащие учатся готовить документы для поездок, планировать свои маршруты, общаться между собой и с другими делегациями, тем самым развивая необходимые профессионально-личностные качества.

Тренинги необходимо использовать на протяжении всего срока обучения студентов в вузе, их участия в ССУ. Начиная от тренинга установления контактов и определения актива ССУ, тренингов общения, где студенты учатся открыто высказывать свои мысли, отстаивать свои позиции, задавать вопросы, характеризующие способность видеть и решать проблему до профессионально-ориентированных игр с разными функциональными ролями [5]. Важно уделять внимание тренингам, посвященным планированию и организации деятельности, организации контроля и самоконтроля с использованием метода «мозгового штурма». Он полезен тем, что развивает способность к самоорганизации, самоуправлению, умению работать в коллективе и др. «Мозговой штурм» призван высвободить творческую энергию студентов-участников ССУ, сдерживаемую в обычных условиях.

Беседы-дискуссии призваны активизировать процессы понимания того, чем предстоит заниматься студентам в ССУ с целью своего профессионального воспитания как будущего государственного служащего. При всем богатстве и разнообразии содержания беседы имеют своим основным назначением привлечение самих студентов к оценке событий, поступков, явлений общественной жизни и на этой основе формирование у них адекватного отношения к окружающей действи-

тельности, к своим гражданским, нравственным и профессиональным обязанностям [6]. Убеждающий смысл обсуждаемых в ходе беседы проблем будет значительно выше, если он находит опору в личном опыте студента, в его делах и поступках. В основу бесед кладутся факты, раскрывающие социальное, нравственное или этическое содержание сторон общественной жизни («Личности в государственной службе», «Место и роль России в мировом историческом пространстве», «Политико-правовые ценности как компонент патриотических ценностей», «Знания без нравственности ничего не значат» и др.). В качестве таких фактов нередко выступала деятельность известных государственных деятелей.

Анализ конкретных ситуаций используется активом ССУ для стимулирования познавательной активности студентов во внеучебной деятельности. Анализируя предложенную конкретную ситуацию, будущие специалисты государственной службы должны определить: есть ли в ней проблема, в чем она состоит, сформулировать свое отношение к ней, предложить алгоритм выхода из сложившихся условий. Коллективное обсуждение вариантов решения одной и той же ситуации существенно углубляет опыт студентов: каждый из них имеет возможность ознакомиться с вариантами решения, предложенными другими, проанализировать множество оценок и дополнений. Для примера студентам могут быть предложены следующие ситуации-проблемы: приглашение принять участие в массовых мероприятиях (посвященных Великой Победе, в научной конференции, в «Кроссе нации», субботнике и т. д.); анализ организованного мероприятия (праздника Посвящение в студенты, встречи с ветеранами ВОВ, Международного дня студента, Студенческой весны, конкурса на лучшую студенческую группу и др.); анализ планов работы студенческих советов других учебных заведений; выявление достоинств и недостатков контроля и самоконтроля организаций; анализ традиций различных коллективов – структурных подразделений администрации Тамбовской области и т. д.

Использование примера государственного служащего. Студенты являются частыми гостями администрации г. Тамбов и Тамбовской области, где будущие государст-

венные служащие наблюдают, как проявляются профессионально-личностные качества у уже состоявшихся государственных служащих, участвуя во встречах, «круглых столах», торжественных церемониях. Формирующееся сознание студента постоянно ищет опору в реально действующих, конкретных образцах, какими являются представители власти области, олицетворяющие усваиваемые ими идеи и идеалы. Но подражание не предполагает слепое копирование: оно формирует у студентов действия нового типа, как совпадающие в общих чертах с идеалом, так и оригинальные, сходные по ведущей идее примера. Путем подражания у молодого человека формируются социально-нравственные цели личностного поведения, общественно сложившиеся способы деятельности. В студенческие годы подражание становится более сознательным и критичным.

Самостоятельное выполнение задач будущими государственными служащими предполагает проявление сформированных организационно-деятельностных, социально-коммуникативных качеств и традиций государственной службы. На этом этапе студенты самостоятельно разрабатывают Положение о студенческом самоуправлении, проводят подготовку собрания группы, конференции вуза, выборов председателей комиссий ССУ, председателя студенческого совета. Они составляют планы работы групп, студенческого совета, работают с документацией, осуществляют контроль за исполнением плана и т. д. Календарный план студенческого совета, составленный участниками ССУ, предполагает максимальное вовлечение студентов в профессиональное воспитание.

Но реализация плана невозможна без эффективного общения: участникам ССУ приходится общаться как на уровне группы, так и на уровне вуза, города, области, ЦФО, РФ. Студенты, владеющие коммуникативным контролем и деловой коммуникацией, быстрее выходят на более высокие уровни: они избираются на должность председателей комиссий ССУ и решают другие задачи. Например, ответственные за социально-педагогическую деятельность в студенческих группах решают, кто из группы примет участие в разработке проекта (уровень группы). Председатель Социально-педагогической комиссии ССУ вуза принимает заявки, проводит

организацию конкурсного отбора проектов, докладывает решение Конкурсной комиссии на заседании студенческого совета (уровень ССУ); выступает на организационном совещании администрации вуза (уровень вуза) и отправляется с конкурсантом в командировку на конкурс, где представляет вуз, город и область, поддерживая своим выступлением конкурсанта (уровень ЦФО).

Особо важным для органов ССУ является их участие в разработке и реализации социально-значимых проектов. Участвуя в проектах, студенты учатся изучать общественное мнение, формулировать актуальность социальной проблемы, изучать возможности социальной группы, определять цели и задачи, составлять план и график, распределять обязанности, выявлять ресурсы и источники их получения, составлять бюджет, разрабатывать системы оценок проекта, организовывать обучение членов команды, формировать общественное мнение, составлять предложения по проекту, находить деловых партнеров, проводить официальные переговоры, получать необходимые ресурсы, проводить плановые мероприятия, оценивать и контролировать выполнение плана, вносить корректировку по ходу реализации проекта, анализировать результаты работы над проектом, информировать общественность.

Основной задачей педагогов в процессе профессионального воспитания студентов в ходе ССУ является не только организация самостоятельной деятельности, но и превращение ее в самоуправляемую структуру. Педагоги, передавая организационные полномочия активу ССУ, выступают при этом в роли консультантов, партнеров, тьюторов, экспертов.

Структурное и содержательное единство разработанной технологии, которое реализуется посредством гибкого использования разнообразных форм и методов совместной деятельности студентов и преподавателей, обеспечивается целостностью и взаимосвязью критериев и показателей сформированности уровня профессионального воспитания студентов. Критерий – образец, эталон, выражающий определенный уровень изучаемого явления, сравнивая реальные явления с которым можно установить степень их соответствия, приближения к норме. С помощью критериев устанавливаются связи между всеми компонентами исследуемой системы.

Но для этого, по утверждению Н.И. Монахова, критерий должен быть достаточно развернутым, включающим в себя определенные компоненты, некие единицы измерения, позволяющие сопоставлять действительность с нормой. Развернутый критерий характеризуется совокупностью основных признаков: показателей, которые дают возможность судить о большей или меньшей выраженности соответствующего критерия и отражают динамику измеряемого параметра во времени и пространстве [7].

Данную задачу наглядно позволяет решить разработанная нами пространственная математическая модель профессиональной воспитанности личности в контексте студенческого самоуправления на основе системно-квалиметрического и полилатерального подходов. Точка в пространстве отражает состояние профессионально-личностных качеств и способностей в данный момент и определяется степенью выраженности ключевых показателей, то есть характеризует профессиональную воспитанность студента.

Исходя из вышеизложенного и учитывая специфику исследуемого объекта, критерии оценки уровней профессионального воспитания студентов должны удовлетворять следующим признакам: объективность суждения; достаточность для корректного фиксирования; качественная определенность профессионально-личностных качеств; однозначность оценки исследуемого признака; универсальность, принимая во внимание многообразие видов профессиональной деятельности и особенности организации ССУ в вузе.

Разрабатывая пространственную структурную модель профессиональной воспитанности студентов (на примере будущих государственных служащих) в контексте ССУ, мы, в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и учетом изложенных требований, определили следующие базовые направления модели: **организационно-деятельностные качества, социально-коммуникативные качества и ценностные качества профессионального сообщества.** Данные направления будут выполнять роль критериев оценивания, если, как отмечалось выше, мы наполним их качественно измеряемыми показателями.

Организационно-деятельностный критерий раскрывается через следующие каче-

ства-показатели: *умение работать с документацией, планирование и организация работы, контроль и самоконтроль; высшая стадия развития – стратегическое мышление.* Отметим, что в пространстве профессионально-личностных качеств и способностей будущих государственных служащих некоторые показатели сформулированы как процессы (для краткости обозначения показателей). В этом случае мы подразумеваем соответствующие качества или способности студентов. Например, мы имеем в виду не сам процесс планирования и организации работы, а способность студентов к планированию и организации и т. п.

Исходя из того, что удельный вес затрат рабочего времени менеджеров на обработку деловой корреспонденции, как показали исследования, составляет от 5 до 10 %, необходимо в ССУ создать условия для формирования умений работать с документацией. Студент научится работать с поступающими документами, оценивать возникшую ситуацию, принимать решения, оформлять резолюции. Обязательными требованиями при этом являются: адресность, четкость формулировки содержания управленческих действий, указание возможных путей решения, согласованность с другими ранее принятыми решениями [8].

Специфичность управленческой деятельности заключается в том, что ее предметом и объектом являются субъекты. Тем важнее для управленческой деятельности наличие способности к планированию и организации – два важнейших качества, обеспечивающих основу для всех управленческих функций. Сущность планирования состоит в том, что оно позволяет оптимальным образом согласовывать индивидуальные усилия членов организации и ее подразделений для достижения общих целей. Все это обуславливает и комплексный характер тех требований, которые она предъявляет к профессионально-личностным качествам руководителя. В ходе реализации студенческого самоуправления у учащихся формируется способность организовывать свою деятельность, что позволяет создать разделение основных видов работы и развивает умение координировать их. Ключевую роль в организации играют процессы делегирования – передача задач и полномочий лицу, которое

принимает на себя ответственность за их выполнение [9].

В то же время, планируя и организуя деятельность, необходимо контролировать процесс достижения целей. Под контролем понимается не стремление уличить кого-то в неверных действиях, а своевременная помощь. Такой контроль помогает выполнить общую управленческую задачу. Осуществление функции контроля – это постоянное сравнение того, что есть, с тем, что должно быть. Но контролировать может только тот, кто знает, что в действительности должно быть, и своевременно делает это достоянием других. Объектами контроля являются: достигнутые результаты, персонал, эффективность мероприятий, содержащихся в плане организации, наконец, собственная деятельность (самоконтроль). Контроль и самоконтроль – это те способности, которые формируются в процессе участия в ССУ, обеспечивают достижение целей, определяют, какие действия нужно предпринимать в конкретной ситуации, предполагая при этом предварительный, текущий и заключительный этапы [10].

Высшим уровнем развития организационно-деятельностных качеств будущего государственного служащего мы считаем стратегическое мышление. Предыдущие ступени-качества: умение работать с документацией, планирование и организация, контроль и самоконтроль – ориентированы на выполнение стратегических планов управления и самоуправления. Стратегическое мышление расширяет границы познания, позволяя опосредованно – умозаключением – раскрыть ту стратегию, которая будет направлена на достижение ключевых целей организации. Стратегическое мышление – это процесс познавательной деятельности, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности, отношений, связей между предметами с учетом поставленных целей; тем самым стратегическое мышление включает в себя предыдущие стадии в качестве инструментария.

Мы разделяем мнение М.А. Лариной, А.В. Репринцева, А.А. Харченко, рассматривающих наличие социально-коммуникативных качеств как необходимого условия профессий типа «Человек–Человек», учитывая, что государственный служащий – представитель этого типа профессии. В связи с этим

социально-коммуникативный критерий раскрывается через следующие качества-показатели: *общительность, коммуникативный контроль, деловая коммуникация; высшая стадия развития – ситуативное моделирование общения.*

Общительность – это самостоятельная специфическая форма активности государственного служащего, при которой в процессе взаимодействия реализуется общая деятельность, происходит обмен способами и результатами, идеями, установками, интересами и т. п. Ее результат – не преобразованный предмет, а отношения с другим человеком, другими людьми; именно это качество позволяет человеку привлекать к себе внимание, создавая благоприятный психологический климат.

Общительность в управлении предполагает коммуникативный контроль, который должен быть эффективным, способствующим достижению целей. Коммуникативный контроль предполагает стремление контролировать, управлять ситуацией и поведением других, что обычно сочетается с желанием доминировать во взаимодействии, избегая конфликтов. Стратегия коммуникативного контроля заключается в стремлении заставить партнера принять свой план взаимодействия, адаптироваться к партнеру, стремясь к позициям «вертикального и горизонтального взаимодействия» [11].

Следует подчеркнуть, что усиление взаимозависимости людей в современном обществе требует более сложного социального, политического и экономического взаимодействия между ними с помощью новых способов деловой коммуникации. Современный государственный служащий – это профессионально воспитанный специалист, сочетающий эрудицию со знанием конкретной области деятельности, владеющий деловой коммуникацией. Он обладает определенным уровнем профессионального опыта взаимодействия с окружающей средой, который требуется для того, чтобы в рамках своего статуса успешно функционировать в профессиональной сфере и обществе.

Высшим уровнем развития социально-коммуникативных качеств мы определяем ситуативное моделирование общения. Оно обозначает не только привычные, устойчивые способы поведения, присущие будущему

государственному служащему, но и возможности творчески менять модели общения в зависимости от ситуации и субъектов взаимодействия. Понимание собственного стиля общения и умение распознавать стиль партнера – важная характеристика социально-коммуникативного критерия [12]. Каждой стратегии сопутствует определенная основная ориентация в отношениях с другими людьми: ориентация на людей, ориентация от людей, ориентация против людей. Будущий государственный служащий должен учитывать возможности взаимодействия не только со своим коллективом, но и с внешними субъектами: клиентами, коллегами и т. п. Для государственного служащего важно сформировать такой стиль делового общения, где существует отношение к другому человеку, как к ценности, учитывая его индивидуальные особенности. Важно уметь моделировать общение в зависимости от конкретной ситуации, что возможно в рамках специально организованного ССУ.

Третье направление пространственной модели – *ценностные качества профессионального сообщества* – представляет собой важнейший компонент структуры личности. Данные качества аккумулируют весь жизненный опыт субъекта, накопленный в процессе личностного и профессионального развития. Качествами-показателями данного критерия выступают: *патриотические ценности, этические правила, традиции коллектива; высшая стадия развития – корпоративная культура органов госслужбы.*

Будущий государственный служащий обязан быть патриотом своей страны. Патриотизм как качество личности проявляется в любви к своему отечеству, преданности, готовности служить ему. С содержательной точки зрения патриотические качества формируются в процессе профессионального воспитания в условиях ССУ путем включения студентов в активный сознательный труд на благо своей страны. Это особенно важно сегодня, когда российская молодежь и студенчество, в частности, переживает кризис ценностей [13].

Разделяя точку зрения В.В. Черепанова [14], в качестве второго показателя мы рассматриваем этические правила профессионального сообщества, вытекающие из общечеловеческих норм морали и нравственности.

Будущие государственные служащие призваны быть честными и справедливыми. Кроме того, без точной правдивой информации невозможно принимать адекватные управленческие решения, верно анализировать ситуацию. Для будущего государственного служащего недопустимы самоуверенность, нетерпимость и хамство, государственный служащий на службе и в быту должен быть тактичен, уважителен, деликатен. Специфичными правилами профессиональной этики являются субординация, доступность, паритетность. Данные социологических опросов показывают, что, к сожалению, в сфере государственно-служебных отношений существуют серьезные нарушения этических правил. Один из путей решения проблемы – профессиональное воспитание в вузе будущих государственных служащих с помощью предлагаемой технологии организации ССУ.

К числу базисных ценностей любого профессионального сообщества относятся традиции. Традиции коллектива – это способ накопления жизненно важного общественно значимого опыта. Они проявляются в порядке, стабильности, согласовании усилий и подражании. Каждый член коллектива точно знает свое положение среди прочих. В результате коллектив решает совместные задачи, достигает совместных целей, реализует свои планы, в конечном итоге, действия каждого при этом оказываются более эффективными.

В качестве высшего уровня данного критерия мы рассматриваем корпоративную культуру государственных служащих. Для нас важно, что с середины 1960-х гг. культура рассматривается в русле аксиологического подхода (А.И. Арнольдов, И.А. Громова, Ю.И. Ефимова и др.). Тем самым выделение корпоративной культуры как ценностного качества профессионального сообщества, сообщества государственных служащих, по мнению Н.Б. Крыловой, можно охарактеризовать как «выражение зрелости и развитости всей системы социально-значимых качеств сообщества» [15].

Государственная служба как любая социальная группа имеет свои правила поведения, роли, ритуалы, ценности. Корпоративная культура госслужбы аналогична личностной характеристике человека: это некий нематериальный, но всегда присутствующий образ, который придает значение, направле-

ние и основу ее жизнедеятельности. Это разделяемые всеми ценности, представления, ожидания, нормы, приобретенные по мере вхождения в компанию и за время работы в ней [16].

Подобно тому, как характер влияет на поведение человека, корпоративная культура госслужбы влияет на поведение, мнения и действия людей, определяет, как служащие подходят к решению проблем, обслуживают граждан, ведут дела и как они в целом осуществляют свою деятельность сейчас и в будущем. Корпоративная культура определяет место государственной службы в окружающем мире, олицетворяя собой те неписанные законы, нормы и правила, которые объединяют членов организации и связывают их вместе. Данному виду культуры предстоит сыграть конструктивно-интегрирующую роль в формировании ценностных механизмов социальной организации и самоорганизации, что позволяет нам рассматривать ее в качестве высшего диалектического уровня развития ценностных качеств профессионального сообщества, интегрирующего в себе предыдущие стадии-ценности.

Следует отметить, что профессиональное воспитание будет малоэффективным без обеспечения мотивации, под которой понимается система побудительных сил, способствующих выполнению определенной задачи. Мотивация выполняет смыслообразующую функцию, создавая у исполнителей внутреннее психологическое побуждение к деятельности; она является необходимым условием, основой для эффективности процесса профессионального воспитания в условиях ССУ, то есть важнейшим элементом технологии профессионального воспитания студентов в системе ССУ.

Разработанный критериальный аппарат профессиональной воспитанности студентов в контексте ССУ позволяет выявить и охарактеризовать уровни профессиональной воспитанности студентов: низкий, средний и высокий.

Низкий уровень характеризуется слабой степенью сформированности большинства показателей профессиональной воспитанности. Важность профессионального воспитания студентами не осознается; необходимость самосовершенствования проявляется только в отношении предметной подготовки

и не соотносится с будущей профессией; профессионально-личностные качества зачастую не сформированы, при этом знания по обеспечению профессионального воспитания носят бессистемный, отрывочный характер, и студент не видит необходимости в их восполнении.

Средний уровень профессиональной воспитанности указывает на наличие у студентов отдельных профессионально-личностных качеств, в частности, достаточно хорошую сформированность организационно-деятельностных и социально-коммуникативных качеств. Осознавая важность профессионального воспитания, студенты задумываются о своем поведении в профессиональной деятельности. Однако ценностные качества профессионального сообщества у студентов сформированы явно недостаточно.

Для высокого уровня профессионального воспитания характерна высокая сформированность выделенных профессионально-личностных качеств. Анализируя результаты своей деятельности, будущий специалист исходит из необходимости гармонизации отношений людей, сознательно намечает цель, задачи и способы профессионального совершенствования.

Список литературы

1. Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: http://www.gasu.ru/univer/science/OBP/inf_material/standart.pdf (дата обращения: 15.01.2017).
2. Шаршов И.А., Борzych И.Н. Интегральная модель профессионального воспитания личности в контексте студенческого самоуправления в вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2015. № 2 (26). С. 26-31.
3. Гойхман О.Я. Организация и проведение мероприятий. М., 2008.
4. Калинина З.Н., Образцова Т.А., Поздеева М.А. Студенческий совет. 5 лет: Опыт становления. Тула, 2007.
5. Бороздина Г.В. Психология делового общения. М., 2007.
6. Шайденко Н.А., Калинина З.Н. Создание, функционирование и развитие воспитательной системы педагогического вуза. Тула, 2005.
7. Монахов Н.И. Изучение эффективности воспитания: теория и методика (опыт экспериментального исследования). М., 1981.
8. Дейнека А.В. Управление персоналом. М., 2013.

9. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования. М., 2005.
10. Островский Э.В. Психология управления. М., 2011.
11. Бороздина Г.В. Психология делового общения. М., 2017.
12. Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Взаимодействие субъектов образовательного процесса в вузе как фактор повышения качества высшего образования // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2013. № 1 (21). С. 92-96.
13. Харченко А.А. Основы патриотического воспитания в деятельности кадров государственной и муниципальной службы. Орел, 2002.
14. Черепанов В.В., Иванов В.П. Основы государственной и кадровой политики. М., 2007.
15. Крылова Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста. М., 1990.
16. Прохоров А.В. Корпоративная культура как ценностная основа функционирования современного университета // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2014. № 1 (7). С. 49-69.
7. Monakhov N.I. *Izuchenie effektivnosti vospitaniya: teoriya i metodika (opyt eksperimental'nogo issledovaniya)* [The Study of the Efficiency of Education: Theory and Methods (Experimental Study Experience)]. Moscow, 1981. (In Russian).
8. Deyneka A.V. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow, 2013. (In Russian).
9. Smirnov S.D. *Pedagogika i psikhologiya vysshego obrazovaniya* [Pedagogy and Psychology of Higher Education]. Moscow, 2005. (In Russian).
10. Ostrovskiy E.V. *Psikhologiya upravleniya* [Management Psychology]. Moscow, 2011. (In Russian).
11. Borozdina G.V. *Psikhologiya delovogo obshcheniya* [Business Communication Psychology]. Moscow, 2017. (In Russian).
12. Sharshov I.A., Makarova L.N. *Vzaimodeystvie sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa v vuze kak faktor povysheniya kachestva vysshego obrazovaniya* [The interaction of subjects of educational process in higher educational institution as a factor of increase of higher education quality]. *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2013, no. 1 (21), pp. 92-96. (In Russian).
13. Kharchenko A.A. *Osnovy patrioticheskogo vospitaniya v deyatel'nosti kadrov gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby* [The Fundamentals of Patriotic Education in the Activity of State and Municipal Service Units]. Orel, 2002. (In Russian).
14. Cherepanov V.V., Ivanov V.P. *Osnovy gosudarstvennoy i kadrovoy politiki* [State and Personnel Policy Fundamentals]. Moscow, 2007. (In Russian).
15. Krylova N.B. *Formirovanie kul'tury budushchego spetsialista* [Formation of Future Specialist's Culture]. Moscow, 1990. (In Russian).
16. Prokhorov A.V. *Korporativnaya kul'tura kak tsennostnaya osnova funktsionirovaniya sovremennogo universiteta. Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* [Corporate Culture as Value Basis of Modern University Functioning. Almanac of Theoretical and Applied Researches of Advertising]. 2014, no. 1 (7), pp. 49-69. (In Russian).

References

1. *Standart organizatsii vospitatel'noy deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya* [Standard of educational activity organization of educational organizations of higher education]. (In Russian). Available at: http://www.gasu.ru/univer/science/OBP/inf_material/standart.pdf (accessed 15.01.2017).
2. Sharshov I.A., Borzykh I.N. Integral'naya model' professional'nogo vospitaniya lichnosti v kontekste studencheskogo samoupravleniya v vuze [Integral model of professional education of personality in the context of students' self-government in higher educational institution]. *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2015, no. 2 (26), pp. 26-31. (In Russian).
3. Goykhman O.Y. *Organizatsiya i provedenie meropriyatiy* [Organization and Running Events]. Moscow, 2008. (In Russian).
4. Kalinina Z.N., Obratsova T.A., Pozdyaeva M.A. *Studencheskiy sovet. 5 let: Opyt stanovleniya* [Student Board. 5 years: the Experience of Becoming]. Tula, 2007. (In Russian).
5. Borozdina G.V. *Psikhologiya delovogo obshcheniya* [Business Communication Psychology]. Moscow, 2007. (In Russian).
6. Shaydenko N.A., Kalinina Z.N. *Sozdanie, funktsionirovanie i razvitie vospitatel'noy sistemy pedagogicheskogo vuza* [Creation, Functioning and Development of Educational System of Pedagogic Institution of Higher Education]. Tula, 2005. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.03.2017 г.
Отрецензирована 10.04.2017 г.
Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 2 March 2017
Reviewed 10 April 2017
Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 378+371.4

STUDENTS' SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL EDUCATION OF STUDENTS:
FORMS OF ORGANIZATION AND ESTIMATION CRITERIA

Igor Alekseevich SHARSHOV

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Fundamental and Applied Science Administration

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: silans@mail.ru

Lyudmila Nikolaevna MAKAROVA

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy and Educational Technologies Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: mako20@inbox.ru

Irina Nikolaevna BORZYKH

Candidate of Pedagogy, Deputy Chief of Staff

Administration of Tambov region, Tambov province

141v Gagarin St., Tambov, Russian Federation, 392001

E-mail: bin@r00.tambov.gov.ru

The forms and methods of students' self-government organization contributing in professional education of students are analyzed in detail. The representation of students' self-government as of social institute, having significant educational potential, realizing the special form of government which supposes the active participation of students in preparation and realization of management decisions: acquirement and development of professional-personal qualities: active inclusion in professional community and contribution to the construction of professional biography are presented. The specific possibilities of the following forms and methods are revealed: observing excursions, trainings, discursive conversations, analysis of concrete situations (the decision of professional tasks), the use of the example (public officers), independent tasks execution. The criteria basis is founded, which is necessary for estimation of the levels of professional politeness of students. Organizational-pragmatist criterion is revealed through quality indices: the ability to works with documents, planning and organization of work, control and self-control, strategy thinking. Social-communicative criterion contains the following qualities and indices: sociability, communicative control, business communication, situation modeling of communication. Qualities-indices of value criterion are: patriotic values, ethic rules, traditions of the collective, corporate culture and state service organs.

Keywords: professional education; students' self-government; higher educational institution; technology; educational activity; criteria and indices of professional politeness

ACKNOWLEDGEMENTS: The work is fulfilled under support of Russian Fund for Basic Research (Humanities and Social Sciences Department), grant no. 15-36-01032

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-17-26

Для цитирования: Шаршов И.А., Макарова Л.Н., Борзых И.Н. Студенческое самоуправление в контексте профессионального воспитания студентов: формы организации и критерии оценивания // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 17-26. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-17-26.

For citation: Sharshov I.A., Makarova L.N., Borzykh I.N. Studencheskoe samoupravlenie v kontekste professional'nogo vospitaniya studentov: formy organizatsii i kriterii otsenivaniya [Students' self-government in the context of professional education of students: forms of organization and estimation criteria]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 17-26. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-17-26. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 378.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СЕМИНАРА КАК ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФОРМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ МАГИСТРАНТОВ

© **Светлана Анатольевна КЛЕНИКОВА**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и методики профессионального образования
Московский государственный областной университет
105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, 10а
E-mail: s.klenikova@mgou.ru

© **Марина Александровна МУСАТОВА**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и методики профессионального образования
Московский государственный областной университет
E-mail: ma.musatova@mgou.ru

© **Елена Анатольевна АНТРОПОВА**

аспирант, ассистент кафедры теории и методики профессионального образования
Московский государственный областной университет
E-mail: e.a.antropova85@mail.ru

Раскрыты методологические основы организации научно-исследовательского семинара как одной из ключевых форм научно-исследовательской работы магистрантов; перечислены основные задачи научно-исследовательской работы и научно-исследовательского семинара. Участие в работе научно-исследовательского семинара позволит студентам магистратуры сформировать профессиональные компетенции, как и способность анализировать результаты научных исследований, применять их при решении конкретных научно-исследовательских задач в сфере науки и образования, самостоятельно осуществлять научное исследование; использовать индивидуальные креативные способности для самостоятельного решения исследовательских задач; готовность изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа; а также готовность использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Рассмотрены различные образовательные технологии, которые могут использоваться при проведении научно-исследовательского семинара: активные и интерактивные методы, диалоговые технологии, технологии учебного исследования, технологии контекстного типа, технологии профессиональной социализации. Сделан вывод, что в результате проведения научно-исследовательского семинара магистранты должны овладеть научно-исследовательскими технологиями поиска, сбора и теоретического анализа методико-педагогической и научно-технической информации, планирования и проведения педагогического эксперимента, обработки результатов экспериментальной деятельности, обобщения и представления результатов научной деятельности в виде докладов, тезисов, статей, подготовки компьютерных презентаций результатов научной деятельности, подготовки выступлений и докладов на научных мероприятиях, самооценки и рефлексии своей научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа; научно-исследовательский семинар; цели и задачи научно-исследовательской работы; профессиональные компетенции

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-27-31

Важными вопросами подготовки магистров педагогического образования является создание образовательной среды и соответствующих инновационных методов, средств и форм обучения научно-исследовательской деятельности, приводящих к развитию интеллектуальных способностей, креативного профессионального мышления. Реализация научно-исследовательской деятельности в

процессе обучения помогает повысить профессиональную подготовку студента магистратуры через освоение навыков исследовательской работы, которая в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки 44.04.01 – «Педагогическое образование» является обязательной и включает научно-исследовательскую работу, научно-исследо-

вательскую практику, подготовку и защиту магистерской диссертации [1].

Основной целью научно-исследовательской работы магистранта является развитие способности самостоятельного осуществления научно-исследовательской деятельности, связанной с решением профессиональных задач в современных условиях, формирование научно-исследовательских умений и профессиональных компетенций, а также опыта самостоятельной научно-исследовательской деятельности.

Основным реальным результатом научно-исследовательской работы магистранта является написание и успешная защита магистерской диссертации, отражающей специфику содержания усвоенного опыта педагогической и научно-исследовательской работы [2].

Задачами научно-исследовательской работы магистранта являются:

- обеспечение становления профессионального научно-исследовательского мышления, формирование четкого представления об основных профессиональных задачах и способах их решения;
- формирование умений анализировать результаты научных исследований и применять их при решении конкретных образовательных и исследовательских задач;
- формирование готовности использовать индивидуальные креативные способности для оригинального решения исследовательских задач;
- обеспечение готовности самостоятельно осуществлять научное исследование с использованием современных методов науки;
- формирование готовности изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа;
- обеспечение готовности использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении образовательным учреждением, опираясь на отечественный и зарубежный опыт.

При реализации магистерской программы по направлению подготовки 44.04.01 – «Педагогическое образование», по программе подготовки «Профессиональное образование» в Московском государственном областном университете на кафедре теории и методики профессионального образования про-

водятся научно-исследовательские семинары, мастер-классы и открытые лекции приглашенных ученых и специалистов-практиков.

Научно-исследовательский семинар – это одна из основных форм научно-исследовательской работы магистрантов, которая обеспечивает возможность взаимодействия магистрантов с ведущими учеными по научным проблемам профессионального образования.

Научно-исследовательский семинар призван сделать научную работу магистрантов постоянным и систематическим элементом образовательного процесса [3], включить магистрантов в среду научного сообщества кафедры и университета, реализовать потребности обучающихся в знакомстве с широким кругом научно-исследовательских проблем, формировании актуального стиля научно-исследовательской деятельности на основе изучения опыта ученых, ознакомлении магистрантов с методами и формами научно-исследовательской работы, являющейся основой подготовки и защиты магистерской диссертации.

Цели научно-исследовательского семинара состоят в формировании у магистрантов умений и навыков самостоятельного научного анализа современных проблем профессионального образования, разработке и научном обосновании путей их преодоления, теоретическом обосновании мер по совершенствованию профессиональной подготовки с учетом ее современного состояния и тенденций дальнейшего развития [4], ориентируясь на потребности общества и производства. Данные цели соотносятся с целью ООП ВО по программе подготовки «Профессиональное образование»: формирование профессиональных компетенций, развитие коммуникативных и психологических качеств, формирование гражданской ответственности и самосознания, понимания социальной значимости профессии.

Задачами научно-исследовательского семинара являются:

- ознакомление магистрантов с актуальными проблемами теории и методики профессионального образования;
- ознакомление магистрантов с методологией и практикой научных исследований в профессиональном образовании;

- помощь в корректировке индивидуальных планов научно-исследовательской работы магистрантов;

- проведение консультационной работы, позволяющей более глубоко представить направление диссертационного исследования;

- формирование у студентов навыков научной работы, умения вести научную дискуссию, публично представлять результаты исследования, обобщать и представлять их в виде презентации, реферата, аналитического обзора, критической рецензии, доклада, сообщения, выступления, научной статьи и пр.;

- обеспечение непосредственной связи научно-исследовательской работы с видами профессиональной деятельности [5], к которым готовится будущий магистр (педагогическая, научно-исследовательская, проектная, методическая, управленческая, культурно-просветительская);

- развитие основных научных направлений университета, обеспечение преемственности уровней подготовки: бакалавриат – магистратура – аспирантура.

Научно-исследовательский семинар является важнейшей формой организации научно-исследовательской работы магистрантов по программе подготовки «Профессиональное образование». Научно-исследовательский семинар проводится на регулярной основе в 1–4 семестрах с периодичностью два раза в семестр. Руководство научно-исследовательским семинаром осуществляет руководитель магистерской программы. Научно-исследовательский семинар может проводиться с участием аспирантов, преподавателей, ведущих исследователей и представителей работодателей [6]. Работа магистрантов в научно-исследовательском семинаре по программе подготовки «Профессиональное образование» является неотъемлемой частью научно-исследовательской работы и отражается в индивидуальных планах.

Основной формой проведения научно-исследовательского семинара для магистров по программе «Профессиональное образование» является семинар по проблемам организации и методологии проведения научных исследований.

Участие в работе научно-исследовательского семинара позволит студентам магистратуры сформировать следующие профессиональные компетенции:

- способность анализировать результаты научных исследований, применять их при решении конкретных научно-исследовательских задач в сфере науки и образования, самостоятельно осуществлять научное исследование;

- использовать индивидуальные креативные способности для самостоятельного решения исследовательских задач;

- готовность изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа;

- готовность использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

При проведении научно-исследовательского семинара могут использоваться различные образовательные технологии: активные и интерактивные методы, диалоговые технологии [7], технологии учебного исследования, технологии контекстного типа, технологии профессиональной социализации.

В результате проведения научно-исследовательского семинара магистранты должны овладеть научно-исследовательскими технологиями: поиска, сбора и теоретического анализа методико-педагогической [8] и научно-технической информации; планирования и проведения педагогического эксперимента; обработки результатов экспериментальной деятельности; обобщения и представления результатов научной деятельности в виде докладов, тезисов, статей; подготовки компьютерных презентаций результатов научной деятельности; подготовки выступлений и докладов на научных мероприятиях; самооценки и рефлексии своей научно-исследовательской деятельности.

Примерный перечень тем научно-исследовательского семинара

Тема 1. Теоретико-методические основы формирования аппарата научного исследования в профессиональном образовании.

Тема 2. Теоретико-методологические основы научно-методического исследования в профессиональном образовании.

Тема 3. Организационно-методические основы моделирования научно-методического исследования в профессиональном образовании.

Тема 4. Модернизация образовательных программ профессионального образования.

По результатам работы магистрант представляет письменный отчет (по семестрам), отражающий выполнение соответствующих пунктов индивидуального плана и содержащий информацию об участии в научно-исследовательском семинаре, подготовке докладов и опубликованных работах.

Кроме того, творческая реализация обучающихся в магистратуре по направлению подготовки 44.04.01 – «Педагогическое образование», по программе подготовки «Профессиональное образование» на факультете технология и предпринимательство проходит в различных инновационных формах обучения. Это – мастер-классы, деловые игры, научные кружки, презентации проектов, тренинги [9], дискуссии, «круглые столы», семинары, конференции, где магистранты могут апробировать свои исследования, доложить о результатах проведенной научно-исследовательской работы.

Таким образом, научно-исследовательские семинары ориентированы на формирование у магистрантов навыков и компетенций исследовательской и аналитической работы, необходимых для успешной подготовки магистерской диссертации, а также обеспечение знаний актуальной проблематики по профилю магистерской программы.

Они являются обязательной, органически неотъемлемой частью научно-исследовательской деятельности магистрантов, активной формой их учебной работы, обеспечивающей возможность гибкого, интерактивного взаимодействия магистрантов и ведущих ученых кафедр теории и методики профессионального образования [10] и основ производства и машиноведения Московского государственного областного университета, а также работодателей.

Список литературы

1. Анисимова Л.Н. Развитие творческой и научно-исследовательской деятельности студентов – будущих учителей технологии // Право и практика. М.: Изд-во АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2017. № 2. С. 236-243.
2. Безуглов И.Г., Лебединский В.В., Безуглов А.И. Основы научного исследования. М.: Академический проект, 2008. 194 с.

3. Давыдов В.П., Образцов Н.И., Уман А.И. Методология и методика психолого-педагогических исследований. М.: Логос, 2006. 128 с.
4. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 284 с.
5. Коржуев А.В., Попков В.А. Научное исследование по педагогике: теория, методология, практика. М.: Академический проект, 2008. 288 с.
6. Боротко Н.М. Методология и методы психолого-педагогических исследований. М.: Академия, 2008. 320 с.
7. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогических исследований. М.: Академия, 2007. 208 с.
8. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 288 с.
9. Загвязинский В.И. О типичных недостатках и ошибках в педагогических исследованиях // Педагогика. 2010. № 2. С. 101-109.
10. Новожилов Э.Д. Научное исследование (логика, методология, эксперимент): монография. М.: Физико-математическая литература, 2007. 363 с.

References

1. Anisimova L.N. Razvitiye tvorcheskoy i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov – budushchikh uchiteley tekhnologii [The development of creative and scientific-research activity of students – future teachers of technology]. *Pravo i praktika* [Law and Practice]. Moscow, ANO "Nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, ekonomiki i prava" Publ., 2017, no. 2, pp. 236-243. (In Russian).
2. Bezuglov I.G., Lebedinskiy V.V., Bezuglov A.I. *Osnovy nauchnogo issledovaniya* [The Basics of Scientific Study]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2008, 194 p. (In Russian).
3. Davydov V.P., Obratsov N.I., Uman A.I. *Metodologiya i metodika psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy* [Methodology and Methods of Psychological-Pedagogic Researches]. Moscow, Logos Publ., 2006, 128 p. (In Russian).
4. Novikov A.M., Novikov D.A. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Methodology of Scientific Research]. Moscow, Librokom Publ., 2010, 284 p. (In Russian).
5. Korzhuev A.V., Popkov V.A. *Nauchnoe issledovanie po pedagogike: teoriya, metodologiya, praktika* [Scientific Research in Pedagogy: Theory, Methodology, Practice]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2008, 288 p. (In Russian).
6. Borytko N.M. *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy* [Method-

- ology and Methods of Psychological-Pedagogic Researches]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 320 p. (In Russian).
7. Zagvyazinskiy V.I. *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy* [The Methodology and Methods of Psychological-Pedagogic Researches]. Moscow, Akademiya Publ., 2007, 208 p. (In Russian).
 8. Kolesnikova I.A., Gorchakova-Sibirskaya M.P. *Pedagogicheskoe proektirovanie* [Pedagogic Projection]. Moscow, Publishing center "Akademiya", 2007, 288 p. (In Russian).
 9. Zagvyazinskiy V.I. O tipichnykh nedostatkakh i oshibkakh v pedagogicheskikh issledovaniyakh [About typical drawbacks and mistakes in pedagogic researches]. *Pedagogika – Pedagogy*, 2010, no. 2, pp. 101-109. (In Russian).
 10. Novozhilov E.D. *Nauchnoe issledovanie (logika, metodologiya, eksperiment)* [Scientific Research (Logic, Methodology, Experiment)]. Moscow, Fiziko-matematicheskaya literatura Publ., 2007, 363 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.01.2017 г.
Отрецензирована 25.02.2017 г.
Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 24 January 2017
Reviewed 25 February 2017
Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 378.1

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATION OF THE SCIENTIFIC RESEARCH SEMINAR AS ONE OF THEIR KEY FORMS OF THE SCIENTIFIC RESEARCH WORK OF THE MASTERS

Svetlana Anatolevna KLENIKOVA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Theory and Methodology of Vocational Education Department

Moscow Region State University

10a Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

E-mail: s.klenikova@mgou.ru

Marina Aleksandrovna MUSATOVA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Theory and Methodology of Vocational Education Department

Moscow Region State University

E-mail: ma.musatova@mgou.ru

Elena Anatolevna ANTROPOVA

Post-graduate Student, Assistant of Theory and Methodology of Vocational Education Department

Moscow Region State University

E-mail: e.a.antropova85@mail.ru

The methodological foundations of the organization of the research seminar as one of the key forms of the research work of undergraduates are disclosed; the main tasks of research work and research seminar are listed. Participation in the work of the research seminar will allow the students of the magistracy to form professional competencies, as well as the ability to analyze the results of scientific research, apply them in solving specific research tasks in the field of science and education, and independently carry out scientific research; use individual creative abilities to solve research tasks independently; Readiness to study the state and potential of the managed system and its macro and microenvironment by using a set of methods of strategic and operational analysis; As well as the willingness to use individual and group decision-making technologies in the management of an organization that carries out educational activities. Various educational technologies that can be used in the conduct of a research seminar are considered: active and interactive methods, dialog technologies, technology of educational research, technology of contextual type, technology of professional socialization. It is argued that as a result of the research seminar, graduate students should master scientific and research technologies, such as: searching, collecting and theoretical analysis of methodological, pedagogical and scientific and technical information; Planning and conducting a pedagogical experiment; Processing of experimental results; Generalization and presentation of the results of scientific activity in the form of reports, theses, articles; Preparation of computer presentations of the results of scientific activity; Preparation of speeches and reports at scientific events; Self-assessment and reflection of their research activities.

Keywords: scientific research work; research seminar; goals and tasks of research work; professional competences

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-27-31

Для цитирования: Кленикова С.А., Мусатова М.А., Антропова Е.А. Методологические основы организации научно-исследовательского семинара как одной из ключевых форм научно-исследовательской работы магистрантов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 27-31. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-27-31.

For citation: Klenikova S.A., Musatova M.A., Antropova E.A. Metodologicheskie osnovy organizatsii nauchno-issledovatel'skogo seminarara kak odnoy ikh klyuchevykh form nauchno-issledovatel'skoy raboty magistrantov [Methodological foundations of the organization of the scientific research seminar as one of their key forms of the scientific research work of the masters]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 27-31. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-27-31. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 316.614

НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ¹

© **Марина Сергеевна ЧВАНОВА**

доктор педагогических наук, профессор, руководитель Департамента программ
высшей квалификации, профессор кафедры информационных систем
Московский государственный университет технологий
и управления им. К.Г. Разумовского

109004, Российская Федерация, г. Москва, Земляной Вал, 73

профессор кафедры математического моделирования и информационных технологий

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: ms@tmbtsu.ru

© **Мария Сергеевна АНУРЬЕВА**

старший преподаватель кафедры математического
моделирования и информационных технологий

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

E-mail: ccs.tmb@ya.ru

© **Ирина Александровна КИСЕЛЕВА**

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
математического моделирования и информационных технологий

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

E-mail: irinakiselyo@yandex.ru

Социализация личности всегда была тесно связана с семьей и системой образования, но в информационном обществе она подвергается трансформации, и наиболее важными факторами социализации становятся сетевые коммуникации. Под влиянием Интернета меняется стиль жизни – меняются структура досуга, привычные каналы получения информации, характер межличностных взаимодействий. Молодежь все чаще стремится общаться, играть, обучаться в интернет-пространстве. В итоге возникают новые формы социализации, формируется личность нового типа. Предложена новая классификация форм интернет-социализации молодежи. Приведены результаты опроса по выявлению цели использования сети Интернет. Результаты исследования показали, что молодое поколение активно использует сеть Интернет преимущественно для обучения, общения в социальных сетях, ради увлечений, хобби и музыки. Рассмотрена классификация традиционных форм социализации и представлен новый принцип классификации с точки зрения типа принадлежности молодежи в интернет-пространстве к тому или иному сообществу, группе, корпорации, образовательному учреждению и т. д., а именно: формальные, неформальные и неформальные интернет-группы или сообщества, каждому из которых соответствует набор интернет-технологий или интернет-систем.

Ключевые слова: интернет-социализация молодежи; формы социализации; социальные сети; влияние Интернета

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40

Социализация – непрерывный и многогранный процесс, который продолжается на

протяжении всей жизни. Интенсивнее он протекает в юности, когда закладываются все базовые ценностные ориентации, усваиваются основные социальные нормы, формируется мотивация социального поведения. Важная роль на всех этапах социализации принадлежит людям, с которыми общается личность, а также социальным институтам, в которых осуществляется приобщение человека к ценностям и нормам социума [1].

М.В. Марокова, З.Е. Бисинова приходят к выводу, что *сайты социальных сетей* помогают молодым людям в самореализации,

¹ БЛАГОДАРНОСТИ:

1. Результаты получены при поддержке РФФИ по проекту: «Социологический анализ интернет-пространства как индикатора социокультурной динамики развития открытого образования», № 16-06-00176, 2016–2018.

2. Отдельные аспекты исследованы и получены соответствующие результаты при финансовой поддержке РФФИ по проекту: «Педагогические основы социализации молодежи в интернет-пространстве и их реализация в системе образования», № 17-36-00039, 2017–2019.

«самопрезентации», одобрение группы сверстников становится более значимым, чем одобрение неким, часто отстраненным «обществом». В социальных сетях отсутствуют какие-либо условности, которых невозможно избежать в реальном общении. В последнее время они влияют на процесс социализации, становления и развития личности молодых людей: отодвигают на второй план классические институты социализации – и семью, и школу, а порой реальных друзей и сверстников [2].

В.И. Корнеев, Д.М. Юсупова отмечают, что социально значимые, развивающие формы досуга, такие как чтение книг, посещение выставок, музеев, занятие спортом занимают незначительное место, молодежь ведет пассивный образ жизни, интересуясь, прежде всего, развлечениями [3]. **Воздействие социальных сетей** на процесс социализации сегодня связан с таким понятием, как виртуальная компьютерная социализация, или **киберсоциализация**.

Киберсоциализация человека – социализация личности в киберпространстве – процесс изменения структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности. Она, как правило, происходит в киберпространстве виртуальной социализирующей интернет-среды, то есть вследствие использования ее ресурсов и в процессе коммуникации с виртуальными агентами социализации, встречающимися человеку во всемирной глобальной сети Интернет (в первую очередь, в социальных сетях, – в процессе переписки по электронной почте, на форумах, в чатах и блогах, телеконференциях и онлайн-играх и т. д.).

В процессе киберсоциализации у человека возникает целый ряд новых ожиданий, интересов и ценностей, мотивов и целей, потребностей и установок, а также форм психологической и социальной активности, непосредственно связанных с киберпространством – фактически новым виртуальным жизненным пространством человека [4, с. 678].

А.А. Малькевич, проанализировав политическую ситуацию, отмечает, что в настоящее время Интернет и социальные сети влияют на **политическую социализацию**

молодежи. Цифровые СМИ оказывают воздействие на гражданское и политическое участие молодежи в жизни общества [5].

О.Е. Плешков рассуждает о том, что **Интернет представляет собой некую социальную среду**, где индивид может стать личностью (социализация через Интернет). Также эта самая личность может изменить свою систему ценностей, пройдя путь ресоциализации. Всемирная сеть выступает одновременно в двух началах – она, с одной стороны, является продуктом культуры социума, а с другой – представляет собой своеобразную субкультуру. Интернет обладает рядом признаков, присущих обычной субкультуре: сленгом, внутренней иерархией, набором идей, определенными этическими нормами, достаточным количеством лидеров, признанных и непризнанных пользователей [6].

Н.Н. Чалдышкина отмечает, что виртуальная культура начинает заменять реальные межличностные отношения, а Интернет предоставляет неограниченные коммуникативные возможности, отсутствующие в реальном общении. Современной действительностью диктуются условия, при которых педагогу самому необходимо быть активным пользователем Интернета, уметь использовать это пространство в воспитательном и образовательном процессе. Оптимальное применение **потенциалов виртуальных социальных сетей в педагогической деятельности** позволит достигать стратегической цели содействия благоприятной социализации детей и молодежи [7].

А.В. Тихонов, А.Н. Миронов в своей статье проводят анализ механизма **влияния СМИ** на процесс социализации молодежи и некоторых виртуальных форм экстремизма в России. Особое внимание авторы уделяют исследованию роли телекоммуникационных сетей (социальных сетей, блогов) в ведении информационно-психологической войны и распространении экстремистских идей [8].

М.М. Мовсисян рассматривает волонтерскую деятельность как важный элемент социализации молодежи. Дав определение понятию **онлайн-волонтерства** и рассмотрев классификацию, перспективы развития добровольчества в интернет-пространстве, автор считает социальные сети мощнейшим инструментом волонтерской деятельности. Приводит примеры наиболее популярных

интернет-порталов и социальных сетей в своем регионе [9].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время Интернет и социальные сети влияют на процессы, связанные с обучением, образованием, воспитанием, политикой, волонтерством и др.

Исследование вопроса социализации связано с социальными потребностями пользователей, среди которых немаловажную роль сегодня играет сеть Интернет. Проведенный ранее опрос показал, что большая часть респондентов используют Интернет с целью «поиска новой информации» (80,7 %) [10]. Выходят в Сеть «ради общения в социальных сетях» 74,9 %, из-за «увлечений, хобби, музыки» – 53,2 %. Каждый опрошенный мог указать несколько вариантов (рис. 1).

Женщины на 10 % больше склонны к обучению в Интернете, чем мужчины. Мужчин на 27 % больше используют онлайн-игры. Работой в Сети занимаются на 20–40 % больше респондентов, проживающих в мегаполисах.

Молодежь до 19 лет проводит время в социальных сетях на 10–20 % больше, чем в

других возрастных группах. Население старше 55 лет предпочитает обучение через Интернет (61 %, на 15–20 % больше, чем по другим возрастным группам). Число использующих Интернет для поиска новой информации растет с 64 % среди самых молодых респондентов до 16 лет и до 90 % среди возрастных респондентов старше 55 лет.

Интернет ради увлечений, хобби и музыки использует в большей степени молодежь до 16 лет (66,7 %), доля респондентов старше 55 лет падает до 22,6 %. Социальные сети актуальны среди домохозяек, школьников, студентов и учащихся колледжей – 85 % опрошенных. Интернет как образовательную среду используют предприниматели (80 %), докторанты, аспиранты, магистранты (65 %), а также представители научной, гуманитарной интеллигенции, преподаватели – 64,7 %.

Работой в Сети занимаются предприниматели (60 %), представители научной, гуманитарной интеллигенции, преподаватели (53,3 %), а также инженерно-технические работники (52,6 %).

Онлайн-игры интересны госслужащим (38,5 %). Интернет с целью познакомиться с

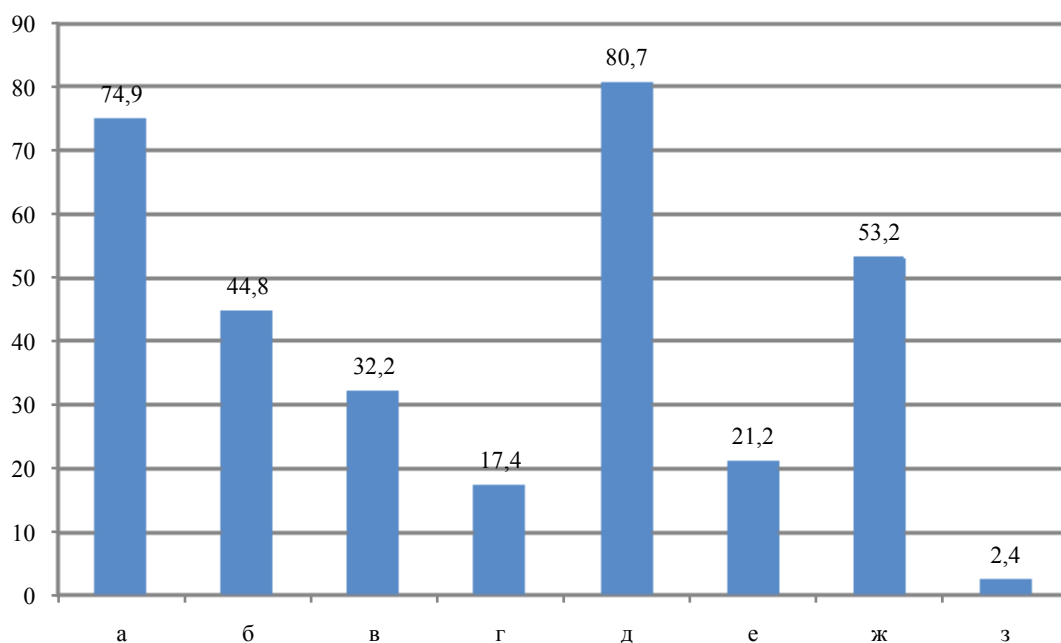

Рис. 1. Цель использования сети Интернет (% от ответивших): а – общение в социальных сетях, б – обучение, в том числе дистанционное, в – работа в сети, г – онлайн-игры, д – поиск информации, е – занять свободное время, ж – увлечения, хобби, музыка, з – другое

новыми людьми используют чаще школьники (32,7 %). Интернет ради увлечений, хобби, музыки свойственен больше докторантам, аспирантам, магистрантам (75 % опрошенных в данной группе). Поиском новой информации заняты 100 % фрилансеров.

Таким образом, молодое поколение активно использует сеть Интернет преимущественно для обучения, общения в социальных сетях, ради увлечений, хобби и музыки.

В нашем исследовании необходимо выявить новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве. С этой целью необходимо рассмотреть традиционные формы социализации молодежи и сопоставить им, по возможности, формы социализации с учетом потенциала сети Интернет.

Рассмотрим традиционные формы социализации молодежи с учетом **классификации** этих форм по разным направлениям [11].

1. Основные формы социализации – **первичная и вторичная**. Решающее значение для судьбы индивида и общества имеет первичная социализация, происходящая в семье и ближайшем кругу родственников. Другой вид социализации обеспечивают многочисленные социальные институты, в том числе школа и образование [12, с. 54].

2. Классификацией является разделение форм социализации по степени направленности и широте охвата объекта на **индивидуальную и тотальную** социализацию. Первая направлена на индивида и формирует самоидентификацию Я с другими индивидами или с конкретным сообществом. Вторая охватывает все определенное сообщество, формируя самоидентификацию Мы, которая является тотальной. Она особенно важна для гражданской и политической социализации, на этом воспитывается патриотизм, обеспечивается расцвет общества и государства, выигрываются войны и исторические акции.

3. В сфере образования возник и получил развитие свой спектр форм социализационной деятельности. Соответственно, здесь есть свои классификации. По **целям и объектам освоения элементов культуры** социальная адаптация – первая историческая форма социализации – разделяется на 3 направления, или уровня – **обучение, воспитание и собственно образование (или формирование гражданственности)** [13, с. 13].

4. Классификация форм социализации, связанная с образованием по основанию **«степень развитости и институциональной оформленности социальной практики»**. По этому основанию в тот или иной исторический момент в обществе будет доминировать либо **формальное** образование (наряду с другими формами институциональной социализации), либо **неформальная социализация**. Последняя формируется структурами повседневности, социальным окружением, средой, «семьей» и «улицей» [14].

5. Еще одна классификация форм социализации – по **видам будущего, простому и сложному**. По этому основанию соответственно, происходит деление на **адаптационную и инновационную** социализацию. Таким образом, получается, что простое будущее порождает один определенный тип социализационной деятельности – адаптационный. А сложное будущее вынуждает строить другой тип – инновационный [15, с. 336].

6. С учетом характера исторического момента, присущих ему скорости и интенсивности социальных изменений, а также важности социализационной роли традиций социализацию делят на **традиционную, модернизационную, переходную и мобилизационную**.

К традиционной социализации можно отнести такие страны, как Япония и Китай. На другом полюсе располагаются страны, которым присуща модернизационная социализация. Она характерна для стран, не имевших традиционного уклада (США). Переходная социализация характерна для обществ переходного периода. Мобилизационным типом развития (общества и соответствующей ему социализации) называется «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм. Отличительной его чертой является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы» [16].

7. Еще одна, чрезвычайно важная, на наш взгляд, классификация – **по социализующей среде**, то есть в зависимости от того, в действии с какими объектами, явлениями и процессами развивается и социализируется индивид и поколения. Сейчас следует выде-

лить три поля, три мощных социализующих фактора – вещественно-предметный (взаимодействие с которым происходит объективно, стихийно, и дает такие непредсказуемые последствия социализации, которые никогда не проектировались), социально-институциональный и информационный. Здесь, соответственно, три формы социализации – **вещная, социальная и информационная**.

Вещная связана с тем, что в процессе социализации необходимо научиться обращаться со многими вещами (компьютерах, бытовой техникой и т. д.).

Социальная социализация связана с социальными институтами, освоение которых в деятельности составляет задачу социально-институциональной социализации. Раньше была семья и «улица», двор, группа, потом – школа, институт, партии, профсоюзы и т. п. Сегодня это семья, образовательные и религиозные учреждения, общественные организации, армия и т. д.

И последнее – умение обращаться с информационными потоками, СМИ и коммуникациями, формируемое содержательно в процессе информационной социализации. Сегодня молодое поколение необходимо обучать восприятию телевизионной информации, общению с компьютером, которые превращаются в социализующую среду. Сама молодежная среда в этом отношении работает как катализатор или как тормоз для позитивных и негативных влияний. Например, умение обращаться в информационной среде становится фактором дифференциации в среде современной молодежи.

8. Еще одна классификация форм социализации – по характеру организации и наличию целенаправленности деятельности ее можно разделить на **стихийную** (так осуществляется традиционная социализация) и **специализированную** (профессиональную, чем стала современная социализация).

9. Классификация форм социализации по **сферам или формам деятельности** – производственная, профессиональная, социально-групповая, политическая, идеологическая и т. п.

В нашем исследовании необходимо рассмотреть новые формы социализации молодежи в интернет-пространстве. Исходя из вышеперечисленных классификаций, сопос-

тавим возможности сети Интернет в социализации молодого поколения (табл. 1).

Таким образом, исходя из проведенного анализа разных форм социализации представляется возможным рассмотреть принцип классификации с точки зрения типа принадлежности молодежи в интернет-пространстве к тому или иному сообществу, группе, корпорации, образовательному учреждению и т. д. Молодые люди в Сети создают определенного плана сообщества, которые можно подразделить на **формальные, неформальные и интерформальные** интернет-группы или сообщества, каждому из которых соответствует набор интернет-технологий или интернет-систем.

Формальное сообщество в интернет-пространстве представлено корпоративными порталами, которые, как правило, направлены на организацию производственного процесса или решение задач корпорации. Процесс социализации личности происходит в виртуальной среде или информационной системе самой корпорации, представленной в Сети с распределенным доступом. А участники данного сообщества, как правило, скреплены различными договорами.

В отличие от формальных, **неформальные сообщества** в Сети как возникают спонтанно, так и исчезают внезапно, они не имеют статуса и, зачастую, поддерживаются локальным интересом пользователей. Затухает интерес – рассыпается сообщество. Причины вступления в подобные интернет-сообщества – интерес, чувство принадлежности, помощь, защита, общение. Социализация личности здесь происходит в социальных сетях, на форумах, в чатах, блогах, онлайн-играх.

Интерформальное сообщество, в отличие от неформального (где главная цель – общение), ориентировано на какой-либо вид профессионально-ориентированной или социальной деятельности. Социализация личности в таких сообществах в интернет-пространстве может, например, происходить в интернет-средах альтернативного образования, таких как открытые системы образования. Другой пример, научные конференции ученых – в среде телеконференции. Объединяет интерформальное сообщество возможность (при наличии желания) получить документ об участии в конференции, документ о завершении обу-

Таблица 1

Сопоставление возможностей Интернета в социализации молодого поколения

№ п/п	Направления социализации	Формы социализации	Обеспечивает социализацию	
			в традиционных формах	в интернет-пространстве
1	Основные	Первичная	Семья, школа, группа сверстников и т. д.	Социальные сети, образовательные порталы
		Вторичная	Государство, его органы, университеты, церковь, средства массовой информации и т. д.	Системы дистанционного обучения, интернет-сообщества, цифровые СМИ
2	По степени направленности и широте охвата объекта	Индивидуальная	Сообщество с конкретной идеей	Интернет-сообщество с конкретной целью
		Тотальная	Сообщество с общей идеей (патриотизм, гражданская позиция)	Интернет-сообщество с гражданской позицией
3	По целям и объектам освоения элементов культуры	Обучение	Семья, школа, образовательные учреждения, общество, театр, музеи, кино, выставки и т. п.	Образовательные порталы, системы дистанционного обучения, виртуальные музеи, онлайн-фильмы, музыка, кино, игры
		Воспитание		
		Образование		
4	По степени развитости и институциональной оформленности социальной практики	Формальная	Институты с реализуемыми ими формами социализации (профессионально-производственной, религиозно-конфессиональной, партийно-политической социализацией и др.)	Профессиональное, религиозное, партийное интернет-сообщество
		Неформальная	Социальное окружение, среда, семья, «улица»	Социальные сети, интернет-сообщество
5	По видам будущего, простому и сложному	Адаптационная	Эволюционирующее общество, стремящееся к простому будущему	
		Инновационная	Эволюционирующее общество, стремящееся к сложному будущему	
6	С учетом характера исторического момента	Традиционная	Общество с традиционной социализацией	
		Модернизационная	Общество с модернизационной социализацией	
		Переходная	Общество с переходной социализацией	
		Мобилизационная	Общество с мобилизационной социализацией	
7	По социализующей среде	Вещная	Семья, школа, общество учит обращаться с вещами	Видеоуроки
		Социальная	Семья, друзья, сверстники, «улица», двор, группа, школа, институт, образовательные учреждения, религиозные сообщества, армия и т. п.	Социальные сети, интернет-сообщество, системы дистанционного обучения, образовательные порталы, телеконференции
		Информационная	СМИ, средства коммуникации (телевизор, компьютер и т. п.)	Цифровые СМИ, сеть Интернет
8	По характеру организации и наличию целенаправленности деятельности	Стихийная	Семья	Системы дистанционного обучения, образовательные порталы
		Специализированная	Образовательные учреждения	
9	По сферам или формам деятельности	Производственная	Трудовой коллектив	Интернет-сообщество трудового коллектива
		Профессиональная	Профессиональное сообщество	Интернет-сообщество с профессиональными интересами
		Социально-групповая	Сообщество с общими интересами	Интернет-сообщество с общими интересами
		Политическая	Политическое сообщество	Политическое интернет-сообщество
		Идеологическая	Идеологическое сообщество	Интернет-сообщество с общей идеей

чения по дисциплине, курсу. Такое сообщество характеризуется устойчивостью во времени и возможностью вернуться к продолжению взаимодействия и общения.

Вполне допустимо и удобно для понимания использовать данную классификацию для идентификации новых форм социализации в Интернет. В результате получаем следующее.

Формальная форма социализации в интернет-пространстве обусловлена трудовыми договорами и соглашениями о социальном партнерстве и осуществляется в корпоративной виртуальной информационной системе или среде, управляемой корпорацией.

Неформальная форма социализации в интернет-пространстве обусловлена временной потребностью или интересом пользователя, характеризуется спонтанным появлением и внезапным затуханием после исчезновения интереса или удовлетворения той или иной потребности. Интернет-технологии могут быть управляемыми со стороны юридических лиц или самоорганизующимися в интернет-пространстве.

Информальная форма социализации в интернет-пространстве обусловлена устойчивым профессионально-ориентированным или социальным интересом и возможностью (при наличии желания) получить документ об участии в интернет-событии (конференции, документ о повышении квалификации, завершении обучения по курсу и др.). Такая форма интернет-социализации поддерживается управляемыми со стороны юридических лиц интернет-средами (системами). А само сообщество характеризуется устойчивостью и возможностью возобновления общения.

Представляется, что предложенная нами классификация может быть полезна при организации процесса социализации молодежи в интернет-пространстве с целью применения в образовательном процессе. Она может оказать помощь в понимании и построении образовательных и воспитательных сред.

Список литературы

1. Чистяков А.В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д, 2006.
2. Марокова М.В., Бисинова З.Е. Роль социальных сетей в социализации молодежи // Система ценностей современного общества. 2012. № 22. С. 258-263.
3. Корнеев В.И., Юсупова Д.М. Роль социальных сетей в социализации молодежи // Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции РФ. М., 2013. С. 260-264.
4. Богатырева А.А. Проблемы киберсоциализации современной молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2.
5. Малькевич А.А. Интернет и социальные сети в процессе политической социализации молодежи // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 2. С. 210-214.
6. Плешков Е.О. Влияние всемирной компьютерной сети на процесс социализации современной молодежи // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. Тамбов, 2014. С. 105-109.
7. Чалдышкина Н.Н. Педагогические потенциалы виртуальных социальных сетей в работе с детьми и молодежью // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2014. № 3. С. 119-124.
8. Тихонов А.В., Миронов А.Н. Проблема распространения экстремистской идеологии в молодежной среде России с помощью современных информационно-коммуникационных технологий // Научное мнение. 2015. № 5-3. С. 70-74.
9. Мовсисян М.М. Волонтерская деятельность и ее продвижение в сети Интернет // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2016. № 7. С. 136-145.
10. Чванова М.С., Храмова М.В., Слетков И.А., Киселева И.А., Молчанов А.А., Котова Н.А. Исследование влияния Интернета на социальные потребности пользователей // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 7-25. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-7-25
11. Кусжанова А.Ж. Взаимодействие общества, личности и государства в сфере образования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996.
12. Шкаратан О.И., Кориунов А.М. Технологический переворот и судьбы молодых. М.: Знание, 1989.
13. Иконникова С.Н., Кон И.С. Молодежь как социальная категория. М., 1970.
14. Пахомов Н.Н. Кризис образования в контексте глобальных проблем // Культура, образование, развитие индивида. М., 1990.

15. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи: монография. СПб., 2008.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

References

1. Chistyakov A.V. *Sotsializatsiya lichnosti v obshchestve internet-kommunikatsiy: sotsiokul'turnyy analiz: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Socialization of Personality in Society of Internet-Communications: Social-Cultural Analysis. Dr. sots. sci. diss. abstr.]. Rostov-on-Don, 2006. (In Russian).
2. Marokova M.V., Bisinova Z.E. Rol' sotsial'nykh setey v sotsializatsii molodezhi [The role of social networks in youth's socialization]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Modern Society Values], 2012, no. 22, pp. 258-263. (In Russian).
3. Korneev V.I., Yusupova D.M. Rol' sotsial'nykh setey v sotsializatsii molodezhi [The role of social networks in youth socialization]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Konstitutsii RF «Sotsial'no-ekonomicheskoe, sotsial'no-politicheskoe i sotsio-kul'turnoe razvitie regionov»* [Proceedings of International Scientific-Practical Conference Devoted to 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation "Social-Economical, Social-Political and Social-Cultural Development of Regions"]. Moscow, 2013, pp. 260-264. (In Russian).
4. Bogatyreva A.A. Problemy kibersotsializatsii sovremennoy molodezhi [Problems of cyber socialization of modern youth]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2-2. (In Russian).
5. Malkevich A.A. Internet i sotsial'nye seti v protsesse politicheskoy sotsializatsii molodezhi [The Internet and social networks in the process of political socialization of youth]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect, Innovations, Investments], 2011, no. 2, pp. 210-214. (In Russian).
6. Pleshkov E.O. Vliyanie vsemirnoy komp'yuternoy seti na protsess sotsializatsii sovremennoy molodezhi [The influence of international computer network on the process of modern youth socialization]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy sotsializatsii lichnosti v kontekste nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya»* [Proceedings of International Scientific-Practical Conference "Problems of Personality Socialization in the Context of Constant Professional Education"]. Tambov, 2014, pp. 105-109. (In Russian).
7. Chaldyshkina N.N. Pedagogicheskie potentsialy virtual'nykh sotsial'nykh setey v rabote s det'mi i molodezh'yu [Pedagogical potentials of virtual social media in work with children and youth]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical sciences*, 2014, no. 3, pp. 119-124. (In Russian).
8. Tikhonov A.V., Mironov A.N. Problema rasprostraneniya ekstremistской ideologii v molodezhnoy srede Rossii s pomoshch'yu sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Problem of extremist ideology spreading in youth sphere of Russia with the help of modern information-communication technology]. *Nauchnoe mnenie – The Scientific Opinion*, 2015, no. 5-3, pp. 70-74. (In Russian).
9. Movsisyan M.M. Volonterskaya deyatelnost' i ee prodvizhenie v seti Internet [Voluntary activity and its promotion in the Internet]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Scientific Papers of Kuban State Technological University], 2016, no. 7, pp. 136-145. (In Russian).
10. Chvanova M.S., Khramova M.V., Sletkov I.A., Kiseleva I.A., Molchanov A.A., Kotova N.A. Issledovanie vliyaniya Interneta na sotsial'nye potrebnosti pol'zovateley [The study of the Internet influence on social needs of users]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 7-25. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-7-25 (In Russian).
11. Kuzhanova A.Z. *Vzaimodeystvie obshchestva, lichnosti i gosudarstva v sfere obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk* [Cooperation of Society, Personality and State in the Sphere of Education. Dr. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1996. (In Russian).
12. Shkaratan O.I., Korshunov A.M. *Tekhnologicheskyy perevorot i sud'by molodykh* [Technological Revolution and Youth's Destiny]. Moscow, Znanie Publ., 1989. (In Russian).
13. Ikonnikova S.N., Kon I.S. *Molodezh' kak sotsial'naya kategoriya* [Youth as Social Category]. Moscow, 1970. (In Russian).
14. Pakhomov N.N. Krizis obrazovaniya v kontekste global'nykh problem [Education crisis in the context of global problems]. *Kul'tura, obrazovanie, razvitie individa* [Culture, Education, Development of the Individual]. Moscow, 1990. (In Russian).
15. Ivanenkov S.P. *Problemy sotsializatsii sovremennoy molodezhi* [Problems of Modern Youth's Socialization]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).

16. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow, 1995. (In Russian).

Received 28 November 2016
Reviewed 20 December 2016
Accepted for press 30 August 2017

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.
Отрецензирована 20.12.2016 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 316.614

NEW FORMS OF STUDENT YOUTH SOCIALIZATION IN THE INTERNET SPACE

Marina Sergeevna CHVANOVA

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Higher Qualifications Programs Department, Professor of Information Systems Department

Moscow State University of Technology and Management

73 Zemlyanoy Val, Moscow, Russian Federation, 109004

Professor of Mathematical Modeling and Information Technologies Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: ms@tmbtsu.ru

Mariya Sergeevna ANUREVA

Senior Lecturer of Mathematical Modeling and Information Technologies Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: ccs.tmb@ya.ru

Irina Aleksandrovna KISELEVA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Mathematical Modeling and Information Technologies Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: irinakiselyo@yandex.ru

Socialization of personality has always been closely associated with family and education system, but in the information society, it undergoes a transformation and the most important factors of socialization are network of communications. The lifestyle is changing under the influence of the Internet – changing structure of leisure time, the usual channels of information, the nature of interpersonal interactions. Young people are increasingly seeking to communicate, to play, to learn in the Internet space. At the result, there are new forms of socialization, formation of the person of a new type. A new classification of forms of Internet socialization of young people is proposed. The results of a survey to identify the purpose of use of the Internet are presented. The results showed that the young generation actively uses the Internet mostly for social networking, for the sake of hobbies and music. The classification of traditional forms of socialization is studied and a new principle of classification from the point of view of membership type of young people in the Internet space to a particular community, group, corporation, educational institution, etc., namely: formal, non-formal and informal online group or community, each of which corresponds to a set of Internet technologies or Internet systems are presented.

Keywords: online socialization of youth; forms of socialization; social networks; impact of Internet

ACKNOWLEDGEMENTS:

1. The results are achieved under support of Russian Foundation of Basic Research according to the project: “Sociological analysis of the Internet space as an indicator of social-cultural dynamics of open education development”, no. 16-06-00176, 2016–2018.

2. Some aspects are researched and relevant results are achieved under financial support of Russian Foundation of Basic Research according to the project “Sociological analysis of the Internet space as an indicator of social-cultural dynamics of open education development”, no. 17-36-00039, 2017–2019.

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40

Для цитирования: Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 32-40. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40.

For citation: Chvanova M.S., Anureva M.S., Kiseleva I.A. Novye formy sotsializatsii studencheskoy molodezhi v internet-prostranstve [New forms of student youth socialization in the Internet space]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 32-40. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 369.8

ЧАСТНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В 20-е гг. XX ВЕКА В США: БОРЬБА ИДЕОЛОГИЙ

© Олег Германович ШАДСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры психолого-педагогического и социального образования, зав. Отделением социально-педагогического образования
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: olegshadsky@gmail.com

Рассмотрено развитие профессии социальной работы в США в 20-е гг. XX века сквозь призму борьбы различных идеологических подходов, определявших суть и предназначение профессии. Актуальность состоит в том, что изучение зарубежного, в частности, американского опыта в области социальной работы помогает нам лучше понимать закономерности, заранее предвидеть и выявлять трудности в становлении отечественных институтов и учреждений государственного и негосударственного секторов социальной защиты. Также в научный оборот вводится большое количество ранее неиспользовавшихся источников Национальной конференции благотворительных и коррекционных учреждений (National Conference on Charities and Corrections). Подробно проанализированы идеологические позиции двух противоборствующих лагерей ранней социальной работы. Выявлены и проанализированы основные аргументы в пользу частной социальной работы и государственных программ социальной защиты, выдвигавшиеся ранними социальными работниками. На примере деятельности Детского Бюро показано, что совмещение работы со случаем и социального реформирования могло быть успешным, принося позитивные практические результаты как для профессии, так и для общества в целом. Сделан обоснованный вывод о том, что реформистское крыло социальных работников, хотя и потеряло влияние, которое имело в «прогрессивную эру», продолжало выступать за сохранение приверженности профессии социальному активизму, что помогло сформулировать социальную повестку «Нового курса» следующего десятилетия.

Ключевые слова: история Соединенных Штатов Америки; социальная работа; система социальной защиты; работа со случаем; социальный реформизм

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-41-53

Первая треть XX столетия стала формирующим этапом профессии социальной работы в США. Источниками развития профессии стали два массовых филантропических движения конца XIX века – обществ организации благотворительности и селтльментов. В рамках этих движений были сформулированы два основных идеологических подхода к обоснованию профессии – индивидуальное социальное обслуживание и социальное реформирование. Внутри сообщества ранних социальных работников под влиянием как внешних обстоятельств, так и напряженных и продолжительных внутренних дискуссий о сути, формах и методах социальной работы в первые десятилетия XX века большую популярность получал то один, то другой подход [1]. Цель данной статьи – проследить соперничество данных подходов в годы, предшествовавшие Великой Депрессии, которая существенно изменит воззрения общества и государства на цели и задачи социальной защиты населения и роль социальной работы.

Большая часть социальных работников в 1920-е гг. продолжала работать в частных агентствах [2, р. 249]. К сожалению, точные данные о количестве и распределении социальных работников отсутствуют. В своем докладе о тенденциях развития частной благотворительности С. Уолкер (S. Walker) сожалеет об отсутствии статистики по количеству социальных работников в 1920-е гг. [3, р. 1189]. Он цитирует данные одного исследования, которое оценивало количество социальных работников к середине 1920-х гг. примерно в двадцать пять тысяч человек. Однако указаний на то, к какому сектору они принадлежат, нет. Некоторое представление может дать количество членов Американской ассоциации социальных работников, коих в 1931 г. насчитывалось пять с половиной тысяч, большая часть которых работала в частном секторе [3, р. 1189]. При этом распределение социальных работников частных агентств по территории США было очень неравным. Большинство было сосредоточено

в городах северо-восточной части страны [3, р. 1193].

Большинство социальных работников, как и прежде, считало, что частные агентства должны быть основным местом применения их профессиональной квалификации [3, р. 1169, 1221]. Комментируя на собрании Национальной конференции социальной работы успехи профессии в 1920-е гг., руководитель одного частного агентства отметил: «История конференции показывает быстрый рост количества и качества сектора частного обслуживания... Развитие государственной социальной работы в сравнении с быстрым и, возможно, более выдающимся развитием частной социальной работы кажется медленным» [4, р. 606].

Многие социальные работники считали государственные социальные учреждения несоответствующими стандартам профессиональной работы со случаем, которые демонстрировали частные агентства [5, р. 234]. Г. Лурье (H. Lurie) утверждал, что государственные социальные работники «склонны следовать традиционным методам обслуживания и медленно воспринимают изменения в социальных технологиях, что неизбежно снижает качество работы» [4, р. 609]. В подтверждение своего довода он указывал на то, что членами профессиональной ассоциации было совсем небольшое количество государственных социальных работников, что свидетельствовало, по его мнению, либо об их незаинтересованности в профессии, либо об отсутствии достаточной квалификации, чтобы быть принятыми. И то, и другое, делал он вывод, «печальным образом» сказывается на качестве социального обслуживания в госсекторе [4, р. 609].

Социальные работники частных агентств также считали муниципальные программы непрофессиональными из-за того, что основной акцент в них делался на предоставление материальной помощи [6, р. 540]. Утверждалось, что это ограничивает возможности применения работы со случаем в муниципальных агентствах и низводит их деятельность до «механической раздачи милостыни» [2, р. 249]. Более того, некоторые были уверены, что «организовать качественную работу со случаем в государственном учреждении невозможно по причине слишком большой клиентской нагрузки муниципальных соци-

альных работников» [6, р. 540; 2, р. 249]. Другие отмечали, что предоставление социального обслуживания в государственных учреждениях «идеологически несовместимо» с целями социального работника. Государственная система социальной защиты неизбежно действует в интересах налогоплательщиков, а следовательно, социальное обслуживание, считали они, неизбежно сведется к слежке за клиентами, так как государственной программе нужно обязательно знать, насколько эффективно расходуются деньги налогоплательщиков [7, р. 180].

Представители частных агентств считали, что государственная социальная защита неизбежно способствует пауперизации клиентов, поскольку плохое качество или отсутствие работы со случаем в госсекторе «не позволяет развивать самосознание клиента через создание стимулов и демонстрацию возможностей» [8, р. 625]. А поскольку «вмешательство муниципального социального работника предполагает манипуляции с клиентом в интересах общества, — объясняли они, — достоинство личности и право индивида на самоопределение нарушаются» [8, р. 632]. Государственные социальные работники были более предрасположены к тому, чтобы ставить интересы общины выше интересов клиентов, «для того чтобы убедить общество в своей добросовестности и полезности» [2, р. 249]. Кроме того, «адекватно учитывать интересы клиента государственный социальный работник не может, так как он не обладает свободой, которую предполагает практика в частных агентствах» [2, р. 249]. Наоборот, государственная социальная работа поощряет зависимость, игнорируя психологические потребности клиентов [8, р. 632].

Негативное отношение к системе государственной социальной защиты, которое выражали социальные работники частных агентств, привело к расколу профессионального сообщества. Работники и государственных, и частных агентств признавали, что «частное социальное обслуживание свысока смотрит на государственное социальное обслуживание, иногда даже с презрением и насмешкой» [9, р. 30]. В 1921 г. Р. Келсо (R. Kelso) отмечал, что «между частными и государственными социальными агентствами нет любви» [10, р. 215]. В следующем году в своем президентском послании делегатам На-

циональной конференции социальной работы в 1922 г. он признался: «Как же дорога нашим сердцам наша домашняя привычка критиковать государственное социальное обслуживание» [11, р. 11]. Такое «плохое отношение к государственной социальной работе» сохранялось на протяжении всего десятилетия [4, р. 606]. В результате уже другой президент Национальной конференции социальной работы в 1928 г. отметил, что «профессионалы из частных агентств убедили себя, что существуют определенные виды деятельности, которые государственные учреждения выполнять не в состоянии. Побочным продуктом такого отношения является образовавшаяся пропасть между частным и государственным социальным обслуживанием» [12, р. 9].

Лидеры государственного сектора ответили на критику лучшим инструментом обороны – решительным нападением. Г. Вайль (G. Vaile) обвинила частные агентства в препятствовании расширению функций государственной социальной защиты во избежание «потери государственных субсидий и особых взаимоотношений, сложившихся за многие годы» [13, р. 240]. Другой руководитель государственного учреждения заявлял, что частные агентства «отказались передавать государственным программам ту часть своих функций, которую они должны были отдать по закону» [14, р. 241]. «В результате этих территориальных споров, – продолжал он, – частные агентства стали нашими злейшими врагами» [14, р. 241].

Представители муниципальных учреждений считали, что «не существует каких-либо существенных или фундаментальных различий между государственной и частной социальной работой» [15, р. 25; 9, р. 30; 2, р. 247]. Некоторые из них требовали «передать функции частных агентств государственным настолько быстро, насколько это практически целесообразно» [16, р. 459]. Р. Келсо и другие предлагали разграничить сферы ответственности следующим образом: «Государство должно обеспечить стабильное, проверенное, хорошо апробированное социальное обслуживание, в то время как частные агентства должны заниматься экспериментированием» [10, р. 217].

Некоторые чиновники признавали, что профессионализм муниципальных служащих

не столь высок, как у работников частных агентств [17, р. 433–436; 18, р. 578; 19, р. 542; 20, р. 529]. Однако в таком положении дел они видели возможность укорить частных. Так, один чиновник заметил: «Частным агентствам выгодно невысокое качество работы государственных учреждений, так как это оправдывает их существование» [14, р. 241]. Другие указывали на то, что плохое качество работы является иллюзией, так как «муниципальные отделы работы со случаем наводнены делами, с которыми не справились частные агентства» [14, р. 241], которые «помогают, когда хотят, а мы [муниципалы] продолжаем подбирать самые сложные случаи» [14, р. 241], а следовательно, обвинения несправедливы или же с не меньшим основанием должны предъявляться им самим.

Муниципальные чиновники были уверены, что «качественная социальная работа в государственных социальных учреждениях возможна» [13, р. 239; 18, р. 578, 6, р. 540]. По крайней мере, утверждали они, государственные агентства были не хуже частных [13, р. 245; 6, р. 539]. «Государственный сектор социальных услуг находится в процессе становления, – утверждал один чиновник, – а посему не должен подвергаться нападкам со стороны частных организаций» [9, р. 30]. Главное различие между двумя секторами, по его мнению, состояло в том, что недоработки государственных агентств были более заметны: «Сбои в работе не должны подвергаться столь жесткой критике со стороны частных агентств, потому что у них их тоже хватает. Вот только их ошибки не видны публике в той же степени, как ошибки государственных учреждений» [9, р. 33].

Чиновники считали, что качество обслуживания зависит от наличия в муниципальных социальных учреждениях сотрудников, «получивших специальную подготовку в области работы со случаем» [6, р. 540; 20, р. 529; 18, р. 580]. И хотя к середине 1920-х гг. они видели «дающие надежду признаки того, что все больше и больше профессиональных работников поступают на государственную социальную службу» [13, р. 241; 2, р. 246], недостаток профессионалов продолжал ощущаться из-за «предубежденности со стороны получивших образование работников в отношении госслужбы» [21, р. 447; 2, р. 249]. Подобная предвзятость заставила руководи-

теля одного государственного учреждения заявить: «Отношение превосходства, которое демонстрирует частный сектор, вредит государственному социальному обслуживанию» [9, p. 30].

Работники частных агентств, по мнению чиновников, должны помогать государственным учреждениям повышать качество работы: «Вместо того чтобы стремиться контролировать всю сферу социального обслуживания, частные агентства должны быть заинтересованы в том, чтобы их методы и стандарты были переняты государственным сектором» [15, p. 24], и сокрушались из-за того, что «частная социальная работа не смогла должным образом воспользоваться возможностью создать высококачественное государственное обслуживание» [14, p. 241]. Если профессионалы частных агентств заинтересованы в повышении качества муниципальных услуг, утверждала Г. Вайль, то они должны выступать в качестве «наставников, а не соперников» [13, p. 240]. Ей вторил другой чиновник: «Дух враждебности не позволит нам далеко продвинуться, а воодушевляющая и образовательная помощь со стороны частных агентств позволит... поднять государственное социальное обслуживание на новые высоты эффективности» [9, p. 33].

Наиболее острая критика социальных работников частных агентств раздавалась со стороны тех, кто представлял реформистскую традицию в социальной работе. Так, Э. Линдеман (E. Lindeman) оплакивал потерю частными социальными работниками «жалости, сострадания, способности сопереживать, которые демонстрировали ранние социальные работники». «Профессионал теперь, – замечал он, – более не носитель сочувствия... но символ технологий» [22, с. 83-84]. А. Эпштейн (A. Epstein), будучи сторонником развития системы социального страхования, также сетовал, что «жизненно необходимые социальные реформы остановлены, а социальные работники не проявляют к ним никакого интереса». «Современный социальный работник, – укорял он, – более не обращается к сознанию общины с целью борьбы с социальными проблемами. Его главная забота – «адаптировать людей к жизни». Он обзавелся «технологиями», и его цель-максимум – качественно исполненная работа со случаем. Его амбиции не простираются далее

желания быть признанным «профессиональным специалистом по обслуживанию» [23, p. 391-392]. Описывая работу Национальной конференции социальной работы в 1926 г., П. Келлог (P. Kellogg), редактор журнала реформистской направленности «Обозрение», писал: «Выступали в основном специалисты. Внимание было приковано к внутренней драме людей, нежели чем к обсуждению социальной среды и насущных потребностей» [24, p. 341]. Дж. Аддамс (J. Addams) на одном из заседаний конференции с раздражением заметила по поводу «социальных работников психиатрической наклонности»: «Может быть, мы можем попросить одолжения с их стороны, чтобы они когда-нибудь прекратили рассказывать нам об особенностях анализа психики индивида и хотя бы немного занялись психиатрической социальной работой» [25, p. 154-155].

Реформистское крыло социальных работников, хотя и потерявшее былое влияние, продолжало выступать за сохранение приверженности профессии социальному активизму. В 1922 г. в своем президентском обращении к делегатам конференции Р. Келсо призвал сохранять в профессиональном сообществе стремление к «общественному благу», которое характеризовало социальных работников в первые два десятилетия XX века [11, p. 10]. «Содействуя развитию социального законодательства, – утверждал он, – социальные работники могут вести нацию к осознанию себя единым обществом и общиной» [11, p. 7]. В 1923 г. на заседании, посвященном пятидесятой годовщине Конференции, Дж. Лэтроп (J. Lathrop) сказала: «Нам еще многое нужно сделать... чтобы победить бедность, а государственное социальное обслуживание заняло подобающее ей место в обществе» [26, p. 200-201]. Секретарь управления по делам благотворительности штата Нью-Йорк так выразил свое мнение по поводу перспектив реформистского движения: «Нет причины считать, что это [реформистское] движение достигло своих пределов. Проблемы безопасности жизнедеятельности, здравоохранения, социальной среды, жилищные вопросы вряд ли исчезнут сами собой. Вполне вероятно, что современное государство будет уделять им большее внимание» [9, p. 30].

Для тех, кто остался верен идеалам социального реформизма, тенденция к профессионализации социальной работы представляла барьер на пути социального прогресса. По мнению реформаторов, социальные работники «оторвались от своих прогрессивных корней, чтобы попасться в ловушку профессионализации, потеряв, таким образом, влияние на развитие общества» [27, р. 93-94]. Если согласиться с мнением, высказанным К. Чамберсом (C. Chambers), то окажется, что вместо того, чтобы приобрести достойный общественный статус, к которому так стремилось сообщество, социальные работники его утратили. Их больше не приглашали в Белый дом, они больше не стояли во главе мощных общественных движений, к их мнению не прислушивались политики, а информация об их деятельности ушла с первых полос газет. В 1920-е гг. социальные работники променяли журавля в небе на синицу в руках.

В первые двадцать лет XX века социальная работа оставалась, по словам С. Уолкера, «недифференцированным концептом» [3, р. 1168]. «Розничная» и «оптовая» социальная работа считались «нитями одного полотна» [28, р. 266]. И те, кто занимался индивидуальным социальным обслуживанием, и те, кто участвовал в реформистской деятельности, видели себя частью единого сообщества [27, р. 91]. Однако очевидные различия между подходами двух основных групп в социальной работе со временем все более сказывались на единстве профессии. В «прогрессивную эру» казалось, что доминирующей силой в профессии станет реформистское крыло, возглавляемое лидерами сеттльментов, но в 1920-е гг. стало ясно, что основной отличительной чертой профессии стало предоставление индивидуального социального обслуживания, продвигавшегося частными семейными агентствами, наследниками ООБ [3, р. 1168; 29].

Несмотря на явную победу сторонников работы со случаем, реформистская традиция в профессиональном сообществе поддерживалась ветеранами прогрессистского движения [30, р. 87-89]. Несмотря на то, что многие реформисты скептически относились к последствиям профессионализации, были среди них и те, кто верил в прогрессивный характер происходивших в социальной рабо-

те изменений. По их мнению, работа со случаем не исключала активной социальной позиции, а поэтому два направления вполне могут сосуществовать в рамках одной профессии. Исповедуя подобные убеждения, данная группа попыталась интегрировать два подхода к решению социальных проблем и тем самым восстановить единство профессионального сообщества [30, р. 104-105].

Эта группа «синтезаторов», как их называл К. Чамберс, приветствовали изменения в отношении к клиенту, которые произошли в социальной работе под влиянием психиатрии. По их мнению, психиатрия научила работников со случаем объективному отношению к клиентам, заставила отказаться от морализаторства и критиканства [31]. Теперь в работе с клиентом социальные работники исходили из принципа ценности человеческой личности и первостепенной важностью наделяли удовлетворение именно ее интересов. Таким образом, профессия стала гораздо более гуманной и либеральной, чем в прошлом [32, с. 1227]. М. Ван Уотерс (M. Van Waters) приветствовала подобное изменение в идеологии работы со случаем: «Наконец мы не слышим более о «заслуживающих помощи» бедняках. Теперь отношение социальных работников к любым людям характеризуется одним словом – «уважение» [33, р. 14]. Теперь главной задачей социальной работы, по ее мнению, стало «как можно более полное развитие жизненного потенциала индивида» [33, р. 13].

М. Ван Уотрес и некоторые другие лидеры профессионального сообщества считали, что изменившиеся цели работы со случаем теперь как нельзя лучше дополняют социал-реформистскую сторону профессии [30, р. 104-105]. Г. Вайль (G. Vaile) верила, что и работа со случаем и социальный активизм выражают «принципы конструктивного подхода к организации социальной защиты» [34, р. 3], так как оба признают, что «сознательная цель социальной работы больше не «исцеление»..., но максимальное развитие позитивного потенциала человеческой жизни» [34, р. 10]. М. Ван Уотерс свое мнение относительно общности целей двух подходов выражала так: «Работа со случаем, как и социальные реформы не являются самоцелью... Ценность обоих подходов может быть измерена только их влиянием на качество жизни

индивида и повышением его жизненного потенциала» [33, р. 12].

Наилучшим образом этот интегративный подход к определению сущности социальной работы выразил П. Ли (P. Lee), указав на то, что социальная работа имеет две неразрывно связанные группы целей: «причинные» (cause) или, иначе, высшие и «функциональные» (function) или инструментальные [35, р. 3]. «Социальная работа как служанка цивилизации, – объяснял он, – соединила в себе способность объединять общее и частное» [35, р. 18]. Приверженность социальной работы высшим целям заставляет ее активно включаться в социально-реформистскую деятельность, «направленную на уничтожение окопавшегося зла», работа со случаем обеспечивает успешное исполнение реформ на практике, а значит, служит гарантом их успеха [35, р. 3].

Для П. Ли социальная работа не могла существовать без одного из двух ее главных компонентов. Хотя большее внимание в его апологии единой социальной работы все-таки уделяется работе со случаем, на которую он возлагал решение важнейшей задачи «решения сложных и ускользающих проблем» на низовом уровне [35, р. 12]. В то же время П. Ли выступал, если можно так выразиться, за тотальную социальную работу, утверждая, что она «постоянно направлена на поиск и решение любых социальных изъянов и пороков» [35, р. 18], что является ее высшей целью, а «хорошая социальная работа создает необходимость для еще большего количества социальной работы» [35, р. 18]. В итоге П. Ли высказывался следующим образом по поводу взаимосвязи социального реформизма и работы со случаем: «Социальный работник способен, подобно слуге, выполнять рутинные функции по социальному обслуживанию, однако только в высших целях лежит объяснение его социального служения... Социальная работа никогда бы не достигла своей великой цели служения человечеству, если не растущая армия мужчин и женщин, которые не видят непреодолимых противоречий между идеализмом и функциональностью» [35, р. 20].

По мнению П. Ли, социальная работа в первой трети XX века находилась в состоянии перманентного прогрессивного изменения. Он отмечал: «Социальная работа – это

развивающаяся сила в изменяющемся мире... Она движима энергией концепции социального благополучия» [35, р. 3]. В сфере государственного социального обеспечения предположения П. Ли находили подтверждение. Один наблюдатель отмечал, что «помножив программы пенсионного обеспечения матерей на фундаментальные принципы работы со случаем, удалось познакомить общины с этими принципами и популяризовать их» [2, р. 247]. Другой комментатор отмечал, что результатом доверия общества к работникам со случаем, занятых в программах материнских пенсий, стало увеличение размера пособий и смягчение требований к участию в программе во многих штатах [36, р. 239]. Таким образом, факты подтверждали, что социальное реформирование и работа со случаем могут успешно дополнять друг друга. Тенденции в развитии программ материнской помощи в 1920-е гг. подтверждали предсказание Г. Вайль о том, что «для работы со случаем вскоре потребуется гораздо большее количество работников» [17, р. 436].

Пожалуй, наиболее успешным примером того, что социальное реформирование и работа со случаем могут и должны идти рука об руку, является деятельность созданного в 1912 г. с целью разработки программ социальной защиты детей Детского Бюро. Социальные работники, работавшие в нем в 1910–1920-е гг., принимали активное участие в движении за развитие государственной системы социальной защиты в «прогрессивную эру» [37, р. 30]. Бюро, по их мнению, представляло собой «общенациональную площадку» для консолидации усилий по развитию социальной защиты детей [38, р. 111]. Первый его директор Дж. Лэтроп считала, что его деятельность «в конце концов гарантируют экономическую и социальную безопасность всех детей» [37, р. 30].

Сотрудники Бюро верили, что лучшим субъектом воспитания и защиты детей является семья. Поэтому они выступали за расширение социальных программ, предоставляющих материальную и иную помощь семьям [39, р. 111–114]. Главную цель социальной политики государства они видели в «укреплении семьи» [40, р. 297]. С самого начала Бюро направило свои усилия на «предотвращение распада семьи и снижение уровня жизни семьи ниже границы социаль-

ной пристойности по причине смерти или нетрудоспособности мужа» [41, р. 5-6]. Поэтому сотрудники Бюро стали одними из наиболее горячих сторонников программ пенсионного обеспечения матерей [40, р. 297].

Сотрудники Бюро считали, что идеальная система социальной защиты должна выходить за рамки помощи исключительно бедным семьям. По их мнению, программы материнских пенсий должны были стать лишь первыми шагами на пути к обеспечению надежной социально-экономической защиты всех детей страны [42, р. 126]. М. Бог (M. Bogue), директор программы ухода за детьми раннего возраста Детского Бюро, подчеркивала, что «конечная цель состоит в уменьшении количества вдов и установлении всесторонней системы социального страхования» [43, р. 359-360]. Дж. Лэтроп обозначила цели Бюро следующим образом: «Главная задача системы социальной защиты детей состоит в обеспечении достойного уровня жизни семей. Это предполагает, что муж должен получать достаточную для жизни зарплату и трудиться в безопасных условиях, а добропорядочная и умелая жена должна поддерживать порядок и уют в доме. Общество не может позволить себе меньше. Это универсальная потребность» [44, р. 7].

Чтобы достичь своих целей, Бюро выступало за принятие законов, которые бы обеспечили социальную защиту рабочих от безработицы, нетрудоспособности вследствие получения увечья на производстве, болезни, гарантировали бы приемлемый размер минимального уровня оплаты труда [26, р. 203]. Эти меры позволили бы гарантировать социальную безопасность семьям рабочих, по мнению Дж. Лэтроп, «позволив жене вести хозяйство и воспитывать детей без опасений за стабильность семейного бюджета» [26, р. 203]. Бюро также предложило создать федеральное министерство здравоохранения и социальной защиты, которое бы занималось разработкой и контролем за соблюдением общенациональных стандартов социальной защиты [7, р. 180; 45, р. 153].

Кроме мер обеспечения экономической безопасности Бюро выступало за развитие государственной системы социального обслуживания [46, р. 112]. Многие работники Бюро 1910–1920-х гг. являлись профессиональными социальными работниками. Не-

удивительно, что они видели использование работы со случаем как неотъемлемую часть идеальной системы социальной защиты. Э. Лундберг, возглавлявшая отдел социального обслуживания детей Детского Бюро, заявляла: «Внедрить принципы работы со случаем в работу государственных учреждений социальной защиты крайне необходимо» [47, р. 130]. Так, продвигая программы материнской помощи, Бюро настаивало, чтобы штаты предоставляли «услуги социальной работы для решения внутрисемейных проблем» [40, р. 297]. Его сотрудники были уверены, что работа со случаем поможет стабилизировать бедные семьи, предоставив им средства «упреждения и избегания срывов во взаимоотношениях супругов» [40, р. 298].

Кроме того, в Бюро полагали, что профессиональное социальное обслуживание будет играть важную роль в будущей комплексной программе социальной защиты семьи [38, р. 111]. Акцентируя внимание на конструктивных принципах работы со случаем, рассуждали они, система государственной социальной защиты станет инструментом развития человеческого потенциала. М. Бог отмечала: «С одной стороны, работник со случаем обязан защищать семью, с другой стороны, способствовать ее совершенствованию» [43, р. 352]. «Сосредотачиваясь на цели социального обеспечения, – продолжала она, – Бюро искренне надеется, что по мере углубления нашей работы она станет превентивной» [43, р. 353]. Дж. Лэтроп также утверждала, что намерение Бюро состоит в том, чтобы избавить «государственные социальные программы от стигмы благотворительности, сделав их услуги доступными для всех классов» [44, р. 134]. В 1918 г., работая над проектом закона о социальном обеспечении детей и охране здоровья матерей, которой впоследствии станет известен под названием «закона Шеппарда–Таунера», Бюро указывало, что главной целью закона будет «предоставление социального обслуживания всем детям» [42, р. 134].

Сотрудники Детского Бюро верили, что интеграция социального обслуживания в программы финансовой поддержки является наилучшей иллюстрацией единства «высших» и «инструментальных» целей социальной работы. Они рассчитывали, что работа со случаем будет являться инструментом реали-

зации социальной реформы, поскольку ее конструктивная и превентивная направленность направит государственную социальную политику к высшей цели – предоставлению экономической защиты и социального обслуживания всем гражданам страны.

Мечте работников Детского Бюро об учреждении всеобъемлющей системы социальной защиты не суждено было сбыться в 1920-е гг. Политические настроения препятствовали развитию государственных социальных программ по сценарию Бюро. Принятие в 1921 г. закона Шеппарда-Таунера, благодаря которому в США, главным образом, в сельской местности, было организовано более трех тысяч центров охраны здоровья матери и ребенка, результатом работы которых стало значительное снижение уровня материнской и младенческой смертности, стало единственным крупным достижением Бюро за все десятилетие. Несмотря на достигнутые успехи, Конгресс в 1929 г. отказался от продолжения финансирования предусматривавшихся законом программ по охране детства и материнства [48, р. 199]. С одной стороны, факт того, что к 1930 г. все штаты, за исключением Южной Каролины и Джорджии, приняли соответствующие законы о помощи матерям, можно считать успехом социальных реформаторов и, в частности, сотрудников Детского Бюро. С другой стороны, финансирование этих программ в большинстве случаев было недостаточным, а их клиентами могли стать только бедные вдовы с несовершеннолетними детьми [48, р. 202]. И в обществе, и среди политиков продолжало господствовать мнение, что социальная защита должна распространяться только на тех, кто не в состоянии позаботиться о себе сам.

Деятельность Детского Бюро по развитию государственных программ социального обслуживания всех семей, без учета их материального положения, также нельзя назвать успешной. К 1931 г. только в двенадцати штатах «предлагалось ограниченное количество услуг для детей» [47, р. 130]. Притом, что сами штаты, предлагавшие подобные услуги, подчеркивали, что они направлены на реабилитацию детей из неблагополучных семей. Так, когда в 1925 г. законодатели штата Нью-Йорк приняли закон о государственной социальной защите, в его преамбуле указывалось: «В обязанность работникам

учреждений социальной защиты вменяется адекватное обеспечение тех, кто не способен позаботиться о себе самостоятельно. Они должны предоставлять такую помощь, которая способствует восстановлению независимости клиентов. Кроме того, необходимо предоставлять требующиеся услуги тем гражданам, которые потенциально могут попасть в категорию экономически зависимых, и тем самым предотвращать увеличение нагрузки на бюджет штата» [49, р. 26]. Политический климат и общественные настроения делали подобную реабилитационную риторику необходимой для продвижения социального законодательства. В 1920-е гг. сторонники включения социального обслуживания в муниципальные и штатные программы мотивировали эту необходимость стремлением сократить налоговую нагрузку на благополучных членов общества за счет восстановления экономической независимости получателей пособий [50, р. 138]. По мнению руководителя отдела социальной защиты одного округа, главная причина использования социального обслуживания в государственных программах состояла в том, чтобы «помочь зависимым людям стать независимыми, сделать из них полезных граждан, превратить из обузы в ценный ресурс. Ценность этого для нас и будущих поколений невозможно переоценить» [19, р. 542].

К концу 1920-х гг. в общественном сознании установилась прочная ассоциация между социальным обслуживанием и восстановлением экономической независимости получателей государственного вспомоществования. Этот принцип был закреплён в законах социального обеспечения многих штатов.

Вместо того чтобы, как мечтали работники Детского Бюро, избавить государственные социальные программы от «стигмы благотворительности», включение социального обслуживания в программы материальной помощи укрепило представление о том, что клиенты государственных программ нуждаются в реабилитационном воздействии, направленном на их избавление от социальных девиаций. Эта идея противоречила концепции Бюро, согласно которой социальное обслуживание должно было рассматриваться как дополнение к материальной помощи. Реабилитационный крен в объяснении необходимости социального обслуживания будет

и впоследствии оказывать большое влияние на развитие социального законодательства.

Необходимо отметить еще ряд обстоятельств, проявившихся в 1920-е гг., которые будут иметь долговременные последствия для развития системы социальной защиты в США. Хотя социальные работники частных агентств признавали реабилитацию важной целью работы со случаем, они убедились в том, что устанавливать профессиональные взаимоотношения с клиентами в рамках муниципальных или штатных программ очень сложно. Они утверждали, что государственные программы чересчур навязчивы, поскольку отрицали право клиента на отказ от обслуживания.

Это имело два важных последствия для будущего развития политики в сфере государственного социального обслуживания. Первое, социальные работники частных агентств настаивали на том, что государственная социальная защита должна ограничиваться справедливым и эффективным распределением материальной помощи, исключая нарушения прав клиента [49, р. 26]. Такое определение рамок роли госсектора социальной защиты стало доминирующим в 1930-е – первую половину 1940-х гг. Второе, поскольку эти рамки сводили роль социального работника к «механической раздаче милостыни», большинство предпочло практиковать в частном секторе, где применялись инновационные методики работы со случаем. Как предположила Г. Вайль в середине 1920-х гг., коллективное решение сообщества социальных работников отказаться от госслужбы лишило госсектор возможности экспериментировать с программами социального обслуживания, которые, например, предлагались Детским Бюро. В течение нескольких следующих десятилетий руководители государственных программ будут неизменно жаловаться на нехватку квалифицированного персонала.

Несмотря на сильно выраженную реабилитационную риторику, акцент на профессионализме неизбежно вынудил социальных работников обратить внимание на превентивный и конструктивный потенциал услуг, которые они оказывали. Это поневоле сблизило позиции работников со случаем со сторонниками социальных реформ. Те, кто стремились интегрировать оба подхода,

осознали эту тенденцию и предложили концепцию социальной защиты, которая будет серьезно влиять на развитие социального обслуживания в ближайшие десятилетия. Действительно, идея Детского Бюро о создании всеобъемлющей системы экономической и социальной безопасности станет стандартом, в соответствии с которым будет измеряться прогресс государственной социальной политики в 1930–1950-е гг.

Социальные работники, которые стремились интегрировать работу со случаем в государственные программы, создали мост, по которому прогрессивные идеалы прошлого были перенесены в будущее. Признав ответственность профессии за способствование делу социальных реформ, они заложили основы социальных программ и помогли сформулировать социальную повестку «Нового курса».

Список литературы

1. *Шадский О.Г.* Становление государственной системы социальной защиты населения в США на рубеже XIX–XX веков: борьба идеологий // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2012. № 2. С. 160-169.
2. *Taylor R.* The integration of effort in theory and practice by private and public family agencies // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1927. P. 246-252.
3. *Walker S.H.* Privately supported social work // Recent Social Trends in the United States: Report of the President's Research Committee on Social Trends. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1933.
4. *Lurie H.L.* The role of professional standards in public social work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1929.
5. *Klein P.* Professional standards and salaries in public welfare departments // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1924. Vol. 113. № 1. P. 226-234.
6. *Scheffield A.E.* Case work in public welfare departments // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1924.
7. *Bruno F.J.* Trends in Social Work as Reflected in the Proceedings of the National Conference of Social Work, 1874–1946. N. Y.: Columbia University Press, 1948.
8. *Pray K.* Where in social work can the concept of democracy be applied? // Official Proceedings of

- the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1926.
9. *Johnson Ch.* The correlation of public and private social service // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1924.
 10. *Kelso R.* Is there a dividing line between cases which the public should take over, and those which should be handled by private social agencies? // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1921.
 11. *Kelso R.* Presidential address – changing fundamentals of social work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1922.
 12. *Kingsley Sh.* Who needs social services? // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1928.
 13. *Vaile G.* The cost of maintaining good case work in a public agency // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1925.
 14. *Bruno F.J.* The Integration of effort in theory and practice by public and private agencies for the common good // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1927.
 15. *Brown Ch.L.* Coordinating the work of public and private agencies // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1920.
 16. *Carter L.E.* Government responsibility in the field of social and welfare work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1926.
 17. *Vaile G.* Some organizational problems of public welfare departments // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1922.
 18. *Potter E.C.* How to secure a continuing and progressive policy in public social work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1925.
 19. *Johnson W.* The county as a unit for the administration of local public social services // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1925.
 20. *Brown J.A.* The organization of state and county welfare departments // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1929.
 21. *Blackburn W.J.* Advantages and disadvantages of civil service in public administration // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1928.
 22. *Lindeman E.C.* The social worker and his community // The Survey. 1924. Vol. 52. № 2. April 15.
 23. *Epstein A.* The soullessness of the present-day social work // Current History. 1928. № 28.
 24. *Kellogg P.U.* New beacons in Boston // The Survey. 1930. June 15.
 25. *Bidelman B.M.* Social Services and Twentieth Century Social Welfare Policy: dr. dis. Muncie: Ball State University, 1988.
 26. *Lathrop J.C.* The transition from charities and correction to social work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1923.
 27. *Chambers C.A.* An historical perspective on political actions vs. individual treatment // Perspectives on Social Welfare / ed. by P.E. Weinberger. N. Y.: The MacMillan Co, 1969.
 28. *Lee P.R.* The social function of case work // Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections. Fort Wayne, 1911.
 29. *Шадский О.Г.* Развитие профессии социальной работы в 20-е гг. XX в. в США // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 5 (121). С. 243-250.
 30. *Chambers C.A.* Seedtime of Reform: American Social Service and Social Action, 1918–1933. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963.
 31. *Шадский О.Г.* Влияние психиатрии на профессию социальной работы в США в 20-е гг. XX века // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. ст. / под ред. П.Я. Циткилова. Новочеркасск: Лик, 2017. С. 66-68.
 32. *Odum H.W.* Public welfare activities // Recent Social Trends in the United States: Report of the President's Research Committee on Social Trends. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1933.
 33. *Van Waters M.* Philosophical trends in modern social work // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1930.
 34. *Vaile G.* Some significant trends since Cleveland, 1912 // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1926.
 35. *Lee P.E.* Social work: cause and function // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1929.
 36. *Nesbitt F.* The significance of the rise in relief-giving in the past five years // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the

- National Conference of Social Work. N. Y., 1922.
37. Lathrop J.C. The Children's Bureau // Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections. Fort Wayne, 1912.
 38. Hanlan A. From social reform to social security: the separation of ADC from child welfare // Perspectives on Social Welfare: An Introductory Anthology / ed. by P.E. Weinberger. N. Y.: Macmillan, 1974.
 39. Lathrop J.C. Uniform legislation // Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections. Fort Wayne, 1915.
 40. de Schweinitz K. Social work and its contribution to strengthening family life // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1923.
 41. Abbott G. Public protection of children // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1924.
 42. Costin L.B. Two Sisters of Social Justice: A Biography of Grace and Edith Abbott. Urbana: University of Illinois Press, 1983.
 43. Bogue M.T. Problems in the administration of mothers' aid // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1918.
 44. Lathrop J.C. Child welfare standards: a test of democracy // Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work. N. Y., 1919.
 45. Cohen N.E. Social Work in the American Tradition. N. Y.: The Dryden Press, 1958.
 46. de Schweinitz E., de Schweinitz K. The contribution of social work to the administration of public assistance. Part I: Historical background // Social Work Journal. 1948. Vol. 29. № 3. P. 108-113.
 47. Lenroot K.F. Origins of the Social Welfare Provisions // Children. 1960. Vol. 7.
 48. Trattner W.I. From poor law to welfare state: a history of social welfare in America. N. Y.: The Free Press, 1974.
 49. Dunham A. Public Assistance in the United States // Public Assistance Worker / ed. by R.H. Kurtz. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1938.
 50. Axinn J., Levin H. Social Welfare, a History of the American Response to Need. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1982.
 1. Shadskiy O.G. Stanovlenie gosudarstvennoy sistemy sotsial'noy zashchity naseleniya v SShA na rubezhe XIX–XX vekov: bor'ba ideologiy [Formation of the state system of social protection of the population in the USA at the turn of the XIX–XX centuries: fight of ideologies]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 2, pp. 160-169. (In Russian).
 2. Taylor R. The integration of effort in theory and practice by private and public family agencies. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1927, pp. 246-252.
 3. Walker S.H. Privately supported social work. *Recent Social Trends in the United States: Report of the President's Research Committee on Social Trends*. New York, McGraw-Hill Book Company, 1933.
 4. Lurie H.L. The role of professional standards in public social work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1929.
 5. Klein P. Professional standards and salaries in public welfare departments. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1924, vol. 113, no. 1, pp. 226-234.
 6. Scheffield A.E. Case work in public welfare departments. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1924.
 7. Bruno F.J. *Trends in Social Work as Reflected in the Proceedings of the National Conference of Social Work, 1874–1946*. New York, Columbia University Press, 1948.
 8. Pray K. Where in social work can the concept of democracy be applied? *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1926.
 9. Johnson Ch. The correlation of public and private social service. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1924.
 10. Kelso R. Is there a dividing line between cases which the public should take over, and those which should be handled by private social agencies? *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1921.
 11. Kelso R. Presidential address – changing fundamentals of social work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1922.
 12. Kingsley Sh. Who needs social services? *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1928.
 13. Vaile G. The cost of maintaining good case work in a public agency. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1925.
 14. Bruno F.J. The Integration of effort in theory and practice by public and private agencies for the

References

- common good. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1927.
15. Brown C.L. Coordinating the work of public and private agencies. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1920.
 16. Carter L.E. Government responsibility in the field of social and welfare work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1926.
 17. Vaile G. Some organizational problems of public welfare departments. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1922.
 18. Potter E.C. How to secure a continuing and progressive policy in public social work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1925.
 19. Johnson W. The county as a unit for the administration of local public social services. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1925.
 20. Brown J.A. The organization of state and county welfare departments. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1929.
 21. Blackburn W.J. Advantages and disadvantages of civil service in public administration. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1928.
 22. Lindeman E.C. The social worker and his community. *The Survey*, 1924, vol. 52, no. 2, 15 April.
 23. Epstein A. The soullessness of the present-day social work. *Current History*, 1928, no. 28.
 24. Kellogg P.U. New beacons in Boston. *The Survey*, 1930, 15 June.
 25. Bidelman B.M. *Social Services and Twentieth Century Social Welfare Policy*. Dr. diss. Muncie, Ball State University, 1988.
 26. Lathrop J.C. The transition from charities and correction to social work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1923.
 27. Chambers C.A. An historical perspective on political actions vs. individual treatment. P.E. Weinberger (ed.). *Perspectives on Social Welfare*. New York, The MacMillan Co., 1969.
 28. Lee P.R. The social function of case work. *Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections*. Fort Wayne, 1911.
 29. Shadskiy O.G. Razvitiye professii sotsial'noy raboty v 20-e gg. XX v. v SShA [Development of social work in 1920s in the USA]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Reviews. Series Humanities*, 2013, no. 5 (121), pp. 243-250. (In Russian).
 30. Chambers C.A. *Seedtime of Reform: American Social Service and Social Action, 1918–1933*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1963.
 31. Shadskiy O.G. Vliyaniye psikhiiatrii na professiyu sotsial'noy raboty v SShA v 20-e gg. XX veka [Influence of psychiatry on profession of social worker in the USA in 20s of the 20th century]. In: P.Y. Tsitkilov (ed.). *Aktual'nye problemy sotsial'noy istorii i sotsial'noy raboty* [Current Problems of Social History and Social Work]. Novocherkassk, Lik Publ., 2017, pp. 66-68. (In Russian).
 32. Odum H.W. Public welfare activities. *Recent Social Trends in the United States: Report of the President's Research Committee on Social Trends*. New York, McGraw-Hill Book Company, 1933.
 33. Van Waters M. Philosophical trends in modern social work. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1930.
 34. Vaile G. Some significant trends since Cleveland, 1912. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1926.
 35. Lee P.E. Social work: cause and function. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1929.
 36. Nesbitt F. The significance of the rise in relief-giving in the past five years. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1922.
 37. Lathrop J.C. The Children's Bureau. *Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections*. Fort Wayne, 1912.
 38. Hanlan A. From social reform to social security: the separation of ADC from child welfare. In: Weinberger P.E. (ed.). *Perspectives on Social Welfare: An Introductory Anthology*. New York, Macmillan, 1974.
 39. Lathrop J.C. Uniform legislation. *Proceedings of the National Conference of Charities and Corrections*. Fort Wayne, 1915.
 40. de Schweinitz K. Social work and its contribution to strengthening family life. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1923.
 41. Abbott G. Public protection of children. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings*

- of the National Conference of Social Work. New York, 1924.
42. Costin L.B. *Two Sisters of Social Justice: A Biography of Grace and Edith Abbott*. Urbana, University of Illinois Press, 1983.
 43. Bogue M.T. Problems in the administration of mothers' aid. *Official Proceedings of the Annual Meeting: Proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1918.
 44. Lathrop J.C. Child welfare standards: a test of democracy. *Official proceedings of the annual meeting: proceedings of the National Conference of Social Work*. New York, 1919.
 45. Cohen N.E. *Social Work in the American Tradition*. New York, The Dryden Press, 1958.
 46. de Schweinitz E., de Schweinitz K. The contribution of social work to the administration of public assistance. Part I: Historical background. *Social Work Journal*, 1948, vol. 29, no. 3, pp. 108-113.
 47. Lenroot K.F. Origins of the Social Welfare Provisions. *Children*, 1960, vol. 7.
 48. Trattner W.I. *From Poor Law to Welfare State: a History of Social Welfare in America*. New York, The Free Press, 1974.
 49. Dunham A. Public Assistance in the United States. In: Kurtz R.H. (ed.). *Public Assistance Worker*. New York, Russell Sage Foundation, 1938.
 50. Axinn J., Levin H. *Social Welfare, a History of the American Response to Need*. New York, Harper and Row Publishers, 1982.
- Поступила в редакцию 08.01.2017 г.
Отрецензирована 10.02.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.
- Received 8 January 2017
Reviewed 10 February 2017
Accepted for press 30 August 2017

UDC 369.8

PRIVATE AND PUBLIC SOCIAL WORK IN THE 20s OF 20th CENTURY IN THE USA: STRUGGLE OF IDEOLOGIES

Oleg Germanovich SHADSKY

Candidate of History, Associate Professor of Psychological-Pedagogic and Social Education Department, Head of Social-Pedagogic Education Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: olegshadsky@gmail.com

The development of the profession of social work in the United States in the 1920s through the prism of the struggle of various ideological approaches that determined the essence and purpose of the profession is examined. The relevance is that the study of foreign, in particular, American experience in the field of social work helps us better understand the patterns, anticipate and identify difficulties in the development of domestic institutions of the public and private sectors of social protection. Also, a large number of previously unused sources of the National Conference on Charities and Corrections are introduced into the scientific circulation. The ideological positions of the two opposing camps of early social work are analyzed in detail. The main arguments in favor of private social work and public programs of social protection, put forward by early social workers are identified and analyzed. Using the example of the Children's Bureau, it is shown that combining casework and social reformism could be successful, yielding positive practical results for both the profession and society as a whole. A reasonable conclusion is drawn that the reformist wing of social workers, although having lost the influence that it had in the "progressive era", continued to advocate maintaining the profession's commitment to social activism, which helped formulate the social agenda of the New Deal of the next decade.

Keywords: United States history; social work; social work; social welfare; casework; social reformism

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-41-53

Для цитирования: Шадский О.Г. Частная и государственная социальная работа в 20-е гг. XX века в США: борьба идеологий // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 41-53. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-41-53.

For citation: Shadskiy O.G. Chastnaya i gosudarstvennaya sotsial'naya rabota v 20-e gg. XX veka v SShA: bor'ba ideologiy [Private and public social work in the 20s of 20th century in the USA: struggle of ideologies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 41-53. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-41-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 36+378

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

© Анастасия Александровна ДРУЖИНИНА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
психолого-педагогического и социального образования

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: drugininaan@yandex.ru

Проанализированы преобразования, происходящие в социальной сфере в России. На современном этапе происходит переход от стагнации в социальной сфере к развитию, этот период характеризуется внедрением инновационных технологий социальной работы, разработкой новых нормативно-правовых документов в социальной сфере, формированием рынка социальных услуг, возрастающей ролью получателя социальных услуг в преобразованиях социальной политики, модернизацией системы подготовки будущих социальных работников, как проводников перемен в социальной сфере, необходимостью формирования инновационной компетентности будущего специалиста социальной сферы. Представлен опыт реализации модуля «Социальная инноватика». Целью модуля является формирование у студента общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в области теории и практики социальной инноватики. рассматриваются активные и интерактивные формы проведения занятий, такие как решение проблемных заданий, изучение опыта реализации социальных инноваций различных регионов РФ, кейс-ситуации, деловые и ролевые игры. Также в ходе практических занятий студенты защищают собственные, реализованные на практике инновационные социальные проекты. Одним из перспективных направлений развития системы вузовской подготовки является формирование инновационной компетентности у будущего специалиста социальной сферы. Инновационная компетентность у будущего специалиста социальной сферы обеспечит конкурентоспособность, расширит возможности трудоустройства и социальной мобильности. Одним из перспективных направлений развития системы вузовской подготовки является формирование инновационной компетентности у будущих специалистов социальной сферы как процесс, объединяющий усилия преподавателей, студентов, практиков социальных служб и организаций.

Ключевые слова: инновационная компетентность; социальная сфера; будущий специалист социальной сферы; инновации; социальные инновации; вузовская подготовка

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-54-60

Преобразования в социально-экономических процессах выдвигают новые требования к сфере социальной защиты и социального обслуживания населения, в том числе и к сфере социальной работы. Система социальной работы в России начала складываться около 25 лет назад. Изменения, которые произошли за последние годы, требования государства, общества, получателей социальных услуг обуславливают внедрение новых, современных, инновационных технологий социальной работы.

Е.И. Холостовой, Е.И. Комаровым, О.Г. Прохоровой выделяются следующие основные направления модернизации социальной сферы: «во-первых, перевод всей системы на новые организационные формы (преобразование государственных учреждений в форму казенных организаций, бюджетных с дополнительными полномочиями, автономных некоммерческих). Перевод уч-

реждений системы социальной защиты населения на новые формы позволит внедрить рыночные отношения, тем самым увеличив контингент получателей услуг, повысив их качество. Во-вторых, переход на электронный документооборот. В-третьих, развитие новых социальных услуг. В-четвертых, переход от иждивенческо-потребительской системы социальной защиты населения к системе активного партнерства государства и гражданина в решении его социальных проблем и обеспечении его социального благополучия. В-пятых, в перспективе вместо предоставления гарантированных услуг в натуральной форме гражданам в соответствии с их пожеланиями может предоставляться прямая целевая выплата. В-шестых, создание доступной среды жизнедеятельности для лиц с ограничениями здоровья, пожилых людей, родителей с маленькими детьми. В-седьмых, переход от заявительного к выявительному

порядку социальной работы. В-восьмых, в социальной сфере благодаря ее модернизации в ближайшее время должны быть созданы тысячи рабочих мест, то есть целая сеть малых предприятий, сервисных фирм, оказывающих социально-бытовые, санитарно-гигиенические и другие виды услуг, не входящие в гарантированный перечень. В-девятых, предстоит модернизация и системы социального управления. Центральный аппарат системы социальной защиты населения – это стратегический мозговой центр всей структуры, ему целесообразно заниматься не повседневной текучкой, а постановкой и решением задач прогнозирования, стратегического планирования, разработки и внедрения стандартов и нормативов, созданием методических рекомендаций, передавая выполнение тактических функций на нижестоящие уровни управления» [1, с. 37-42].

На современном этапе происходит переход от стагнации в социальной сфере к развитию, этот период характеризуется внедрением инновационных технологий социальной работы, разработкой новых нормативно-правовых документов в социальной сфере, формированием рынка социальных услуг, возрастающей ролью получателя социальных услуг в преобразованиях социальной политики, модернизацией системы подготовки будущих социальных работников как проводников перемен в социальной сфере, необходимостью формирования инновационной компетентности будущего специалиста социальной сферы.

К трудовым действиям специалиста по социальной работе и заведующего отделением (отделом) в соответствии с Приказом Минтруда России от 22 октября 2013 г. № 571н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе» (зарегистрировано в Минюсте России 6 декабря 2013 г. № 30549) относят: подготовку предложений в рамках разработки социальных программ и проектов, направленных на повышение эффективности социального обслуживания населения на индивидуальном, групповом и средовом уровнях, а также разработку инновационных технологий социального обслуживания [2].

Согласно Б.Ф. Усманову, «инновация есть воплощенное в жизнь новшество (идея), зафиксированное в сознании и практике че-

ловека изменение существующих реалий. В стратегическом значении – продукт управляемого человеком развития, который целенаправленно используется обществом и его структурами для достижения прогресса в той или иной сфере жизнедеятельности» [3].

М. Доуэл к инновационным техникам работы с группой относит видеоконференции и «скайп-групповую» работу [4, с. 173-174].

Н.М. и М.Ю. Платоновы выделяют следующие разновидности новизны: «индивидуальную новизну, когда результат деятельности индивида (творца) для общества не является новым, однако представляется таковым в субъективном, индивидуальном, чисто психологическом смысле; локальную, или групповую, новизну, когда результат творческой деятельности является новым лишь для определенной группы людей; региональную новизну, когда новое распространяется в пределах отдельного региона, страны или государства; объективную, или всемирную, новизну, когда новое признано всем мировым сообществом» [5].

Е.И. Холостова отмечает, что «социальная инновация – идея, имеющая своей целью обрести социально-экономическое содержание быть востребованной обществом, а инновационная деятельность – процесс осуществления инноваций охватывают создание и внедрение: новых видов оказания социальных услуг, новых технологических процессов и форм организации социального обслуживания, нового рынка социальных услуг, новых процессов управления и решения социально-экономических задач, соответствующих им финансовых инструментов и организационных структур, новых предпочтений человека в духовно-нравственной, социальной сфере» [1, с. 85-86].

«Инновационная компетентность – это знание средств, способов, программ инновационной деятельности в решении социальных и профессиональных задач, умения и навыки проектировать и реализовывать инновационные технологии, что составляет ядро содержания компетенции как требования стандарта; готовность к проявлению этих знаний и умений в профессиональной деятельности; опыт реализации знаний, умений, навыков; ценностно-смысловое отношение к содержанию компетенции, его личностной, социальной и профессиональной значимости;

эмоционально-волевою регуляцию как способность адекватно ситуациям социального и профессионального взаимодействия проявлять и регулировать инновационное поведение» [6, с. 215].

Учитывая потребности современного общества, требования профессионального стандарта, в дисциплину «Основы социального маркетинга, инноватики и предпринимательства», реализуемую в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина на 4 курсе направления «Социальная работа» (бакалавриат), включен модуль «Социальная инноватика», целью которого является формирование у студента общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в области теории и практики социальной инноватики.

Для определения уровня знаний студентов в начале и в конце модуля проводится тестирование, состоящее из вопросов по различным темам, таким как: характеристики социальных инноваций; основные функции инноваций; этапы инновационного цикла и др.

Модуль «Социальная инноватика» включает в себя следующие теоретические разделы.

1. Основные понятия инноватики. Типология инноваций. Социальные инновации.
2. Инновационный процесс. Управление инновационным процессом в социальной организации. Инновационный потенциал социальной организации.
3. Инновационная политика. Инновационная стратегия развития. Персонал инновационной социальной организации.
4. Творческий процесс. Креативность и технологии ее развития.

В ходе практических занятий студенты готовят рефераты (примерная тематика рефератов: «Методы преодоления сопротивления социальным инновациям», «Креативные качества социального работника», «Социальные инновационные программы и проекты» и др.), решают кейсы, изучают отечественный опыт реализации социальных инноваций, а также защищают собственные инновационные социальные проекты.

При изучении опыта реализации социальных инноваций студенты анализируют инновационные проекты различных регионов Российской Федерации.

Например, студенты знакомятся с проектом по профилактике подростковой преступности «Антиштраф», реализуемым в Новгородской области Фондом помощи и поддержки несовершеннолетних детей и пенсионеров «Звездный порт». Система «Антиштраф» – превентивная методика поощрения, внедряемая фондом, с помощью которой шаг за шагом возможно улучшение поведения «трудного ребенка». Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетнего и его родителей – участников программы осуществляется специалистами фонда.

Этапы внедрения системы «Антиштраф» включают: диагностику проблем ребенка, определение его приоритетных ценностей, составление меню поощрений системы «Антиштраф» и таблицы желаемого поведения. Если ребенку удастся не совершать проступков, ему выдается квитанция на определенное количество баллов, которые он копит и в дальнейшем может поменять на позицию из меню «Антиштраф». Превентивная методика становится для ребенка сильным внешним контролем и помогает ему закреплять свои достижения, она не вызывает у него сопротивления, потому что не содержит элементов наказания. Ребенок опирается на собственные достижения, что способствует укреплению его самооценки. В результате применения системы удалось у 50 % детей полностью исключить прогулы в школе, воровство, хулиганство на уроках, снизить количество драк [7, с. 285-288].

Изучается инновационная социальная практика «Школа ухода», реализуемая государственным бюджетным учреждением «Территориальный центр социального обслуживания «Мещанский», филиал «Басманный» (г. Москва), направленная на обучение родственников уходу за больными, создание для них условий психологического комфорта.

Особенностью практики является привлечение к мероприятиям программы специалистов медицинского профиля, организаций, выпускающих продукцию по уходу за больными, юриста, психолога. Мероприятия также направлены на закладку базовых и совершенствование полученных знаний, умений, навыков с целью развития профессионального мастерства социальных работников и резервных кадров на замещение вакантных

должностей в системе социальной защиты населения г. Москва.

Реализация мероприятий данной практики решает следующие задачи: подготовить граждан, желающих осуществлять уход за близкими людьми; повысить профессиональное мастерство социальных работников; развить ресурсы и профессиональное мастерство руководителей, специалистов учреждения; с большей отдачей использовать организационные, кадровые и материальные резервы деятельности учреждения; проблемы различных категорий населения с использованием внутренних резервов системы социального обслуживания [8, с. 83-92].

Изучается инновационный проект «Группа выходного дня «Школа здоровья» (г. Пенза). Цель проекта – социальная поддержка семей с детьми-инвалидами для обеспечения максимально возможного развития детей в условиях семейного воспитания, подготовка к самостоятельной жизни. Для осуществления проекта открыта группа выходного дня «Школа здоровья». Основными функциями группы выходного дня являются: охрана жизни и здоровья детей-инвалидов; социально-нравственное воспитание; обеспечение личностного развития ребенка; формирование у детей базовых социальных знаний, умений, навыков; диагностическая и консультативная помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов дошкольного возраста, на дому; координация деятельности органов местной власти в целях обеспечения потребности в получении дошкольного образования детьми, не посещающими детские сады.

Группа работает в субботу и воскресенье в удобное время для родителей. В эти дни специалисты группы выходного дня ждут родителей вместе с детьми. Кроме этого, в субботу в первой половине дня у взрослых есть возможность оставить в группе малыша на четыре часа. В группе регулярно проводятся занятия с малышами, охватывающие все направления развития ребенка: двигательное, речевое, познавательное, социальное, эмоциональное. Родители могут присутствовать на занятиях в группе или оставить малыша под присмотром специалистов. Практика осуществляется по двум направлениям параллельно: работа с детьми-инвалидами в группе выходного дня «Школа здо-

ровья»; работа с родителями (содействие в профессиональной самореализации, нормализация психологического климата в семье, формирование педагогической компетентности родителей и родственников, обучение их коррекционным методикам для применения в домашних условиях, профилактическая и реабилитационная работа по недопущению жестокого обращения и насилия в отношении детей-инвалидов в семье и близком окружении) [9, с. 646-648].

Интересным для изучения представляется инновационный проект «Сохраним семью» (Республика Татарстан), который предусматривает реализацию мероприятий, направленных на сохранение семьи. К задачам проекта относятся: разработка, издание и распространение среди будущих молодоженов просветительской брошюры «Секреты семейного благополучия»; разработка, издание и распространение среди семейных пар, подавших заявление на расторжение брака, просветительской брошюры «Новое рождение семьи»; разработка и реализация системы работы по программе восстановительной медиации для пар, подавших заявление на расторжение брака; информирование населения через СМИ о ходе реализации проекта и возможностях получения в г. Казань бесплатной помощи психолога и медиатора по вопросам семейных отношений, организация просветительских передач на радио и ТВ; распространение опыта организации системы медиации среди специалистов районов Республики Татарстан [7, с. 781-783].

Применение кейсов позволяет формировать инновационную компетентность. Как отмечает Н.В. Гарашкина, «важно, что результатом социального образования должны быть не только знания, но и способность человека оценивать, анализировать, предвидеть последствия социального развития и содействовать происходящим социальным процессам или противодействовать им, если они противоречат интересам всех или отдельного члена общества» [10].

Также в ходе практических занятий происходит защита собственных, как правило, реализованных на практике, инновационных социальных проектов.

Например, проект, направленный на социальное сопровождение специалиста социальной службы. К задачам проекта относят:

развитие коммуникативных навыков, навыков выхода из конфликтных ситуаций; овладение навыками релаксации, мышечного расслабления, визуализации, концентрации; овладение дыхательными техниками. В ходе реализации проекта проведена: консультативная беседа по повышению компетентности социальных работников по вопросу профессионального выгорания «Профессиональное выгорание рядом»; занятия с элементами тренинга на отвлечение от психоэмоционального напряжения на работе. В результате реализации проекта ожидается, что специалисты по социальной работе сумеют самостоятельно преодолевать психосоциальную напряженность как в коллективе, так и с клиентами, научатся различным дыхательными техникам, навыкам релаксации мышечного расслабления, визуализации, концентрации, станут лояльнее относиться не только к проблемам на работе, но и в повседневной жизни.

Еще одним инновационным социальным проектом является проект «Будь здоров, малыш», реализуемый на базе ТОГБУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции». Целью проекта является социальное сопровождение детей из неполных семей посредством приобщения к здоровому образу жизни. В ходе реализации проекта предусмотрено проведение следующих мероприятий: чтение художественной литературы (К. Чуковского «Доктор Айболит», «Мы с Тamarой санитары», С. Михалкова «Прививка», «Грипп»; «Птичка Тари», «Как бегемот боялся делать прививки» и т. д.); проведение зарядки под музыкальное сопровождение; проведение игр («Назови виды спорта», «Угадай вид спорта по показу», «Полезные продукты», «Хорошо-плохо», «Часы здоровья» «Что полезно, а что нет», «Угадай загадку, покажи отгадку»); совместное разучивание стихотворений о здоровье; постановка и показ инсценировки «Айболит» и «Мойдодыр»; осуществление художественных занятий (аппликация, рисование, лепка: Витаминная корзина, овощи на тарелке, «Живые витамины»); просмотр и совместное обсуждение мультфильмов «Лунтик», «Смешарики. Азбука здоровья», «Добрый доктор Стоматолог» и т. д.; составление фотоколлажа «Мы дружим со спортом».

Также в ТОГБУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции» реализуется проект «Арт-терапия как метод социальной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей», направленный на социальную поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, средствами арт-терапии.

Также в ходе реализации дисциплины «Основы социального маркетинга, инноватики и предпринимательства» (модуль «Социальная инноватика») был разработан локальный инновационный социальный проект «Серебряный возраст». Основная цель проекта – осуществление социальной терапии с пожилыми женщинами посредством организации досуга методом декупажа. В ходе реализации проекта отобрана и изучена информация о технике «Декупаж», проведены два мастер-класса (мастер-класс по декупажу холодной свечи и мастер-класс по декупажу елочных игрушек), собран и подготовлен материал для изготовления поделок, которые будут сделаны собственными руками пожилых.

Таким образом, считаем, что одним из перспективных направлений развития системы вузовской подготовки является формирование инновационной компетентности у будущего специалиста социальной сферы. Инновационная компетентность у будущего специалиста социальной сферы обеспечит конкурентоспособность, расширит возможности трудоустройства и социальной мобильности. Одним из перспективных направлений развития системы вузовской подготовки является формирование инновационной компетентности у будущих специалистов социальной сферы как процесс, объединяющий усилия преподавателей, студентов, практиков социальных служб и организаций.

Список литературы

1. Управление в социальной работе / под ред. Е.И. Холостовой, Е.И. Комарова, О.Г. Прохоровой. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2012. 333 с.
2. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе»: приказ Минтруда России от 22.10.2013 г. № 571н (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2013 г. № 30549). URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/03.001.pdf> (дата обращения: 10.11.2016).

3. Усманов Б.Ф. Социальная инноватика. М.: Социум, 2009.
4. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Технология социальной работы. М.: КНОРУС, 2016. 344 с.
5. Платонова Н.М., Платонов М.Ю. Инновации в социальной работе. М.: Изд. центр «Академия», 2012. 256 с.
6. Дружинина А.А. Формирование компетентности в области социальных инноваций у будущего социального работника // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 10. С. 209-216.
7. Энциклопедия инновационных практик социальноориентированных некоммерческих организаций / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2017. 848 с.
8. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2015. 552 с.
9. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2015. 824 с.
10. Гарашкина Н.В. Система вузовской подготовки будущих социальных работников как компонент социального образования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 6 (110). С. 91-100.
4. Firsov M.V., Studenova E.G. *Tekhnologiya sotsial'noy raboty* [Technology of Social Work]. Moscow, Knorus Publ., 2016, 344 p. (In Russian).
5. Platonova N.M., Platonov M.Y. *Innovatsii v sotsial'noy rabote* [Innovations in Social Work]. Moscow, Publishing center "Akademiya", 2012, 256 p. (In Russian).
6. Druzhinina A.A. Formirovanie kompetentnosti v oblasti sotsial'nykh innovatsiy u budushchego sotsial'nogo rabotnika [Formation of the competence in the sphere of social innovations and future social worker]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy – Social and economic phenomena and processes*, 2014, vol. 9, no. 10, pp. 209-216. (In Russian).
7. Kholostova E.I., Klimantova G.I. (eds.). *Entsiklopediya innovatsionnykh praktik sotsial'noorientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy* [Encyclopedia of Innovative Practice of Socially-Oriented Non-Commercial Organizations]. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2017, 848 p. (In Russian).
8. Kholostova E.I., Klimantova G.I. (eds.). *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki pozhi-lykh lyudey v Rossiyskoy Federatsii* [Encyclopedia of Social Practice of Elderly people Support in the Russian Federation]. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2015, 552 p. (In Russian).
9. Kholostova E.I., Klimantova G.I. (eds.). *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki invalidov v Rossiyskoy Federatsii* [Encyclopedia of Social Practice of the Disabled Support in the Russian Federation]. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2015, 824 p. (In Russian).
10. Garashkina N.V. Sistema vuzovskoy podgotovki budushchikh sotsial'nykh rabotnikov kak komponent sotsial'nogo obrazovaniya [The system of future social workers preparation as a component of social education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 6 (110), pp. 91-100. (In Russian).

References

1. Kholostova E.I., Komarov E.I., Prokhorova O.G. (eds.). *Upravlenie v sotsial'noy rabote* [Management in Social Work]. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2012, 333 p. (In Russian).
2. Order of Ministry of Labor of the Russian Federation no. 571n of October 22, 2013, *Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Spetsialist po sotsial'noy rabote» (zaregistrirvano v Minyuste Rossii 06.12.2013 g. № 30549)* [About confirmation of professional standard "Specialist in social work" (registered in Justice Ministry of Russia 06.12.2013 no. 30549)]. (In Russian). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/03.001.pdf> (accessed 10.11.2016).
3. Usmanov B.F. *Sotsial'naya innovatika* [Social Innovation Theory]. Moscow, Sotsium Publ., 2009. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.12.2016 г.

Отрецензирована 18.01.2017 г.

Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 13 December 2016

Reviewed 18 January 2017

Accepted for press 30 August 2017

UDC 36+378

THE FORMATION OF INNOVATION COMPETENCE OF FUTURE SOCIAL SPHERE SPECIALIST

Anastasiya Aleksandrovna DRUZHININA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Psychological-Pedagogic and Social Education

Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: drugininaan@yandex.ru

The transformations, occurring in the social sphere of Russia are analyzed. At the modern stage the transition from stagnancy in the social sphere to the development, this period is characterized by the implementation of innovative technologies of social work, development of new legal and regulatory documents in the social sphere, formation of the market of social services, the increasing role of social services recipient in the transformations of social policy, modernization of the system of preparation of social workers, both as guide of changes in the social sphere, the necessity to form innovative competence of the future specialist in the social sphere. The experience of realization of module "Social Innovation Theory" is presented. The aim of this module is the formation of general and cultural, general and professional and professional competences in the sphere of theory and practice of social innovation theory. The active and interactive form of carrying out the lessons such as problem tasks' decision, the study of social innovations realization in different regions of the Russian Federation, case-situations, business and role games. And also during practical lessons students will have to protect their own, practically realized innovative social projects. One of prospective directions of development of higher educational institution preparation is the formation of innovative competence at future specialist of social sphere will provide competitiveness, will broaden the working possibilities and social mobility. One of prospective directions of system of higher educational institution development is the formation of innovative competence at future specialists of social sphere as a process, uniting the common efforts of lecturers, students, practical men of services and organizations.

Keywords: innovative competence; social sphere; future specialist of social sphere; innovations; social innovations; higher educational institution preparation

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-54-60

Для цитирования: Дружинина А.А. Формирование инновационной компетентности будущего специалиста социальной сферы // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 54-60. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-54-60.

For citation: Druzhinina A.A. Formirovanie innovatsionnoy kompetentnosti budushchego spetsialista sotsial'noy sfery [The formation of innovation competence of future social sphere specialist]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 54-60. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-54-60. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ДОСУГОВЫЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВСКИХ КЛУБОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
культуроведения и социокультурных проектов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: dolgenkovam@mail.ru

Раскрыты особенности возникновения и развития клубов в Тамбовском регионе в период XIX – начала XX века. Материалы исследования основаны на анализе архивных источников и материалов периодической печати. Дана характеристика становления в Тамбовской губернии культуры клуба. На основе анализа уставов и отчетов клубных общностей раскрыты основные цели и задачи, содержательные направления деятельности клубов, рассмотрен вклад клубов в развитие социально-культурных процессов региона. Большинство клубов представляли собой закрытые сословные общественные объединения. Подавляющее большинство клубов были мужскими, куда женщины допускались только на семейные вечера, балы или маскарады. Однако к началу XX века сословно-замкнутых клубов почти не осталось. Подробно представлена деятельность Дворянского, Коннозаводского и Коммерческого собраний, а также Народных домов. Клубная культура в тамбовском регионе развивалась достаточно активно, она имела существенное значение для развития социокультурных процессов губернии. В клубах, помимо организации настольных игр и социально-политических дискуссий, устраивались досуговые вечера, концертно-зрелищные программы, спектакли профессиональных и любительских трупп, благотворительные мероприятия. Клубы стали центрами просвещения и культуры, игравшими важную роль в жизни регионального социума.

Ключевые слова: история клубов; настольные игры; досуговые программы; просвещение; благотворительность

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-61-67

Специальные заведения, предназначенные для вечернего досуга, появились в Тамбовской губернии в начале XIX века. В частности, в регионе достаточно широкое распространение получают мужские клубы. До 1836 г. местное дворянство нередко встречалось в карточном клубе в доме однокашников М.Ю. Лермонтова по Московскому университетскому пансиону Дмитрия и Федора Протасьевых. В начале XIX века это было одно из лучших зданий города на углу Большой и Араповской улиц.

До наших дней дошла легенда, согласно которой М.Ю. Лермонтов, будучи проездом в Тамбове, посетил клуб в доме своих приятелей и составил для себя достаточно своеобразное представление о нравах местного сообщества. Впечатления молодого путешественника послужили основой для создания поэмы «Тамбовская казначейша», гротесковый сюжет которой, в сущности, не был далек от действительности. Игра в карты среди мужского сообщества тамбовских дворян была чрезвычайно популярной. Неслучайно Б.И. Илешин подчеркивал в своем исследо-

вании, что из Москвы в Тамбов направлялись целые обозы с картами [1, с. 49].

Только за апрель 1809 г. Тамбовский приказ общественного призвания заплатил московской карточной конторе 14300 руб. – огромные по тем временам деньги.

Во второй трети XIX века функции клуба начало выполнять и помещение Дворянского собрания, здание которого было сооружено в 1836 г.

Дворянское собрание как особого рода клубная структура становится центром досуговой и концертной жизни Тамбова. В нем давались спектакли, силами местных любителей искусства и приезжими артистами организовывались концерты. Наиболее масштабными и грандиозными мероприятиями Дворянского собрания становились устраиваемые ежегодно новогодние балы. В рамках этих балов проходили многочисленные благотворительные программы – акции по сбору средств, подписки, аукционы. На эти балы съезжались практически все представители тамбовского дворянства, участвовали в увеселениях вместе с семьями, поэтому танце-

вальная программа таких вечеров была обширной.

В уездных городах Тамбовской губернии клубы активно открываются только в 1850-х гг. XIX столетия, правда, сведения о содержании их деятельности весьма отрывочны. Более систематичные данные о работе тамбовских клубов относятся к началу XX века.

Поскольку 6 марта 1906 г. был издан Закон об обществах и союзах, согласно которому всем общественным объединениям, обществам, кружкам и клубным обществам полагалось пройти регистрацию в местных органах власти и Министерстве внутренних дел, в архивных источниках, относящихся к периоду 1907–1917 гг., можно обнаружить большое количество учредительных документов и протоколов их принятия и регистрации. Анализ уставных документов клубных обществ позволяет выявить некоторые общие черты клубов Тамбовского региона в начале XX века. Большинство клубов представляли собой закрытые (с наличием членства и взносов) общественные объединения.

Подавляющее большинство клубов были мужскими, в них женщинам дозволялось присутствовать только во время семейных вечеров, балов или маскарадов. Если во второй половине XIX века тамбовские клубы еще придерживались некоторой сословной регламентации, то в начале XX века таких сословно-замкнутых клубов почти не осталось.

Исключение представляли тамбовские Военное собрание, Коннозаводское собрание (для членства в которых требовался определенный социальный статус или определенный «порог» финансового состояния) и Коммерческое собрание, куда приходили купцы и предприниматели.

Клубы, в которых допускалось пребывание женщин в обычные дни, получили наименование Семейных собраний. Однако в уставах этих клубов специально оговаривалось то обстоятельство, что женщины не имели права участвовать в выборных органах клубов, а также занимать ответственные посты в органах самоуправления. На рубеже XIX и XX веков среди тамбовских клубов появляется новый тип досугового заведения, члены которого объединялись по профессиональному признаку. Например, в Козлове и Тамбове возникают Педагогические собра-

ния, в Тамбове был создан клуб Общества вспомоществования ремесленников, а также Семейное собрание приказчиков. Общества взаимного вспомоществования приказчиков также активно работали в Козлове и Борисоглебске. Следует признать, что большинство губернских клубов именовались «Общественным собранием» или «Всесословным общественным собранием».

Почти все уставы общественных собраний составлялись по единому образцу, поэтому целью этих клубных сообществ было «составить своим членам и их семьям возможность проводить время с удобством, приятностью и пользой». Достаточно однотипными были и перечисления видов досуговой деятельности клуба, который устраивал для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, литературные и музыкальные вечера, театральные представления, специально выписывались новинки литературы, свежие газеты, журналы и другие периодические издания, специально приглашались лекторы, выступления которых способствовали «бы распространению между членами собрания полезных сведений».

В специальном примечании к уставу отмечалось, что весь используемый для публичных выступлений репертуар должен быть допущен цензурой и разрешен полицейским начальством. Более того, на всех публичных вечерах полагалось оставлять свободные зрительские кресла для чиновников полиции, следивших за соблюдением уставных требований и норм закона о цензуре. Согласно уставам, все действительные члены общественных собраний пользовались правом бесплатного входа в клуб, если не было установлено особой платы (как правило, за развлекательные, танцевальные или маскарадные программы). В иных случаях можно было бесплатно провести одного члена семьи или (исключительно в мужском клубе) на бал можно было бесплатно провести «женскую особу из членов семейства, за исключением малолетних» [2, л. 2-30].

Особый раздел уставов общественных собраний – положение об играх. Согласно уставам, в собрании разрешались различные настольные игры, кроме азартных или таких, о запрещении которых в клубах имелось правительственное распоряжение. К «дозволенным» играм относились шахматы и биль-

ярд. Допускались «коммерческие», но не азартные карточные игры, с большим недоверием власти относились к распространению в клубах игры в лото. Особо оговаривалось в уставах время работы клуба: предусматривались штрафные санкции для «заигравшихся» членов «в послеполуночное время», причем размер штрафов (что подробно отражалось в уставах) находился в арифметической прогрессии относительно сверхнормативного времени.

Устав страховал клубные сообщества от возможных конфликтных и криминальных ситуаций, связанных с расчетами по выигрышам: расчеты во всякой игре должны были быть окончены вместе с игрой, переводы долгов не допускались.

Органом управленческой и распорядительской деятельности в клубах являлся выборный орган – совет старшин, которые организовывали работу клуба, дежурили ежедневно и предотвращали возможные конфликтные ситуации как внутри клуба, так и в процессе взаимодействия с органами власти и местными жителями.

Во многих клубах существовала либо специальная столовая комната, либо организовывался буфет с продажей закусок и крепких напитков. Буфет этот мог находиться под контролем старшин, и доходы от его деятельности пополняли кассу клуба, либо старшины сдавали буфет в аренду, и тогда в кассу шли деньги от аренды. Акцизное ведомство в таких случаях вступало в конфликт с полицией, поскольку в интересах первого ведомства было увеличение доходов от торговли спиртным, а в интересах второго – борьба за трезвый досуг населения.

Почти для всех тамбовских клубов характерно получение средств от сдачи в аренду помещений, концертного зала или музыкальных инструментов. Основу расходов клубов составляли расходы по эксплуатации помещений (освещение, отопление, ремонт), а также на устройство балов или маскарадов, наем оркестра и других исполнителей, покупку призов для участников праздников, оплату пиротехнику за устройство фейерверков и тому подобное.

О характере художественно-массовых мероприятий клубов косвенно свидетельствуют данные о достаточно крупных и регулярных отчислениях на ремонт, реконструк-

цию и оборудование зрительного зала и сцены, на изготовление реквизита и декораций, оплату труда артистов, исполнителей оркестра, устройство фейерверка.

К 1911–1912 гг. только в Тамбове функционировало 5 клубов: Купеческое (Коммерческое) собрание, Коннозаводское собрание, Семейное собрание приказчиков, Собрание ремесленников, Военное собрание.

Старейшим и самым престижным клубом города Тамбова было Коннозаводское собрание. Он располагался в здании публичной библиотеки, построенной в 1843 г. (из-за недостатка средств на содержание библиотеки уже в 1845 г. нижний этаж и подвальное помещение были сданы Коннозаводскому собранию). Это был элитарный дворянский клуб, большое внимание уделявший поддержанию своей репутации, в его уставе от 1874 г. подчеркивалось, что «приличная одежда есть общее условие для всех посещающих собрание. Каждый должен вести себя благопристойно, обращаться вежливо, соблюдать общепринятые приличия».

Учредители клуба имели целью «составление общества, которое, кроме приятного препровождения времени в позволенных играх, чтении газет и журналов, могло бы рассуждать в кругу своем и о способах усовершенствования коннозаводства как одной из важнейших отраслей хозяйства здешней губернии» [3, л. 3]. Желая вступить в члены клуба должны были представить одну–две письменных или устных рекомендаций, после чего в специально объявленное время при наличии оговоренного в уставе кворума шло голосование шарами. Этот ритуал в Коннозаводском собрании проходил следующим образом: старшины извещали о предложенном к голосованию кандидате через написание его звания и имени на специальной доске, выставленной в зале собрания в течение семи дней, по истечении которых проходило голосование. Баллотировка проходила шарами при наличии в помещении клуба не менее трети всех действительных членов. Кандидат считался избранным, если за него проголосовало не менее двух третей выборщиков. Почетными старшинами Коннозаводского собрания избирались губернатор и губернский предводитель дворянства. Коннозаводское собрание было открыто с одиннадцати часов дня до пяти часов утра.

Десятая часть дохода подлежала капитализации, что обеспечивало прочное финансовое положение клуба [4, л. 10-11]. Доходы Коннозаводского собрания также формировались от сдачи в аренду помещений, концертного зала и инвентаря.

Коннозаводское собрание во второй половине XIX века располагало крупнейшим концертным помещением губернского центра, здесь проходили концерты профессиональных и любительских коллективов и солистов, в нем устраивались танцевальные вечера, балы, маскарады и благотворительные акции.

Рядом с помещением клуба находился небольшой сад, в котором стояла эстрада-раковина, где летними вечерами устраивались концерты, гуляния и празднества с фейерверками. Руководители Коннозаводского собрания ежегодно старались пригласить на работу местных музыкантов, из которых формировался небольшой оркестр. Кроме того на летней эстраде в саду собрания играл любительский оркестр, обладавший достаточно высоким уровнем исполнительского мастерства, что позволяло ему исполнять довольно сложный репертуар, например, увертюру П.И. Чайковского «1812 год» [5, л. 55-59].

Коннозаводское собрание предлагало своим членам хороший и недорогой стол и буфет, планировалось устраивать балы, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические и «иные дозволенные правительством» представления, семейные обеды, ужины. Как и всякий клуб, Коммерческое собрание содержало библиотеку, выписывало книги и периодические издания, приглашало для чтения лекций специалистов по разным отраслям знаний. Однако основным видом деятельности клуба все же были игры: карты, домино, шахматы, бильярд, лото, кегли и др. Одним из направлений деятельности уставом была предусмотрена благотворительность по подписке среди членов.

Коммерческое собрание устраивало в своих стенах спектакли и концерты, принимало на своей сцене очень популярную в то время капеллу Д.А. Славянского и других артистов-гастролеров (А.И. Терпугова, М.С. Гертрудю). Регулярными в собрании были сеансы биоскопа (кинематографа), ко-

торые сопровождались игрой тапера на фортепиано.

Помещение собрания арендовалось у частного владельца за 1500 руб. Очень доходным для клуба оказалось проведение маскарадов, от входной платы на которые получали свыше 1200 руб. Доходы давал и каток в городском саду, и лото, и сдававшийся в аренду зал. Для развлечения устраивались концерты артистов-гастролеров, а также приглашалась частная труппа (товарищество артистов), которая дала в клубе более 30 спектаклей.

На танцевальных вечерах и маскарадах в собрании играл оркестр Седьмого кавалерийского полка. Затраты клуба на освещение сада и зимнего помещения составляли 6000 руб., лучшим маскам на маскарадах покупались призы на сумму 400 руб. [6, л. 32-97].

Достоверных сведений о работе дамских салонов или клубов в литературных и архивных источниках обнаружено не было. Однако отрывочные сведения из мемуарных источников о вечерних собраниях в домах тамбовских аристократов позволяют предположить, что периодически дамы высшего света (например, графини А.К. Воронцова-Дашкова или Н.К. Загряжская) устраивали в своих домах-дворцах женские собрания, очень напоминавшие салон. Помимо светских дам на эти собрания приглашались представители творческой интеллигенции, местные и гастролирующие артисты и музыканты.

Однако на москвичку М.А. Волкову, эвакуировавшуюся в Тамбов в 1812 г., местное женское общество произвело не слишком благоприятное впечатление: «Все с претензиями, крайне смешными. У них изысканные, но нелепые туалеты, странный разговор, манеры как у кухарок, и ни у одной порядочного лица» [7]. Что это – тонко подмеченные особенности губернских нравов или снобистское высокомерие по отношению к провинциалкам?

Только во второй половине XIX века в Тамбове расширяет свою деятельность благотворительное Дамское общество, заседания которого проходили в помещении Коннозаводского собрания. Дамское общество устраивало благотворительные спектакли и концерты, для чего к работе привлекались профессиональные исполнители и любители. Средства, полученные от таких вечеров, на-

правлялись в помощь раненым и инвалидам войн. Также проводились разнообразные по содержанию художественные вечера и торжественные обеды [8].

Традиционными для тамбовских клубов XIX столетия стали торжественные встречи Нового года. Так, в 1883 и 1884 гг. объединялись для встречи Нового года члены Военного и Коннозаводского собраний. Новогодний вечер проходил в здании Дворянского собрания «очень весело и оживленно». По свидетельству очевидцев, на вечер собралась лучшая часть тамбовского общества, почти все члены обоих клубов. Вечер начался с бала, кадрили танцевало более 50 пар, играл оркестр. В полночь приехал губернатор А.А. Фридерикс. Затем начался пышный ужин с шампанским, по окончании которого более часа танцевали мазурку. Вечер завершился после трех часов ночи [9, с. 3].

В 1916–1917 гг. в Тамбовской губернии создаются Народные дома – общедоступные клубные учреждения нового типа культурно-просветительной направленности. Они рассматривались не просто как досуговые учреждения, а как общественные организации, для которых была необходима регистрация устава в Губернском присутствии об обществах.

В январе 1917 г. был зарегистрирован устав Народного дома с. Рассказово, учредителями которого были местные крестьяне и мещане. Деятельность Народного дома была направлена на «доставление возможности широким массам населения с пользой употреблять свое свободное время и получать образовательные и разумные развлечения».

В структуре Народного дома существовали такие подразделения, как школа, библиотека-читальня, книжный магазин, научно-образовательный музей, различного рода курсы. В Народных домах можно было устраивать спектакли, концерты, различные просветительные и художественные вечера, читать лекции, рефераты, проводить выставки, встречи и беседы со специалистами разных отраслей. Кроме того, Народный дом мог работать как социально-защитное учреждение, в нем могли располагаться детские сады, приюты, народные столовые и чайные [10, л. 1-2].

В сентябре 1916 г. общество Народный дом возникло в с. Уварово. Устав общества со стандартными целями и видами деятель-

ности предусматривал членские взносы ежегодно – 1 рубль. Помимо этого, при устройстве музыкальных и драматических спектаклей в собрании, чтений и детских игр требовалось соблюдение специальных правил [8, л. 2-4].

Строительство Народного дома в Тамбове осуществлено в 1909 г. Учредителем этого досугового сообщества стало Попечительство о народной трезвости, в актив которого входили чиновники и дворяне, в том числе член Государственной думы А.Я. Тимофеев. Устав общества был зарегистрирован в марте 1916 г. и содержал стандартные для этого вида обществ положения [11, л. 1-3].

Еще одним инновационным по тем временам типом клубного учреждения стало Уваровское педагогическое общество, созданное в апреле 1917 г. Оно стремилось удовлетворить духовные запросы народа, ставило задачу организовывать внешкольную работу с учащимися. Для реализации поставленных задач общество планировало устраивать вечерние и воскресные учебные заведения для взрослых, а также народные чтения с волшебным фонарем (аппарат для проекции изображений) и лекции. Кроме того, общество обеспечивало работу библиотеки-читальни. Специальным направлением деятельности общества стала организация народных спектаклей и концертов. Общество также содействовало физическому, нравственному и умственному развитию детей, для этого предполагалось создание детских клубов, ученических драматических спектаклей, разнообразных кружков, детских союзов, а также литературно-музыкальных вечеров. В плане общества было проведение экскурсий, организация работы площадки для игр в саду, а также катка. Инициаторами создания этого общества были учителя во главе с А. Волостных [12, л. 3-4].

Таким образом, в начале XX века важнейшими характеристиками клуба стали общедоступность и культурно-просветительная направленность.

Таким образом, клубная культура в тамбовском регионе развивалась достаточно активно. В целом она соответствовала тенденциям эволюции сословных собраний России XIX века, однако имела существенное значение для развития культурно-просветительных и социокультурных процессов губернии.

В клубах, помимо организации настольных игр и социально-политических дискуссий, устраивались досуговые вечера, концертно-зрелищные программы, спектакли профессиональных и любительских трупп, благотворительные мероприятия. Все это превращало клубы в центры просвещения и культуры, игравшие важную роль в жизни регионального социума.

Список литературы

1. Илешин Б.И. Литературные тропинки отчего края. М.: Советская Россия, 1986. 208 с.
2. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 25. Оп. 1. Д. 27.
3. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 221.
4. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 96.
5. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6280.
6. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92..
7. Вдовина Л.Н. Повседневность городской жизни русской провинции // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков: сб. статей. М., 1992. С. 43–47.
8. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 423.
9. Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 1.
10. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 941.
11. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 424.
12. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 935.

References

1. Ileshin B.I. *Literaturnye tropinki otchego kraya* [Literary Paths of Native Country]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1986, 208 p. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 27. (In Russian).

3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 221. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 96. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 6280. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 92. (In Russian).
7. Vdovina L.N. Povsednevnost' gorodskoy zhizni russkoy provintsii [Russian province's everyday urban life]. *Sbornik statey "Russkaya provintsiya. Kul'tura XVIII–XX vekov"* [A Collection of Articles "Russian Province. Culture of 18–20th centuries"]. Moscow, 1992, pp. 43–47. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 423. (In Russian).
9. *Tambovskie gubernskie vedomosti* [Tambov Provincial Journal], 1884, no. 1. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 941. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 424. (In Russian).
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 935. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.10.2016 г.

Отрецензирована 10.03.2017 г.

Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 17 October 2016

Reviewed 10 March 2017

Accepted for press 30 August 2017

UDC 379.828

LEISURE TRADITIONS OF TAMBOV CLUBS OF 19th – THE BEGINNING OF 20th CENTURY

Marina Igorevna DOLZHENKOVA

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: dolgenkovam@mail.ru

The peculiarities of appearance and development of clubs in Tambov region in the period 19th – the beginning of 20th century are revealed. The materials of research are based on the analysis of archive sources and materials of periodicals. The characteristic of becoming of culture of club in Tambov province is given. Basing on the analysis of statutes and accounts of club community the basic aims and tasks, content directions of clubs' activity are revealed, the implementation of clubs in the development of social-cultural processes of union are considered. The greatest amount of clubs was men's clubs. Women were not allowed, only for family evening parties, balls and masked balls. But by the beginning of 20th century there were almost no class-closed clubs. The activity of Assembly of the Nobility, Konnozavodskoe and Commercial assembly and also People's Houses is presented. Club culture in Tambov region was developing rather fast. It was significant for the development of social and cultural processes of the province. The leisure evening, concert-entertaining programmes, performances of professional and amatory groups, charity events were organized in the club besides the organization of table-top games and social and political discussions. The clubs were the centers of education and culture, playing an important role in the life of regional society.

Keywords: clubs' history; table-top games; leisure programs; education; charity

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-61-67

Для цитирования: Долженкова М.И. Досуговые традиции тамбовских клубов XIX – начала XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 61-67. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-61-67.

For citation: Dolzhenkova M.I. Dosugovye traditsii tambovskikh klubov XIX – nachala XX veka [Leisure traditions of Tambov clubs of 19th – the beginning of 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 61-67. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-61-67. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 061.237

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ КЛУБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА

© Игорь Витальевич КОЛЕСОВ

директор центра «Спортивный и ивент-менеджмент»

Государственный университет управления

109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр-т, 99

E-mail: kolesov@m-verim.ru

Актуальность темы заключается в том, что проблемы социального воспитания подрастающего поколения обусловлены теми кризисными процессами и явлениями, которые сегодня имеют место в России. Это касается, прежде всего, трудностей в социальной адаптации молодежи к нестабильным социально-экономическим, образовательным, социокультурным условиям и вызванных ими многочисленных девиаций в молодежной среде. В этих условиях возрастает необходимость обновления социального воспитания подростков, формирования их социальной активности. Клубная деятельность обладает существенным потенциалом в активизации данного процесса. Сделан упор на том, что описание процесса невозможно без анализа структуры изменяющегося явления. Это значит, что для анализа структуры процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности необходимо рассмотреть его как системное явление. В контексте этого определен процесс формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности как системное явление, требующее рассмотрения его, во-первых, как целостного педагогического механизма, который представляет собой последовательность действий, необходимых для достижения его цели, во-вторых, как организационно-содержательной структуры, обеспечивающей упорядоченность этого процесса и представляющей собой совокупность взаимосвязанных компонентов. Решая данную задачу, описан компонентный состав модели формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности: субъектный компонент (выделяются участники процесса формирования социальной активности подростков), ориентационный компонент (описываются принципы организации процесса формирования социальной активности подростков, обусловленные сущностью клубной деятельности, и принципы, обусловленные методологическими подходами к процессу формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности), диагностический компонент (рассматриваются процессуальные элементы, обеспечивающие определение исходного уровня сформированности социальной активности подростков), содержательно-организационный компонент (формы; методы; практико-методические педагогические условия); рефлексивно-регулирующий компонент (контроль и анализ хода и промежуточных результатов процесса, оперативная корректировка его содержания и методики) и продуктивный компонент (уровни сформированности социальной активности подростков). Сделан акцент на том, что компоненты модели представляют как статичные (системные), так и динамичные характеристики процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности, ибо являются совокупностью взаимосвязанных компонентов и его последовательных этапов: субъектно-ориентировочного, диагностического, содержательно-организационного и продуктивного.

Ключевые слова: социальная активность; клубная деятельность; подростки; модель; педагогические условия

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-68-74

Описание процесса невозможно без анализа структуры изменяющегося явления [1]. Это значит, что для анализа структуры процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности необходимо рассмотреть его как системное явление. То есть речь идет о системном подходе, требующем системного представления объекта, с такими его характеристиками, как структура, связь, целостность, организация, уровни и целесообразность.

Метод моделирования нашел широкое применение в педагогических исследованиях в силу многообразия его гносеологических функций. Он предусматривает изучение определенных свойств и отношений между элементами педагогических процессов на специальном объекте – модели.

Мы рассматриваем процесс формирования социальной активности подростков как аспект социального воспитания, цель которого определяется социальным заказом, наибо-

лее очевидно представленным в государственных нормативных документах. Важнейший для нас документ – разработанные Министерством образования и науки Российской Федерации и утвержденные Правительством Российской Федерации Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

В этом документе прямо говорится о том, что «государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности» [2]. Клубная деятельность при этом выступает в качестве целостного педагогического механизма, последовательности педагогических действий, способствующих формированию социальной активности подростков.

Цель процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности – формирование стратегии социального поведения подростков, проявляющейся в сознательной установке на социально одобряемое поведение и социально значимую деятельность, освоение взрослых социальных ролей, позволяющих им успешно адаптироваться в социуме, осуществлять его преобразование, а также самореализовываться на основе интересов и ценностей общества. При этом подчеркнем, что названная цель выступает в качестве системообразующего фактора, а не компонента системы.

Как педагогическая система процесс формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности включает следующие компоненты: субъектный, ориентационный, диагностический, содержательно-организационный, рефлексивно-регулируемый, продуктивный.

В **субъектный компонент** входят участники процесса формирования социальной активности подростков: подростки, родители детей, педагогический коллектив клубного объединения, представители социальных институтов – партнеры клуба. Каждый педагог, работающий с детьми в клубе, должен понимать и принимать целевую и смысловую ориентацию клубной деятельности в целом и

всех видов деятельности, входящих в нее, на формирование социальной активности подростков.

Ориентационный компонент процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности – это совокупность базовых методологических подходов (социально-педагогического, системно-ролевого, субъектно-деятельностного и аксиологического) и обусловленных ими и сущностью клубной деятельности принципов организации этого процесса:

1) принципы, обусловленные сущностью клубной деятельности:

- *принцип позитивной свободы*, обеспечивающий возможность выбора подростками видов клубной деятельности, своих ролей и позиций в них, при условии не противоречия их интересам общества;

- *принцип добровольности*, заключающийся в отсутствии какого-либо принуждения подростков к участию в основных и сопутствующих видах клубной деятельности, реализации своих ролей и позиций в них;

- *принцип общего интереса*, проявляющийся в стремлении находить общие для подростков и педагогов интересы в различных видах клубной деятельности;

- *принцип атрибутивности и нормативности*, заключающийся в создании атрибутов, символов, традиций, норм клубной жизни, способствующих возникновению у подростков чувства принадлежности к клубному объединению и репрезентирующих их во взаимоотношениях с различными социальными институтами;

- *принцип занимательности*, обеспечивающий эмоционально положительное отношение подростков к содержанию и формам клубной деятельности;

- *принцип самоорганизации*, обеспечивающий ведущую роль подростков в управлении клубной деятельностью как на уровне определения ее содержания, так и на уровне отбора ее организационных форм;

2) принципы, обусловленные методологическими подходами к процессу формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности:

- *принцип адаптивности*, заключающийся в предоставлении подросткам возможности осуществления стратегии поведе-

ния и деятельности в клубе, которые соответствуют их адаптивным ресурсам и возможностям;

– *принцип обогащения ролевого репертуара*, направленный на создание возможностей для постепенного овладения подростками различными социальными ролями, функциями и нормами как клубной, так и социально полезной деятельности;

– *принцип субъектности*, предполагающий создание возможностей для перевода подростков с пассивной на активную ролевую позицию в различных видах клубной деятельности;

– *принцип рефлексивности*, направленный на организацию рефлексивной деятельности подростков в клубе;

– *принцип аксиологизации содержания клубной деятельности*, заключающийся во включении в различные виды клубной деятельности содержания, требующего осмысления подростками базовых социальных ценностей и норм.

Диагностический компонент процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности включает следующие процессуальные элементы как системное образование, обеспечивающие определение исходного уровня сформированности социальной активности подростков: получение диагностической информации на основе выявленных нами компонентов, критериев и показателей, а также соответствующего диагностического инструментария; обработку и анализ этой информации. Диагностически-аналитическая процедура позволяет педагогу аккумулировать потенциал клубной деятельности в целях формирования основных компонентов социальной активности подростков.

Анализ входных диагностических данных предваряет практическую реализацию процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности. В разрабатываемой нами модели решение этой задачи обеспечивается **содержательно-организационным компонентом**.

Названный компонент включает содержание, формы и методы клубной деятельности, способствующие формированию социальной активности подростков.

Содержание процесса формирования социальной активности подростков определя-

ется содержанием клубообразующих и сопутствующих видов деятельности, обусловлено содержанием реальных социальных ролей и статусов, которые подростки могут занимать в клубе и жизни, потенциальных взрослых ролей и статусов, представляет собой субъектный опыт, который необходимо освоить подросткам в клубном объединении, чтобы обрести активную (субъектную) позицию в деятельности и поведении.

Социальный статус – коллекция прав и обязанностей (Р. Линтон). Права человека – то, что возможно, допустимо в поведении человека; обязанности – должное в нем. Человек имеет много социальных статусов. Часть статусов является реальными, характеризующими личность в настоящий период времени. Некоторые статусы, которые человек приобретет через определенное время, являются потенциальными. Для подростка, например, таким потенциальным статусом является статус взрослого человека, находясь в котором личность не только приобретает дополнительные права, но, прежде всего, дополнительные обязанности.

Социальный статус личности имеет нравственно-правовое содержание. Нравственный статус – это соответствие поведения личности нормам морали общечеловеческим ценностям и нормам. Правовой статус – юридические права и обязанности личности, обусловленные существующими правовыми нормами.

Выделяют общий, специальный и индивидуальный социальные статусы личности. Общий статус является одинаковым для всех людей. Его содержание составляют общечеловеческие нравственные нормы и ценности, а также права и обязанности, которые предоставлены и гарантированы каждому человеку независимо от его пола, возраста, национальности, других особенностей.

Специальный социальный статус характеризует особенности социального положения определенных категорий людей (например, школьников, членов клубного объединения и т. д.). Содержание специального социального статуса включает, помимо общечеловеческих норм, ценностей, юридических прав и обязанностей, нормы и ценности коллектива, группы, субкультуры и т. п.

Индивидуальный социальный статус представляет собой совокупность персон-

фицированных прав и обязанностей личности в зависимости от пола, возраста, состояние здоровья и т. д. Специальный и особенно индивидуальный статусы личности подвержены существенной динамике в течение жизни человека.

В общем социальном статусе личности, как правило, разграничивают гражданский, политический, экономический, культурный статусы. В специальном – семейный, образовательный, профессиональный, социально-групповой. В индивидуальном – возрастной, половой, психический, физический. Социальные статусы человека затрагивают различные стороны его личной и общественной жизни и в совокупности образуют комплекс, имеющий системные характеристики.

Так как статус – это неотъемлемый атрибут социальной роли, то содержание процесса формирования социальной активности подростков, реализующих реальные и готовящихся выполнять потенциальные взрослые роли, должно быть обусловлено содержанием этих ролей.

Поскольку в нашем исследовании речь идет о подростках, являющихся членами клубного объединения, то в специальном социально-групповом статусе мы выделим статус члена клуба, ибо мы уже отмечали, что клубное объединение характеризуется своей особой ценностно-нормативной системой, отличающей его от других объединений и групп. В этом случае, определяя содержание процесса формирования социальной активности подростков, мы будем опираться и на содержание клубной деятельности (клубообразующей и сопутствующей), в ходе реализации которой у подростков необходимо сформировать активную (субъектную) позицию.

Опираясь на идеи А.К. Осницкого [5], а также на структуру социальной активности подростков, мы включаем в содержание процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности следующие компоненты субъектного опыта:

- ценностно-ориентировочный опыт (знания о сущности и содержании социальных ролей, ценностей и норм; осознание их истинности, эмоционально положительное отношение к ним, умение соотносить с ними свои деятельность и поведение; умение прогнозировать последствия своих деятельности

- и поведения; умение находить и анализировать факты реализации социально-значимых ценностей в поведении и деятельности людей; умение аргументировать ценностный выбор людей в ходе анализа различных жизненных ситуаций; умение отождествлять себя с другими людьми; умение определять эмоциональное состояние другого человека; умения оценивать, насколько людям нужна помощь, могут ли они сами решить проблему, выйти из трудной жизненной ситуации, какое значение имеет для них помощь, может ли еще кто-то помочь этим людям, может ли с ними случиться что-то нехорошее, если не оказать помощь; как люди отнесутся к оказанной им помощи и как последняя скажется на самоуважении, самооценке того, кто помогает, и т. д.);

- рефлексивный опыт (умение осуществлять осмысление элементов деятельности и поведения, умения соотносить свои действия с ситуацией, производить их координацию и контроль в соответствии с меняющимися условиями, социальными ценностями и нормами; умения анализировать и критически оценивать совершаемые действия и поступки на основе сравнения их с содержанием социальных ценностей и норм);

- регулировочный опыт (**знания о своих возможностях, умение их соотносения с возможными преобразованиями в окружающей действительности и самом себе**; умение находить способы обхода препятствий на пути достижения цели; умение соотносить результат деятельности с собственными действиями; умение оценивать степень трудности поставленной задачи и соотносить с ней свои достижения; умение сравнивать полученный результат с затраченными усилиями; умение определять, что в результате деятельности связано с собственными усилиями, а что от них не зависит; умение различать в достигнутом то, что зависит от способностей, а что – от затраченных усилий);

- организационный опыт (умение правильно ставить цели и задачи деятельности; умение находить альтернативные возможности целедостижения; умения планировать деятельность и распределять время для достижения цели; умения поддерживать оптимальный психологический настрой, повышать мотивацию деятельности; умение рас-

пределять обязанности, умение контролировать ход выполнения деятельности, умения гасить разногласия и т. д.);

– продуктивный опыт (опыт помогающей деятельности; опыт социально полезной деятельности).

Процесс формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности может осуществляться с помощью использования фронтальных, групповых (в малых группах, диадах) и индивидуальных организационных форм [6]. Фронтальные формы работы предусматривают деятельность всего клубного объединения. Групповые предполагают разделение клубного коллектива на микрогруппы для организации и подготовки какого-либо дела, разделения на команды для участия в конкурсе и т. п. Индивидуальные формы работы – это консультирование подростков по наиболее оптимальной организации дела, выполнению поручения, беседа «по душам» и т. д.

К методам формирования социальной активности подростков мы относим методы формирования ценностно-ориентационного, рефлексивного, регулятивного, организационного и продуктивного опыта. Нельзя сказать, что это какие-то новые, специфические методы. Это методы, известные в педагогике. Но если принять за основу то, что методы – это способы достижения цели деятельности, то специфика методов формирования социальной активности подростков в клубе будет определяться именно содержанием компонентов формируемого опыта.

Так, к методам формирования ценностно-ориентационного опыта мы относим диалог, дискуссию, ролевые игры, методы анализа конкретных ситуаций (АКС), тренинги социальных умений и т. д.; рефлексивного опыта – методы оценки и самооценки деятельности и поведения, метод создания рефлексивных ситуаций; регулятивного опыта – метод примера, метод поручений, метод наделения дополнительными полномочиями, метод поощрений, метод выражения доверия, тренинги и т. д.; организационного опыта – методы косвенного руководства, деловые игры, тренинги (в том числе коммуникативный) и т. д.; продуктивного опыта – метод коллективных творческих дел, добровольческую деятельность, проектный метод и т. д.

Процесс формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности имеет продолжительный характер. Для того чтобы определить его качество, необходимо постоянно получать данные о ходе выполнения и результатах, осуществлять их анализ. На основе контроля и анализа хода и промежуточных результатов процесса формирования социальной активности подростков педагогический коллектив клуба осуществляет оперативную корректировку его содержания и методики. Поэтому еще одним компонентом в нашей модели является **рефлексивно-регулятивный**.

Следующий компонент модели – **продуктивный**. Он демонстрирует определенный уровень сформированности социальной активности подростков и, соответственно, эффективность процесса ее формирования средствами клубной деятельности.

Таким образом, педагогическая модель процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности – это системное образование, включающее следующие компоненты: *цель* процесса как системообразующий фактор; *субъектный компонент* (участники процесса); *ориентационный компонент* (совокупность базовых методологических подходов (социально-педагогический, системно-ролевой, субъектно-деятельностный и аксиологический) и обусловленных ими и сущностью клубной деятельности принципов его организации: а) принципы, обусловленные сущностью клубной деятельности: позитивной свободы; добровольности; общего интереса; атрибутивности и нормативности; занимательности; самоорганизации; б) принципы, обусловленные методологическими подходами к процессу формирования социальной активности подростков: адаптивности; обогащения ролевого репертуара; субъектности; рефлексивности; аксиологизации содержания клубной деятельности); *диагностический компонент* (получение диагностической информации на основе критериев и показателей сформированности социальной активности, а также соответствующего диагностического инструментария, ее обработка и анализ); *содержательно-организационный компонент* (содержание клубообразующих и сопутствующих видов деятельности, в ходе которых

осваиваются ценностно-ориентировочный, рефлексивный, регулировочный, организационный и продуктивный компоненты субъектного опыта; формы; методы; практико-методические педагогические условия); *рефлексивно-регулирующий компонент* (контроль и анализ хода и промежуточных результатов процесса, оперативная корректировка его содержания и методики); *продуктивный компонент* (уровни сформированности социальной активности подростков).

Компоненты модели представляют как статичные (системные), так и динамичные характеристики процесса формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности, ибо являются совокупностью взаимосвязанных компонентов и его последовательных этапов: субъектно-ориентировочного, диагностического, содержательно-организационного и продуктивного.

Список литературы

1. Процесс // Баханьков А.Е., Гайдукевич И.М., Шуба П.П. Толковый словарь русского языка. Мн.: Парадокс, 1999. С. 289.
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 07.05.2016).
3. Курин А.Ю., Колесов И.В. Методологические подходы к процессу формирования социальной активности подростков средствами клубной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 9. С. 45-51.
4. Колесов И.В., Курин А.Ю. Педагогические условия, способствующие реализации потенциала клубной деятельности в формировании социальной активности подростков // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы: 4 Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 434-440.
5. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Ч. 1 // Психологические исследования. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/221-osnitsky7> (дата обращения: 26.12.2016).
6. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления УВП. М.: НИИ школьных технологий, 2005. 288 с.

References

1. Protsess [Process]. In: Bakhankov A.E., Gaydukevich I.M., Shuba P.P. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Minsk, Paradoks Publ., 1999, p. 289. (In Russian).
2. Decree of the Government of the Russian Federation no. 2403-r of November 29, 2014, *Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [Basics of state youth policy of the Russian Federation till 2025]. (In Russian). Available at: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (accessed 07.05.2016).
3. Kurin A.Y., Kolesov I.V. Metodologicheskie podkhody k protsessu formirovaniya sotsial'noy aktivnosti podrostkov sredstvami klubnoy deyatel'nosti [Methodological approaches to the process of formation of social activity of teenagers club activities means]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnye nauki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities*, 2016, no. 9, pp. 45-51. (In Russian).
4. Kolesov I.V., Kurin A.Y. Pedagogicheskie usloviya, sposobstvuyushchie realizatsii potentsiala klubnoy deyatel'nosti v formirovanii sotsial'noy aktivnosti podrostkov [Pedagogical conditions, promoted for realisation of club activity in formation of teenagers' social activity]. 4 *Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Professional'no-lichnostnoe razvitie prepodavatelya i studenta: traditsii, problemy, perspektivy»* [Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Applied Conference (international participation) "Professional and Personal Development of Teacher and Student: Traditions, Problems, Prospects"]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016, pp. 434-440. (In Russian).
5. Osnitskiy A.K. Regulyatornyy opyt, sub'ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka. Ch. 1 [Regulatory experience, subjective activity and man's independence. Part 1]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 5 (7). (In Russian). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/221-osnitsky7> (accessed 26.12.2016).
6. Selevko G.K. *Pedagogicheskie tekhnologii na osnove aktivizatsii, intensivifikatsii i effektivnogo*

upravleniya UVP [Pedagogical Technologies Based on Activation, Intensification and Effective Management of School Support Staff]. Moscow, Research Institute of School Technologies Publ., 2005, 288 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.02.2017 г.
Отрецензирована 15.03.2017 г.
Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 14 February 2017
Reviewed 15 March 2017
Accepted for press 8 August 2017

UDC 061.237

THE FORMATION OF TEENAGERS' SOCIAL ACTIVITY BY MEANS OF CLUB ACTIVITY: MODELING OF THE PROCESS

Igor Vitalevich KOLESOV

Director of "Sports and Event-management" Centre

State University of Management

99 Ryazanskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 109542

E-mail: kolesov@m-verim.ru

The relevance of this topic is that the problems of social education of the growing generation are conditioned by those crisis processes and events, which take place in Russia. This is first of all difficulties with social adaptation of youth and unstable social-economic, educational, social-cultural conditions and the caused deviations in youth sphere. In these conditions the necessity to renew the social education of teenagers, the formation of their social activity. The club activity has significant potential in the activation of this process. The emphasis on the description of the process is impossible without the analysis of the structure of the changing events. That means that for the analysis of the structure of the process of social activity formation among students by means of club activity it is necessary to consider it as a system event. In the context of this, the process of social activity formation of teenagers by means of club activity is defined as systemic event requiring to be considered as first of all as integral pedagogic mechanism which is a sequence of actions, necessary for achievement of its aim, secondly as organizational-content structure, providing sequence of this process and presenting the complex of interrelated components. To complete the task the component content of the model of social activity formation of teenagers by means of club activity: subjective component (the participants of the process of formation of social activity of teenagers are marked), orientation component (the principles of organization of the process of social activity formation, conditioned by the essence of club activity and the principles, conditioned by methodological approaches to the process of social activity formation of teenagers by means of club activity), diagnostic component (procedural elements, providing the definition of the level of formation of social activity of teenagers), content-organizational component (forms; methods; practical-methodic pedagogic conditions) reflective-regulating component (control and analysis of course and intermediate results of the process, operative correction of its content and methods) and productive component (levels of formation of social activity of teenagers) is described. The attention is paid to the components of model being represented as static (system) and as dynamic characteristics of the process of formation of social activity of teenagers by means of club activity as they are a complex of interrelated components and its consistent stages: subject-orienting, diagnostic, content-organizational and productive

Keywords: social activity; club activity; teenagers; model; pedagogic conditions

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-68-74

Для цитирования: Колесов И.В. Формирование социальной активности подростков средствами клубной деятельности: моделирование процесса // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 68-74. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-68-74.

For citation: Kolesov I.V. Formirovanie sotsial'noy aktivnosti podrostkov sredstvami klubnoy deyatel'nosti: modelirovanie protsesssa [The formation of teenagers' social activity by means of club activity: modeling of the process]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* – *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 68-74. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-68-74. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 78.085.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНА-ТАНЦОРА В КОМАНДНОМ ИСПОЛНЕНИИ ФОРМЕЙШН

© **Татьяна Сергеевна ЗИНОВЬЕВА**

мастер спорта, балетмейстер-постановщик

Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение культуры

«Государственный ансамбль бального танца «Цвета радуги»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Пушкарская, 45

E-mail: zt83@mail.ru

© **Марина Николаевна ЮРЬЕВА**

доктор педагогических наук, профессор кафедры сценических искусств

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: mar_nik@bk.ru

Рассмотрена авторская экспериментальная методика совершенствования технической подготовки спортсмена-танцора в командном исполнении формейшн. Проанализировано понятие «техническая подготовленность» спортсмена-танцора – степень овладения спортсменом-танцором системой движений спортивного бального танца, степень развития двигательных качеств, соответствующих особенностям исполнения в формейшн латиноамериканской и западноевропейской программ, направленной на достижение высоких спортивных результатов. Определены задачи формирующей работы. В обобщенном виде проанализированы этапы опытно-экспериментальной работы по совершенствованию технической подготовки спортсмена-танцора в ансамблевом исполнении формейшн: организационно-конструктивный и контрольно-коррекционный. Цель организационно-конструктивного этапа – организация и планирование занятий с целью освоения инструментальных навыков спортивно-танцевальной деятельности. Цель контрольно-коррекционного этапа – комплектование пар и команды по формейшн на основе диагностического отбора, создание условий для развития индивидуально-творческой активности спортсменов-танцоров, квалифицированное проектирование тренировочного процесса, качественное и своевременное внесение в него необходимых корректив. Определены средства и принципы общефизической и специальнофизической подготовки, методы технической подготовки, формы организации занятий. Разработаны и описаны локальные и комплексные программы для разновозрастных категорий спортсменов-танцоров, с различным уровнем подготовки. Выявлена в процессе экспериментальной работы важность физических способностей спортсменов-танцоров, педагогического наблюдения, подобраны психологические тренинги и методики.

Ключевые слова: совершенствование технической подготовки; техническая подготовленность; спортсмен-танцор; команда формейшн; спортивный бальный танец

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-75-84

Одно из основных направлений науки и практики спорта связано с познанием законов становления и совершенствования спортивно-технического мастерства спортсменов-танцоров, которое нацелено на разработку и создание эффективных технологий тренировочного процесса как целостного, постоянного объекта. В этой связи вопросы, связанные с повышением уровня технической подготовленности спортсменов, чрезвычайно остро стоят не только в спортивных бальных танцах, но и в художественной и спортивной гимнастике, фигурном катании, спортивной аэробике, синхронном плавании и других технико-эстетических видах спорта.

По утверждению В.М. Дьячкова, ввиду того, что мастерство спортсменов в этих ви-

дах во всем мире достигло высокого уровня и продолжает расти от соревнований к соревнованиям, специалистов не может не волновать проблема поиска новых путей совершенствования исполнительского мастерства и технической подготовки спортсменов [1].

Многочисленные аспекты спортивно-двигательной деятельности и технических действий изучаются многими науками с различных позиций (Н.А. Бернштейн, Д.Д. Донской, В.М. Дьячков, И.П. Ратов, Ю.В. Верхошанский, Ю.К. Гавердовский, В.Н. Тихонов, С.В. Дмитриев и др.). Это приводит к методологической ориентации с акцентированным выделением какого-то одного из взаимосвязанных компонентов (семантического, психического, сенсомоторного, фи-

зиологического и т. п.). В результате возникают методические трудности при описании, моделировании, анализе и синтезе спортивной техники. Ввиду отсутствия биомеханических показателей технической подготовленности сохраняется неопределенность в выборе индивидуально-оптимального варианта выполнения движений. Для того чтобы исключить эту неопределенность, спортсмену-танцору необходимо точно знать, какие кинематические и динамические характеристики техники целесообразно изменить, чтобы наилучшим образом реализовать свои двигательные возможности.

Совершенствование техники движений со сложной координационной структурой, каким является командное исполнение формейшн в спортивном бальном танце, в процессе тренировки и соревнований в значительной степени зависит от технологии оценки техники, программ педагогического воздействия на систему движений спортсменов и условий, в которых они формируются.

В научно-методической литературе по физическому воспитанию и спорту в последнее время часто употребляется выражение «структура технической подготовленности». Однако смысл этого понятия полностью еще не раскрыт, хотя целый ряд излагающихся в литературе фактов имеет прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Эти факты сгруппированы, прежде всего, вокруг таких вопросов, как взаимосвязь технической подготовленности с развитием физических качеств в рамках конкретной спортивной деятельности, организация и планирование технической подготовки, управление и контроль за технической подготовленностью спортсменов [2].

Изучение литературных источников показывает, что структура технической подготовленности спортсмена-танцора в командном исполнении формейшн еще не была предметом специального исследования. Однако ее целенаправленное изучение является необходимым условием для реализации принципа оптимального управления тренировочным процессом.

В теории и практике спортивных танцев понятие «техническая подготовка» трактуется неоднозначно. В английских публикациях под техникой в основном подразумевается исполнение базовых танцевальных фигур в

точном соответствии с их описанием в учебниках [3–5]. Как известно, техническая подготовленность спортсменов формируется содержанием и структурой показателей физического, технического, функционального и других компонентов, ориентированных на максимальную эффективность соревновательной деятельности.

По мнению Л.П. Матвеева, Н.Г. Озолина, В.Н. Платонова, В.П. Савина и других, техническая подготовка направлена на обучение спортсмена технике движений и доведение их до совершенства. При этом, как правильно замечает Н.Г. Озолин, овладение техникой связано с совершенствованием способности спортсменов-танцоров координировать свои движения, развитием общей и специальной ловкости, формированием точности движений и четкостью в действиях. Овладение техникой всегда связано с проявлением и развитием психических и физических качеств [6, с. 245].

Овладение современной техникой спортивного бального танца возможно только при достаточно хорошей физической подготовленности (сила, гибкость, быстрота, ловкость, выносливость). Большинство специалистов (Н.В. Гришина, Е.Х. Мамедова, Г.А. Чикалова, С.Д. Киселев, Д.И. Грачев и др.) в области спортивных танцев признают зависимость эффективности выступлений спортсменов-танцоров от оптимального сочетания физической и технической подготовленности танцоров.

В нашем исследовании под технической подготовленностью мы понимаем степень овладения спортсменом-танцором системой движений спортивного бального танца, степень развития двигательных качеств, соответствующих особенностям исполнения в формейшн латиноамериканской и западноевропейской программ, направленной на достижение высоких спортивных результатов.

Апробация предложенной нами методики проводилась в течение 7 лет (2009–2016 гг.) на базе Тамбовского областного государственного бюджетного учреждения культуры Государственного ансамбля бального танца «Цвета радуги», что позволило отследить динамику изменений в экспериментальной группе от начала до завершения опытно-экспериментальной работы. В формирующем эксперименте приняли участие 44 спортсме-

на-танцора, участники ансамбля спортивного балльного танца.

Основные задачи формирующей работы:

1) сформировать основные физические качества, необходимые для исполнения программы по формейшн (скоростно-силовая выносливость, гибкость, координация, сила);

2) определить методы технической подготовки, формы организации тренировочного процесса, средства общей и специальной физической подготовки (ОФП и СФП), комплекс упражнений для развития и совершенствования технической подготовленности спортсмена-танцора в командном исполнении формейшн;

3) развить исполнительское мастерство, сформировать технику движений, довести их до автоматизма, приобрести характерную стилистику и манеру исполнения, овладеть умениями и навыками индивидуально-творческой работы, воспитать эмоционально-волевые качества, обеспечить стрессоустойчивость к соревновательной деятельности.

Реализация опытно-экспериментальной работы осуществлялась непосредственно на тренировочных занятиях (индивидуальных, групповых) в рамках разработанной нами программы, в процессе индивидуальной, самостоятельной работы спортсменов-танцоров, подготовки творческих работ, концертно-сценической и соревновательной деятельности.

Формирующий эксперимент состоял из двух этапов: *организационно-конструктивного и контрольно-коррекционного.*

Организационно-конструктивный этап.

Цель – организация и планирование занятий с целью освоения инструментальных навыков спортивно-танцевальной деятельности. Данная цель достигалась путем внедрения в тренировочный процесс различных комплексов упражнений, заимствованных из сложно-координационных видов спорта и хореографической деятельности, направленных на развитие и совершенствование у спортсменов-танцоров физических способностей и качеств личности, обеспечивающих высокий уровень овладения техникой спортивного балльного танца.

Данный этап мы реализовывали с помощью ОФП и СФП, основными принципами которых в сложно-координационных видах спорта являются:

– соразмерность – оптимальное и соразмерное, сбалансированное развитие физических качеств;

– сопряженность – применение средств, наиболее близких по структуре основным упражнениям в спортивных танцах;

– опережение – опережающее развитие физических качеств по отношению к технической подготовке.

Основными средствами СФП спортсменов-танцоров нами были определены средства, заимствованные из художественной гимнастики. По мнению И.А. Винер, это – общеразвивающие упражнения, спортивные упражнения танцевальной направленности, а также специальные упражнения на:

– ловкость – задания, игры, эстафеты, включающие сложнокоординационные действия и упражнения с предметами;

– гибкость – упражнения на развитие подвижности в голеностопных и тазобедренных суставах, суставах позвоночника, махи, фиксация поз, расслабление;

– силу – упражнения на силу мышц рук, ног и туловища: сгибание и разгибание, отведение и приведение, круговые движения, бег, прыжки, выпады, приседы и т. д.;

– быстроту – упражнения на развитие скорости реакции, скорости и частоты движений при выполнении основных упражнений;

– прыгучесть – упражнения на развитие силы, скорости и высоты отталкивания, а также прыжковой выносливости;

– равновесие – сохранение устойчивого положения в усложненных условиях: после динамических движений, после раздражения вестибулярного анализатора, с выключенным зрением, на уменьшенной и повышенной опоре;

– выносливость – выполнение различных заданий на фоне утомления [7].

В спортивных балльных танцах на этапе начальной подготовки очень важно заложить надежный фундамент основ рациональной техники выполнения школы движений, в частности, освоить правильную позицию корпуса как базового двигательного навыка. Особенностью данного положения является то, что в разных танцевальных программах мышцы туловища, рук и ног работают в различных режимах, обеспечивающие во время танца энергообразующие и формообразующие действия. В связи с тем, что танцы лати-

ноамериканской программы существенно отличаются от танцев европейской программы, прежде всего, характерными движениями бедер, работой стопы, коленей, мышц спины и живота, характерной работой рук, плечевого пояса и головы, процесс формирования позиции корпуса должен учитывать специфику обеих программ, носить комплексный характер и одинаково эффективно способствовать формированию статического и динамического режима работы мышц. Специфика мышечных напряжений в указанных танцевальных программах обуславливает необходимость развития статической, динамической, силовой и скоростно-силовой выносливости.

По мнению Е.К. Пыльнова, при недостаточном уровне развития вышеперечисленных физических качеств во время исполнения танца возникают различные компенсаторные изменения в положении рук, ног, головы, корпуса, которые в свою очередь отрицательно сказываются на технической оценке мастерства спортсмена-танцора [8].

Для освоения техники латиноамериканских и европейских танцев нами были разработаны локальные и комплексные программы для разновозрастных категорий спортсменов-танцоров с различным уровнем подготовки.

Локальные программы – это комплексы упражнений на одну группу мышц, например:

- растяжка тазобедренного сустава и нижних конечностей (для шпагатов, батманов, махов, высоких киков, глубоких выпадов, медленного поднятия ноги и т. д.);
- упражнения на стойку корпуса в ST, LA (укрепление мышечного корсета спины, динамика и статика позвоночника);
- упражнения на постановку рук (пластика и динамик верхнего плечевого пояса, локтевого сустава, кистей и пальцев, координация, позиции и линии в ST, синхронность работы рук в LA, объем и выразительность);
- упражнения на подвижность коленного сустава и стопы (растяжка и укрепление голеностопа и стопы, мягкость и выработка танцевального подъема);
- упражнения на равновесие (устойчивость, статический и динамический баланс, сила, гибкость нижних конечностей);

- вращения (техника и тренинг всех возможных танцевальных вращений: пируэты, шине, спиральный поворот и т. д.);

- упражнения на силу мышц ног (ягодичных, передней и задней поверхности бедра, мышц голени);

- энергетика танца (взаимодействие в паре, синхронность выполнения движений, распределение танца в паркетном пространстве, внешнее воздействие на зрителей и судей, артистизм и эмоциональность, выносливость и скорость танцевания).

Общие (комплексные) программы:

- силовой тренинг (подготовка мышечного аппарата к восприятию и реализации любой танцевально-хореографической информации);

- партерная гимнастика (комплекс упражнений, направленный на приобретение мышечного тонуса, проработку мышц внутренней поверхности бедра, голеностопа, тренировка прямых и косых мышц живота, спины);

- корректирующая гимнастика (устранение дефектов фигуры, тренировка различных мышечных групп для гармонического развития тела, борьба с лишним весом);

- классическая хореография для европейской программы (адаптированный экзерсис у станка);

- основы джаз-модерн хореографии для латиноамериканской программы (баланс центров, «изоляция», разработка локальной подвижности различных суставов, приобретение пластичности, скорости, направленности движения, объема);

- воспитание культуры движений, чистота линий тела, постановка корпуса, баланса.

Основными методами технической подготовки спортсменов-танцоров являлись: повторный, переменный, круговой, игровой и соревновательный.

Повторный метод относится к методам прерывного воздействия. Он характеризуется многократным выполнением как отдельных упражнений, так и исполнения всей программы формейшн с интервалами отдыха, обеспечивающими полное восстановление от предшествующей нагрузки. Длительность упражнений может быть самой разнообразной (от нескольких секунд для развития быстроты и скоростно-силовых качеств до десятков минут, где совершенствуется скоро-

стная выносливость) в зависимости от того, развитие какого двигательного качества преследуется в данном занятии и на каком этапе подготовки к соревнованиям проходит тренировка. Повторный метод оказывает тренирующее воздействие на организм спортсмена в период работы, а также благодаря суммации утомления от каждого повторения. Главным критерием оптимальной величины интервалов отдыха является субъективное ощущение готовности спортсмена-танцора к выполнению очередной нагрузки. Эта величина естественно должна быть разумной. Чрезмерно большой продолжительности отдыха снижает работоспособность и требует дополнительной разминки.

Повторение коротких танцевальных связок (15/30/45/60 секунд) с чередующимися приоритетами в задании позволяет повысить выносливость, автоматизм рутинных движений и навыки координации, задействовать технические навыки. Практика таких тренировок дает возможность следить за хореографией даже при сильной физической нагрузке и включает в себя:

- практику динамических навыков;
- практику правильного дыхания;
- практику в способах выражения эмоций;
- исполнение танца с разной скоростью (улучшают навыки ориентации в пространстве, навыки баланса);
- исполнение танца в разных ритмах;
- применение способа «сопротивления» (повышает активность мышц и способствует глубокой чувствительности тренировки);
- исполнение танца с закрытыми глазами (способствует большему ощущению пространственной ориентации и балансу);
- практика на фоне усталости обеспечивает техническое превосходство в самых сложных обстоятельствах;
- практика исполнения танца с препятствиями (формируется скорость реакции и навык адаптации в затрудненных условиях среды);
- изменение направления на определенный сигнал (вырабатывает быстроту реакции и координацию).

Переменный метод характеризуется последовательным варьированием нагрузки в ходе выполнения упражнения путем направленного изменения скорости движения, тем-

па, длительности ритма, амплитуд движений, величины усилий, смены техники движений и т. д. Тренирующее воздействие на организм занимающихся обеспечивается в период работы и направленность воздействия на функциональные свойства организма, регулируется за счет изменения режима работы и формы движений. Переменный метод предусматривает непрерывное чередование нагрузок различной интенсивности, которое может быть ритмичным (одинаковые периоды работы повышенной интенсивности чередуются с одинаковыми периодами работы пониженной интенсивности) или аритмичными. Разновидностью последнего является «фартлек» («игра скоростей»), представляющая собой тренировку переменной интенсивности во многих видах спорта.

При проведении комплексов упражнений круговой тренировки учитывалось влияние (перенос) одних физических качеств на другие: положительное и отрицательное, прямое и косвенное, одностороннее и взаимообразное. Важно также отметить, что ловкость, быстрота и прыгучесть не могут развиваться на фоне утомления. Под влиянием утомления снижается активная гибкость, а для качественного исполнения упражнений на гибкость, быстроту и прыгучесть необходима хорошая разминка.

В разминке нами использовался игровой метод, который эффективно решал широкий спектр учебно-тренировочных задач. Движения, действия, задания проводились в форме игры с увеличением нагрузок для более успешной адаптации организма и сохранения интереса в процессе занятий. Использование отдельных танцевальных упражнений и их частей в заданиях подвижных игр, элементов спортивных игр, а также спортивные игры в разных вариантах позволили решить ряд целевых двигательных задач.

Соревновательный метод тренировок предусматривает контрольные «прикидки», то есть исполнение программы в условиях, близких к обстановке соревнования (костюмы, грим, свет, звук, покрытие, присутствие зрителей и болельщиков). Применение данного метода способствует росту тренированности, адаптации организма к высоким нагрузкам, мобилизации сил и целесообразному их использованию, накоплению соревновательного опыта и стабильности результа-

тов. Соревновательный метод тренировки заключался не только в участии спортсменов-танцоров в официальных соревнованиях как в основных, так вспомогательных, являясь частью тренировочной программы, но и в показательных выступлениях, сольных концертах, открытых уроках. По мнению М.Н. Юрьевой, «применение полученных знаний в концертной деятельности обогащает концертную программу, обеспечивает вариативность и оригинальность хореографических средств, а также создает условия для мобилизации индивидуальных ресурсов личности» [9].

Данный метод применялся для решения разнообразных педагогических задач: развития двигательных качеств, совершенствования техники и тактики движений, воспитания волевых и моральных качеств, укрепления сплоченности коллектива, командного настроения, преследуя цель сопоставления возможностей спортсмена в условиях соперничества на различных этапах подготовки.

Важную роль при обучении спортивным бальным танцам играет тренаж, который включал комплекс тренировочных упражнений для разогрева мышц, подготовки тела, рук, ног и стопы спортсменов-танцоров, выполнение элементов танцев латиноамериканской и европейской программ для усвоения техники этих танцев.

Пара, представляющая латиноамериканскую программу спортивных бальных танцев, выполняет упражнения и фигуры этой программы одновременно с парой, которая представляет европейскую программу спортивных бальных танцев и выполняет упражнения и фигуры своей программы.

Организация занятий по технической подготовке спортсменов-танцоров осуществлялась в следующих формах:

- урочная – организовано под руководством тренера;
- самостоятельная – индивидуально и в группе;
- соревновательная.

Выявление в процессе занятий индивидуальных особенностей спортсменов-танцоров, отличающих каждого человека, которые, по мнению Б.М. Теплова, определяют успешность выполнения деятельности и не сводятся к знаниям, умениям и навыкам, уже имеющимся у данного человека, позволяет

раскрыть физические способности [10]. Под физическими способностями Б.А. Ашмарин, В.И. Лях понимают относительно устойчивые врожденные и приобретенные функциональные особенности человека, определяющие эффективность двигательной деятельности, являющиеся материальной основой для образования физических качеств [11; 12]. Это позволило построить дальнейший тренировочный процесс, сформировать пары, в которых в дальнейшем будет выступать команда на соревнованиях.

На практических занятиях занимающимся предлагалось сочинение танцевальных вариаций по классам в соответствии со спецификой бальных танцев латиноамериканской программы (самба, ча-ча-ча, румба, пасодобль, джайв) и западноевропейской (медленный вальс, танго, венский вальс, медленный фокстрот, квикстеп), анализ хореографического текста, корректировка ошибок.

Важным этапом в тренировочном процессе подготовки команды по формейшн является синхронность и слаженность всех движений и действий спортсменов-танцоров. Данную задачу мы решали с помощью отработки танцевальных комбинаций в парах и по отдельности в колонне и шеренге, что позволяло выявить ошибки в длине шагов, точности позиций, правильности ракурсов и наклонов и т. д.

Как правило, тренировка комбинаций, из которых состоит конкурсная программа, отработывается под определенную музыку. Чаще всего это подборка из соревновательного музыкального произведения. Так танцорам-спортсменам легче изучить и запомнить ритм, темп, особенности звучания, акценты, смысловые точки и т. д.

Методика развития техники исполнения в командном исполнении формейшн реализовалась на основании изучения хореографических дисциплин: партерной гимнастики, основ классического танца, элементов современного танца (модерн, джаз-танец), комплекса упражнений на импровизацию, постановочной и репетиционной работы, конкурсных выступлений хореографического коллектива, что способствовало техническому осмыслению средств хореографического искусства.

Контрольно-коррекционный этап.
Цель – комплектование пар и команды по

формейшн на основе диагностического отбора, создание условий для развития индивидуально-творческой активности спортсменов-танцоров, квалифицированное проектирование тренировочного процесса, качественное и своевременное внесение в него необходимых корректив.

Задачами данного этапа являлись: формирование ценностно-смысловых ориентаций, стимулирование установки на тренировочный и соревновательный процессы, проявление самостоятельности, способности к самовыражению, творческой активности, создание условий для осознания танцорами значимости спортивной деятельности, ее сущности, содержания, собственного опыта, актуализация взаимодействия субъектов и соответствующих внутренних рефлексивных механизмов, развитие познавательной активности спортсменов-танцоров, побуждение к самообразованию.

Диагностика проводилась как специальным образом (анкетирование, тестирование, собеседование), так и на конкретном практическом материале при выполнении спортсменами-танцорами творческих заданий, упражнений различной направленности и содержания.

Наиболее важным технологическим моментом на данном этапе являлось педагогическое наблюдение, позволившее оценить возможности спортсменов-танцоров и, исходя из этого, предположительно спрогнозировать содержательную направленность тренировочной деятельности. Вместе с тем педагогическое наблюдение помогло нам определить индивидуально-личностные проблемные зоны отдельных спортсменов-танцоров, выявить затруднения в эмоциональной сфере, в общении, адаптации к тренировочным нагрузкам, необходимость преодоления которых занимающиеся искренне осознавали или подсознательно нуждались в разрешении.

Решение задач на данном этапе решалось как непосредственно в тренировочном процессе при создании хореографических композиций, на сценических площадках, психологических тренингах, самостоятельной работе. Нами широко использовались: «Эмоционально-волевой тренинг», «Тренинг на развитие устойчивости эмоций», «Тренинг взаимодействия в команде», «Тренинг на преодоление психологического барьера

спортсменов перед соревнованиями», «Тренинг по психологической устойчивости команды» и др.

В ходе тренингов решались следующие задачи:

- продемонстрировать преимущества командной работы;
- усовершенствовать общение в команде;
- освоить навыки обратной связи;
- усовершенствовать процессы принятия решения в команде;
- получить удовольствие от совместной работы.

При композиционном построении программы формейшн в процессе командного взаимодействия мы придерживались следующих требований: а) гармоничность построения программы, то есть правильное соотношение входящих в композицию элементов с учетом спецтребований спортивного балльного танца; б) равномерность распределения трудных элементов в упражнении – рассредоточение трудных элементов во всей композиции относительно законов создания программы, то есть закона единства, который предполагает целостность и соподчиненность частей упражнения единому целому, правильного построения отдельных его фрагментов; закон контраста, который выражался в смене характера выполненных действий и количестве трудных элементов в каждом фрагменте композиции; закон нарастания воссоздавался в постепенном и последовательном увеличении амплитуды движений, их скорости, степени мышечного напряжения от начала комбинации к середине и финалу; в) разнообразный и оригинальный характер элементов, то есть использовали элементы исключая стандартные соединения и связки, а также композиционные стереотипы. В исполнении формейшн мы добивались точного выражения характера музыкального произведения в своих действиях, соответствия между определенным музыкальным характером и способом двигательного, пластического отображения специфики исполнения латиноамериканской и европейской программ.

Важным отличительным моментом в командном исполнении формейшн является четкое построение рисунков на площадке, что накладывает свой отпечаток в учебно-

тренировочном процессе и на выступление команды. Каждый участник коллектива должен уметь хорошо ориентироваться на паркете, в связи с чем мы использовали множество упражнений на внимание, перемещение в линиях, колоннах, шеренгах, определенных рисунках, рядах, кругах, овалах, асимметричных и зеркальных рисунках. Судьями оценивается соблюдение определенных дистанций и интервалов между парами, спортсменами, стабильность центровки исполнения. Эти задачи помогают решать упражнения на ориентацию по размещению в зале условных точек и умение спортсменами-танцорами изображать эти точки и рисунки танца из программы ансамбля на бумаге.

Большое значение в качественном выступлении на паркете имеет тактическая подготовка спортсменов-танцоров далеко за пределами площадки. Организация разминки, демонстрация боевого духа команды, экипировка, сценический образ и многое другое откладывают на подсознательном уровне уверенность либо страх перед соревнованиями. Состояние полной готовности соперничества на паркете нужно держать весь соревновательный день, в связи с этим мы использовали на практических занятиях следующие тренинги: тренинги на формирование имиджа «Тренинг самосовершенствования», упражнение «Оцени свои возможности», упражнение «Мой герб», а также концертно-сценическая деятельность.

Часть необходимых теоретических знаний спортсмены приобретали непосредственно на учебно-тренировочных занятиях в процессе осуществления различных видов подготовки по ходу объяснения задания и разбора ошибок. Для танцоров учебно-тренировочных групп, групп спортивного совершенствования и высшего спортивного мастерства (начиная с 10-летнего возраста) проводились специальные теоретические занятия: лекции, беседы, семинары, видеопросмотры и др. Примерная тематика лекций: «Роль дыхания в движениях человека», «Питание спортсменов-танцоров», «Переутомление в соревновательной деятельности: методы реабилитации», «Биомеханика в спортивной деятельности», «Оценка физической работоспособности спортсмена-танцора», «Импровизация на паркете», «Психологическая

подготовка к выступлениям на сцене», «Типы взаимоотношений личности и коллектива», «Жест и мимика в спортивных танцах» и т. д. Данные занятия находили отражение в годовом учебном плане.

В результате проведенных нами занятий были зафиксированы изменения в отношении спортсменов-танцоров к учебно-тренировочной деятельности: отмечено увеличение проявлений самостоятельности, инициативности, наблюдалась устойчивая направленность на спортивную деятельность. Спортсмены-танцоры научились вставать в рефлексивную позицию по отношению к самому себе, своим действиям и поступкам, намечать пути саморазвития в индивидуальном танцевании, стали более ответственно относиться к своим обязанностям, появилась уверенность в себе.

В комплекс профилактических мероприятий входили различные восстановительные упражнения, массаж и самомассаж, баню и закаливающие процедуры, а также психорегулирующие средства, что позволяло восстановить функции организма, нарушенные или утраченные вследствие заболеваний, травм, переутомления и других причин.

Таким образом, контрольно-коррекционный этап, последовательно реализуя поставленные цели, дал возможность не только определить уровень подготовки спортсменов-танцоров, но и выявить, что неразвита рефлексия, частое отсутствие положительной направленности на тренировочную деятельность, теоретико-технологическая неготовность к ее осуществлению требуют эффективного сочетания разнообразных форм обучения, активизации деятельности для дальнейшего роста профессионального мастерства.

Предлагаемые нами основные этапы в учебно-тренировочной программе обеспечивают подготовку спортсмена-танцора как специалиста в области формейшн, способного на практике реализовать свои профессиональные навыки. Внедрение специфичных форм занятий и упор на командное исполнение повышают не только приращение соответствующих способностей каждого спортсмена-танцора и уровень танцевания коллектива, но и имеют реальный результат в виде побед на соревнованиях разного уровня.

Список литературы

1. Дьячков В.М. Объективные критерии оценки высшего технического мастерства в спорте // Теория и практика физической культуры. 1967. № 4.
2. Шестаков М.П. Управление технической подготовкой спортсменов с использованием моделирования // Теория и практика физической культуры. 1998. № 3. С. 51-54.
3. Blume D.-D. Einige aktuelle Probleme des Diagnostizierens koordinativer Fähigkeiten mit sportmotorischen Tests // Theorie und Praxis der Körperkultur, 1984, no. 2, pp. 122-124. (In German).
4. Cattell R.B. Abilities: Their Structure, Growth and Action. Boston: Houghton Mifflin Company, 1971.
5. Guilford J.R. A system of the psychomotor abilities // American Journal of Psychology, 1958, vol. 71, pp. 164-174.
6. Озолин Н.Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать. М.: Астрель, АСТ, 2004. 863 с.
7. Винер И.А. Подготовка высококвалифицированных спортсменов в художественной гимнастике: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. 20 с.
8. Пыльнов Е.К. Разработка комплексов упражнений для воспитания основных физических качеств и способностей в микроциклах специального подготовительного этапа годичного цикла подготовки танцоров 12–14 лет // Спортивные танцы: Бюллетень. 1999. № 5. С. 42-53.
9. Юрьева М.Н. Профессионально-творческое становление личности студента-хореографа в вузах культуры и искусств: методология, теория, практика. Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2010. 424 с.
10. Теплов Б.М. Проблема индивидуальных различий. М.: АПН РСФСР, 1961. 535 с.
11. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании. М.: ФИС, 1978. 223 с.
12. Лях В.И. Тесты в физическом воспитании школьников. М., 1998. 272 с.
2. Shestakov M.P. Upravlenie tekhnicheskoy podgotovkoy sportsmenov s ispol'zovaniem modelirovaniya [The control of technical preparation of sportsmen with the use of modeling]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1998, no. 3, pp. 51-54. (In Russian).
3. Blume D.-D. Einige aktuelle Probleme des Diagnostizierens koordinativer Fähigkeiten mit sportmotorischen Tests. *Theorie und Praxis der Körperkultur*, 1984, no. 2, pp. 122-124. (In German).
4. Cattell R.B. *Abilities: Their Structure, Growth and Action*. Boston, Houghton Mifflin Company, 1971.
5. Guilford J.R. A system of the psychomotor abilities. *American Journal of Psychology*, 1958, vol. 71, pp. 164-174.
6. Ozolin N.G. *Nastol'naya kniga trenera: Nauka pobezhdet* [The Trainer's Handbook: the Science of Victory]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2004, 863 p. (In Russian).
7. Viner I.A. *Podgotovka vysokokvalifitsirovannykh sportsmenok v khudozhestvennoy gimnastike: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The Preparation of Highly-Qualified Sportsmen in Free Calisthenics. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2003, 20 p. (In Russian).
8. Pyl'nov E.K. *Razrabotka kompleksov uprazhneniy dlya vospitaniya osnovnykh fizicheskikh kachestv i sposobnostey v mikrotsiklakh spetsial'nogo podgotovitel'nogo etapa godichnogo tsikla podgotovki tantsorov 12–14 let* [The development of complex exercises for upbringing of basic physical qualities and capabilities in mycro cycles of special preparatory stage of year cycle of dancers' preparation of 12–14 years]. *Sportivnye tantsy* [Sport Dance], 1999, no. 5, pp. 42-53. (In Russian).
9. Yureva M.N. *Professional'no-tvorcheskoe stanovlenie lichnosti studenta-khoreografa v vuzakh kul'tury i iskusstv: metodologiya, teoriya, praktika* [Professional-Creative Becoming of Personality by Choreography Students in Culture and Art Institutes: Methods, Theory, Practice]. Tambov, LLC «Tsentr-press», 2010, 424 p. (In Russian).
10. Teplov B.M. *Problema individual'nykh razlichiy* [Problem of Individual Differences]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of Russian Soviet Federative Socialist Republic Publ., 1961, 535 p. (In Russian).
11. Ashmarin B.A. *Teoriya i metodika pedagogicheskikh issledovaniy v fizicheskom vospitanii*

References

[Theory and Methods of Pedagogic Researches in Physical Education]. Moscow, Physical Education and Sport Publ., 1978, 223 p. (In Russian).

12. Lyakh V.I. *Testy v fizicheskom vospitanii shkol'nikov* [Tests in Physical Education of Schoolchildren]. Moscow, 1998, 272 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.01.2017 г.
Отрецензирована 09.02.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 12 January 2017
Reviewed 9 February 2017
Accepted for press 30 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 78.085.3

TECHNOLOGY OF TECHNICAL TRAINING OF THE ATHLETE-DANCER IN ENSEMBLE PERFORMANCE FORMATION

Tatiana Sergeevna ZINOVIEVA

Master of Sports, Choreographer-Director

Tambov Regional State Budgetary Institution of Culture "The State Ensemble of Ball Dance "The Colors of The Rainbow"

45 Pushkarskaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: zt83@mail.ru

Marina Nikolaevna YUREVA

Doctor of Pedagogy, Professor of Dramatic Art Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: mar_nik@bk.ru

The experimental methods of technical preparation improvement of athlete-dancer in ensemble performance formation are considered. The notion "technical preparedness" of athlete-dancer – the degree of acquirement of the system of sport ball dance movements, the degree of development of motive qualities, corresponding to performance peculiarities in formation of Latin-American and West-European Programs aimed at achievement of high sport results is analyzed. The tasks of the forming work are defined. In generalized type the stages of experience-experimental work in improvement of technical preparedness of athlete-sportsman in ensemble performance formation are analyzed: organizational-constructive, diagnostic-analytical, control-correctional. The aim of organizational-constructive stage is the organization and planning of the lessons with the aim of instrumental skills of sport-dance activity skills. The aim of control-correctional stage is the completing couples and team in formation basing on diagnostic selection, the creation of conditions for development of individual-creative activity of sportsmen-dancers, qualified projection of training process, qualified and timely introduction of correction. The facilities and principles of general physical and special physical preparation, the methods of technical program for different age categories of sportsmen-dancers with different abilities of sportsmen-dancers, pedagogic view, psychological trainings and methods.

Keywords: technical preparation improvement; technical preparation; athlete-dancer; formation team; sport ball dance

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-75-84

Для цитирования: Зиновьева Т.С., Юрьева М.Н. Совершенствование технической подготовки спортсмена-танцора в командном исполнении формейшн // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 75-84. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-75-84.

For citation: Zinoveva T.S., Yureva M.N. Sovershenstvovanie tekhnicheskoy podgotovki sportsmena-tantsora v komandnom ispolnenii formeysn [Technology of technical training of the athlete-dancer in ensemble performance formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 75-84. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-75-84. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 7.067.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ В ВУЗЕ (на примере творчества Э. Мунка)

© **Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
культуроведения и социокультурных проектов
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: timnik2004@mail.ru

Рассмотрены основные принципы семиотического анализа произведений живописи и их использование в учебном процессе студентов вузов. Цель – показать возможность применения данной методики для обучающихся на примере творчества Э. Мунка. Рассмотрено творчество художника с позиций его жизни, особенностей восприятия действительности, а также факторов, влияющих на формирование определенного художественного образа, нашедшего свое отражение в дальнейших его произведениях. В ходе рассмотрения данной методики были обозначены основные принципы семиотического подхода, позволяющего сформировать собственный художественный образ в процессе сотворческого восприятия, а также его мировоззренческих и нравственно-эстетических взглядов. Важным элементом данного подхода является и то, что в результате использования его на занятиях он формирует определенные компетенции обучаемого, обозначенные в государственном образовательном стандарте. Кроме того, подобная методика позволяет обратиться к истории существования художественного образа, созданного автором в историческом контексте, а также его преломление в современном зрителю мире. В результате было доказано, что методика семиотического анализа позволяет студенту использовать данные из различных источников, необходимых для целостного восприятия художественного произведения.

Ключевые слова: семиотический анализ; художественный образ; Э. Мунк; изучение произведения живописи в вузе

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93

Современный образовательный процесс – это не только возможность успешного освоения полученных знаний, но и всестороннее формирование личности, происходящее в ходе учебной и исследовательской работы. Наиболее важным компонентом в образовательном процессе «является непосредственная связь теории с практикой» [1, с. 87]. Это особенно четко прослеживается в дисциплинах, связанных с аналитикой культурных объектов, таких как картины, архитектурные сооружения, литературные произведения и тому подобное.

Возможность рассмотрения и анализа данных компонентов культурной составляющей этноса – это «формирование не только определенных компетенций обучаемого, но и его мировоззренческих и нравственно-эстетических взглядов» [2, с. 42].

Любое художественное произведение – явление сложное и многогранное, оно представляет собой сложный коммуникативный процесс, направленный на передачу и освоение культурной информации.

Существует множество подходов к рассмотрению произведений искусства, таких как:

- историко-культурный, исходящий из интерпретирования художественного произведения как части духовной культуры народа. В результате данного подхода художественное произведение рассматривается как часть культурного этноса, и его понимание возможно именно в культурном контексте;

- гноселогический подход, отражающий социальную составляющую художественного произведения и говорящий о сложности взаимоотношений творческих процессов экономического аспекта;

- биографический подход – возможность рассмотрения произведения через призму биографии автора, позволяющий увидеть не только особенности взглядов отдельного автора, но осмыслить взаимоотношения между художниками, их личностные особенности;

- семиотический подход – позволяет рассмотреть произведение искусства как сис-

тому знаков и символов, находящихся в тесной взаимосвязи. Данный подход дает возможность посмотреть на то или иное произведение искусства с наибольшего количества сторон и выявить все составляющие его художественного образа. Кроме того, данный подход позволяет обратиться к такому факту, как восприятие художественного произведения и создание собственного художественного образа.

Возможность появления своего личностного отношения к тому или иному произведению искусства – это появление неповторимого собственного художественного образа, в котором сочетаются мысли автора творения и человека воспринимающего. А также это сочетание «научных знаний, умений и навыков, а также мировоззренческих и нравственно-эстетических идей, которыми необходимо овладеть обучающемуся» [3, с. 77].

Таким образом, семиотический подход является наиболее приемлемым для изучения произведений искусства в вузе, так как не только позволяет дать историческую характеристику культурному памятнику и проанализировать его с определенных позиций, но и сформировать компетенции, необходимые студенту в процессе освоения программ высшего образования. Так, в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 51.03.01 Культурология (бакалавриат) достаточно большое внимание уделяется компетенциям, которые направлены на формирование способностей, позволяющих применять полученные «навыки работы с теоретической и эмпирической научной информацией, а также получать, понимать, изучать и критически анализировать научную информацию по тематике исследования (ПК-1)» [4, с. 8]. Также в стандарте говорится о необходимости практического применения полученных знаний и их передаче. А именно семиотический подход к изучению произведений искусства и его освоение позволяет осуществить разработку различных проектов, которые в наиболее доступной форме донесли бы информацию о художественном произведении и помогли бы сформировать общекультурную личность с применением новейших техник изучения культурного пространства.

Сегодня, конечно, существуют различные методики, позволяющие изучать те или

иные произведения искусства, но в большинстве своем они предлагают только теоретический подход, а не целостное осмысление произведений искусства. Следовательно, в настоящее время при рассмотрении произведений художественного творчества искусство перестает быть средством глубокого и целостного освоения мира.

Во многом это связано с «уходом» в теорию, а для целостной картины, для полного понимания необходимо восприятие произведения. «Восприятие произведения – это неповторимый процесс, отражающий стадии его создания» [5, с. 6]. Произведение искусства – результат творческих усилий автора и источник импульсов для слушателя, зрителя. В процессе сотворческого восприятия произведения происходит создание нового художественного образа.

Обратимся к самому понятию «художественный образ». Автор, создавая свое произведение, пытается свои мысли и чувства выражать при помощи неких символов, которыми могут являться, на первый взгляд, самые простые и понятные вещи. Но то, что скрывается за ними – это и есть та информация, которую художник в процессе создания пытается донести до зрителя. «Художественный образ – это особая, идеальная целостность, в создании и воплощении (материализации, облечении материальной плотью) которой активно участвуют все сферы психической нервной деятельности. Две природные целостности – окружающий мир и человек, взаимодействуя, создают новую, третью, художественно-образную целостность» [5, с. 26].

Перед тем как зафиксировать свой художественный образ в произведении, художник его обдумывает, то есть он развивается в духовно-практической его работе, отсюда необходимо находить в произведении не только внешние моменты, но и то, что «читается между строк», то есть осмыслить его с точки зрения семиотики. Семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе, которая рассматривает «человеческую коммуникацию как состоящую из вербальных и из невербальных средств общения» [6, с. 5].

В связи с этим с точки зрения семиотического подхода существует следующая парадигма изучения произведения:

1) раскодирование информации, заключенной в ткани самого произведения (идет

работа с произведением как самоценностью – «текстом»);

2) рассмотрение хода и обстоятельств появления художественного произведения, которое помогает значительно расширить и полностью погрузиться в его осмысление (определение в произведении отпечатки взаимодействия стороннего воздействия);

3) изучение динамики художественного образа произведения.

Эти пункты находятся в тесной взаимосвязи и не отделяются четко друг от друга.

Первые два пункта предполагают работу непосредственно с произведением искусства, где:

1) необходимо рассмотреть художественный образ в контексте творчества автора, то есть рассмотреть ход появления непосредственно художественного образа, а также его творческий путь, обратив внимание на жизнь автора и на то, как повлияли эти моменты на формирование контекста произведения;

2) в художественном контексте, то есть сопоставив с другими произведениями, созданными ранее или позднее, а также в соответствующем жанре;

3) в контексте культуры материальной или духовной, в связи с различными философскими, эстетическими и нравственными идеями своего времени.

Что же касается последнего, третьего пункта, то в нем необходимо обратить особое внимание непосредственно на восприятие художественного образа произведения. Здесь необходимо, во-первых, выяснить, как воспринималось произведение современниками автора, а во-вторых, в социально-исторической динамике, то есть проследить восприятие от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. И последним, обязательным, моментом будет выражение собственной точки зрения, собственной позиции, то есть создание своего художественного образа, основанного на семиотическом анализе художественного произведения.

Для примера обратимся непосредственно к творчеству Эдварда Мунка (1863–1944).

Его работы одни из немногих, которые как нельзя ярче показывают внутренние переживания и впечатления художника, вызывая в зрителях процесс сотворческого восприятия.

Э. Мунк. Фото. 1912.

Эдвард Мунк – норвежский художник с тревожным (как считают многие) и в то же время пророческим мироощущением.

Художник родился в семье военврача. Кроме него в семье было еще три сестры и брат. Жили Мунки небогато, но являлись достаточно известными в своем городе. Их дальним родственником был художник – неоклассицист Я. Мунк, а отец Эдварда был проповедником. Семья много переезжала из-за отцовской службы, а также из-за отсутствия денежных средств.

Мать художника умерла, когда ему было всего пять лет, от туберкулеза, а позже эта же болезнь унесет и его старшую сестру. Все заботы взяла на себя тетя Карен, которая поддержала Эдварда в его решении стать художником.

Отец очень любил детей, но отличался сверхрелигиозностью, граничившей с психоневрозом. В результате его рассказов и проповедей Эдвард очень плохо спал по ночам, так как его преследовали видения картин ада, а позже это нашло отражение в его произведениях.

Еще одним фактом, который способствовал формированию художественного образа художника, была смерть его старшей

сестры Софии, с которой он был особенно близок. Это событие стало толчком к его разочарованию в традиционной религии. Воспоминания о болезни и смерти Софи легли в основу одной из первых его крупных картин «Больная девочка», написанной в 1886 г. после окончания Государственной академии искусств и ремесел в Осло, где он занимался живописью и скульптурой. В этом же году он отправляется в Париж, где знакомится с творчеством импрессионистов и создает произведение в похожей манере.

Итак, как было отмечено, в основе картины отражено впечатление художника от болезни и смерти его сестры. Ей было всего 15 лет. Ее лицо излучает свет и выделяется на общем фоне картины, создается впечатление, что ее мысли уже далеко за пределами этого мира, остающегося в полумраке. Женщина, сидящая рядом – это тетя Софи и Эдварда, она в отчаянии. Это видно по положению ее головы, упавшей на подушку в полном изнеможении и отсутствии надежды.

После того, как картина была показана широкой публике на выставке, она была принята критикой отрицательно. Посчитали ее незаконченной, небрежной и даже не достойной выставки. Работами возмущались и даже советовали найти другую профессию. «Лучшая услуга, которую можно оказать Э. Мунку, это молча пройти мимо его картин. Картины Э. Мунка значительно снизили уровень выставки. Приняв эти картины, жюри оказало ему плохую услугу» [7, с. 2]. Хотя некоторые увидели в ней трогательность и определенное своеобразие.

Интересна дальнейшая судьба полотна. После прихода нацистской партии вариант из Дрезденской картинной галереи был продан как образец «дегенеративного искусства».

Но это произведение для самого Э. Мунка оказалось очень важным. Он называл ее «своим прорывом» и создает несколько вариантов картины.

В своем творчестве Э. Мунк обращается не только к пессимистическим настроениям. В 1880-х гг. большое внимание уделяется пейзажам, написанным под влиянием импрессионистов. Например, «Вид на реку в Сен-Клу»

Несмотря на то, что здесь изображен пейзаж, здесь проглядывается присутствие человека, хотя природа является главенст-

вующей. Интересно для автора взаимопроникновение этих двух элементов, живущих по своим законам – природы и человека, их сосуществование.

Э. Мунк. «Больная девочка». 1886

Э. Мунк «Вид на реку в Сен-Клу». 1890

Особого внимания заслуживают портреты в творчестве художника. Этот жанр становится ведущим после 1900-х гг. Портреты, написанные Э. Мунком, достаточно своеобразны: несмотря на некоторую аскетичность и лаконичность, в них много деталей, говорящих о романтических настроениях. Основное внимание в них уделяется психологии человека, изображенного на портрете. Главным девизом Э. Мунка было: «Я пишу мозгом». Обычно он писал лица в анфас. «В анфас оно больше говорит о самом человеке» [7, с. 7]. Подготовительный этап написания портрета занимал у Э. Мунка несколько недель и заключался в серьезном наблюдении за заказчиком. А потом непосредственно сам портрет писался за несколько часов.

Одним из ярких портретов кисти Э. Мунка является «Портрет профессора Даниэля Якобсона».

Человек, изображенный на портрете, играл важную роль в жизни художника. Он лечил его в психиатрической клинике. Поза, в которой изобразил Э. Мунк профессора, полна уверенности, решимости и в то же время некой мягкости и спокойствия. Лицо серьезное, взгляд направлен вдаль. Но, тем не менее, можно разглядеть улыбку, проглядывающую сквозь усы, говорящую о понимании и сострадании. Здесь все отражает отношение художника к изображенному на портрете, отражает состояние его внутреннего мира в момент соприкосновения с изображенным.

Самым известным и узнаваемым произведением является его картина «Крик».

В дневнике Э. Мунка есть запись, сделанная художником, когда он находился в Ницце во время болезни: «Я прогуливался с двумя друзьями – солнце клонилось к закату – вдруг небо стало кроваво-красным – я остановился, чувствуя себя измученным, и прислонился к ограде – кровь и языки пламени взметнулись над черно-синим фьордом и городом – друзья продолжали свой путь, а я застыл на месте, дрожа от страха – и ощутил бесконечный крик, исходящий от Природы» [8, с. 53].

Современники по-разному оценивали эту картину и даже искали модель, по которой Э. Мунк создал этот образ. Искусствовед Р. Розенблум считал, что моделью послужила «перуанская мумия из парижского Музея

человека. Сходство мумии, обхватившей голову кистями рук, с центральной фигурой картины кажется поистине поразительным...» [8, с. 54]. А вот поэт Р. Рильке так высказался о линиях, присутствующих в картине: «Линии Э. Мунка наделены конструктивной силой ужаса – однако в его искусстве бесконечно больше природы, ...и он способен примирить противоположности сохранения и разрушения чисто пространственными представлениями – отсекая края отдельного образа или картины в целом...» [8, с. 55].

Мы видим на картине кроваво-красное зарево, ленту воды, уходящую вдаль, где-то выше линии горизонта – очертания маленького суденышка. А на первом плане – человек, который кричит или пытается это сделать. Его лицо застыло в гримасе ужаса, а глаза, устремленные в неведомое, видят эту неведомую зрителю угрозу.

Э. Мунк. «портрет профессора Даниэля Якобсона». 1909

Сам «колорит картины подчеркивает психологическое состояние человека» [9, с. 13]. Вода, изображенная позади героя, написанная четкими ритмическими мазками, продолжает этот крик, как бы подхватывая ее. А небо, которое написано подчеркнуто красной полосой, нависающей на мостом и образом персонажа, принимает эту боль и понимает, и от этого становится все ярче, пытаясь показать человеку, что он услышан. Не случаен и выбор материала – пастель мягкий, податливый материал, но в то же время наиболее четко отражающий суть образа и настроения автора.

Изображенный на полотне образ является предвестником беды, пока еще не услышанной всеми, но уже ощущаемой природой. Манера написания картины, яркость красок, их экспрессивность, так узнаваемые у Э. Мунка – все это подчеркивает основной смысл картины. Часто это произведение называют предвестником бед, произошедших в XX столетии, а картину – воплощением общечеловеческих страхов и Апокалипсиса.

Но возможно это и крик одиночества среди шумного мира, боль человека, который находится в состоянии отрыва ото всех. И Э. Мунк, будучи человеком очень тонко чувствующим, кроме того страдающим заболеванием, связанным с психикой, ясно ощутил неизбежность конца, смерти именно на этом мосту, где вода сталкивается с небом. Картина – произведение молчаливое, доступное для созерцания, а это произведение «кричит».

Этот мотив одиночества и страха так характерен для экспрессионистов, одним из представителей которых стал Э. Мунк. А стремление к выражению внутреннего мира автора произведения – это главный аспект в творчестве экспрессионистов, что удавалось Э. Мунку с наибольшей степенью четкости.

Сегодня, в XXI веке, картина, написанная в конце XIX века, считается символом поп-культуры. По количеству ремейков, пародий, тиражей образ из картины Э. Мунка стал наиболее часто воспроизводимым в мире. Этот образ очень прочно вошел в массовое сознание, что говорит о картине как о важном культурном явлении.

В 1895 г. была сделана литография с картины, что послужило толчком к тиражированию произведения. Например, Э. Уор-

холл создал серию шелкографичных принтов по мотивам произведений Э. Мунка.

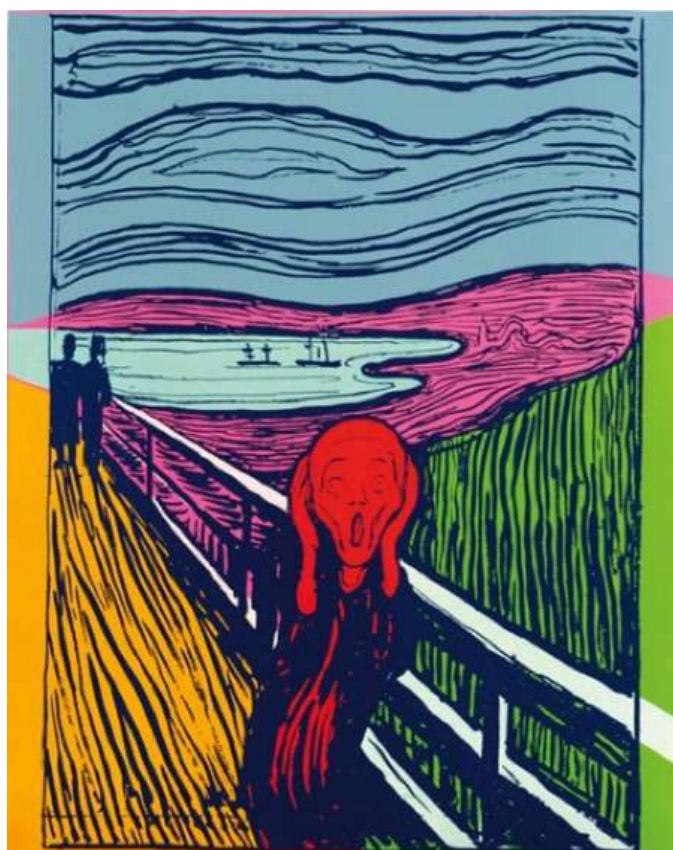
Позже стало понятно, что картина «Крик» идеально отражает особенности культуры постиндустриальной эпохи с идеями посмодернизма, где все строится на вторичности. Образ с картины стал массово распространяться в информационном пространстве. Хорошо узнаваемый образ часто применяется в рекламном продукте, мультсериалах, фильмах, шоу. Психологи это пытаются объяснить, что таким высмеиванием современные люди пытаются скрыть испуг от своей уязвимости в это постиндустриальное пространство. Являясь гениальным воплощением ужаса, образ «Крика» использовался в музыке, литературе, кинематографе. Например, хорошо известный массовому зрителю фильм с одноименным названием «Крик» (1996), где присутствовала маска убийцы, или внешний вид представителей инопланетян в сериале «Доктор Кто» (1963–1989), которые использовали образ из картины Э. Мунка.

Э. Мунк. «Крик». 1893–1910

Ну и производство других продуктов массового потребления также не осталось в стороне. Был выпущен шоколад с изображением картин Э. Мунка. В Токио было открыто кафе «Кафе Мунк», где на стенах висят репродукции 37 копий картины.

Не обошел вниманием эту картину аукцион Sotheby's (Сотбис), на котором работа Э. Мунка из серии «Крик» (1895), выполненная пастелью, была продана за рекордные 119 млн долларов.

Принты по картинам Э. Мунка, созданные Э. Уорхоллом

Э. Мунк. Маска из фильма «Крик». 1996

Таким образом, на примере творчества Э. Мунка мы смогли проследить возможность семиотического анализа и его применение на конкретном примере деятельности художника. Данный метод позволяет студентам не только познакомиться с произведением искусства, но и:

- изучить подробно первоисточники, такие как дневники и т. п., указывающие на подробности жизни художника;
- познакомиться с архивными и музейными данными, помогающими изучить историю появления произведения;
- изучить сопутствующий материал, то есть работы этого автора в тот же период или раньше и сделать соответствующие выводы;
- создать собственный художественный образ исходя из всего вышеперечисленного.

Все это дает возможность обучающимся работать самостоятельно с материалом и применять на практике полученные знания. Кроме того, данная методика, «знакомя студентов с общими принципами работы с художественным произведением и показывая принципы их применения, соответствующие данному определенному виду творения, требует единообразного принципа изложения материала, жесткого отбора материала, но вместе с тем это процесс творческий, показывающий степень возможности разностороннего восприятия материала» [10, с. 129].

В целом, подобный метод позволяет сформировать компетенции у обучаемого, согласно Основному федеральному стандарту, а также помочь преподавателю, применяющему данную методику, выработать у студентов возможность целостного воспри-

ятия произведения искусства, культурной эпохи, а также навыки систематизации и аналитические навыки в ходе сотворческого восприятия произведения искусства.

Список литературы

1. Гунина Е.В., Семенов В.Н. Теория и методика обучения изобразительному искусству: история и современность: справочник. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. 98 с.
2. Ахметова Г.П., Фахрутдинова Р.А., Рыбакова М.В. Развитие профессиональных компетенций студентов (будущих дизайнеров) средствами художественно-изобразительной деятельности в образовательном пространстве вуза (на примере дисциплины «Педагогика и методика преподавания художественных и искусствоведческих дисциплин»). Казань: Казан. инновационный ун-т им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП), 2016. 47 с.
3. Харламов И.Ф. Педагогика. М.: Гардарики, 1999. 520 с.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Направление подготовки 51.03.01 Культурология: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 03.12.2015 г. № 1412. М., 2015.
5. Яковлева Н.А., Чаговец Т.П., Мозговая Е.Б., Бабияк В.В., Мажуга А.И. Анализ и интерпретация произведений искусства / под ред. Н.А. Яковлевой. М.: Высш. шк., 2005. 551 с.
6. Гринев-Гиневич С.В., Сорокина Э.А. Основы семиотики. М: Флинта, Наука, 2012. 256 с.
7. Стенерсен Р. Эдвард Мунк. М.: Искусство, 1972. 250 с.
8. Бишофф У. Мунк. М.: Арт-Родник, 2003. 96 с.
9. Великие художники: их жизнь, вдохновение и творчество. Киев: ООО «Иглмосс Юкрейн», 2005. 32 с.
10. Никольская Т.М. Формирование навыков анализа произведений искусства посредством их восприятия // Научное обозрение. 2009. № 1. С. 128-129.

References

1. Gunina E.V., Semenov V.N. *Teoriya i metodika obucheniya izobrazitel'nomu iskusstvu: istoriya i sovremennost'* [Theory and Methods of Teaching About Visual Art: History and Modernity]. Vladimir, Publishing House of Vladimir State University, 2012, 98 p. (In Russian).
2. Akhmetova G.P., Fakhrutdinova R.A., Rybakova M.V. *Razvitie professional'nykh kompetentsiy studentov (budushchikh dizaynerov) sredstvami khudozhestvenno-izobrazitel'noy*

- deyatel'nosti v obrazovatel'nom prostranstve vuza (na primere distsipliny «Pedagogika i metodika prepodavaniya khudozhestvennykh i iskusstvovedcheskikh distsiplin») [Development of Professional Competence of Students (Future Designers) by means of Art Activity in Educational University Space (Based on Subject "Pedagogy and Methods of Teaching Art Subjects")]. Kazan, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova Publ., 2016, 47 p. (In Russian).*
3. Kharlamov I.F. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Gardariki Publ., 1999, 520 p. (In Russian).
 4. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 1412 of December 3, 2015, *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya. Napravlenie podgotovki 51.03.01 Kul'turologiya* [Federal State Educational Standard of Higher Education. Training Program 51.03.01 Culturology]. Moscow, 2015. (In Russian).
 5. Yakovleva N.A., Chagovets T.P., Mozgovaya E.B., Babiyak V.V., Mazhuga A.I. *Analiz i interpretatsiya proizvedeniy iskusstva* [Analysis and Interpretation of Art Work]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005, 551 p. (In Russian).
 6. Grinev-Ginevich S.V., Sorokina E.A. *Osnovy semiotiki* [Basic Principles of Semiotics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, 256 p. (In Russian).
 7. Stenersen R. *Edvard Munk* [Edvard Munch]. Moscow, Iskustvo Publ., 1972, 250 p. (In Russian).
 8. Bishoff U. *Munk* [Munch]. Moscow, Art-Rodnik Publ., 2003, 96 p. (In Russian).
 9. *Velikie khudozhniki: ikh zhizn', vdokhnovenie i tvorchestvo* [Great Painters: Their Life, Inspiration and Art]. Kiev, LLC "Iglmoss Yukreyn", 2005, 32 p. (In Russian).
 10. Nikolskaya T.M. Formirovanie navykov analiza proizvedeniy iskusstva posredstvom ikh vospriyatiya [Forming the skill of analyzing works of art through their perception]. *Nauchnoe obozrenie – Science Education*, 2009, no. 1, pp. 128-129. (In Russian).

Поступила в редакцию 19.05.2017 г.

Отрецензирована 28.06.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 19 May 2017

Reviewed 28 June 2017

Accepted for press 8 August 2017

UDC 7.067.4

THE USE OF PRINCIPLES OF SEMIOTICS ANALYSIS TO STUDY THE PAINTINGS IN THE UNIVERSITY (BASING ON THE EXAMPLE OF E. MUNCH'S WORK)

Tatyana Mikhaylovna NIKOLSKAYA

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social Cultural Projects Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: timnik2004@mail.ru

The main principles of semiotics analysis of paintings and the use of them in educational process in High School are considered. The purpose is to show the possibility of this method for students by E. Munch's work. We see the artist's work from the standpoint of his life, perception of reality, and from facts which influence on his forming artistic imagery, and which will be in his further works realized. During the consideration of this methodology the main principles of semiotics approach were identified, that allows to create your own artistic image in the process of co-creative artistic perception and besides his philosophical and moral-aesthetic views. An important element of this approach is the fact that as a result it forms the specific competencies of the learner, indicated in the state educational standard. In addition, this technique allows to access the history of the art of the image created by the author in a historical context, as well as his pre-double in a modern viewer world. In the result, it was proven that the method of semiotic analysis allows the student to use data from different sources, which are necessary for a holistic perception of the artwork.

Keywords: semiotic analysis; artistic image; E. Munch; painting study in the university

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93

Для цитирования: Никольская Т.М. Использование принципов семиотического анализа для изучения произведений живописи в вузе (на примере творчества Э. Мунка) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 85-93. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93.

For citation: Nikolskaya T.M. Ispol'zovanie printsipov semioticheskogo analiza dlya izucheniya proizvedeniy zhivopisi v vuze (na primere tvorchestva E. Munka) [The use of principles of semiotics analysis to study the paintings in the university (basing on the example of E. Munch's work)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 85-93. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 37.03

ПОЗИТИВНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРЕЗ ОБРЕТЕНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ НОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© Евгений Алексеевич УВАРОВ

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой
психолого-педагогического и социального образования
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kpivp@mail.ru

В современном обществе произошло кардинальное смещение ценностных и духовных ориентиров, что привело к знаковым изменениям жизненного пространства и девальвации идентичности человека. В обретении новой интеграции человек отброшен далеко назад, что актуализирует поиск ответа на вопросы «Кто Я?» и «Каково мое место в этом мире?». Такой посыл побуждает задаться вопросом надежности предлагаемых новым временем жизненных ориентиров и потенциальных возможностях обретения личностью нового «Я». Сложность понимания жизненной ситуации сопряжена с тем, что фокус внутреннего поиска постоянно мигрирует из одной плоскости в другую. Поэтому вопрос осмысления эпохального перелома, на гребне которого оказалось человечество, на сегодня поставлен острее, чем это было когда-либо в предыдущей истории. Критическое состояние общества связано с многократно возросшими рисками, которые сопровождают социальные перемены, оказывая влияние на встроенность человека в окружающую действительность. Девальвация самоосознания приводит к массовому адаптационному слому, деструкции высших личностных проявлений и, в целом, жизненного пространства. Нарушение традиционных жизненных ориентиров активизирует стремление человека к самосохранению и обращает к внутренним ресурсам, которые дают возможность устоять перед вызовом деструктивных изменений, исходит из понимания того, что осознание собственной идентичности является базовой ценностью существования человека. Именно самоидентичность формирует во внутреннем мире индивида центр силы и является аттрактором конструирования позитивного жизненного пространства. В качестве доказательной базы влияния идентичности человека на формирование позитивного жизненного пространства проведено исследование в среде учащихся старших классов как одной из наиболее уязвимых социальных групп.

Ключевые слова: жизненное пространство; жизненная усталость; самоидентичность; временная перспектива; одиночество; «новая реальность»; аддиктивные установки

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106

В поисках обретения новой интеграции, когда ценностные и духовные ориентиры смещены настолько, что невозможно получить четкого и обнадеживающего ответа на вопросы «Кто Я» и «Каково мое место в этом мире?», человек отброшен далеко назад. Насколько назад, к сожалению, сказать не представляется возможным.

Ситуация болезненной неопределенности, в которой находится человечество, становится все более тревожной и достигает критического значения в начале третьего тысячелетия. Именно неопределенность будущего побуждает человека задаться вопросом о надежности предлагаемых современностью жизненных ориентиров и потенциальных возможностях обретения новой интеграции. Сложность поиска сопряжена с тем, что фокус внутреннего конфликта постоянно мигрирует из одной крайности в другую. К примеру, характерные для времени З. Фрейда

внутренние противоречия между сексуальными подсознательными импульсами и социальными запретами сегодня вызывают всего лишь снисходительную улыбку. На сегодня область противоречий смещена в плоскость экзистенциальных проблем, основу которых составляет ощущение бессмысленности, пустота и одиночество существования человека.

Вопрос осмысления эпохального перелома, на гребне которого оказалось человечество, в современных условиях стоит намного острее, чем это когда-либо было в предыдущей истории. Критическое состояние общества связано, прежде всего, скратно возросшими рисками, которые проистекают из социальных перемен. По словам Р. Мэя, мы живем в тот период истории, когда какой-то один образ жизни «корчится в предсмертных муках», в то время как другой только зарождается [1].

Если обратиться к ретроспективе, то можно увидеть, что человечество на протяжении последних двух столетий неуклонно приближалось к запретной черте, за которой видны контуры зарождающейся новой жизненной реальности. При всех позитивных ожиданиях, свойственных природе человека, очертания новой реальности вызывают тревожное опасение своей непредсказуемостью и неустойчивостью. Поэтому вопрос, который закономерно ставит перед собой человечество – какая реальность в перспективе ожидает, остается открытым. Самый негативный из всех возможных сценариев будущего жизненного пространства рисует картину апокалипсиса, в котором человечество приближается к глобальным социальным катаклизмам, вплоть до небытия.

Европейская цивилизационная модель, базирующаяся на христианской парадигме и до сих пор доминирующая в мире, в настоящем подвержена импловивному взрыву, то есть своего рода обратному схлопыванию. Такие социальные процессы походят на взрыв вакуумной бомбы, когда после расширения вовне происходит колоссальное по своей силе сжатие вовнутрь, со всеми вытекающими социальными, политическими, духовными и иными последствиями для человечества. При этом последствия весьма катастрофичны, по крайней мере, для традиционного жизненного пространства.

В настоящем создается ощущение разорванности цельного жизненного пространства на отдельные фрагменты, в котором человек теряет свое высшее предназначение и свое уникальное место в мире. Социальная мозаика с несвязанностью и алогичностью функционирования ее элементов создает основную проблему существования человека, а именно внутреннюю опустошенность и одиночество. Парадоксально, казалось бы, в век тотальной коммуникации человек остается одиноким и внутренне неустроенным, что сопровождается духовной опустошенностью и личностной деградацией. К сожалению, приходится признавать, что огромное количество людей живут в состоянии дискомфорта и тревожного ожидания неминуемой катастрофы. Несколько затянулись раны, нанесенные мировыми войнами, прошла эйфория технократических прорывов, и человек опустился в провал экзистенциального безвре-

мя. Ему стало неуютно в созданном им самим жизненном пространстве. Он все больше походит на одинокого заблудившегося путника.

По словам Р. Мэя, многие люди не знают, чего они хотят, зачастую они даже не представляют, что чувствуют. Человек в условиях внутренней незаполненности и отсутствия стремления к чему-либо деградирует и уходит в деструктивную деятельность, которая часто является всего лишь защитным механизмом.

Опасность состояния пустоты состоит в том, что приводит человека к ощущению наступающего небытия и сопровождается глубокой онтологической тревогой. П. Тиллих писал, что тревога выступает как состояние осознания человеком возможности бесполезности существования и собственной уязвимости. Попросту человек оказывается неспособным осознать себя, понимать свою природную заданность как уникальной и неповторимой единичности. Тревога запускает глубокие неосознаваемые механизмы самосохранения, что исключает или затрудняет сознательный поиск человеком конструктивных путей разрешения существующих социальных и психологических проблем.

Страх одиночества во многом обусловлен разрушением идентичности и утратой собственных внутренних границ [1]. Попросту эти границы размываются, так как современный человек настолько становится зависимым от внешних обстоятельств, что утрачивает себя как свободная личность и в качестве мнимого самосохранения стремится к растворению в аморфной массе. Основной причиной стремления во всеобщее является страх одиночества и покинутости. Оторванность человека от природной первоосновы, или, по М. Хайдеггеру, «заброшенность» в мир и «неукорененность» в нем, приводит к ощущению пустоты, которая окружает индивида извне и наполняет изнутри. Механизмы такого рода кардинальных бессознательных стремлений описаны О. Ранком в его теории «страха жизни» и «страха смерти».

Нарушение привычных для человека жизненных ориентиров активизирует стремление к самосохранению и обращает его к внутренним ресурсам, которые по логике вещей должны являться неким центром силы. Внутренние ресурсы позволяют человеку

устоять перед вызовом одиночества, внутренней пустоты и личностной деградации, но этого не происходит, поскольку жизненный потенциал во многом исчерпан множеством сиюминутных, часто бессмысленных жизненных устремлений. Как следствие, у современного человека возникает ощущение, что его существование как отдельного «Я» поставлено под сомнение и, в конечном итоге, может быть уничтожено. Человек, который не способен реализовать свой внутренний потенциал, или этот потенциал оказывается заблокированным негативным влиянием, склонен к разрушению или саморазрушению. Примечателен в этом отношении пример Ф. Кафки в «Превращении», описывающего молодого человека, который, однажды уснув, утром просыпается не человеком, а тараканом. Причина такого перерождения заключается в абсолютно пустой и бессодержательной жизни. Современного человека можно было бы охарактеризовать как «человека без лица» или «плоского человека», лишенного жизненной глубины [2].

Стоит напомнить, что осознание собственной идентичности, то есть ответа на вопрос «Кто Я», является базовой ценностью существования человека, которая составляет основу формирования позитивного конструктивного жизненного пространства. Разрушение самоосознания как системообразующей ценности приводит к массовому адаптационному слову и девальвации выших личностных проявлений человека.

Свидетельством тому является психологическая нестабильность человечества с постоянно пополняющейся нозологической группой социальных и психологических девиаций. Среди психологических деструктивных новообразований феномен жизненной усталости занимает особое место. В самом общем виде жизненная усталость является следствием коренного слома современной цивилизации, травматическим ответом на возникновение новой реальности. К сожалению, никакие рациональные усилия и современные оздоровительные технологии, направленные на преодоление такого состояния, не способны привести к желаемому результату. Кризис коренится намного глубже, он исходит из самой природы человека, и поверхностными «поглаживаниями» разрешить его невозможно.

Для жизненной усталости, в первую очередь, характерно опрокидывание всего ценностного и духовного мира личности, то есть всего того, что удерживало и ориентировало человека на протяжении тысячелетий. Жизненная усталость как психологический феномен отличается дефинитивной и смысловой многозначностью и проявляется во множестве современных социальных девиаций. По нашим представлениям, данные девиации могут быть объединены в один кластер, который мы обозначаем как «отказ быть субъектом жизни». Другими словами, это отказ от авторства собственной жизни, от ответственности за нее и от «мужества быть» (по П. Тиллиху), или «мужества быть собой» (по Р. Мэю). Р. Мэй утверждает, что в век «стадной» нравственности и полной изоляции человека мужество является тем качеством, без которого невозможно обойтись. В свою очередь, отказ от «быть» приводит к тому, что жизнь человека превращается в формальное существование без глубины проживания. Э. Фромм в этой связи пишет о некрофильских тенденциях современной жизни.

Жизненная усталость характеризует состояние индивида, находящегося в непредсказуемом и неустойчивом социальном пространстве, по сути, бессодержательном и без четких ориентиров в своем развитии. Неустойчивость и связанная с нею хаотичность современного социума пронизывает жизненное пространство огромным количеством спонтанно возникающих и беспричинно исчезающих социальных явлений, что характерно для явления постмодернизма. Выявить причины вновь возникающих социальных и личностных девиаций представляется весьма проблематичным, поскольку жизненная динамика во многом опережает научные модели, способные их описать. К сожалению, мы довольствуемся всего лишь наблюдением и констатацией последствий такого рода изменений.

Разрыв времен, который свойственен современности, привел к непониманию человеком развития мира и лишил возможности целенаправленно и продуктивно формировать жизненное пространство. То есть определять жизненные цели и смыслы, выстраивать духовные и ценностные ориентиры. Отсутствие жизненных перспектив и непонимание глубинной цели своего существования

привело человека к предельному психическому перенапряжению, личностной беспомощности, состоянию растерянности и одиночества, а в крайнем выражении – жизненной усталости.

Человек по отношению к себе стал сторонним наблюдателем, он утратил способность к самоощущению и чувству собственной идентичности. По большому счету он превратился в безликое существо, неспособное чувствовать, сопереживать, радоваться каждому мгновению и проживать собственную жизнь. Он все больше погружается в искусственно созданный мир, что, в конечном итоге, приводит к формированию «другого Я». Другими словами, начинает доминировать «человек аддиктивный», выбравший в качестве копинг-стратегии погружение в сюрреальный мир. Причина кроется в страхе перед объективной реальностью, которая заставляет его создавать «суррогатную реальность»; не столь важно какую, алкогольную, наркотическую, экстремистскую или реальность растворения в массе. Последнюю из названных реальностей Р. Мэй определяет как «невроз коллективизма», при котором через разрушение «Я» происходит отказ от ответственности перед собой и миром.

Ощущение неуклонности катаклизма и связанный с этим рост всевозможных деструкций актуализирует вопрос научного изучения перспективы развития человечества, что нацеливает на исследование современного жизненного пространства и способность выстраивать позитивную жизненную перспективу.

В последние годы проблема изучения жизненного пространства в психологии вызывает значительный интерес. Но при всем разнообразии научных исследований, посвященных данной проблеме, классическими остаются исследования К. Левина, в которых заложен значительный исследовательский потенциал [3].

По представлению родоначальника «теории поля», человек является относительно замкнутой системой, которая, с одной стороны, отделена от внешней среды проницаемой границей, с другой – включена в более крупную систему, называемую психологической средой.

Психологическая среда и человек объединены понятием жизненное пространство,

которое К. Левин определил как мир психических представлений и переживаний личности, как некий срез воспринимаемой ею действительности. Пространством жизни, по К. Левину, является цепочка событий, происходящих с человеком или вокруг него. Чем большее влияние оказало это событие на человека, тем большую значимость оно для него имеет. Кроме того, жизненное пространство включает в себя психологическое окружение индивида, включая его самого и всех других людей, которые имеют для него значение и находятся в сфере его осознания. То есть жизненным пространством человека является то, что может быть им осознано. Исходя из этого, истинной средой обитания личности является не физическая реальность как таковая и не социальная среда, а всего лишь те их фрагменты, которые отражены в сознании человека и которые направляют его поведение. Другими словами, жизненное пространство определяется совокупностью переживаемых человеком побудителей, которые характеризуют его поведение в ситуации «здесь и теперь».

Согласно теории К. Левина, по-настоящему человек живет в своей реальности, то есть в реальности преломления и отражения физического мира и социальной среды через собственное восприятие. Это говорит о возможности сосуществования в отражении множества людей множества вариантов действительности, конечно, при несомненности существования единой объективной реальности. Что, собственно, не противоречит высказываемой в научных кругах идее многообразия миров. К примеру, у человека, нацеленного на стремление к успеху, восприятие мира отличается от того, кто склонен к избеганию неудач [3].

Следуя теории К. Левина, Дж. Келли упорочил представления о существовании индивидуального характера образа мира [4]. Разработав теорию личностных конструктов, Дж. Келли предположил, что человек через сетку сформировавшейся системы координат мир воспринимает субъективно, то есть по-своему. Единицами этой системы выступают личностные конструкты, являющиеся критериями, по которым человек сравнивает и оценивает объекты и процессы, происходящие в окружающей действительности. Автор утверждает, что на человека оказывают

влияние не события как таковые, а их интерпретация. При этом интерпретация зависит от существующей у конкретного человека системы представлений о происходящем вокруг него. К примеру, за окном поезда пассажир видит свой пейзаж, отличающийся от пейзажа, наблюдаемого его соседом. Особую актуальность это приобретает в настоящее время, когда, как мы отмечали ранее, человек вынужден выстраивать жизненное пространство без опоры на ценностные, духовные и иные ориентиры, которые были выработаны опытом тысячелетий и являлись квинтэссенцией жизненного пути человечества. Сегодня на «жизненном рынке», наряду с традиционными ценностными маркерами, существует множество фэйковых копий или их манипулятивных интерпретаций. Человек в своих жизненных установках все больше ориентирован на «иметь», но не на «быть». Такого рода стремление базируется на глубинных бесконтрольных влечениях к потреблению и поглощению, что напоминает эффект суженного сознания. В результате чего жизненное пространство оказывается заполненным сиюминутностью и конкретикой, а перспектива будущего теряется из вида. Другими словами, происходит схлопывание жизненного пространства в мгновение настоящего.

К. Уилбер говорит о границе, которую человек проводит между собой и окружающим миром, что само по себе не ново для науки [5]. Интересным является то, где ее человек проводит, именно там возникают или нет конфликты личности. Чем больше включенность в мир человека, тем большее содержание мира он осознает как свое. Расширение пространства своего «Я», направленное на достижение сознания единства с другими людьми и миром в целом во многом снимает остроту возникающих противоречий. При этом стоит обратить внимание на один настораживающий нюанс такой включенности. А именно, данный процесс должен осуществляться через опору на субъектность человека, то есть на его целенаправленную активность, безусловное самопонимание и самоосознание. В противном случае, бесконечное расширение пространства «Я» может привести к растворению во всеобщем и разрушению самости (к примеру, состояние самадхи в восточных практиках). Другой вариант негативного взаимодействия с жизнен-

ным пространством – это присвоение и выступление от его имени с целью различного рода массовых манипуляций (роль псевдо-пророка, сверхчеловека и прочее).

В какой-то степени именно об этом пишет Л.П. Гримак, когда говорит, что перво-степенное значение в формировании субъективного комфорта человека имеют такие характеристики внутреннего психологического пространства, как его величина и четкость границ. Понимается это таким образом, что свое внутреннее пространство человек может воспринимать слишком большим и незаполненным, в результате чего будет наступать состояние дискомфорта и тревоги. В противоположность этому, ощущение тесноты этого пространства будет вести к ощущению несвободы.

Другой отечественный психолог С.К. Нартова-Бочавер также указывает, что состояние границ собственного психологического мира в значительной мере определяет отношение человека к внешней среде [6]. По ее мнению, выстраивание жизненного пути в рамках психологического пространства во многом будут определяться тем, воспринимается ли окружающий мир как чуждый или родствен-ный. Суть психологического пространства прослеживается в физических, социальных и психологических явлениях, с которыми человек себя отождествляет. Жизненные явления и ситуации, с которыми сталкивается человек, становятся для него значимыми, если приобретают личностный смысл. Именно при таком условии свое жизненное пространство индивид начинает охранять всеми доступными для него физическими и психологическими средствами.

Жизненное пространство характеризуется не только качественной наполненностью, то есть целями, смыслами, обретением собственного Я, но и временной или жизненной перспективой, без которой выстраивание жизненного пути теряет всякую логику.

В психологической науке к проблеме временной перспективы обращались Л. Фрэнк, К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник и мн. др. При-знавая в анализе жизненного пространства человека несомненность значимости явления временной перспективы, следует сказать, что среди исследователей ее трактовка весьма различна.

Так, родоначальник «временной перспективы» Л. Франк для ее характеристики использует взаимосвязь и взаимообуславливание прошлого, настоящего и будущего в сознании человека [7].

К. Левин временную перспективу определяет как феномен, который включает психологическое прошлое и будущее на реальном и ирреальном уровнях. При этом хронологическая разновременность прошлого и будущего человеком субъективно переживается как одновременная, что в равной мере определяет его поведение [3].

Ж. Нюттен временную перспективу или перспективу будущего характеризует как пространство, в котором строится когнитивно переработанная мотивация деятельности человека. Временная перспектива им рассматривается как временное измерение поведенческого мира, как способность ставить и осуществлять отдаленные во времени цели. При этом умозрительный конструкт «будущее» является местом строительства поведения и развития человека [8].

По мнению отечественного исследователя К.А. Абульхановой-Славской, в основе каждого жизненного пути лежит стратегия жизни человека, то есть то, какой он видит свою жизнь, есть ли у него смысл, какие средства достижения своих целей он выбирает. В анализе жизненной перспективы автор акцентирует внимание на способности личности к планированию и прогнозированию будущего [9].

Другой отечественный исследователь, Е.И. Головаха, жизненную перспективу определяет как предвосхищение или как представление о событиях будущей жизни [10].

Л.П. Гримак при акценте на перспективе будущего не оставляет без внимания тот факт, что полноценная конструкция субъективной модели жизненного пространства может быть сформирована, если прошлое, настоящее и будущее находятся в поле сознания и не закрывают друг друга.

Резюмируя наши рассуждения относительно причин и негативных последствий современных социальных изменений, а также механизмов их разрешения, следует выделить ряд моментов.

По нашему мнению, смена исторических эпох во многом определяет деструктивные социальные изменения, которые проходят на

фоне девальвации классических жизненных ориентиров и жизненного пространства в целом.

Неопределенность будущего, его неосмысленность приводят к искажению внутреннего пространства человека, массовому адаптационному слому и возникновению состояния жизненной усталости.

В качестве защитного механизма самосохранения, избавления от состояния внутренней пустоты и одиночества начинает доминировать аддитивная установка, направленная на формирование суррогатной реальности.

Наконец, одними из ведущих личностных компонентов, приводящих к деструкции жизненного пространства, являются нарушение идентичности личности, неспособность индивида конструктивно выстраивать временную жизненную перспективу, отказ от «мужества быть».

Теоретические рассуждения и выводы, вытекающие из них, выступили в качестве гипотезы практической части нашего исследования. Нами была предпринята попытка изучить особенности жизненного пространства молодых людей, их личностные проявления, которые способствуют конструктивному формированию социальной среды и эффективной включенности в нее индивида. Мы полагаем, что целенаправленное формирование самоидентификации и выстраивание позитивной жизненной перспективы будут способствовать оптимизации строительства жизненного пространства современной молодежи.

В качестве методов исследования нами использован ряд психодиагностических методик: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, шкала безнадежности Бека, тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), опросник «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер).

В качестве испытуемых выступили учащиеся старших классов общеобразовательных школ г. Тамбов (N = 50 человек).

Результаты эмпирического исследования

Согласно С.К. Нартовой-Бочавер, ведущей характеристикой психологического пространства человека является его суверенность, то есть свойство, которое позволяет

поддерживать личностную автономию. Психологическая или личностная суверенность человека заключается в способности контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, опираясь на обобщенный опыт успешного автономного поведения. Основное предназначение феномена суверенности заключается в обеспечении регуляции взаимодействия с внешней средой.

В строительстве психологического пространства особое внимание уделяется состоянию границ, которое выступает в качестве физических и психологических маркеров, что дает человеку возможность эффективно (или нет) взаимодействовать с миром. При возникновении жизненных трудностей может наблюдаться избыточная проницаемость или, напротив, прочность границ психологического пространства.

Автор используемой нами методики выделяет два момента в определении последствий возникновения жизненных трудностей. Первый из них способствует возникновению депривированности и невротических проявлений в выстраивании взаимодействия с социумом. В самом общем виде повышенный уровень невротизма характеризуется постоянной неадекватной тревожностью, когда человек начинает служить своим страхам и негативным переживаниям. Часто он становится их психологическим рабом. Жизнь невротика превращается в череду дискомфортных ситуаций при, казалось бы, видимом внешнем благополучии.

Депривированность, в свою очередь, понимается как лишение или ограничение воз-

можности удовлетворения каких-либо жизненно важных потребностей. Депривированность характеризует психотические проявления на фоне сверхсуверенности личности. Психотизм свидетельствует о склонности к асоциальному поведению, неадекватности эмоциональных реакций, вычурности, повышенной конфликтности индивида.

Анализируя показатели суверенности психологического пространства испытуемых, следует обратить внимание на следующие моменты (рис. 1).

Показатели суверенности физического тела (СФТ) (15,4 %) и суверенности вещей (СВ) (14,8 %) оказались в зоне низких значений. Следует заметить, что СФТ формируется в младенческом возрасте, СВ, соответственно, в дошкольном возрасте. СФТ характеризуется отсутствием попыток нарушить телесное благополучие индивида. Что касается полученных показателей, то они свидетельствуют о депривации телесных ощущений у респондентов и переживании дискомфорта, вызванного любыми попытками физического контакта со стороны других.

Что касается СВ, то здесь подразумевается уважение к личной собственности и вещам человека, распоряжаться которыми может только он. Полученные данные свидетельствуют о непризнании испытуемыми права иметь личные вещи и распоряжаться ими. Это право, по всей видимости, ограничено какими-то внешними установками, возможно родительскими запретами, что не дает возможности формировать уважение к личной собственности респондента.

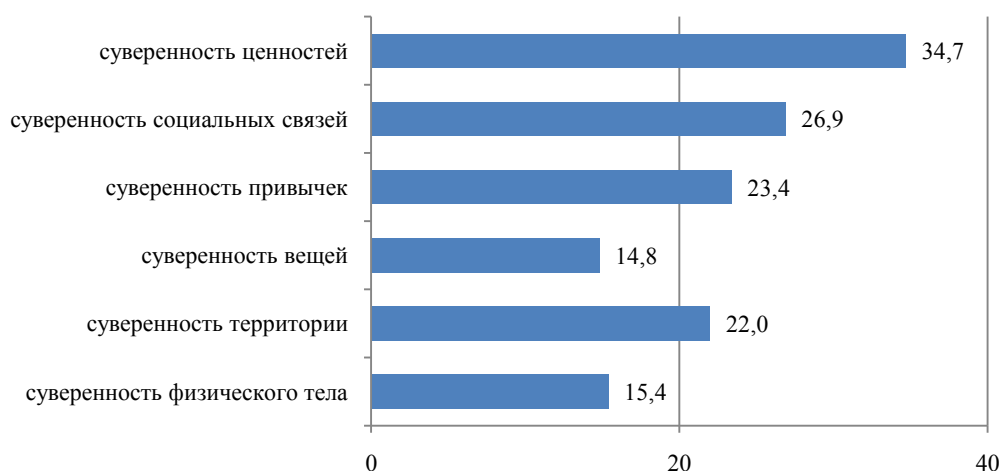

Рис. 1. Показатели суверенности психологического пространства испытуемых (%)

Другие показатели суверенности находятся в зоне пониженных значений (20–40 %), что свидетельствует о проявлении, пусть и не столь выраженной, изолированности. Первая в этом ряду, суверенность территории (СТ), означает переживание безопасности физического пространства, в границах которого протекает жизнедеятельность человека. Полученные данные (22,0 %) позволяют утверждать о неполной сформированности субъективного ощущения личной территории, что не дает респонденту возможности испытывать чувство привязанности к пространству, на котором он живет.

Суверенность привычек (СП) выступает как принятие временной формы организации жизни человека. По сути, это распорядок жизни, установленные и принятые поведенческие нормы, которые проходят свое формирование в дошкольном и младшем школьном возрасте. Показатель суверенности привычек (23,4 %) дает основание предположить, что в данной группе прослеживаются насильственные попытки со стороны других изменить комфортный для индивида распорядок. Нельзя исключить, что понятие комфорта для респондентов носит форму вседозволенности и неограниченной свободы, посягательство на которую приводит к ощущению внешнего вмешательства и давления.

Суверенность социальных связей (СС) проявляется в праве человека иметь друзей и знакомых, которые не всегда могут одобряться близкими людьми. Пониженный уровень суверенности (26,9 %), наблюдаемый у испытуемых, свидетельствует о существовании контроля над их социальными контактами со стороны взрослых. Хотя, опять же, это может быть их субъективное восприятие внешнего контроля и посягательства на право иметь свой круг знакомых и друзей.

Суверенность ценностей (СЦ) становится регулятором поведения в подростковом возрасте и подразумевает свободу идеалов, вкусов и в целом мировоззрения. Хотя показатель суверенности ценностей в нашей группе в абсолютном выражении оказался самым высоким, тем не менее, он находится в зоне пониженного значения (34,7 %). Депривированность данной формы суверенности говорит о навязывании неблизких для испытуемых ценностных ориентиров. Другими словами, эти ценности насильственно

привнесены со стороны социума и внутренне не могут быть приняты молодыми людьми, даже если они значимы для общества в целом. Отторжение общепринятых ценностных установок, формирование своей субкультуры и взглядов на жизнь создают для них множество социальных и личностных проблем.

В целом показатель суверенности психологического пространства респондентов составил 22,4 % и находится в диапазоне пониженных значений, что может означать следующее. Поскольку суверенность понимается как характеристика состояния границ психологического пространства, то приведенные данные свидетельствуют о существовании ряда проблем в автономности поведения испытуемых, нарушении их идентичности и самооценки, равно как и нарушении взаимодействия с внешним миром. К сожалению, несформированность личностной автономии приводит к ощущению ненужности, одиночества, психологической и социальной дезадаптации, аддиктивным жизненным установкам и другим негативным психологическим проявлениям.

Структура самооотношения, представленная на рис. 2, позволяет провести анализ представлений испытуемых о себе, другими словами, выявить отношение к своему собственному «Я».

Принято считать, что в процессе жизни человек накапливает знания о себе, формируя тем самым самоидентичность, выраженную «Я-образом» [11]. Однако знания о себе не всегда приводят к устойчивому отношению к тем или иным проявлениям собственной личности. Они могут быть попросту незначимы для респондента, иметь формальный признак и не оказывать существенного влияния на его «Я-концепцию».

Структура самооотношения, представленная на рис. 2, позволяет провести анализ представлений испытуемых о себе, другими словами, выявить отношение к своему собственному «Я». Принято считать, что в процессе жизни человек накапливает знания о себе, формируя тем самым «Я-образ». Однако знания о себе не всегда приводят к устойчивому отношению к тем или иным проявлениям собственной личности. Они могут быть попросту незначимы для респондента, иметь формальный признак и не оказывать существенного влияния на его «Я-концепцию».

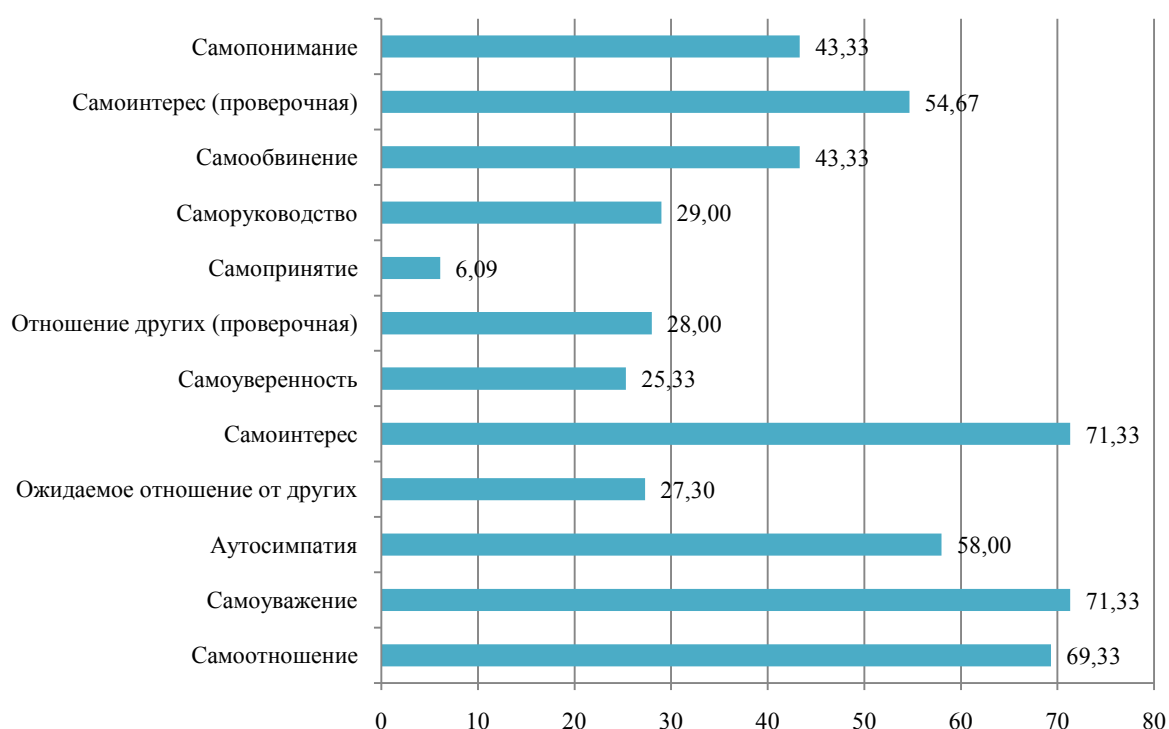

Рис. 2. Показатели самооотношения в группе испытуемых (%)

Для изучения самооотношения нами были взяты базовые шкалы, первая из которых, шкала «Самоуважение», объединяет показатели «Самопонимание», «Самоуверенность» и «Внутреннюю последовательность». Показатель «Самоуважения» в группе испытуемых выражен достаточно явно (71,33 %), что говорит об эмоциональной и содержательной вере в свои силы и способности. Респонденты полагают, что они самостоятельны в своем поведении, контролируют собственную жизнь и в полной мере понимают самих себя. Но, «Самопонимание» диссонирует с показателями включенных в нее шкал, которые направлены на измерение выраженности установки на внутренние действия в адрес «Я» испытуемых. К примеру, «Самопонимание» составило 43,33 %, а «Самоуверенность» — 25,33 %, что говорит о поверхностном понимании сущности самоуважения.

Базовая шкала «Аутосимпатия» отражает дружелюбность или враждебность к собственному «Я». Следует обратить внимание, что в содержательном плане данная шкала на позитивном полюсе свидетельствует об одобрении себя, доверии к себе и позитивной самооценке. Негативный полюс, в свою оче-

редь, свидетельствует о низкой самооценке, самообвинении и самоуничижении. В нашей группе признак «Аутосимпатии» носит выраженный характер, но находится близко к нижней границе (58,00 %). Показатель «Самопринятия», входящий в блок «Аутосимпатии», имеет крайне низкое значение (6,09 %), что больше свидетельствует об отчуждении от самого себя. «Самообвинение» (43,33 %) также свидетельствует о присутствии таких эмоциональных реакций, как презрение к себе, раздражение, вынесение самоприговоров и о самодеструктивных проявлениях в группе испытуемых.

Показатель «Самоинтереса» в исследуемой группе составил 71,33 %, что говорит о выраженности данного признака. Интерес к самому себе отражает близость к себе, к своему внутреннему миру и возникающим в связи с этим чувствам. В целом, данная личностная характеристика свидетельствует о желании исследовать свой внутренний мир, изучать процессы, связанные с собственными мыслями и протекающими эмоциями. При стремлении к самоанализу молодых людей настораживает низкий показатель «Ожидаемое отношение от других» (27,30 %), свиде-

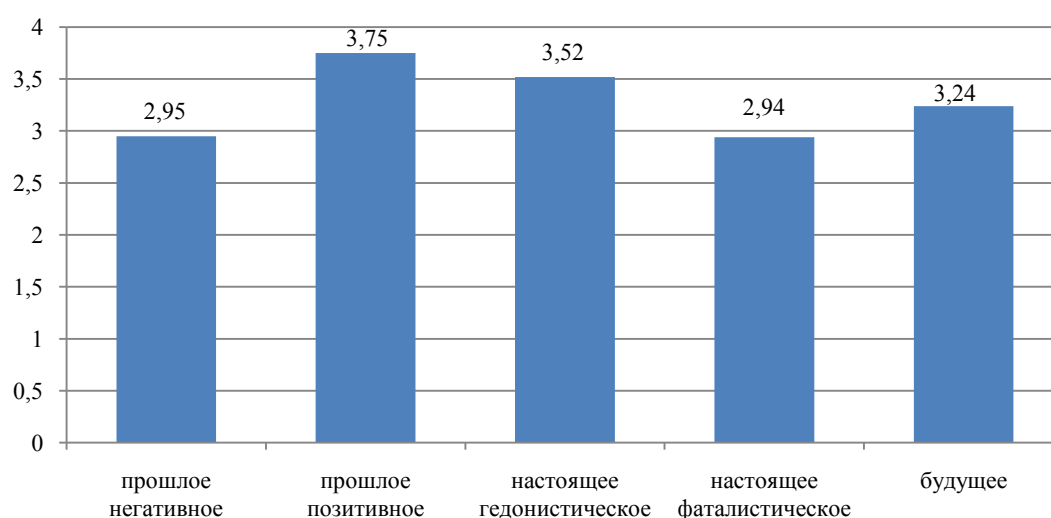

Рис. 3. Показатели временной перспективы в группе испытуемых

тельствующий об ожидании негативного отношения к себе со стороны других. То есть в группе испытуемых присутствует уверенность в своей непривлекательности для других. Такого рода ожидание внешнего отторжения приводит молодых людей к изолированности, одиночеству и замыканию на своих внутренних переживаниях.

Анализ выраженности установки на внутренние действия испытуемых говорит о проблемных моментах в отношении к собственному «Я». В частности, не может не настораживать неудовлетворительная сформированность таких личностных свойств, как самопринятие, самоуверенность, равно как и ожидаемое отношение от других. Эти и ряд других показателей, при относительно благополучии самоотношения в целом (69,33 %), позволяют предположить формальное, безоценочное отношение к самому себе. Хотя, справедливости ради, в силу возраста нельзя исключить незаконченность протекания процесса формирования отношения к собственному «Я».

Дальнейшему анализу в нашем исследовании была посвящена временная перспектива испытуемых, что связано с предположением позитивного влияния ориентации на будущее на формирование психологического пространства, то есть придания смысла жизненной перспективе [12].

На рис. 3 видно, что в абсолютном выражении доминирует направленность респондентов на «Позитивное прошлое» (3,75 балла).

Согласно исследованиям Ф. Зимбардо, люди с позитивным отношением к прошлому, как правило, более счастливы, энергичны, у них лучше физическое самочувствие и более высокое самоуважение. Кроме всего прочего, прошлое является лучшим из доступных способов выстроить будущее. Благодаря прошлому человек способен чувствовать неразрывность времени и целостность самого себя. Однако не следует забывать, что, к примеру, по А. Адлеру, прошлое является не чем иным как реинтерпретацией прошедших событий, то есть своего рода реконструкцией, основанной на сегодняшних мыслях и чувствах. Другими словами, воспоминания не всегда являются слепком прошлого, вполне реально за счет наводящих вопросов или ряда психологических уловок спровоцировать «ложные воспоминания». Кроме этого, «переписывание прошлого» может происходить не только под влиянием извне, но и из внутренних установок и желаний самого индивида.

При всем позитиве ориентация на прошлое имеет ряд негативных особенностей. Так, ориентируясь на прошлое, человек смотрит назад и вынужден идти по жизни спиной, постоянно возвращаясь в мыслях и эмоциях к прошедшим событиям своей жизни. Застывание в прошлых событиях, даже если они приятны, исключает стремление к изменениям и развитию. Попытка сберечь и воссоздать в настоящем, то, что было когда-то, создает мнимое чувство безопасности и

удовлетворения. По нашему мнению, это ничто иное как страх перед неопределенным и тревожащим воображение будущим. Такого рода жизненный регресс не дает молодому человеку возможности конструктивно выстраивать свое жизненное пространство.

Другой аспект временной перспективы исследуемой группы характеризует ее гедонистическое настоящее (3,52 балла). Гедонисты наслаждаются всем, что доставляет им удовольствие, и избегают того, что приносит им разочарование. Они сосредоточены на непосредственном удовлетворении своих желаний и самопоощрении, стремятся к приятному проведению досуга.

Люди, ориентированные на настоящее, живут по принципу «здесь-и-теперь». Но стремление к активности, ребячеству, поиск острых ощущений и новизны протекают до тех пор, пока им не наскучит то, или иное занятие.

Все сказанное для данного возраста вполне приемлемо и, как правило, находится на положительном полюсе временной перспективы. Но при всей объяснимости и оправданности обсуждаемой временной ориентации существует ее отрицательная сторона. Она заключается в том, что респонденты-гедонисты обладают слабым самоконтролем, непостоянны в своих желаниях, импульсивны и эмоционально нестабильны. При обсуждении гедонистического настоящего немаловажно обратить внимание еще на один аспект. Современная жизнь с ее безудержной пропагандой достижения удовольствия для молодых гедонистов как ни для кого другого создает непреодолимое искушение сконструировать альтернативную реальность и остаться в ней.

Наконец, третьей позицией временной перспективы респондентов в иерархии показателей является ориентированность на будущее (3,24 балла). Следует понимать, что будущее невозможно испытать непосредственно, поскольку оно является мысленно сконструированным состоянием. По сути, будущее – это мир воображаемых возможностей и представлений о возможных сценариях развития их жизни.

Ожидания будущего во многом определяют то, что происходит в настоящем. Исследования, получившие название «эффект Пигмалиона», тому подтверждение. Ка-

сательно нашей выборки, однозначно ответить на вопрос окончательной сформированности временной перспективы респондентов не представляется возможным. В этом возрасте, как правило, происходит начало осмысленного формирования ориентации на будущее, когда на смену гедонистическому настоящему детства приходит необходимость выстраивания жизненной перспективы. После этого возраста некоторые становятся ориентированными на прошлое и конструируют свое жизненное пространство исходя из прошедших событий, другие начинают строить планы на будущее.

С целью снятия неопределенности в исследовании перспективы будущего мы провели дополнительную диагностику выраженности безнадежности в исследуемой группе (шкала безнадежности А. Бека). Безнадежность относится к тем характеристикам, которые определяют негативные представления и мысли о будущем, потерю мотивации и тревожные ожидания. Данный показатель составил 36,28 балла, что находится на границе низкого и среднего уровней выраженности признака. Это свидетельствует о том, что респонденты в большей степени склонны к позитивному видению собственного будущего. Данный факт подтверждают другие показатели исследования, а именно доминирование уверенности в собственных силах («прошлое позитивное», «будущее») над предопределенностью жизненных обстоятельств («настоящее фаталистическое»).

Подводя итог экспериментальной части нашего исследования, следует сказать следующее.

Во-первых, поскольку в целом суверенность психологического пространства респондентов находится в диапазоне пониженных значений, то это может свидетельствовать о существовании проблем в автономности их поведения, нарушении процесса самопонимания и самопризнания. Данное обстоятельство вносит дисбаланс не только во внутреннюю целостность человека, но и эффективные трансакции с внешним миром.

Во-вторых, на фоне относительного благополучия самоотношения в целом, существующая установка на внутренние действия испытуемых свидетельствует о проблемных моментах в отношении к собственному «Я»,

что позволяет предположить безоценочное отношение к собственному «Я».

В-третьих, касательно временной перспективы респондентов, следует сказать, что однозначно ответить на вопрос ее окончательной сформированности не представляется возможным. В этом возрасте, как правило, происходит осмысление перспективы будущего. Но, вместе с тем, настораживает доминирование ориентации на прошлое, что не исключает присутствие страха перед тревожащим воображение будущим.

Указанные моменты дают основание утверждать, что позитивное выстраивание жизненного пространства во многом определяется способностью молодых людей к самоидентификации и осмысленному прогнозированию будущего. То есть ответ на вопрос «Кто Я» является тем экзистенциальным аттрактором, который составляет основу обретения личностью нового «Я».

Список литературы

1. Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Ин-т общегум. исследований, 2012. 224 с.
2. Уваров Е.А. Жизненная усталость в ситуации цивилизационного выбора: аберрация или рождение автора // Человек. Общество. Инклюзия. М., 2015. № 4 (24). С. 116-125.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
4. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
5. Уилбер К. Никаких границ. М., 1998. 122 с.
6. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности: монография. М.: Прометей, 2005. 312 с.
7. Frank L.K. Time Perspective // Journal of Social Philosophy. 1939. № 4.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
9. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
10. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 190 с.
11. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983. 284 с.
12. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
1. Mey R. *Chelovek v poiskakh sebya* [Human's Soul Searching]. Moscow, Institute of General Human Studies Publ., 2012, 224 p. (In Russian).
2. Uvarov E.A. *Zhiznennaya ustalost' v situatsii tsivilizatsionnogo vybora: aberratsiya ili rozhdenie avtora* [Life fatigue in the situation of civilization choice: aberrance or birth of the author]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*, 2015, no. 4 (24), pp. 116-125. (In Russian).
3. Levin K. *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [The Theory of Domain in Social Sciences]. St. Petersburg, Rech Publ., 2000, 368 p. (In Russian).
4. Kelli D. *Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnykh konstruktov* [Personality Theory. Psychology of Personal Construction]. St. Petersburg, Rech Publ., 2000, 249 p. (In Russian).
5. Uilber K. *Nikakikh granits* [No Limits]. Moscow, 1998, 122 p. (In Russian).
6. Nartova-Bochaver S.K. *Psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Psychological Space of Personality]. Moscow, Prometey Publ., 2005, 312 p. (In Russian).
7. Frank L.K. Time Perspective. *Journal of Social Philosophy*. 1939, no. 4.
8. Nyutten Z. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, Action and Prospect of the Future]. Moscow, Smysl Publ., 2004, 608 p. (In Russian).
9. Abulkhanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Strategy of Life]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 299 p. (In Russian).
10. Golovakha E.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological Time of Personality]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 190 p. (In Russian).
11. Stolin V.V. *Samosoznanie lichnosti* [Self-Consciousness of Personality]. Moscow, Moscow State University Publ., 1983, 284 p. (In Russian).
12. Zimbardo F., Boyd D. *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [Time Paradox. New Psychology of Time, Which Will Improve Your Life]. St. Petersburg, Rech Publ., 2010, 352 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 07.12.2016 г.

Отрецензирована 14.01.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 7 December 2016

Reviewed 14 January 2017

Accepted for press 8 August 2017

UDC 37.03

POSITIVE LIFE SPACE THROUGH FINDING NEW INTEGRATION BY PERSONALITY

Evgeniy Alekseevich UVAROV

Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychological-Pedagogic and Social Education Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: kpivp@mail.ru

In a modern society a cardinal displacement of value and spiritual orientations has happened. This has lead to new significant changes of life space and devaluation of human identity. In finding new integration the human is thrown away and it makes relevant to find answers to the questions “Who am I?” and “What is my place in this world?”. Such message makes us ask questions considering the confidence of the proposed life orientations and potential possibilities of finding by a personality of new “I”. The complexity of understanding of life situation is connected with the fact that the focus of inner search often migrates from one space to another. That is why the question of earthshaker understanding, where the humanity is more relevant than before at the moment. The critical state of the society is connected with the growing risks, which accompany social changes, influencing the embeddedness of a human in the surrounding reality. Devaluation of self-consciousness leads to mass adaptation break, destruction of higher personal manifestations and in general life space. The problems in traditional life orientations activates the aspiration of a human to self-preservation and applies to inner resources, coming from the understanding that the understanding of personal identity is the basic value of human existence. Self-identity forms in an inner world of the individual the power centre and is the attractor of construction of positive life space. As a proof of identity influence on the formation of positive space, the study among pupils of high grades as of one of the most vulnerable social groups is carried out.

Keywords: life space; life fatigue; self-identification; temporary prospect; solitude; “new reality”; addictive orientations

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106

Для цитирования: Уваров Е.А. Позитивное жизненное пространство через обретение личностью новой интеграции // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 94-106. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106.

For citation: Uvarov E.A. Pozitivnoe zhiznennoe prostranstvo cherez obretenie lichnost'yu novoy integratsii [Positive life space through finding new integration by personality]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 94-106. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106. (In Russian, Abstr. in Engl.).

СИСТЕМНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ И ПРИНЦИП ОБУЧЕНИЯ

© Геннадий Николаевич КАРОПА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики
Барановичский государственный университет
225404, Республика Беларусь, г. Барановичи, ул. Войкова, 21
E-mail: gkaropa@tut.by

Раскрыто понятие «системная дифференциация», прослежена эволюция идей системной дифференциации в научной литературе, сформулированы основные требования, предъявляемые к процессу обучения в современной высшей и средней школе; показано, что процесс обучения, реализующий принцип системной дифференциации, носит личностно-ориентированный характер и предполагает вовлечение школьников и студентов в поэтапно усложняющуюся систему задач, видов и форм деятельности и общения. Доказано, что развитие когнитивных структур в онтогенезе идет по линии их прогрессивного усложнения и всецело подчиняется закону системной дифференциации. Этот закон состоит в том, что более развитые, сложные, высоко расчлененные и иерархически упорядоченные когнитивные структуры, допускающие широкий, глубокий, многоаспектный и гибкий анализ и синтез окружающей действительности, развиваются только из более простых, диффузных, глобальных или плохо расчлененных структур путем их постепенной дифференциации. Обучение, реализующее принцип системной дифференциации, протекает как процесс решения непрерывно усложняющихся задач и включает в себя следующие основные этапы (структурные компоненты): 1) вводно-ориентировочный; 2) операционно-исполнительный (рабочий) и 3) оценочно-результативный. Эти структурные компоненты (этапы) имеют место как в процессе обучения тому или иному предмету, так и при прохождении отдельных тем или проведении частных уроков и других форм учебных занятий по данному предмету.

Ключевые слова: системная дифференциация; педагогическая закономерность; принцип обучения; образование; обучение; учение

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-107-116

ВВЕДЕНИЕ

В основе развития природы, общества и человека лежат одни и те же, принципиально общие закономерности. Настоящих, больших закономерностей немного, но именно они, по Н.П. Бехтеревой, едины для работы мозга, разума и интеллекта [1; 2]. Одной из фундаментальных закономерностей является системная дифференциация, определяющая развитие природных и социальных процессов, в том числе процессов обучения и воспитания ребенка. В самом общем виде эта закономерность может быть сформулирована следующим образом: везде, где имеет место развитие, оно идет по пути поэтапно углубляющейся и разветвляющейся дифференциации и, как следствие, к состоянию более развитой организации [3–5]. В современной научной литературе системная дифференциация рассматривается как объективный факт и закономерность интеллектуального развития ребенка [6–10].

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ

Академик И.Ф. Харламов подчеркивает, что выявленные и хорошо исследованные закономерности определяют принципы обучения, лежат в основе построения целостного образовательного процесса. «Когда в науке достаточно обстоятельно разработаны теоретические закономерности, – отмечает И.Ф. Харламов, – они становятся принципами практической деятельности. Речь идет о том, что установленные в науке закономерности должны обуславливать характер соответствующей практической деятельности, выступать как принципиальные требования к ее организации» [11, с. 64]. Одной из дидактических закономерностей и – одновременно – принципом обучения является системная дифференциация. «Нужно, однако, хорошо осознавать, – подчеркивает И.Ф. Харламов, – что определение принципов практической деятельности не есть исходный пункт иссле-

дования, а его заключительный результат, поскольку принципы верны лишь тогда, когда они соответствуют сущности этой деятельности» [11, с. 64]. Таким образом, в современной педагогике закономерности выступают как основополагающие принципы, или требования, на основе которых следует осуществлять учебно-воспитательную работу в высшей и средней школе.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СИСТЕМНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Принцип системной дифференциации – один из «новых» общепедагогических принципов, вытекающих из современного нейрофизиологического и психолого-педагогического знания. Этот принцип выражает чрезвычайно важную закономерность мыслительной деятельности разумного человека и имеет прочное обоснование в философской и психолого-педагогической литературе.

Объективность и научная состоятельность принципа системной дифференциации обосновывается в трудах нейрофизиологов И.М. Сеченова [12; 13], Н.М. Бернштейна [14], психолингвистов А.А. Потебни [15] и Н. Хомского [8], психологов Ж. Пиаже [16; 17], Л.С. Выготского [18; 19], Дж. Брунера [20; 21], Н.И. Чуприковой [3] и В.В. Давыдова [9], педагогов И.Ф. Харламова [11], Л.В. Занкова [10], Л.Н. Макаровой [22] и др.

Новейшие данные о научной состоятельности системной дифференциации как фундаментальной закономерности и принципа обучения мы находим в научных трудах Нобелевских лауреатов нейрофизиологов Дж. Эдельмана [7; 23], Дж. О'Кифа [24] и М.-Б. Мозер и Э. Мозера [25].

Согласно взглядам И.М. Сеченова, познание ребенком внешнего мира начинается с расчленения некоторой вначале нерасчлененной панорамы чувственных образов и неразрывно связано с возникновением у него первых слов-понятий. По мере взросления ребенка и обогащения его словарного запаса вначале «слитная» и обобщенная панорама образов постепенно расчленяется, дифференцируясь на отдельные составляющие структурные компоненты. В основе этого психологического процесса лежит, по И.М. Сеченову, дробление на части изначально целостной и

недифференцированной нервно-психической организации. Те частные компоненты, которые из нее вычленяются, постепенно связываются со знаками языка (словами), становятся носителями «элементов мысли» (понятиями), отделяются от своего «материального носителя» и, благодаря этому, получают возможность гибко функционировать в различных актах интеллектуальной деятельности [12; 13].

А.А. Потебня указывает, что познание ребенка всегда идет от целого к части посредством системной дифференциации этого вначале недифференцированного целого, подчеркивает, что развитие мысли ребенка начинается с «расщепления» посредством речи изначально целостных и обобщенных чувственных образов. Образ, по А.А. Потебне, есть принципиально целостное образование, в котором предмет и его свойства, а также действия и отношения самого ребенка к этому предмету органично слиты в одно единое целое. И только в речевом суждении они разделяются, «разводятся», противопоставляются друг другу, дифференцируются и выступают как самостоятельные и независимые реальности. Такая дифференциация есть необходимое условие образования полноценных понятий и вместе с тем – важнейший фактор его умственного развития [15].

Рассматривая развитие ребенка как процесс органического созревания, Ж. Пиаже отмечает, что первые знания ребенка об окружающей действительности представляют собой, по сути, некоторые целостные синкретические образования («схемы», «сценарии»), в которых все как бы «сбито в кучу» и строго недифференцировано. Подчеркивая, что ребенок мыслит «схемами целого», отмечая, что эти схемы дают ребенку в целом верное представление о происходящих событиях, Ж. Пиаже констатирует тот факт, что используемые ребенком «схемы» еще не позволяют ему объективно разложить мыслимое целое на отдельные детали и составные компоненты. В этих схемах (целостных когнитивных системах) все слито воедино. Лишь по мере развития ребенка и только по ходу его социализации (более точно – социального взаимодействия) эти схемы-структуры постепенно дифференцируются, обеспечивая тем самым существенные сдвиги в его интеллектуальном развитии. Ж. Пиаже

доказал, что топологические (пространственные) структуры в сознании ребенка появляются раньше других когнитивных структур, что указывает на исключительную роль решения пространственных задач в его интеллектуальном развитии [16; 17].

В трудах американского психолога Дж. Брунера показано, что главное звено в содержании обучения составляет структура знаний. Согласно Дж. Брунеру, в процессе конструирования учебного курса и реального обучения какому-либо предмету важно, прежде всего, найти ведущую идею (ключевое понятие), объединяющую все содержание темы.

Дж. Брунер подчеркивает необходимость оказания всемерной помощи ученику в процессе овладения понятийной структурой учебного предмета, полагая, что эта структура имеет настолько основополагающий характер, что посильный уровень овладения ею может быть достигнут на любой стадии интеллектуального развития ребенка. Психолог утверждает, что любого ребенка на любой стадии развития можно успешно обучать любому предмету в какой-то подлинно разумной форме. Это означает, что конкретные понятия низшего порядка какого-либо предмета должны вводиться на начальном этапе обучения (или при работе с младшими детьми) с тем, чтобы на более поздних стадиях развития подвести детей к более трудным, абстрактным, системно расчлененным (дифференцированным) представлениям и понятиям [20; 21].

Немецкий психолог В. Штерн, основывающий свою психологическую теорию на понятии целостности личности, пишет: «Если мы определим личность как самоопределяющуюся, целенаправленно и созидательно действующую целостность, обладающую определенной глубиной, то это относится не к содержанию сознания или к телесным функциям самим по себе, но ко всему исходно нерасчлененному целому, в котором «психическое» и «физическое» являются подчиненными целому моментами» [26, с. 187]. По В. Штерну, интеллектуальное, психологическое и общее развитие ребенка всецело подчиняется закону системной дифференциации [26].

Анализируя процесс развития личности в таких понятиях, как «рост», «дифференциация» и «преобразование», В. Штерн отмечает, что «...жизнь личности развивается от состояния исходной неясности и диффузности к большей структурированности (то есть образуется одновременно более обширное целое и происходит большая внутренняя дифференцировка)» [26, с. 189].

Л.С. Выготский, рассматривая мышление как высшую психическую функцию, развитие которой неразрывно связано с возникновением слов-понятий, констатирует, что умственное развитие ребенка определяется не столько уровнем развития отдельных психических процессов и частных функций, сколько межфункциональными связями и их изменениями. Судьба каждой отдельной психической функции, каждого функционального компонента («части») в развитии сознания зависит, по Л.С. Выготскому, от изменения целого, а не наоборот. В трудах выдающегося психолога показано, что первые отношения ребенка к внешнему миру носят всегда целостный, слитный и недифференцированный характер. И только по мере взросления и «вращения» ребенка в окружающую социальную среду из этого слитного отношения постепенно вычленяется отношение к близкому взрослому, которое в дальнейшем детерминирует и перестраивает все другие отношения к внешнему миру. Отношение же к себе как к личности появляется у ребенка значительно позже и представляет собой результат сложного взаимодействия многих биологических и социальных факторов при ведущем значении вторых [18; 19].

Развивая идеи системной психологии, отмечая, что все процессы в природе и обществе имеют изначально целостный характер, немецкий ученый М. Вертгеймер пишет: «Рассматривая проблему в целом, видим, что здесь мы имеем дело не просто с совокупностью каких-то отдельных элементов или связей, а с процессом, который управляется свойствами целого и предполагает иерархию элементов логически более высокого и более низкого уровней. Мы видим также, что каждый из этих элементов (или отношений, или связей) не случайно занимает то или иное место, а адекватно завершает, дополняет структуру целого «соответственно той роли и функции, которую он выполняет в данной структуре. При исследовании реакций детей и взрослых испытуемых в различных вариациях»

циях задачи мы обнаруживали, что мыслительные процессы развиваются не снизу вверх, от «логически» более элементарных отношений к отношениям более высокого уровня, но в прямо противоположном направлении. Поведение в разумных реакциях определяется в первую очередь свойствами целого... С логической точки зрения свойства целого выступают как связь между отношениями; посредством этой связи вскрываются сами отношения; в свою очередь благодаря последним мы приходим к элементам [27, с. 124-125]. И далее: «Процесс идет сверху вниз, от представления о взаимосвязи и о свойствах целого к отдельным элементам» [27, с. 182]; «Части определяются структурой целого, а целое – структурой частей» [27, с. 275]; «До того, как начался процесс мышления, или на его ранних стадиях, мы часто обладаем определенным целостным видением ситуации» [27, с. 199].

Видный советский психофизиолог и исследователь механизмов формирования двигательного навыка Н.А. Бернштейн убедительно показывает, как из афферентации вырастает субъективное пространство, из пространства – предмет, из предмета – наиболее обобщенные объективные понятия. Из эффекторики, по Н.А. Бернштейну, «вырастает» субъективное время, из времени – «смысловое действие», из последнего на более высоких уровнях – поведение и, наконец, верховный синтез поведения – личность или субъект [14, с. 437].

Рассматривая закономерности формирования двигательного навыка, Н.А. Бернштейн пишет: «В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка... почти все коррекции суррогатно ведутся ведущим уровнем – инициатором, но вскоре положение изменяется. Каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых ими сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно в результате ряда последовательных переключений и скачков образуется сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решаю-

щие в смысловом отношении коррекции. Под его дирижированием в выполнении движения участвует, далее, ряд фоновых уровней, которые обслуживают фоновые или технические компоненты движения: тонус, иннервацию и динервацию, реципрокное торможение, сложные синергии и т. п. Процесс переключения технических компонент движения в низовые, фоновые уровни есть то, что называется обычно автоматизацией движения» [14, с. 42-43].

В указанном контексте возникают следующие вопросы: Что же именно развивается у ребенка с возрастом и в процессе его обучения? Каков именно тот «внутренний» материальный субстрат, который под воздействием внешних социально-педагогических влияний изменяется, развивается, трансформируется, переходя в качественно новое состояние, обуславливая тем самым нейрофизиологическую основу для дальнейшего развития индивида?

Согласно концепции Н.И. Чуприковой, таким развивающимся субстратом являются внутренние когнитивные структуры, то есть внутренние относительно стабильные системы репрезентации знаний в самом широком смысле слова, которые вместе с тем являются и системами извлечения и хранения текущей информации [3]. Внутренние когнитивные структуры (системы репрезентации знаний) представляют собой своеобразные «кристаллизованные» матрицы получения и извлечения всех знаний индивида об окружающей среде, о себе, о своем месте и своих функциях в этой среде. Информация из окружающего мира извлекается и используется индивидом только в той мере и в такой форме, как это позволяют имеющиеся у данного индивида внутренние когнитивные структуры [3; 4; 6].

С точки зрения современной психологии, внутренние когнитивные структуры – это относительно стабильные системы динамических процессов сравнения, анализа, синтеза, классификации, обобщения и др., складывающиеся на основе работы анализаторов и представляющие собой реализацию генетически «заложенных» в них возможностей развития. Признание того, что когнитивные структуры развиваются – факт принципиально важный для теории и практики обучения и воспитания личности ребенка [3; 6].

Современными научными исследованиями доказано, что развитие когнитивных структур в онтогенезе идет по линии их прогрессивного усложнения и всецело подчиняется закону системной дифференциации. Этот закон состоит в том, **что более развитые, сложные, высоко расчлененные и иерархически упорядоченные когнитивные структуры, допускающие широкий, глубокий, многоаспектный и гибкий анализ и синтез окружающей действительности, развиваются только из более простых, диффузных, глобальных или плохо расчлененных структур путем их постепенной дифференциации** [3; 6].

Дифференциация когнитивных структур может происходить многократно и бесконечно. Именно поэтому этот поэтапный, бесконечно развивающийся процесс нейрофизиологи и психологи часто описывают формой дерева с разветвляющейся кроной [3; 7; 23]. Такой подход согласуется с новейшими научными представлениями, описывающими процесс развития как нарастание уровней сложности [23–25].

Главной предпосылкой возникновения и развития когнитивных структур (равно как мышления и сознания в целом) является высокоразвитая способность к отвлечению и абстракции. Движущей силой и основным источником развития этой способности является знаково-речевая сигнализация окружающей действительности. Именно речь и речевая деятельность выполняют функции главных факторов расчленения индивидуального чувственного опыта и, следовательно, играют роль основных «психологических орудий» системной дифференциации когнитивных структур, их развития в целом.

В ходе расчленения (дифференциации) посредством слова чувственного опыта слова-понятия связываются по механизму гибких ассоциаций с множеством самых разных объектов внешнего мира, а также с отдельными частями, свойствами и отношениями этих объектов [12; 13].

Основным законом «связывания» слов-понятий с объектами внешнего мира является опять же дробление (дифференциация) целостных пространственно-временных систем возбуждений, возникающих при действии различных свойств воспринимаемых объектов (сигналов) на органы чувств. Зако-

ну системной дифференциации подчиняется и расщепление целостных двигательных актов на их составляющие элементы или отдельные свойства [12; 13].

В результате «словесно-понятийного» дробления человек живет в логично «упорядоченном» и строго дифференцированном мире, в котором его собственное существование отделено от внешних и внутренних воздействий; окружающие предметы характеризуются своими существенными и специфическими свойствами; причины отделены от следствий, действительное от мнимого, рациональное от иррационального, а мир в целом представляется логичным и рациональным. Расчлененный и упорядоченный мир человека – следствие сложнейшей работы сенсорно-перцептивных и словесных систем мозга в актах отражения окружающей действительности.

Развитие головного мозга в целом и всех его анатомических или функциональных структур в частности также идет от диффузных и малодифференцированных форм к более специализированным и более дискретным формам [7; 23; 24; 25].

Таким образом, системная дифференциация – ведущий закон и нейропсихологический механизм интеллектуального развития ребенка, важнейший принцип и условие его успешной учебно-познавательной деятельности.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Принцип системной дифференциации предъявляет определенные требования к отбору содержания, форм и методов обучения, к логике и технологии процесса обучения в современной общеобразовательной и высшей школе. Важнейшими требованиями, предъявляемыми к реальному процессу обучения, являются следующие.

1. Обучение должно начинаться с усвоения знаний, имеющих обобщенный, принципиально теоретический характер.

Более частные и конкретные знания, в том числе различного рода эмпирические сведения, должны выводиться из обобщенно-теоретического знания как из своей единой генетической основы. Соответственно прин-

ципу системной дифференциации, на самых ранних этапах обучения тому или иному предмету важно раскрыть систему ведущих мировоззренческих идей и в этой связи «ввести» в сознание и мышление учащихся основные научные понятия. Такое концентрированное и опережающее введение идей и понятий еще не обеспечивает их полноценного усвоения. Однако педагогическая ценность такого подхода обусловливается тем, что при этом у индивида возникает целостное и правильное представление об изучаемом предмете, о его реальном состоянии и тенденциях развития, закладывается прочная ориентировочно-мотивационная основа всех последующих умственных действий и операций. Благодаря такому подходу в сознании обучающихся образуется как бы некоторый «образ-каркас», который в дальнейшем будет целенаправленно и поэтапно дифференцироваться и на который в последующем будут «наноситься» более частные теоретические и эмпирические знания, а также их подтверждающие конкретные примеры. Все это предполагает определенную логику выведения из обобщенного знания его частных случаев и конкретных эмпирических фактов.

2. Обучение следует ориентировать на выявление и первоочередное раскрытие совокупности немногих базовых, генетически исходных и всеобщих отношений, определяющих содержание и структуру современной науки.

Примерами базовых отношений, изучаемых, например, в курсах биологии, географии и физики, являются: «экосистема», «природное равновесие», «эволюция», «дифференциация», «радиационный баланс», «энергобаланс», «экологическая проблема» и др. Указанные отношения имеют абстрактный характер и представляют определенную трудность для понимания и усвоения. Подобные абстракции должны воспроизводиться (запечатлеваться) в особых знаково-символических, предметных или графических изображениях-моделях, позволяющих изучать и анализировать существенные признаки соответствующих явлений в «чистом» виде [6].

Эффективное обучение любому предмету должно основываться на раскрытии и усвоении теоретических знаний, а не на механическом заучивании суммы разрозненных

эмпирических фактов. Обучение, реализующее принцип системной дифференциации, ориентируется на понимание идей, принципов и закономерностей научной теории. При таком обучении ведущая роль неизменно принадлежит теоретическим знаниям. Факты и различного рода эмпирические сведения привлекаются в той мере, в какой это необходимо для раскрытия, осознания и усвоения генетически исходных (всеобщих) отношений. Что касается практических, самостоятельных и исследовательских работ, то они должны основываться на предварительно осознанных и усвоенных теоретических принципах и обобщениях [9; 10].

3. Обучение должно обеспечивать не только усвоение основных теоретических положений соответствующей науки, но и умение конкретизировать эти положения множеством частных эмпирических знаний и умений.

Данное требование предполагает развитую способность «совершать» мысленные переходы от всеобщего к частному (дедукция) и от частного к всеобщему (индукция). Выявленное всеобщее отношение должно быть подтверждено и конкретизировано самими обучающимися системой фактов, примеров и способов деятельности [10].

Поэтапная конкретизация исходного отношения, последующее обобщение результатов этой конкретизации ведут к формированию «собственных» принципов объяснения и понимания окружающей действительности. Эти принципы имеют опять же теоретический и обобщенный характер и, следовательно, могут быть применены не только к отдельным частным случаям природной или социальной действительности, но и к целым классам генетически родственных «событий». На основе «собственных» обобщений у учащихся формируются индивидуально-личностные модели поведения и деятельности в окружающей среде. Более эффективно формированию моделей поведения и деятельности может способствовать специально разработанная и поэтапно реализуемая на практике система учебных заданий, упражнений, самостоятельных и практических работ, совокупность видов и форм практической деятельности по исследованию окружающей среды [4; 5].

СТРУКТУРА ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Обучение, реализующее принцип системной дифференциации, протекает как процесс решения непрерывно усложняющихся задач и включает в себя следующие основные этапы (структурные компоненты): 1) вводно-ориентировочный; 2) операционно-исполнительный (рабочий) и 3) оценочно-результативный.

Эти структурные компоненты (этапы) имеют место как в процессе обучения тому или иному предмету, так и при прохождении отдельных тем или проведении частных уроков и других форм учебных занятий по данному предмету. В условиях средней школы основной «единицей» системно-дифференцированного обучения является не урок, а учебная тема, так как именно при изучении темы указанные компоненты всегда проявляются достаточно полно и очевидно. Урок же не всегда отражает в полной мере все указанные этапы.

Вводно-ориентировочный этап обеспечивает общее понимание обучающимися сущности и содержания изучаемой темы, осознание того, для чего и зачем им надо ее изучать, какова социальная и научная значимость тех теорий, понятий и отношений, которыми предстоит овладеть в процессе изучения новой темы.

В ходе вводно-ориентировочного этапа обучающиеся должны достаточно ясно осознать, что именно и в какой мере они должны усвоить в процессе изучения данной темы, каковы цели, задачи и предполагаемые результаты их работы. Все это создает ориентировочную основу предстоящей учебной деятельности, вызывая соответствующую учебную мотивацию. На этом же этапе преподаватель обобщенно излагает и объясняет сущность нового всеобщего отношения или закона, организует деятельность по дальнейшему (более глубокому, то есть более дифференцированному) изучению учебного материала. В дальнейшем познавательная деятельность организуется и протекает как процесс решения поэтапно усложняющихся учебных задач.

Операционно-исполнительный (рабочий) этап посвящается изучению основного со-

держания темы, усвоению того или иного всеобщего отношения или закона, его дальнейшей конкретизации и последовательной дифференциации, овладению новыми интеллектуальными и практическими умениями и навыками, позволяющими целенаправленно использовать усвоенные принципы для решения новых учебных задач.

Основная цель операционно-исполнительного этапа, состоящая в овладении некоторым базовым (всеобщим) отношением, подразделяется (квантуется) на ряд последовательно достигаемых частных задач. Для решения этих задач вначале, как правило, организуется фронтальная работа, используются объяснительно-иллюстративные методы и приемы. В этом плане также уместны элементы проблемного обучения и частично-поисковой деятельности, демонстрации опытов, проведение наблюдений и экспериментов и др. В дальнейшем же необходимы формы групповой и индивидуальной работы по конкретизации, дифференциации и подтверждению изучаемого отношения множеством частных примеров.

Иногда изучение новой темы полезно начинать с предъявления чувственного и наглядного материала. Однако при изучении обобщенно-теоретического материала (например, закона, закономерности, причинно-следственных связей, процессов взаимодействия и развития различных природных и социальных систем, их внутренней структуры и т. д.) целесообразно вначале представить проблему в абстрактной, схематической форме. Именно этот путь (абстрактное → конкретное) является приоритетным в современном среднем и вузовском образовании.

На данном этапе могут быть использованы различного рода схемы и модели (графические, логические, знаково-символические и др.). Разобрав сущность изучаемой проблемы теоретически, в том числе и на моделях, педагог тем самым создает прочную основу для практических упражнений, призванных, наряду со многими другими задачами, подтвердить и конкретизировать данную проблему, применить способ ее решения к большому числу конкретных объектов и явлений окружающей действительности. Путь, ведущий к конкретизации изучаемой проблемы, лежит через системную диффе-

ренциацию первоначально слитного, обобщенного и недифференцированного знания.

Оценочно-результативный этап предполагает обобщение приобретенных в процессе обучения знаний, умений, навыков, способов интеллектуальной и практической деятельности. На этом этапе учащиеся соотносят реально полученные результаты с изначально поставленными целями и задачами, анализируют проделанную работу, устанавливают, насколько правильно решили основную учебную задачу, что именно в результате решения этой задачи они усвоили, а если не усвоили, то каковы причины неудач. На основе системного анализа и самоанализа они оценивают осуществленную учебную деятельность (в целом) и использованные действия и операции (в частности), делают выводы о возможности недопущения в будущем ранее сделанных ошибок.

Немаловажная задача этого этапа обучения заключается в развитии рефлексивной деятельности, в осознании процесса собственного учения, в понимании психологических механизмов усвоения новых знаний и способов деятельности. В указанном аспекте этот этап обучения может быть назван рефлексивным.

Рефлексия – процесс и результат исследования собственного процесса познания, самоанализ, размышление над своим эмоционально-психическим состоянием – «внутренне» необходимая составляющая всякого процесса обучения, развивающая активность, осознанность и произвольность, то есть те качества, без которых нет и быть не может разумной человеческой деятельности вообще [10].

В обучении, реализующем принцип системной дифференциации, имеют место все вышерассмотренные этапы. Без вводно-ориентировочного этапа обучающиеся не смогут составить обобщенное и правильное представление об изучаемом объекте или явлении, осознать то всеобщее отношение, на усвоение которого будет ориентирован весь дальнейший ход процесса обучения. Без вводно-мотивационного этапа учебная деятельность будет несориентированной, неосознаваемой, «слепой». Кроме того, она будет побуждаться не собственно учебно-познавательными или широкими социальными мотивами, а мотивами внешними (в

ряде случаев – чуждыми) по отношению к учебной деятельности. Именно поэтому такая деятельность не будет способствовать успешному формированию личности. В целом же вводно-ориентировочный этап определяет успех всякой педагогической деятельности, поэтому именно этот этап, в первую очередь, ответственен за качество ее образовательных, развивающих и воспитательных результатов.

Значимость операционно-исполнительного (рабочего) этапа вполне очевидна. Без этого этапа процесс обучения состояться вообще не может.

Без оценочно-результативного этапа, то есть без систематического анализа, оценки и поэтапного обобщения вновь познанного и усвоенного, без понимания роли и места приобретенных знаний в общей структуре научного знания, без осознания психологических механизмов процесса собственного учения и усвоения обучение личности никогда не будет достаточно эффективными. Полная представленность всех указанных этапов (компонентов), их единство и взаимосвязь – важнейшее требование эффективного процесса обучения.

Рассмотренная структура процесса обучения в целом согласуется с дидактической теорией академика И.Ф. Харламова, который отмечает, что для того, чтобы учащийся овладел изучаемым материалом, ему «необходимо осуществить полный цикл учебно-познавательных действий: восприятие нового материала, его первичное и последующее осмысление, запоминание, упражнение в применении усвоенной теории на практике и затем повторение с целью углубления и более прочного усвоения знаний, умений и навыков» [11, с. 93]. «Только осуществление обучающимися полного цикла учебно-познавательных действий, – подчеркивает И.Ф. Харламов, – обеспечивает глубокое и прочное овладение программным материалом, их умственное развитие, формирование научного мировоззрения, нравственной и эстетической культуры» [11, с. 100].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системная дифференциации – научный факт и объективная внутренняя закономерность интеллектуального развития ребенка.

Научным выражением данной закономерности является принцип системной дифференциации, имеющий прочное обоснование в современной научной литературе. Процесс обучения в средней и высшей школе, реализующий принцип системной дифференциации, носит личностно-ориентированный характер и предполагает вовлечение школьников и студентов в поэтапно усложняющуюся систему задач, видов и форм деятельности и общения. Рассмотренные в данной статье идеи и положения отражены в научных и учебно-методических публикациях, нашедших применение в средних и высших учебных заведениях Республики Беларусь [4–6].

Список литературы

1. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. М., 2010.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М., 2007.
3. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М., 1997.
4. Карона Г.Н. Принцип системной дифференциации в экологическом образовании // Педагогика. 1998. № 7. С. 31–36.
5. Карона Г.Н. Экологическое образование школьников: ведущие тенденции и парадигмальные сдвиги. Минск, 2001.
6. Карона Г.Н. Теоретические основы экологического образования. Минск, 1999.
7. Edelman G.A. Neural Darwinism: the Theory of Neuronal Group Selection. N. Y., 1987.
8. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge, 2000.
9. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
10. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М., 1990.
11. Харламов И.Ф. Педагогика. М., 1999.
12. Сеченов И.М. Психология поведения. М., 1997.
13. Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1953.
14. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
15. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
16. Пиаже Ж. Избранные психологические труды: пер. с франц. М., 1969.
17. Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психоллингвистика: пер. с англ., нем. и фр. М., 1984. С. 325–335.
18. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
19. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982–1984.
20. Брунер Дж. Процесс обучения: пер. с англ. М., 1962.
21. Брунер Дж. Психология познания: пер. с англ. М., 1977.
22. Макарова Л.Н. Преподаватель высшей школы: индивидуальность, стиль, деятельность: в 2 ч. Тамбов, 2000.
23. Edelman G.A. A Universe of Consciousness. How Matter Becomes Imagination. N. Y., 2001.
24. O'Keefe J., Nadel L. The Hippocampus as a Cognitive Map. Oxford, 1978.
25. Moser M-B., Moser E. I. Functional differentiation in the hippocampus // Hippocampus. 1998. Vol. 8. Issue 6. P. 608–619.
26. Штерн В. Персоналистическая психология // История зарубежной психологии (30-е – 60-е гг. XX в.). М., 1986. С. 186–198.
27. Вергеймер М. Продуктивное мышление: пер. с англ. М., 1987.

References

1. Bekhtereva N.P. *Zdorovyy i bol'noy mozg cheloveka* [Healthy and Sick Human Brain]. Moscow, 2010. (In Russian).
2. Bekhtereva N.P. *Magiya mozga i labirinty zhizni* [Brain's Magic and Labyrinths of Life]. Moscow, 2007. (In Russian).
3. Chuprikova N.I. *Psikhologiya umstvennogo razvitiya: printsip differentsiatsii* [Psychology of Mental Stature: Principle of Differentiation]. Moscow, 1997. (In Russian).
4. Karopa G.N. *Printsip sistemnoy differentsiatsii v ekologicheskom obrazovanii* [Principle of system differentiation in ecological education]. *Pedagogika* [Pedagogy], 1998, no. 7, pp. 31–36. (In Russian).
5. Karopa G.N. *Ekologicheskoe obrazovanie shkol'nikov: vedushchie tendentsii i paradigmat'nye sdvigi* [Ecological Education of Pupils: Lead Tendencies and Paradigmatic Shifts]. Minsk, 2001. (In Russian).
6. Karopa G.N. *Teoreticheskie osnovy ekologicheskogo obrazovaniya* [Theoretical Basics of Ecological Education]. Minsk, 1999. (In Russian).
7. Edelman G.A. *Neural Darwinism: the Theory of Neuronal Group Selection*. New York, 1987.
8. Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge, 2000.
9. Davydov V.V. *Problemy razvivayushchego obucheniya* [Problems of Development Education]. Moscow, 1986. (In Russian).
10. Zankov L.V. *Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Selected Pedagogic Works]. Moscow, 1990. (In Russian).

11. Kharlamov I.F. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, 1999. (In Russian).
12. Sechenov I.M. *Psikhologiya povedeniya* [Behavioral Psychology]. Moscow, 1997. (In Russian).
13. Sechenov I.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1953. (In Russian).
14. Bernshteyn N.A. *Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti* [Notes on Physiology of Movement and Physiology of Activity]. Moscow, 1966. (In Russian).
15. Potebnya A.A. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, 1989. (In Russian).
16. Piazhe Z. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow, 1969. (In Russian).
17. Piazhe Z. Geneticheskiy aspekt yazyka i myshleniya [Genetical aspect of language and mind]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, 1984, pp. 325-335. (In Russian).
18. Vygotskiy L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow, 1991. (In Russian).
19. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Completed Works: in 6 vols.]. Moscow, 1982–1984. (In Russian).
20. Bruner D. *Protsess obucheniya* [Process of Education]. Moscow, 1962. (In Russian).
21. Bruner D. *Psikhologiya poznaniya* [Psychology of Knowledge]. Moscow, 1977. (In Russian).
22. Makarova L.N. *Prepodavatel' vysshey shkoly: individual'nost', stil', deyatel'nost'* [Teacher of the Higher Education: Individuality, Style, Activity]. Tambov, 2000. (In Russian).
23. Edelman G.A. *A Universe of Consciousness. How Matter Becomes Imagination*. New York, 2001.
24. O'Keefe J., Nadel L. *The Hippocampus as a Cognitive Map*. Oxford, 1978.
25. Moser M-B., Moser E.I. Functional differentiation in the hippocampus. *Hippocampus*, 1998, vol. 8, issue 6, pp. 608-619.
26. Shtern V. Personalisticheskaya psikhologiya [Personal psychology]. *Istoriya zarubezhnoy psikhologii (30-e – 60-e gg. XX v.)* [History of Foreign Psychology (30s – 60s of XX Century)]. Moscow, 1986, pp. 186-198. (In Russian).
27. Vertgeymner M. *Produktivnoye myshlenie* [Effective Mind]. Moscow, 1987. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2017 г.

Отрецензирована 12.06.2017 г.

Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 25 May 2017

Reviewed 12 June 2017

Accepted for press 30 August 2017

UDC 378.09

SYSTEM DIFFERENTIATION AS A PATTERN AND PRINCIPLE OF EDUCATION

Gennady Nikolaevich KAROPA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogics Department

Baranovich State University

21 Voykova St., Baranovich, Republic of Belarus, 225404

E-mail: gkaropa@tut.by

The concept of “system differentiation” is revealed, the evolution of the ideas of system differentiation found in the scientific literature is traced, the main requirements to the educational process in higher and secondary education are pointed out. It is shown that the process of teaching in secondary and higher schools based on the principle of systemic differentiation has a personality-oriented nature and involves schoolchildren and students in a step-by-step system of tasks, types and forms of activity and communication. The development of cognitive structures in ontogenesis goes through their progressive complication in accordance with the principle of systems differentiation. This principle reads that more advanced and highly ordered cognitive structures are developing only from more simple and diffusional structures through their gradual differentiation. The education based on the principle of systems differentiation is always a process of solving more and more complicated educational tasks. This process includes three main stages (structural components): 1) introduction-motivation stage; 2) working stage; 3) evaluation stage. These structural components (stages) both exist in the process of teaching special subject and in studying some themes or giving private lessons and other forms of educational lesson in this subject.

Keywords: system differentiation; pedagogical pattern; principle of education; education; teaching; learning

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-107-116

Для цитирования: Каропа Г.Н. Системная дифференциация как закономерность и принцип обучения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 107-116. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-107-116.

For citation: Karopa G.N. Sistemnaya differentsiatsiya kak zakonomernost' i printsip obucheniya [System differentiation as a pattern and principle of education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 107-116. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-107-116. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 811.134.3

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА И УПОТРЕБЛЕНИЯ

© **Антон Николаевич ЧУГУНОВ**

студент факультета иностранных языков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36

E-mail: chuga@mail.ru

© **Петр Джонович МИТЧЕЛЛ**

научный сотрудник

Университет Дерби

DE22 1GB, Великобритания, г. Дерби, шоссе Кедлестон

E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Популярность португальского языка в России растет как следствие не только активно глобализирующегося мира и становления нового человека – человека-«мультилингва», но и установление Россией взаимоотношений с некоторыми португалоязычными странами, что делает португальский язык более востребованным – этим определяется актуальность данной темы. Исследованы такие языковые аспекты, как идиоматические выражения (идиомы) в португальском языке, которые по своей сущности крайне богаты исторически и культурно. Описана роль, которую они играют в изучении португальского языка, дано объяснение, почему идиоматические выражения предоставляют изучающему более глубокое представление о языке и почему любому квалифицированному переводчику необходимо владеть такими речевыми оборотами. Объяснена важность их использования в межкультурной коммуникации. Проведен анализ представленных идиом, с последующим переводом на русский язык с несколькими вариантами перевода, подобраны эквиваленты в русском языке там, где предоставляется возможным. Представленные идиомы даны в виде диалогов, так как преимущественно это явление разговорной речи, более того, диалоги являются средством для лучшего понимания смысла и контекста использования идиоматических выражений. Продемонстрированы некоторые межкультурные стереотипы, имеющиеся у лузофонов, посредством приведения в пример соответствующих идиом, проведен исторический анализ нескольких идиом. Дано описание существующего некоторого локального разделения среди лузофонных стран относительно идиом, сопровождаемое несколькими примерами от каждой из выделенных групп.

Ключевые слова: идиома; идиоматическое выражение; португальский язык; межкультурная коммуникация

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-117-122

На современном этапе глобализации появляется новый образ человека – человека «мультилингва», которому необходимо знать несколько иностранных языков как для общения с носителями языка, путешествий по разным странам, так и для получения альтернативных источников информации, работы за рубежом. Современный человек должен соответствовать предъявляемым требованиям, ему необходимо быть частью современного, активно глобализирующегося мира, чтобы участвовать в «межкультурном диалоге».

В настоящей статье речь идет о португальском языке, который с каждым годом приобретает все большую популярность в России. Переводчики, владеющие португальским языком, становятся более ценными кадрами. Происходит это в связи с развитием взаимоотношений со странами, говорящими

на португальском языке, например, с Анголой, которая является одним из крупнейших покупателей российского оружия, или Бразилией, с которой идут совместные работы на многих направлениях. Широкое распространение португальский язык получает не только в профессиональной сфере, но и среди людей, интересующихся историей и культурой португалоязычных стран, желающих посетить такие страны и вести диалог с носителями языка.

«Португальский язык – один из самых распространенных европейских языков. Он является особым языком романской группы с XIII века. Современный португальский язык формируется к XVI веку. Португальский язык является государственным языком Португалии и 8 бывших колоний этой страны, а именно Бразилии, Анголы, Кабо-Верде, Мо-

замбика, Макао, Гвинеи-Бисау, Восточного Тимора, Сан-Томе и Принсипи. Общая численность населения этих стран более 230 млн человек. Португалоязычные страны называются лузофонными, а сами носители языка – лузофонами, *lusófono*» [1].

По мере распространения португальского языка в России, все более наглядной становится необходимость в рассмотрении не только основ языка (грамматика, фонетика), но также и некоторых его аспектов, которые являются инструментами переводчика и придают его речи звучание и более натуральный оттенок. Одним из таких инструментов переводчика будут являться идиоматические выражения, рассматриваемые в настоящей статье. Идиоматические выражения (идиомы) (порт. *expressões idiomáticas*) – это прежде всего устойчивое сочетание слов, заключающее в себе определенный смысл. «Идиома – это присущий только данному языку и не переводимый на другие языки устойчивый оборот речи, значение которого не вытекает из суммы значений составляющих его элементов» [2].

С развитием новых подходов в обучении, которые, уходя от старых паттернов заучивания слов и правил, переходят к диалогу со студентом, погружая его в изучаемый язык, давая ему более наглядное понимание языка, а также прививая интерес к нему, идиомы играют свою роль в обучении иностранным языкам. Идиомы – это активный компонент разговорной речи, также они являются отражением некоторых культурных или исторических аспектов языка. Идиоматические выражения дают студенту более полное представление об изучаемом языке. Идиомы рекомендуются для более глубокого изучения языка, так как умение находить и понимать в тексте идиоматические выражения, наряду с их уместным использованием, является показателем владения языком. Помимо этого идиоматические выражения выполняют различные функции в речи. Они используются для придания речи живого оттенка, усиления экспрессии, добавления оттенков юмора или иронии.

Квалифицированный переводчик должен постоянно совершенствовать свое владение иностранным языком, наряду с практикой, необходимо пополнять его новой информацией. Являясь активным компонентом в язы-

ковой системе, идиоматические выражения выступают в роли такой информации. В процессе межкультурной коммуникации с представителями португальского языка, переводчик может продемонстрировать свой уровень владения языком и заинтересованность в культуре и истории языка, и, как следствие, свое уважение посредством идиоматических выражений. Понятные для носителей языка, они встречаются на радио, телевидении, в газетах, журналах и книгах и несут в себе смысл, который для человека, изучающего этот язык, не всегда ясен при прямом переводе. В свою очередь, даже прямой перевод не всегда возможно осуществить, так как идиомы зачастую не соответствуют современным нормам грамматики языка. В связи с чем переводчику необходимо знать некоторые идиомы, иметь в своем арсенале хотя бы несколько распространенных идиом для того, чтобы в удобный момент вставить их в свою речь и продемонстрировать своему собеседнику не только, что он выучил грамматику, но и свою заинтересованность в языке, в его культуре. При общении с носителем языка, услышав незнакомое нам выражение, мы можем спросить его значение, но, к примеру, при переводе не всегда имеется возможность или время, чтобы задать вопрос. Встретив при переводе такой речевой оборот, переводчик несомненно испытывает трудности. Рассмотрим пример:

Не зная значения идиомы “*fazer nas coxas*”, будет крайне трудно перевести ее. В русском языке эквивалентом является идиома «делать как попало».

– *Não tenho certeza que esse cara é um especialista.*

– Я не уверен, что этот парень является специалистом.

– *Sim, nós precisamos encontrar um novo funcionário, porque esse não consegue fazer seu trabalho, já que ele sempre deixa as coisas caírem das mãos.*

– Да, нам нужно найти нового работника, так как этот не справляется со своей работой – у него всегда все валится из рук.

– *Acho que João pode ser um bom funcionário, ele não faz as coisas nas coxas.*

– Думаю, что Жоао может быть хорошим работником, он не делает все как попало.

Приведем еще один пример.

“*Bater papo*” – беседовать, болтать, «точить лясы». Довольно распространенная идиома, от которой появилось слово «bate-papo», использующееся в Интернете для обозначения сайтов для общения, «чатов».

– *Por que você não veio para nossa reunião ontem?*

– Почему ты вчера не пришел на нашу встречу?

– *Desculpe, encontrei minha velha amiga ontem. Não a via desde a escola, fiquei duas horas batendo papo com ela. Esqueci totalmente da nossa reunião...*

– Прошу прощения, вчера встретил давнюю подругу. Не видел ее со школьных времен, два часа с ней точили лясы. Совсем забыл о встрече...

Переводчик должен уметь определять в тексте идиомы, пытаться восстановить смысл из контекста и подобрать русский эквивалент, где возможно, для наиболее успешного перевода. Существуют идиомы, которые легко восстанавливаются из контекста, так как смысл является вполне очевидным, поэтому нужно всегда быть внимательным к контексту, так как он может подсказать нам смысл.

“*A céu aberto*” – под открытым небом, на свежем воздухе. Распространенная идиома, которую можно использовать во многих ситуациях.

– *Que dia maravilhoso!*

– Какой чудесный день!

– *Sim, hoje faz muito calor, as crianças brincavam todo o dia a céu aberto*

– Действительно, сегодня стояла жара, дети весь день играли на свежем воздухе.

Затрагивая многие стороны жизни, каждая идиома имеет свою историю и несет в себе определенное значение, так, в некоторых идиомах мы можем увидеть отношение португальцев к другим народам, то есть отражение некоторых межкультурных стереотипов в португальских идиомах. Как и у любого другого народа у португальцев с течением времени формировалось определенное мнение, стереотипы о других народах, некоторые из них представлены ниже.

“*Negócio da China*” – имеет положительный оттенок, применяется относительно тех, кто сделал, «провернул» какое-то успешное дело, вовремя воспользовался хорошей возможностью (*fazer negócio da China*), также

означает само успешное дело или сделку, которую нельзя упускать.

– *Seu irmão tem um carro novo?*

– У твоего брата новая машина?

– *Sim, o vendedor do carro teve que vendê-lo com urgência, então meu irmão comprou esse carro com 40 % de desconto.*

– Да, продавец машины должен был срочно продать ее, поэтому мой брат купил машину с 40 % скидкой.

– *Ele fez um negócio da China!*

– Он провернул отличную сделку!

Имеется возможность перевести это по-разному, например, «воспользовался отличной возможностью», в этом деле все зависит от ситуации и переводчика, в данной неформальной обстановке нам представилось правильным перевести, используя глагол «провернуть», чтобы сохранить и передать разговорный оттенок.

“*Falar francês como uma vaca espanhola*” – говорить по-французски как испанская корова (прямой перевод) [3]. Применяется относительно человека, который плохо говорит по-французски. Появилась примерно в XVII веке, во времена, когда коровы практически не имели ценности. Имеет негативный оттенок, прослеживается некоторое пренебрежение относительно испанского языка, так как у некоторых людей имеется стереотип о том, что испанцам трудно говорить на других языках.

– *Vocês passaram seu exame de francês?*

– Вы сдали экзамен по французскому?

– *Não todos, infelizmente, João não passou o exame de novo, ele não conseguia ler e traduzir um texto muito fácil.*

– Не все, к сожалению, Жоао снова не сдал экзамен, он не мог прочитать и перевести очень легкий текст.

– *Pois é! Ele fala francês como uma vaca espanhola!*

– Да уж! Его французский не блещет!

В данном диалоге, мы решили перевести эту идиому более нейтрально, сохранив стиль и смысл. Возможно также дать прямой перевод с пояснением.

“*Acabar em pizza*” – еще одна преимущественно бразильская идиома, ее можно понять только узнав историю.

Acabar/terminar em pizza – в 1950–1960-х гг. в Сан-Пауло была футбольная команда «Палмейрас», состоявшая из итальянских

иммигрантов. Однажды, по какой-то причине директора поссорились и решили пойти в пиццерию, чтобы решить проблему (распустить команду или создать новую), но там они начали есть пиццу и пить вино, и в конце концов все пришли к мирному решению проблемы, благодаря чему команда существует до сих пор, “*Crise do Palmeiras terminou em pizza*”. Отсюда и появилась идиома, которая означает, что проблема разрешилась без каких-либо последствий. Часто используется в разговорах о коррупции, когда для преступника судом не было избрано меры наказания [4].

Например, в Бразилии можно услышать следующий диалог:

– *Você ouviu sobre esse governador corrupto?*

– Ты слышал о том коррумпированном чиновнике?

– *Não vi as notícias ontem, ele foi preso?*

– Я не смотрел вчера новости, его арестовали?

– *Não, mesmo depois de tantas suspeitas de corrupção, ele se livrou. Tudo acabou em pizza.*

– Нет, после стольких подозрений в коррупции, он вышел сухим из воды.

Представленный перевод «выйти сухим из воды» не всегда будет являться эквивалентом, в данном контексте он более уместен.

Существует некоторое локальное разделение португальских идиом по их истокам, то есть по странам, где они были придуманы. В этом плане мы можем разделить их на четыре основные группы (1 – прямое значение, 2 – аналог в русском языке).

Ангольские идиомы

Não há maca – 1. Что-то не особо важное, что не несет никаких проблем и последствий. 2. «Дело десятое».

Dar bilingue – 1. Врать, обманывать. 2. «Обводить вокруг пальца», «пускать пыль в глаза», «водить за нос».

Apanhar a pata – 1. Иметь власть над кем-нибудь [5]. 2. «Вить веревки из кого-либо».

Бразильские идиомы

Sem pé nem cabeça – 1. Когда что-то необоснованно, трудно поверить в что-то. 2. «Бабушкины сказки»

A sete chaves – 1. Хорошо защищенный. 2. «За семью замками».

Sem eira nem beira – 1. Не иметь средств [6]. 2. «Ни кола ни двора».

Португальские идиомы

Onde Judas perdeu as botas – 1. Употребляется для дачи характеристики месту, означает очень далекое место. 2. «У черта на куличиках».

Prometer mundos e fundos – 1. Давать трудновыполнимые обещания. 2. «Обещать золотые горы».

Bater as botas – 1. В некотором смысле является эвфемизмом, означающим «умереть» [7]. 2. «Склеить ласты», «отбросить коньки».

Смешанные идиомы

Lavar as mãos – 1. Уклоняться от ответственности в каком-либо деле. 2. «Умывать руки».

Dar uma mãozinha – 1. Слегка помочь. 2. «Давать руку помощи».

Tirar de letra – 1. Что-то, что легко сделать. 2. «Как два пальца об асфальт».

Таким образом, в настоящей статье, посвященной идиоматическим выражениям, была продемонстрирована важность владения не только грамматикой, но и речевыми оборотами, обогащающими речь, так как их знание демонстрирует знания и интерес к культуре языка, соответственно, и уважение к собеседнику. Также была показана важность использования идиоматических выражений в изучении иностранного языка, которая заключается в более глубоком погружении в изучаемый язык, в его культуру. Были подробно рассмотрены некоторые идиомы, представленные в виде диалогов для лучшего понимания и получения информации о контексте применения данных идиом, поскольку идиомы лучше понять и усвоить из контекста.

Посредством идиом были продемонстрированы некоторые межкультурные стереотипы лузофонов, а также был проведен исторический анализ нескольких идиом. Было рассказано о некотором локальном разделении идиом среди португалоязычных стран, подкрепленном примерами. Идиомы, являясь важной культурной частью языка и активным компонентом разговорной речи, несут в себе определенный смысл и имеют свою историю, они украшают язык и делают его богатым.

Работая с идиоматическими выражениями, необходимо иметь в виду, что их существ-

вует целое множество, невозможно выучить их все, но будучи внимательным к контексту, можно восстановить смысл и, возможно, подобрать эквивалент в русском языке, однако, имея в своем арсенале некоторые распространенные идиомы, появится возможность оперировать этими идиомами в подходящих ситуациях, показывая свой уровень владения и заинтересованность в культуре этого языка.

Список литературы

1. Чугунов А.Н. Разница в произношении слов и звуков в разных португалоязычных странах // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2016/04/14603> (дата обращения: 14.12.2016).
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
3. García Benito A.B. Negócio da China, homem das Arábias, trabalhar como um galego...: estereótipos nacionais en la lengua portuguesa // *Paremia*. 2014. № 23. P. 69-78.
4. *Revista Placar*. 2005. 1 Outubro.
5. Expressões Idiomáticas. URL: <http://www.trabalhosfeitos.com/ensaios/Expressoes-Idiomaticas/53710172.html> (accessed: 15.12.2016).
6. Qual a origem das expressões populares brasileiras? URL: <http://mundoestranho.abril.com.br/cotidiano/qual-a-origem-das-expressoes-populares-brasileiras/> (accessed: 15.12.2016).
7. URL: http://www.portugalsemfim.com/cultura-elazer/index.php?option=com_restaurante&task=detail&Itemid=30&id=129 (accessed: 15.12.2016).

References

1. Chugunov A.N. Raznitsa v proiznoshenii slov i zvukov v raznykh portugaloyazychnykh stranakh

[The difference in pronunciation of words and sounds in different portuguese-speaking countries]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanities Scientific Researches*, 2016, no. 4. (In Russian). Available at: <http://human.snauka.ru/2016/04/14603> (accessed 14.12.2016).

2. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary. Explanatory and Word-Formative]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (In Russian).
3. García Benito A.B. Negócio da China, homem das Arábias, trabalhar como um galego...: estereótipos nacionais en la lengua portuguesa. *Paremia*, 2014, no. 23, pp. 69-78. (In Portuguese).
4. *Revista Placar*. 2005. 1 Outubro. (In Portuguese).
5. Expressões Idiomáticas. (In Portuguese). Available at: <http://www.trabalhosfeitos.com/ensaios/Expressoes-Idiomaticas/53710172.html> (accessed 15.12.2016).
6. Qual a origem das expressões populares brasileiras? (In Portuguese). Available at: <http://mundoestranho.abril.com.br/cotidiano/qual-a-origem-das-expressoes-populares-brasileiras/> (accessed 15.12.2016).
7. Available at: http://www.portugalsemfim.com/culturaelazer/index.php?option=com_restaurante&task=detail&Itemid=30&id=129 (accessed 15.12.2016).

Поступила в редакцию 08.02.2017 г.

Отрецензирована 12.05.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 8 February 2017

Reviewed 12 May 2017

Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interests.

UDC 811.134.3

IDIOMATIC EXPRESSIONS IN PORTUGUESE: FEATURES OF TRANSLATION AND USE

Anton Nikolaevich CHUGUNOV

Student of Foreign Languages Faculty

National Research Tomsk State University

36 Lenin St., Tomsk, Russian Federation, 634050

E-mail: chuga@mail.ru

Peter Johnovich MITCHELL

Research Member

University of Derby

Kedleston Road, Derby, United Kingdom, DE22 1GB

E-mail: peter_mitchell@mail.ru

The popularity of the Portuguese language in Russia is growing as a consequence not only of an actively globalizing world and the appearance of a new type of person, a “multilinguist”, but also the establishment of international relations between Russia and some of Portuguese-speaking countries, that makes the Portuguese language on the territory of our country more relevant; this determines the article’s topicality. Such linguistic aspects as idiomatic expressions (idioms) in the Portuguese language, which in itself are extremely rich historically and culturally are studied. The role they play in the study of the Portuguese language is described, it has been explained why idiomatic expressions provide a student with a deeper understanding of the language, and why any qualified interpreter should know and use such speech patterns. The importance of their use in intercultural communication is explained. An analysis of given idioms is carried out, with the subsequent translation of them into Russian with different variants of translation; where it is possible, the equivalents in Russian are matched. The idioms are given in the form of dialogues, since this is basically a phenomenon of a spoken language; moreover, dialogues are means for better understanding the meaning and context of the use of idiomatic expressions. Some intercultural stereotypes of lusophones are demonstrated through the example of the respective idioms, a historical analysis of several idioms is carried out. A description of the existing local division among lusophone countries in terms of idioms is given, accompanied by a few examples from each group.

Keywords: idiom; idiomatic expression; Portuguese language; intercultural communication

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-117-122

Для цитирования: Чугунов А.Н., Митчелл П.Д. Идиоматические выражения в португальском языке: особенности их перевода и употребления // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 117-122. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-117-122.

For citation: Chugunov A.N., Mitchell P.D. Idiomatic expressions in Portuguese: features of translation and use]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 117-122. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-117-122. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ АСПИРАНТОВ ПИСЬМЕННУМУ НАУЧНОМУ ДИСКУРСУ НА ОСНОВЕ ТАНДЕМ-МЕТОДА

© Оксана Олеговна АМЕРХАНОВА

старший преподаватель кафедры языковой подготовки кадров государственного управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1
Email: oo.amerkhanova@migsu.ranepa.ru

Одной из целей обучения иностранному языку в аспирантуре выступает овладение аспирантами иноязычным письменным научным дискурсом. Под ним понимается процесс и результат выражения и интерпретации научных знаний с целью их дальнейшего поэтапного усовершенствования существующих или синтеза новых научных знаний. Содержание обучения письменному научному дискурсу аспирантов включает развитие умений по написанию аннотации, реферата, рецензии, текста доклада, оформление презентации выступления, стендового доклада, заявки на участие в научном мероприятии, заявки на грант, написание научного отчета, научной статьи, тезисов доклада, монографии, диссертации. В качестве одного из методов обучения можно использовать тандем-метод (преподавательский тандем) – способ овладения, обучения или преподавания, основанный на партнерстве участников образовательного процесса, которыми выступают два преподавателя: преподаватель иностранного языка и преподаватель профильной специальности. Представлено описание педагогических условий, реализация которых будет способствовать эффективности методики обучения аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу на основе тандем-метода. К ним отнесены следующие условия: 1) владение преподавателем профильной специальности иностранным языком на уровне B1–B2; 2) осведомленность преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной специализации студентов; 3) разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя; 4) следование алгоритму обучения в тандеме.

Ключевые слова: тандем-метод; иноязычный письменный дискурс; аспирантура; педагогические условия

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-123-130

Целью данной работы является выявление и обоснование психолого-педагогических условий, учет которых будет способствовать эффективности методики обучения иноязычному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода. Анализ ряда психологических, педагогических и методических работ отечественных и зарубежных ученых позволяет нам сформулировать четыре таких педагогических условия. К ним относятся: а) владение преподавателем профильной специальности иностранным языком на уровне B1–B2; б) осведомленность преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной специализации студентов; в) разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя; г) следование алгоритму обучения в тандеме.

Первым педагогическим условием обучения аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу выступает владение преподавателем профильной специальности

иностранном языком на уровне B1–B2. Следует заметить, что сама постановка вопроса о владении преподавателем профильной специальности иностранным языком не является новой. Учеными проводится ряд исследований, в центре внимания которых выступают следующие вопросы: возможность преподавания дисциплин специальности на иностранном языке, в том числе и преподавателем профильной специальности, владеющим иностранным языком на соответствующем уровне [1–3], сложности контроля преподавателем иностранного языка содержательной профессионально-ориентированной стороны речи магистрантов и аспирантов [4], вопросы мотивации студентов изучать иностранный язык для профессиональных целей [5].

Согласно общеевропейскому стандарту по иностранным языкам (Common European Framework of Reference, 2001) выделяется шесть уровней владения иностранным языком (ИЯ): A1, A2, B1, B2, C1, C2 [6]. Уровни

А – уровни элементарного владения ИЯ (А1 – уровень выживания; А2 – допороговый уровень владения ИЯ); уровни В – уровни самодостаточного владения ИЯ (В1 – пороговый уровень владения ИЯ; В2 – пороговый продвинутый уровень владения ИЯ); уровни С – уровни свободного владения ИЯ (С1 – уровень профессионального владения ИЯ; С2 – уровень владения ИЯ в совершенстве).

В стандарте представлено описание знаний и умений по видам речевой деятельности, характерных для владения иностранным языком на каждом конкретном уровне. Анализ описания уровней владения иностранным языком позволил нам утверждать, что для эффективной реализации методики обучения научному дискурсу аспирантов в преподавательском тандеме преподаватель профильной специальности должен владеть иностранным языком на уровне не ниже В1 или В2.

Владение иностранным языком на данных уровнях позволит преподавателю профильной специальности контролировать содержательную (профессионально-ориентированную) сторону письменных работ в процессе обучения аспирантов письменному научному дискурсу при выполнении следующих заданий:

- на обучение и закрепление структурной организации письменных научных работ;
- на нахождение в текстах ошибок, связанных с нарушением структурной организации письменного научного дискурса;
- на обучение сжатию текста;
- на обучение расширению текста;
- на обучение логического развития замысла автора;
- на обучение написанию фрагментов научной работы с соответствующими требованиями к каждому фрагменту.

В центре внимания обучения и контроля содержательной стороны научного дискурса будут следующие аспекты:

- актуальность научной работы;
- достаточный объем используемых в научной работе профессиональных источников;
- логичность в изложении данных, фактов, сведений и т. п.;
- разработанность проблемы научного исследования;
- обоснованность основных результатов (научная новизна, теоретическая значи-

мость, практическая ценность) и выводов исследования.

Вторым педагогическим условием обучения аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу выступает осведомленность преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной специализации студентов.

Изучение методических аспектов обучения иностранному языку для специальных целей ведется отечественными и зарубежными методистами уже на протяжении нескольких десятков лет. При этом практически все исследования можно условно разделить на две группы. К первой относятся работы, в которых ученые утверждают, что иностранный язык для специальных целей должен преподаваться преподавателем профильной специальности, получившим образование и имеющим ученую степень и научное звание в соответствующей профессиональной сфере. После специальной языковой подготовки овладев иностранным языком до определенного «барьерного» уровня (В1–В2), данный преподаватель профильной специальности сможет преподавать иностранный язык для специальных целей. Данная позиция вполне аргументирована. Следует заметить, что данная позиция превалирует в исследованиях последних лет. Вместе с тем никто из ученых, предлагающих такую модель подготовки преподавателей иностранного языка для специальных целей, не рассматривает в своих работах необходимость формирования у преподавателя *методической компетенции в области иностранного языка и ее содержания*. Очевидно, что языковая подготовка в сфере научной профессиональной деятельности студентов сведется к подготовке к научной профессиональной деятельности на иностранном языке, что не является тождественным. Языковая подготовка в сфере научной профессиональной деятельности студентов подразумевает изучение языковых (лексических и грамматических) средств достижения когезии и когерентности научного текста, использование методических приемов и заданий на изучение, отработку и закрепление структуры письменных научных текстов, что невозможно реализовать без соответствующей методической компетенции в области иностранного языка.

Ко второй группе относятся исследования, в которых авторы отмечали важность наличия у преподавателя иностранного языка осведомленности в сфере профессиональной деятельности студентов конкретной специальности или направления подготовки. Данная проблема также имеет особую актуальность ввиду того, что в современных условиях в большинстве региональных вузов России, где нет больших наборов студентов на каждую из предлагаемых университетом специальностей или направлений подготовки, один преподаватель иностранного языка ведет занятия у студентов целого ряда иногда не родственных специальностей. Вместе с тем анализ научной литературы по данной проблеме свидетельствует о том, что в центре внимания исследователей были частные вопросы осведомленности преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной деятельности студентов конкретной специальности. В частности, учеными аргументировалась актуальность осведомленности преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной деятельности студентов, изучались вопросы владения преподавателем профессиональной лексикой [7; 8], описывались проблемы обучения иностранному языку для специальных целей в аспирантуре при отсутствии компетенции преподавателя иностранного языка в сфере профессионального общения студентов. Вместе с тем вопрос критериев и показателей осведомленности преподавателя иностранного языка в сфере профессионального общения не представлял предмет отдельного изучения.

В рамках данного исследования осведомленность преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной специализации студентов будет означать следующее:

- иметь общее представление о специальности студентов;
- владение основными понятиями дисциплины и их возможными интерпретациями;
- знать общее содержание ключевых тем курса;
- знать основные положения, методы, постулаты дисциплины;
- знать основные методы доказательства в рамках конкретной специальности;
- знать методы решения типовых задач в рамках конкретной специальности;

– владеть профильно-ориентированной иноязычной лексикой (учитывая полисемию).

При обучении письменному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода в центре внимания обучения и контроля иноязычной стороны научного дискурса будут следующие аспекты:

- правильность структурной организации письменной научной работы;
- соответствие каждого структурного компонента его задачам;
- верное использование языковых средств достижения когерентности и когезии научного текста;
- использование профессиональной лексики;
- использование грамматических конструкций.

Третьим педагогическим условием обучения аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу выступает разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя. В научной литературе, посвященной использованию тандем-метода в обучении иностранному языку, в качестве одного из условий реализации данного метода выступает четкое разграничение функций между партнерами и выделение равного количества времени каждому из партнеров. Данное условие, особенно его последняя часть, имеет отношение непосредственно к тандему «ученик-ученик» – самому распространенному из трех имеющихся видов тандема. В этом случае выделение равного количества времени каждому из партнеров представляется закономерным и правильным при ученическом тандеме, в котором каждый из партнеров с разными родными языками заинтересован в изучении именно иностранного языка и в практике общения именно на иностранном языке.

В рамках нашего исследования мы целенаправленно не контролируем и не ограничиваем во времени каждого из преподавателей. Соотношение потраченного времени при реализации данной методики будет регламентироваться потребностями, способностями и достижениями конкретной группы обучающихся. Вместе с тем, учитывая содержание двух предыдущих психолого-педагогических условий, считаем необходимым разграничить сферу деятельности каждого конкретного преподавателя, работающего в тан-

деме. Характеристики компетентности каждого из преподавателей и разделение сферы профессиональной деятельности в условиях обучения научному профессиональному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода представлены в табл. 1.

Четвертым педагогическим условием обучения аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу выступает следование алгоритму обучения в тандеме. В методической литературе последних лет многие авторы утверждали о том, что при внедрении в процесс обучения иностранному языку новой инновационной методики необходимо использовать четкий алгоритм или технологию обучения с выделенными этапами обучения и отдельно прописанными функциями учителя/преподавателя и учащихся/студентов на каждом из этапов. Такая четкая структурированность процесса обучения позволит контролировать учебные достижения обучающихся, а также позволит обучающимся увидеть, что от них ожидает преподаватель на каждом из этапов. На современном этапе развития методики обучения иностранным

языкам использование алгоритма обучения представляется вполне логичным. Однако всего лишь около двух десятков лет это было вовсе не так. Примером тому могут служить исследования зарубежных методистов, посвященных использованию лингвокомпьютерных технологий в обучении иностранному языку. Рассмотрим некоторые исследования. Американские методисты М. Меагхер и Ф. Кастанос [9] в своем исследовании привели описание результатов экспериментального обучения, направленного на формирование межкультурной компетенции учащихся средней школы. В качестве выбранной лингвокомпьютерной технологии ученые использовали электронную почту. Американские школьники получили задание обсуждать конкретные факты или реалии культуры со своими партнерами по переписке из Мексики. Обмен сообщениями проводился во внеаудиторное время. Учащиеся имели полную свободу в интенсивности и объеме переписки. Результаты же эксперимента оказались неожиданными как для самих учеников, так и для ученых. Вместо формирования ком-

Таблица 1

Характеристики компетентности каждого из преподавателей
и разделение сферы профессиональной деятельности в условиях обучения научному
профессиональному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода

Преподаватель – участник тандем-обучения	Преподаватель иностранного языка	Преподаватель профильной специальности
Характеристики компетентности преподавателя	– владеет методикой обучения иностранному языку; – владеет иностранным языком (уровни C1–C2); – обладает осведомленностью в сфере профессиональной специальности студентов; – не является квалифицированным специалистом в сфере профессиональной специальности студентов	– является квалифицированным специалистом в сфере профессиональной специальности студентов; – владеет иностранным языком (уровни B1–B2); – не владеет методикой обучения иностранному языку
Сфера деятельности каждого преподавателя, работающего в преподавательском тандеме	Иноязычная подготовка: – правильность структурной организации письменной научной работы; – соответствие каждого структурного компонента его задачам; – верное использование языковых средств достижения когерентности и когезии научного текста; – использование профессиональной лексики; – использование грамматических конструкций	Подготовка в сфере профессионального научного общения: – актуальность научной работы; – достаточный объем используемых в научной работе профессиональных источников; – логичность в изложении данных, фактов, сведений и т. п.; – разработанность проблемы научного исследования; – обоснованность основных результатов (научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность) и выводов исследования

понентов межкультурной компетенции, формирования осведомленности в изучаемой культуре и формировании непредвзятости и толерантности учащиеся сформировали негативные стереотипы относительно контактирующей культуры. Подобные результаты можно объяснить двумя главными ошибками учителей (ученых). Во-первых, в процессе участия в эксперименте учащиеся были брошены на произвол. Никто не контролировал результаты их неформального обучения. Полученная информация об иноязычной культуре с помощью грамотного педагога могла быть иначе интерпретирована и послужила бы примером для формирования непредвзятости и толерантности, а не способствовала формированию ложных стереотипов и обобщений. Во-вторых, если бы каждый этап участия в электронном обмене сообщениями был регламентирован, каждое сообщение бы анализировалось в группах и т. п., результаты эксперимента могли бы быть положительными.

Подобные результаты в ходе своего исследования получил другой немецкий ученый Г. Фишер [10]. Учащимся немецкой и американской школ было предложено принять участие в международном телекоммуникационном проекте с целью овладения социокультурной информацией о контактирующей культуре. Предполагалось, что через обсуждение культурных реалий учащиеся обеих стран лучше узнают и поймут культуру друг друга. В перспективе изучение культур и обсуждение сходств и различий между разными культурами должно было привести к формированию эмпатии и толерантности. Вместо этого, как свидетельствуют результаты эксперимента, у учащихся сложились ложные стереотипы, и была сформирована антипатия к представителям партнеров по телекоммуникационному проекту. Полная свобода в действиях, сулившая, по мнению авторов телекоммуникационного проекта, больших результатов, привела к провалу методики. Причина лежит в отсутствии специально выделенных этапов обучения с отдельными задачами на каждом из них.

В этой связи многие отечественные методисты в своих исследованиях, посвященных разработке новых инновационных методик обучения иностранному языку на основе или новых компьютерных технологий, или

же новых педагогических технологий и методов исследования, предлагают в качестве одного из педагогических условий успешной реализации предлагаемой методики разработку и следование конкретному поэтапному алгоритму обучения [11–14].

На основании приведенного анализа исследований в данной работе были выделены четыре педагогических условия, учет которых будет способствовать эффективности методики обучения иноязычному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода. К ним относятся:

- 1) владение преподавателем профильной специальности иностранным языком на уровне В1–В2;
- 2) осведомленность преподавателя иностранного языка в сфере профессиональной специализации студентов;
- 3) разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя;
- 4) следование алгоритму обучения в тандеме.

Список литературы

1. Козловская В.В. Предметно-языковое интегрированное обучение: опыт Швеции // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 302–304.
2. Покровская Н.Н. Динамика коммуникативных компетенций и мотивации бакалавров и магистрантов к изучению экономических дисциплин на иностранном языке // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 377–379.
3. Попова Н.В., Иовлева В.И. Предметно-языковое интегрированное обучение в вузовском учебном процессе // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 163–165.
4. Гаврилова А.В. Формирование иноязычной письменной компетенции у студентов технического профиля // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 348–350.

5. *Стратонова Г.Я.* Опыт реализации комплексного подхода при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе // *Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования*. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 324-326.
6. *Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
7. *Сысоев П.В., Кокорева А.А.* Обучение студентов профессиональной лексики на основе корпуса параллельных текстов // *Язык и культура*. 2013. № 1 (21). С. 114-124.
8. *Дашкина А.И., Федорова А.Я.* Применение предметно-языкового интегрированного подхода при групповом обучении студентов экономических направлений профессионально-ориентированной и общенаучной лексики // *Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования*. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 291-293.
9. *Meagher M., Castaños F.* Perceptions of American culture: The impact of an electronically-mediated cultural exchange program on Mexican high school students // *Computer-Mediated Communication. Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 187-201.
10. *Fischer G.* E-mail in Foreign Language Teaching. Towards the Creation of Virtual Classrooms. Germany: Stauffenburg Medien, 1998.
11. *Сысоев П.В., Мерзляков К.А.* Использование метода рецензирования в обучении письменной речи обучающихся на основе блог-технологии // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 1. С. 36-47.
12. *Одинокая М.А., Попова Н.В.* Современные технологии интерактивного обучения в многопрофильном вузе. СПб., 2016.
13. *Капранчикова К.В.* Методика обучения иностранному языку студентов на основе мобильных технологий (английский язык, направление подготовки «Юриспруденция»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014.
14. *Максаев А.А.* Методика развития социокультурных и речевых умений учащихся в процессе реализации международных образовательных языковых проектов (английский язык, профильных уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2015.

References

1. *Kozlovskaya V.V.* Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie: opyt Shvetsii [Subjective-linguistic integrative education: experience of Sweden]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 302-304. (In Russian).
2. *Pokrovskaya N.N.* Dinamika kommunikativnykh kompetentsiy i motivatsii bakalavrov i magistrantov k izucheniyu ekonomicheskikh distsiplin na inostrannom yazyke [Dynamics of communication competence and motivation of bachelors and masters to study economical disciplines on foreign languages]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 377-379. (In Russian).
3. *Popova N.V., Iovleva V.I.* Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie v vuzovskom uchebnom protsesse [Subjective-linguistic integrative education in educational process at the university]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 163-165. (In Russian).
4. *Gavrilova A.V.* Formirovanie inoyazychnoy pis'mennoy kompetentsii u studentov tekhnicheskogo profilya [Formation of foreign language writing competence of students of technical speciality]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 348-350. (In Russian).
5. *Stratonova G.Y.* Opyt realizatsii kompleksnogo podkhoda pri obuchenii professional'no-orientirovannomu inostrannomu yazyku v vuzе [Experience of realization of complex approach

- in professional-oriented foreign language teaching in the university]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 324-326. (In Russian).
6. *Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
 7. Sysoyev P.V., Kokoreva A.A. Obuchenie studentov professional'noy leksike na osnove korpusa parallel'nykh tekstov [Teaching students professional vocabulary based on corpus of parallel texts]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2013, no. 1 (21), pp. 114-124. (In Russian).
 8. Dashkina A.I., Fedorova A.Y. Primenenie predmetno-yazykovogo integrirovannogo podkhoda pri gruppovom obuchenii studentov ekonomicheskikh napravleniy professional'no-orientirovannoy i obshchenauchnoy leksike [Use of objective-linguistic integrative approach in teaching groups of students of economical direction professional-oriented and general scientific vocabulary]. *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniyu inostrannym yazykam i professional'nyim distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniya* [Innovation Ideas and Approaches to the Integrative Foreign Language and Professional Discipline Teaching in the System of Higher Education]. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2017, pp. 291-293. (In Russian).
 9. Meagher M., Castaños F. Perceptions of American culture: The impact of an electronically-mediated cultural exchange program on Mexican high school students. *Computer-Mediated Communication. Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, 1996. P. 187-201.
 10. Fischer G. *E-mail in Foreign Language Teaching. Towards the Creation of Virtual Classrooms*. Germany, Stauffenburg Medien, 1998.
 11. Sysoyev P.V., Merzlyakov K.A. Ispol'zovanie metoda retsenzirovaniya v obuchenii pis'mennoy rechi obuchayushchikhsya na osnove blog-tekhnologii [Methods of Teaching Writing Skills to Students of International Relations Using Peer Review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – The Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2017, no. 1, pp. 36-47. (In Russian).
 12. Odinokaya M.A., Popova N.V. *Sovremennye tekhnologii interaktivnogo obucheniya v mnogo-profil'nom vuze* [Modern Technologies of Interactive Education in Multidisciplinary University]. St. Petersburg, 2016. (In Russian).
 13. Kapranchikova K.V. *Metodika obucheniya inostrannomu yazyku studentov na osnove mobil'nykh tekhnologiy (angliyskiy yazyk, napravlenie podgotovki «Yurisprudentsiya»): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Foreign Language Teaching for Students Based on Mobile Technologies. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2014. (In Russian).
 14. Maksaev A.A. *Metodika razvitiya sotsio-kul'turnykh i rechevykh umeniy uchashchikhsya v protsesse realizatsii mezhdunarodnykh obrazovatel'nykh yazykovykh projektov (angliyskiy yazyk, profil'nykh uroven'): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Sociocultural and Speaking Skills Development in the Process of Realization of International Educational Linguistic Projects (English, Specialized Level). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2015. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.04.2017 г.

Отрецензирована 25.05.2017 г.

Принята в печать 02.06.2017 г.

Received 20 April 2017

Reviewed 25 May 2017

Accepted for press 2 June 2017

UDC 378

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR TEACHING POST-GRADUATE STUDENTS A WRITTEN SCIENTIFIC DISCOURSE USING A TANDEM-METHOD

Oksana Olegovna AMERKHANOVA

Senior Lecturer of Government Control Workers' Language Preparation Department

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Bldg. 1 Vernadskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 119571

E-mail: oo.amerkhanova@migsu.ranepa.ru

One of the goals of teaching a foreign language in postgraduate studies is the mastery of post-graduate students in foreign written scientific discourse. Under it, discourse is understood as the process and result of the expression and interpretation of scientific knowledge with a view to their further phased improvement of existing or synthesis of new scientific knowledge. The content of the teaching of the written scientific discourse of post-graduate students includes the development of skills in writing abstracts, reports, reviews, the text of the report, setting presentations, the poster sessions, the application for participation in the scientific event, the grant applications, writing of the scientific report, the scientific article, the abstracts of the report, theses, monograph, dissertation. As one of the teaching methods, you can use the tandem-method (teacher-teacher tandem) – a method of mastering, teaching, based on the partnership of the participants in the educational process, which are two teachers: a foreign language teacher and a teacher of the profile specialty. It is devoted to the description of pedagogical conditions, the implementation of which will contribute to the effectiveness of the methodology for teaching post-graduate students to a foreign written scientific discourse based on the tandem-method. The following conditions to them are attributed: 1) teacher's proficiency in foreign languages at the level of B1–B2; 2) awareness of the teacher of a foreign language in the sphere of professional specialization of students; 3) division of the scope of each tandem teacher; 4) following the learning algorithm in tandem.

Keywords: tandem-method; foreign written discourse; post-graduate studies; pedagogical conditions

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-123-130

Для цитирования: Амерханова О.О. Педагогические условия обучения аспирантов письменному научному дискурсу на основе тандем-метода // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 123-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-123-130.

For citation: Amerkhanova O.O. Pedagogicheskie usloviya obucheniya aspirantov pis'mennomu nauchnomu diskursu na osnove tandem-metoda [Pedagogical conditions for teaching post-graduate students a written scientific discourse using a tandem-method]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 123-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-123-130. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 373.31+811.161.1

АУДИРОВАНИЕ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ

© **Марина Валентиновна МАСЛОВА**

учитель русского языка и литературы

Лицей № 14 им. Заслуженного учителя Российской Федерации А.М. Кузьмина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Мичуринская, 112 В
аспирант, кафедра теории и методики дошкольного и начального образования
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: marina.maslow@yandex.ru

Решены актуальные в современной методике преподавания русского языка проблемы гармонизации видов речевой деятельности на уроках русского языка и интеграции учебных дисциплин «Русский язык» и «Литература». В процессе подробного анализа упражнений учебника «Русский язык. Практика. 5 класс» под ред. А.Ю. Купаловой, базирующихся на стихотворном материале, выявлен ряд проблем, связанных с рассмотрением стихов на уроках русского языка: проблема фрагментарности стихотворного материала, используемого на уроках; проблема единого подхода к прозаическим и стихотворным произведениям, нивелирующего каждый из этих типов организации художественной речи; проблема рассогласованности устной и письменной форм стиха в связи с акцентированием графической стороны стихотворного произведения. Основная часть представляет собой описание аудитивных заданий и упражнений, направленных на решение вышеперечисленных проблем. В процессе выполнения таких заданий и упражнений учащиеся распознают стихи среди строк с разным ритмическим рисунком, превращают стихи в прозу, записывают услышанные стихотворные тексты в «столбик» и «лесенкой», работают со строфикой и рифмой стихотворений. Найдены точки соприкосновения предлагаемого им подхода с методикой, отраженной в учебно-методическом комплексе под ред. В.В. Бабайцевой, отталкивается от методических идей, реализованных в учебно-методическом комплексе, варьирует и модифицирует упражнения учебника «Русский язык. Практика. 5 класс» под ред. А.Ю. Купаловой. Кроме того, сформулированы условия, способствующие выполнению аудитивных упражнений, которые базируются на стихотворном материале.

Ключевые слова: аудирование; стихотворная речь; аудитивные задания и упражнения; аудитивные умения; аудиовизуальные средства обучения

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-131-137

В «Словаре-справочнике по методике русского языка» М.Р. Львова, изданном в 1988 г., словарная статья, посвященная аудированию, содержит определение этого понятия, и замечание, касающееся методики восприятия речи: «Методика аудирования (восприятия речи) пока разработана мало, несмотря на то, что, по данным обследований, на уроке до 50 % звучащей речи учащихся и учителя не воспринимается или не осознается определенной частью учащихся» [1, с. 22]. В «Новом словаре методических терминов и понятий» Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина (М., 2009) словарная статья «Аудирование» содержательнее статьи из словаря-справочника М.Р. Львова: в ней перечисляются лингвистические трудности восприятия звучащего текста, раскрывается специфика восприятия и понимания диалогической и монологической речи, называются условия эффективно-го аудирования, описывается механизм ау-

дирования [2, с. 24]. Ни в словаре М.Р. Львова, ни в словаре Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина нет сведений о своеобразии речевого материала, предназначенного для аудирования. Между тем вопрос «Что слушать?» трудно назвать праздным. Содержание, как известно, определяет форму; от выбора объекта аудирования во многом зависят аудитивные методы и приемы.

В качестве объекта аудирования автор данной статьи избирает стихотворную речь.

В.М. Жирмунский писал, что «стихотворная речь отличается от прозаической закономерной упорядоченностью звуковой формы» [3, с. 8]. Это определение, ставшее классическим в рамках фонетического подхода к решению вопроса о разграничении стиха и прозы, обосновывает необходимость обращения к звуковой стороне стиха в том числе и в школьной практике. Рассмотрим, как реализуется это обращение в учебнике

«Русский язык. Практика. 5 класс» под редакцией А.Ю. Купаловой.

В «Практике» содержится 871 упражнение. 69 упражнений, что составляет примерно 1/12 всего практического корпуса учебника, базируются на стихотворном материале. Очевидно, что работа со стихотворной речью должна отличаться от работы с речью прозаической. Но сопоставление заданий, предъявляемых к прозаическим и стихотворным текстам, свидетельствует о том, что с точки зрения методики, положенной в основу учебно-методического комплекса (УМК) под редакцией В.В. Бабайцевой, проза и стихи почти неразличимы. Стихотворные и прозаические строчки в учебнике «Русский язык. Практика. 5 класс» под ред. А.Ю. Купаловой сопровождаются одинаковыми заданиями: записать текст под диктовку или по памяти; выписать из текста слова с нужными фонетическими, лексическими, морфемными, морфологическими свойствами; выписать словосочетания и предложения с запрашиваемыми синтаксическими характеристиками; обозначить орфограммы и пунктограммы; вставить пропущенные буквы, расставить знаки препинания; составить схемы предложений; произвести лексический, морфемный, морфологический и другие разборы.

Задание «Прочитайте стихотворение (отрывок, отдельные предложения)», необходимое в работе со стихом, почти не детализируется. Важные в партитуре стихотворного текста термины «тон», «интонация», «пауза» упоминаются в заданиях к пяти упражнениям (напомним: из 69): 198, 216, 287, 700, 721. Примеров какой бы то ни было детализации задания, планирующего чтение, находим не много. Так, при выполнении упражнений 135, 216, 409, 413, 606, 714, 792 учащиеся должны подготовить выразительное чтение стихотворных отрывков; все инструкции, сопровождающие упражнения 128, 198, 287, 351, 700, 721, 826, открываются предложением «Прочитайте вслух».

Альтернативой немногословной формулировке «Прочитайте текст» являются развернутые задания, конкретизирующие, как надо читать и какие задачи надо решить в процессе чтения. Развернутым можно признать задание к фрагменту стихотворения И.А. Бунина «Листопад» («Прочитайте четверостишие так, чтобы слушающие могли

представить яркую, многоцветную, радостную картину, нарисованную художником средствами языка» [4]). Достаточно подробно «расписывает» действия ученика задание к стихотворению С.Я. Маршака «Вот какой рассеянный»: «Прочитайте вслух стихи С.Я. Маршака. Сравните интонацию при чтении однородных сказуемых, соединенных: а) только интонацией перечисления; б) одиночным союзом и» [4].

Заданий, организующих не чтение, а слушание стихов, почти нет (найден одно – к фрагменту стихотворения Б.В. Заходера «Хитрый Вол»: «Прочитайте отрывок из стихотворения. Вслушайтесь: какие повторяющиеся звуки передают жужжание жука?» [4]).

Но все вышеперечисленные задания формулируются в учебнике применительно и к прозаическим отрывкам. Строго говоря, ориентируют пятиклассников непосредственно на осмысление специфики стиха всего четыре разновидности заданий:

1) восстановление не только смысла, но и ритма деформированных стихотворных строк (упр. 183: «Представьте себе: при пересчитывании стихотворения некоторые слова «заблудились». Помогите им найти свое место и установить связь с другими словами в предложении» [4]);

2) сопоставление в рамках одного произведения границ предложений и границ стихотворных строк (упр. 198: «Прочитайте вслух третью строку стихотворения С. Смирнова «Синица». Какие признаки предложения отсутствуют в этом сочетании слов? Почему в конце этой строки не следует ставить запятой, хотя соблюдается пауза?» [4]);

3) конструирование предложений – рифмованных стихотворных строк из «рассыпавшихся» слов (упр. 490: «Восстановите текст загадок. При необходимости переставьте слова, измените их форму. Отыщите рифму. Крепкий, ножка, стоять, на, лежать, лукошко, в, теперь» [4]);

4) сопоставление различных стихотворных жанров (упр. 356: «Стихотворение И. Пивоваровой напоминает считалку. Благодаря каким особенностям языка, особенно синтаксическим?» [4]).

Как видим, каждый тип заданий иллюстрируется одним примером, так как большего количества в учебнике под редакцией А.Ю. Купаловой мы не обнаружили.

В учебнике прослеживается тенденция изменения стихотворных текстов, не всегда методически оправданного, порой являющегося показателем небрежного отношения к речевым произведениям.

Обратимся к фактам.

В стихотворении И.А. Бунина «Осыпаются астры в садах...» произносительный вариант «показались» заменен вариантом «показались», а для «выпрямления» нарушенного стихотворного ритма к наречию «всюду» добавлена приставка по-.

Из фрагмента строфы XL четвертой главы «Евгения Онегина» «выпущены» (точнее сказать, выброшены) строки:

Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Причина их исключения понятна: таким образом составителям «Практики» удалось избежать анжамбемана – несовпадения границ стиха и синтагмы.

Есть в учебнике упражнения, в которых производится вольная, далекая от авторской сегментация стихотворного текста.

Вот как выглядит уже упоминавшийся фрагмент строфы XL четвертой главы «Евгения Онегина» в 5 томе собрания сочинений А.С. Пушкина:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась [5].

А таким образом этот фрагмент представлен в «Практике»:

Уж небо осенью дышало. Уж реже солнышко блистало, короче становился день. Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась.

Речь идет не об изменении графического облика фрагмента, а о сегментации: здесь одно предложение (в пушкинском варианте сегментации) разбито на три, хотя прилагаемое к этим трем предложениям задание («Выпишите из каждого предложения подлежащее и сказуемое») вполне может быть выполнено и на сложном бессоюзном предложении оригинала.

В учебнике встречаются также случаи отказа в авторстве, например, Е.А. Благиной (упр. 121; стихотворение приписано некоему Е. Белинскому), Ю. Тувиму (упр. 144; вместо Ю. Тувима указан переводчик С. Маршак) и даже Ф.И. Тютчеву (упр. 123; автором стихотворения «Весенняя гроза» назван А.С. Пушкин). Кроме того, автором строчки из «Снежной сказки» С. Погореловского оказался Г. Сапгир (упр. 73), а текст песни «Образцовый мальчик» написала, по версии авторов учебника, А. Барто (упр. 132), а не С. Богомазов и В. Волков.

Мы не говорим уже о том, что сокращение текста есть его искажение, потому что понимаем, что и временной ресурс уроков русского языка ограничен, и учебник русского языка не должен превращаться в хрестоматию по литературе, и возрастные особенности школьников не всегда располагают к рассмотрению произведения в полном объеме.

Анализ практической части учебника позволяет нам выявить ряд проблем, связанных с использованием стихотворного материала на уроках русского языка: проблему фрагментарности стихотворного материала, включенного в упражнения; проблему единого подхода к прозаическим и стихотворным произведениям, нивелирующего каждый тип организации художественной речи; проблему рассогласованности устной и письменной форм стиха в связи с опорой главным образом на графическую сторону стихотворного произведения.

Упражнение 500 учебника открывает мудрая пословица: «Красна речь слушаньем». Мы убеждены: если процесс овладения речью на стихотворном материале получит аудитивную основу, то будет осуществлен экологический подход к поэзии (у учащихся появится возможность услышать произведение целиком и без искажений), расширится диапазон упражнений и заданий, ориентированных на усвоение специфики стихотворной речи, повысится эффективность формирования произносительных умений, то есть умений применять фонетические и интонационные средства в ситуации общения для достижения коммуникативной цели.

Опишем некоторые упражнения и задания, базирующиеся на аудировании стихотворной речи.

Одно из таких упражнений ориентировано на различение стихов и прозы. Оно может быть вариацией упражнения 622 учебника, где дается следующий речевой материал.

1. Ночь металась за окнами, сжимаясь в непроглядную тьму. (К. Паустовский). 2. И в жизни нам не раз пришлось экзамены сдавать, и если что-то не сбылось, не стоит горевать. (М. Рябинин).

Авторы учебника требуют, чтобы ученик записал эти предложения по памяти. Нам это задание представляется методически неправильным, так как предлагаемые ученикам высказывания выхвачены из контекста, предложение из произведения К.Г. Паустовского искажено, набор предложений случаен, между предложениями нет связи. Ничего, кроме механической и кратковременной памяти, это задание не разовьет. На наш взгляд, заучивание фраз и письмо по памяти следует заменить другим заданием – распознаванием, какие из перечисленных предложений являются стихотворными строками.

Выполнению такого задания должна предшествовать подготовительная работа: учитель должен расширить перечень предложений и заранее сделать аудиозаписи текстовых фрагментов, включающих эти предложения, чтобы учащиеся могли проверить свои догадки.

Второе упражнение связано с преобразованием прозы в стихи и наоборот. Выполняя это упражнение, учащиеся усваивают отличие стиха от прозы в деятельности, развивают чувство ритма.

Преобразование прозы в стихи иллюстрирует К.С. Станиславский, используя прием «тататирования» – «процесс дополнения недостающих ритмических моментов паузами и люфт-паузами» [6, с. 207]. Например, начало диалога городничего с чиновниками уездного города выливается у К.С. Станиславского в следующее двустишие:

К нам едет ревизор!
Как едет, что за вздор! [6, с. 209].

К.С. Станиславский также демонстрирует и обратное превращение на примере фрагмента диалога Фамусова и Молчалина.

У Грибоедова:
Ф а м у с о в . Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

М о л ч а л и н . Я-с.

Ф а м у с о в . Зачем же здесь? и в этот час?

У К.С. Станиславского:

– Вот так оказия! Это ты, братец мой, Молчалин?

– Да, это я.

– Как же ты очутился здесь и в такое время? [6, с. 211].

Аналогичным образом можно переложить в прозу фрагмент стихотворения И.А. Бунина «Осыпаются астры в садах...», процитированный в упражнении 36. Результатом переложения может быть следующий текст:

Астры осыпаются в садах, клен желтеет под окошком, целый день на полях белеет холодный туман. Затихает ближний лес, одетый золотистой листвой, в нем всюду видны просветы.

Предложение из «Золотой розы» К.Г. Паустовского, несколько сокращенное для упражнения 622 (в оригинале оно выглядит так: «Ночь металась за окнами, то распахинаясь стремительным белым огнем, то сжимаясь в непроглядную тьму» [7, с. 28]), после «перевода» может принять следующий вид:

Ночь металась за окнами
(Что увидим мы днем?),
Сжавшись тьмой непроглядною,
Распахнувшись огнем.

Оригинальные тексты и их переложения непременно надо слушать, чтобы уловить ритмические различия прозы и стихов. Кроме того, графическая запись переложений успешно заменит не всегда оправданное и осознанное списывание текстов, тем не менее обязательное почти в каждом упражнении.

Третья разновидность упражнений, связанных с аудированием, – запись стихотворных строк «столбиком». Эти упражнения развивают умение воспринимать на слух паузы и фиксировать на письме границы стихов, подчеркивают связь графической и звуковой сторон стиха. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой пауза определяется как «временная остановка (задержка, перерыв, интервал) звучания, в течение которой речевые органы воспринимаемо не артикулируют и которая разрывает поток речи» [8, с. 314].

Известно, что в архитектонике стихотворного текста незвучащие его сегменты (паузы), наравне с звучащими, играют важную роль в раскрытии смысла произведения. Неправильная паузация стихотворного текста, в свою очередь, приводит к искажению смысла.

Слушание стихотворения С.Я. Маршака «Усатый-полосатый» поможет пятиклассникам оформить «столбиком» два предложения, процитированные в упражнении 146:

Вот тебе под ушки
Белые подушки.
Одеяльце на пуху
И платочек наверху.

Рекомендации, касающиеся данного способа записи стихотворения (заглавная буква в начале стихотворной строки, пунктуационный знак и его отсутствие в конце стиха), необходимы пятиклассникам.

В отдельных случаях возникает потребность в записи стихотворных строк «лесенкой». Один такой случай – знакомство пятиклассников с басней И. Крылова «Волк и Ягненок». Одно место в ней учащиеся неверно паузируют (/ – обозначение неправильной локализации паузы):

Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его шагов / я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу.

Надо бы сделать паузу в стихотворной строчке «От Светлости его шагов я на сто пью» на одно слово раньше, то есть после местоимения «его», но учащиеся читают по-своему.

В работе со стихотворным материалом лучше один раз услышать, чем сто раз увидеть. Учащиеся слушают басню, концентрируют свое внимание на монологе Ягненка, отмечают в графическом варианте басни место паузы в нужной стихотворной строке, после чего учитель может предложить другую форму записи стиха.

Вспомним статью В.В. Маяковского «Как делать стихи»: «чтобы читалось так, как думал» [9] автор произведения, В.В. Маяковский предлагает делить стихотворную строку на полустрочия. Следуя совету В.В. Маяков-

ского, учащиеся под руководством учителя разбивают на смысловые части «ошибкоопасный» стих из басни «Волк и Ягненок»:

Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его
шагов я на сто пью...

Такая запись будет руководить голосом ученика и во время чтения басни «с листа».

Продолжим описание упражнений, опирающихся на аудирование стихотворных текстов.

Материал упражнения 73 представлен единственным предложением из стихотворения С. Погореловского «Снежная сказка»:

У заснеженной речи в снежном переулке
звонко носят снежки.

Это предложение дано в учебнике только ради того, чтобы учащиеся выписали из него имена существительные и обозначили их морфологические признаки. Мы предлагаем на этом материале организовать работу со строфикой стихотворения. Для этого учащимся должна быть предложена серия вопросов, касающихся данной фразы: «Сколько стихотворных строк содержится в этом предложении? Сколько стихотворных строк не хватает этому предложению до строфы? Сколько слогов должно быть в последней строчке строфы?» Учащиеся записывают это предложение «столбиком», а последнюю строчку в строфе фиксируют повторением слога «та»:

У заснеженной реки
В снежном переулке
Звонко носят снежки
Та-та-та-та-та-та.

Слушание стихотворения не только предъявляет учащимся произведение целиком, не только восполняет недостающую строку в строфе, но и открывает принцип обыгрывания однокоренных слов, на котором держится данный стихотворный текст. Кроме того, предположение о последней строке в строфе способствует развитию у учащихся механизма вероятностного прогнозирования. Воспринимая аудиотекст, слушающий опирается на свой речевой опыт, ситуацию, контекст, языковые средства, эти фоновые знания и умения активизируют набор ожиданий, которые помогают слушателю

интерпретировать то, что он уже услышал, и предвидеть, что будет дальше.

Задание определить завершенность/незавершенность речевого произведения, воспринимаемого на слух, тоже развивает умение прогнозировать. Такое задание можно дать с опорой на стихотворные тексты, графически оформленные в учебнике как законченные: «Осыпаются астры в садах...» И.А. Бунина (в упр. 36); «Прощаться с теплым летом...» (в упр. 74) и «Ветер» (в упр. 85) М.В. Исаковского; «Черемуха» С.А. Есенина (в упр. 168); «Лес осенью» А.Т. Твардовского (в упр. 183); «Что красивей всего?» Б.В. Заходера (в упр. 216); «Ёж» В. Орлова (в упр. 351); «Подарки весны» Г. Сапгира (в упр. 693) и др.

На первом этапе прогностической работы следует выслушать ученические предположения о том, является ли прочитанный текст завершенным. На втором этапе надо дать учащимся послушать аудиозапись тех стихотворных строк, которые нашли отражение в упражнении. Ученики делятся своими промежуточными выводами, сформулированными на основе прослушивания аудиотекстов. На третьем этапе дети слушают стихотворное произведение в полной версии и проверяют таким образом свои предположения относительно его завершенности/незавершенности.

Итак, предложенные в настоящей статье аудитивные упражнения и задания могут помочь учителю в решении проблемы фрагментарности стихотворного материала, используемого на уроке; иллюстрируют подход к стихотворным произведениям, учитывающий специфику данного типа организации художественной речи; подчеркивают связь устной и письменной форм стиха.

Описанные в статье аудитивные упражнения и задания направлены на развитие у учащихся речевого слуха, умения прогнозировать содержание аудиотекста, умения интерпретировать звучащую речь, а также конструктивных умений.

Безусловно, развитию аудитивных умений способствует учебник русского языка, имеющий аудиоприложение. Если создатели УМК не предусмотрели такой важной составляющей комплекта, как аудиозаписи (таков, например, УМК под редакцией В.В. Бабайцевой), учитель может сделать эти записи

самостоятельно. Это трудоемкая работа, усложняющая процесс подготовки к урокам, но она оправдывает себя. И, наконец, непременным условием для выполнения упражнений и заданий с опорой на аудирование должно быть наличие аудиовизуальных средств обучения.

Список литературы

1. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009.
3. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Ленинград. отд. изд-ва «Советский писатель», 1975.
4. Купалова А.Ю., Еремеева А.П., Лидман-Орлова Г.К., Молодцова С.Н., Пахнова Т.М., Пименова С.Н., Пичугов Ю.С., Талалаева Л.Ф. Русский язык. Практика. 5 кл. / под ред. А.Ю. Купаловой. М.: Дрофа, 2015.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Ленинград. отд. изд-ва «Наука», 1978. Т. 5. С. 80-81.
6. Система Станиславского. Работа актера над собой. Процесс воплощения. М.: Эксмо, 2013. 448 с.
7. Паустовский К.Г. Блisterающие облака: роман, повести. М.: Эксмо, 2012.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
9. Маяковский В.В. Как делать стихи? // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Статьи, заметки и выступления: (Ноябрь 1917 – 1930). / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Худ. лит., 1959. С. 81-117.

References

1. Lvov M.R. *Slovar'-spravochnik po metodike russkogo yazyka* [Dictionary Guide for Russian Language Teaching Methods]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. (In Russian).
2. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Notions (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, IKAR Publ., 2009. (In Russian).
3. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Poem Theory]. Leningrad, "Sovetskiy pisatel" Publ. Department in Leningrad, 1975. (In Russian).
4. Kupalova A.Y., Eremeeva A.P., Lidman-Orlova G.K., Molodtsova S.N., Pakhnova T.M., Pi-

- menova S.N., Pichugov Y.S., Talalaeva L.F. *Russkiy yazyk. Praktika. 5 klass* [Russian Language. Practice. 5th grade]. Moscow, Drofa Publ., 2015. (In Russian).
5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Set of Works: in 10 vols.]. Leningrad, "Nauka" Publ. Department in Leningrad, 1978, vol. 5, pp. 80-81. (In Russian).
 6. *Sistema Stanislavskogo. Rabota aktera nad soboy. Protsess voploshcheniya* [Stanislavsky's System. Self-Improvement. The Process of Implementation]. Moscow, Eksmo Publ., 2013, 448 p. (In Russian).
 7. Paustovskiy K.G. *Blistayushchie oblaka: roman, povesti* [Shining Clouds: Novel, Narratives]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. (In Russian).
 8. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic Terminology Dictionary]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 1966. (In Russian).
 9. Mayakovskiy V.V. Kak delat' stikhi? [How to create poems?]. In: Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 12. Stat'i, zametki i vystupleniya: (Noyabr' 1917–1930)* [Complete Set of Works: in 13 vols. Vol. 12. Articles, notes, speeches (November 1917–1930)]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1959, pp. 81-117. (In Russian).

Поступила в редакцию 04.12.2016 г.

Отрецензирована 09.01.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017

Received 4 December 2016

Reviewed 9 January 2017

Accepted for press 8 August 2017

UDC 373.31+811.161.1

LISTENING POETIC SPEECH ON RUSSIAN LESSONS IN THE 5th GRADE

Marina Valentinovna MASLOVA

Russian Language and Literature Teacher

A.M. Kuzmin Honoured Teacher of Russian Federation Lyceum no. 14

112 B, Michurinskaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

Post-graduate Student, Theory and Methods of School and Primary Education Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: marina.maslow@yandex.ru

The relevant problems of harmonization of types of speech activity during Russian language lessons and integration of classroom discipline "Russian language" and "Literature" are decided. A detailed analysis of the exercises from the textbook "Russian language. Practice. Grade 5" under the editorship of A.Yu. Kupalova, based on the poetic material is provided. It is based on poetic material, some problems are revealed, connected with the consideration of poems at the lessons of Russian language. During the analysis the problem of the fragmentation of the poetic material used on the lessons of the Russian language is revealed; the problem of a unified approach to prose and poetic works, leveling each type of organization of artistic speech; the problem of mismatch of oral and written forms of the verse in connection with the emphasis on the poetry's graphical side. The main part is a description of the auditive tasks and exercises aimed at solving the above problems. While doing such tasks and exercises students recognize poetry among the lines with different rhythm, turn poetry into prose, write poetry they hear in "column" and "ladder", work with strophes and rhyme. Rich illustrative materials are presented. Points of contact are found, approach with the methodology reflected in teaching materials is proposed, under the editorship of V.V. Babaytseva starts out from the methodological ideas, implemented in the academic and methodological complex, the exercises of the textbook "Russian language. Practice. Grade 5" under the editorship of A.Yu. Kupalova are varied and modified. In addition, the conditions contributing to the management of the auditive exercises, based on the poetic material are formulated.

Keywords: listening, poetic speech, auditive tasks and exercises; auditive skills, audio-visual training aids

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-131-137

Для цитирования: Маслова М.В. Аудирование стихотворной речи на уроках русского языка в 5 классе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 131-137. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-131-137.

For citation: Maslova M.V. Audirovanie stikhotvornoy rechi na urokakh russkogo yazyka v 5 klasse [Listening poetic speech on Russian lessons in the 5th grade]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 131-137. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-131-137. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 376.23

ЭЛЕМЕНТЫ КОНТРОЛЯ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КАДЕТ

© **Максим Геннадьевич КОЗАДАЕВ**

аспирант, кафедра адаптивной физической культуры
и основ безопасности жизнедеятельности

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kozadaev1988@yandex.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью соблюдения требований, предъявляемых «Наставлениями по физической культуре и спорту для довузовских образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации» к уровню физической подготовленности кадет с целью их дальнейшего поступления в высшие военные учебные заведения Российской Федерации. Целью исследования стало изучение уровня физической подготовленности кадет с нарушениями свода стопы. Основными методами исследования явились: бег на 100 м, челночный бег 10×10 м, бег на 3000 м. Доказано, что у кадет, имеющих плоскостопие различной степени тяжести, уровень физической подготовленности может улучшаться при условии регулярного, дозированного воздействия комплексов упражнений коррекционной направленности или введения в программу профессионально-прикладной физической подготовки соответствующих упражнений. Рассмотрена динамика результатов означенных выше тестов у кадет из контрольной и экспериментальной групп и приведено сравнение данных показателей. Физическую подготовленность, определяющую уровень тренированности организма, достигнутый в процессе целенаправленной подготовки, необходимо постоянно контролировать. Приведенные результаты контроля уровня физической подготовленности кадет обнаруживают взаимосвязь состояния их опорно-двигательного аппарата, воздействия на него упражнений коррекционной направленности и результатов тестов для оценки двигательных возможностей обучающегося.

Ключевые слова: физическая подготовленность; кадеты; патология опорно-двигательного аппарата

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-138-143

Проведение занятий профессионально-прикладной и коррекционной направленности с кадетами, имеющими плоскостопие различной степени тяжести, обретают несомненную актуальность, поскольку они нацелены на улучшение состояния опорно-двигательного аппарата воспитанников, а именно нормализацию сводов стопы и попутно на формирование у них профессионально-прикладных умений и навыков [1, с. 46].

Мы рекомендуем проведение занятий профессионально-прикладной направленности, согласно учебной программе, 1 раз в неделю, а занятий коррекционной направленности – 3 раза в неделю длительностью 20 минут каждое.

Такой ритм применения разработанной методики обусловлен тем, что после проведения педагогического эксперимента состояние опорно-двигательного аппарата (а именно сводов стопы) кадет, обучающихся в 9–10 классах, улучшилось. Об этом можно судить по результатам тестирования уровня сформированности профессионально-прикладных

умений и навыков, а также показателей физической подготовленности обучающихся. Так, у кадет, входящих в экспериментальную группу, результаты выросли существенно по сравнению с начальным этапом эксперимента. Но и у испытуемых из контрольной группы также наблюдается определенная положительная динамика исследуемых показателей. Вероятно, это связано с тем, что упражнения, нацеленные на коррекцию сводов стопы, применялись нами во время уроков профессионально-прикладной направленности, на которых занимались все кадеты и из экспериментальной, и из контрольной групп [2, с. 175].

Введение упражнений коррекционной направленности в структуру занятий по физическому воспитанию кадет, а также применение разработанных комплексов во внеучебное время оказало положительный реабилитационный эффект при условии регулярного длительного применения [3, с. 16]. Данный эффект выразился, в том числе, в улучшении уровня физической подготовлен-

ности кадет, который мы оценивали с помощью следующих тестов: бег на 100 м, челночный бег 10×10 м, бег на 3 км. Данные тесты рекомендованы к применению программами по «Физической культуре» в условиях средних военных образовательных учреждений и, кроме того, при их выполнении кадет испытывает нагрузку на опорно-двигательный аппарат, прежде всего стопу и голеностопный сустав, состояние которого мы корректировали с помощью применения разработанной методики. Разработанная нами методика применялась в том числе с целью улучшения показателей физической подготовленности кадет, нами также были рассмотрены и оценены показания к ее применению, проводился учет эффективности и соблюдались гигиенические требования к местам проведения занятий.

По средним результатам бега на 100 м мы наблюдаем их положительную динамику как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Наличие данного эффекта в контрольной группе кадет, вероятно, связано с тем, что при реализации нашей методики корректирующие упражнения применялись на всех занятиях физической культуры профессионально-прикладной направленности [4, с. 31]. Эти занятия кроме испытуемых из экспериментальной группы посещали и кадеты, отнесенные к контрольной группе, а также здоровые обучающиеся. Поэтому коррекционный эффект оказывался и на состояние опорно-двигательного аппарата кадет, относящихся к контрольной группе [5, с. 123]. Однако у кадет из экспериментальной группы, которые кроме занятий профессионально-прикладной физической культуры посещали еще и внеурочные занятия коррекционной направленности (длительностью 20 минут с частотой 3 раза в неделю), положительная динамика результатов в беге на 100 м более заметна. Так, их средний результат уменьшился на 0,73 с, что соответствует 5 %, в то время как у кадет из контрольной группы эти показатели составили 0,4 с и 2,75 % соответственно (рис. 1).

По средним результатам челночного бега 10×10 м можно проследить незначительную

их положительную динамику у кадет из экспериментальной группы по ходу эксперимента. Так, у данной группы испытуемых за 9 месяцев с начала проведения эксперимента время челночного бега 10×10 м уменьшилось на 2 с. Однако снижение средних величин данного теста стало наиболее заметно лишь спустя полгода с момента начала эксперимента (рис. 2). Поэтому вероятно предположить дальнейшее совершенствование выполнения данного упражнения кадетами, имеющими нарушения сводов стопы, которые получают воздействие упражнений коррекционной направленности и в урочное, и во внеурочное время, что будет выражаться в улучшении средних значений исследуемого показателя у кадет из экспериментальной группы [6, с. 45].

У кадет контрольной группы средние показатели данного теста изменились всего лишь на 0,4 с. Этот факт свидетельствует о недостаточном воздействии упражнений коррекционной направленности на опорно-двигательный аппарат воспитанников, имеющих нарушения сводов стопы (испытуемых из контрольной группы).

Положительную динамику результатов теста «Бег на 3000 м» можно считать несущественной как у кадет из экспериментальной, так и из контрольной групп [7, с. 5]. Так, у воспитанников из контрольной группы результат времени бега на 3000 м за 9 месяцев с начала проведения эксперимента улучшился всего лишь на 0,49 с, что соответствует 3,35 %. У воспитанников, имеющих плоскостопие и относящихся к экспериментальной группе, спустя 9 месяцев после начала эксперимента время бега уменьшилось на 0,3 с, то есть на 3,81 % (рис. 3).

Такую незначительную разницу в результатах данного теста у испытуемых, входящих в контрольную и экспериментальную группы, вероятно, можно объяснить его сложностью выполнения, поскольку бег на 3000 м подразумевает достаточно высокое развитие такого физического качества, как выносливость, что крайне сложно для кадет, имеющих нарушения свода стопы различной степени тяжести [8, с. 111].

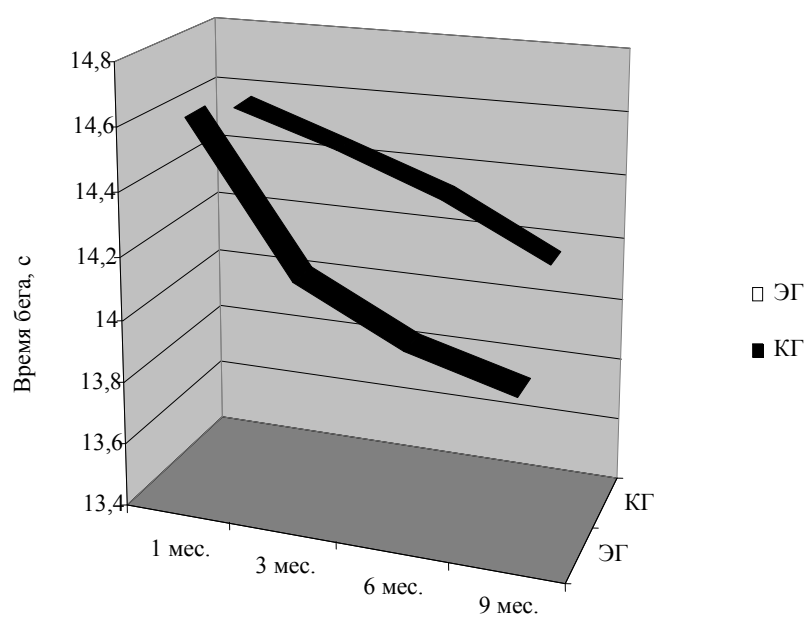

Рис. 1. Динамика результатов бега на 100 м у испытуемых контрольной и экспериментальной групп

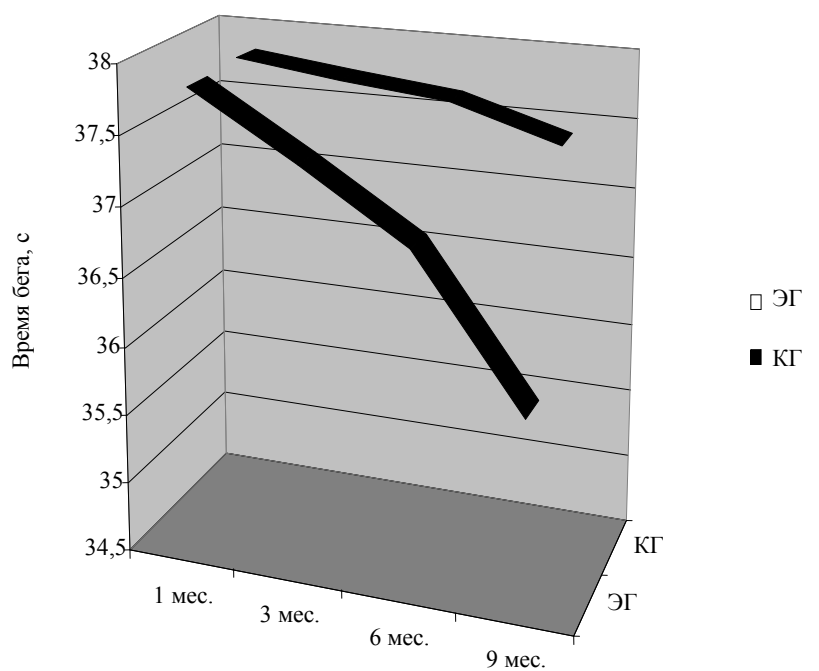

Рис. 2. Динамика результатов челночного бега на 10×10 м у испытуемых контрольной и экспериментальной групп

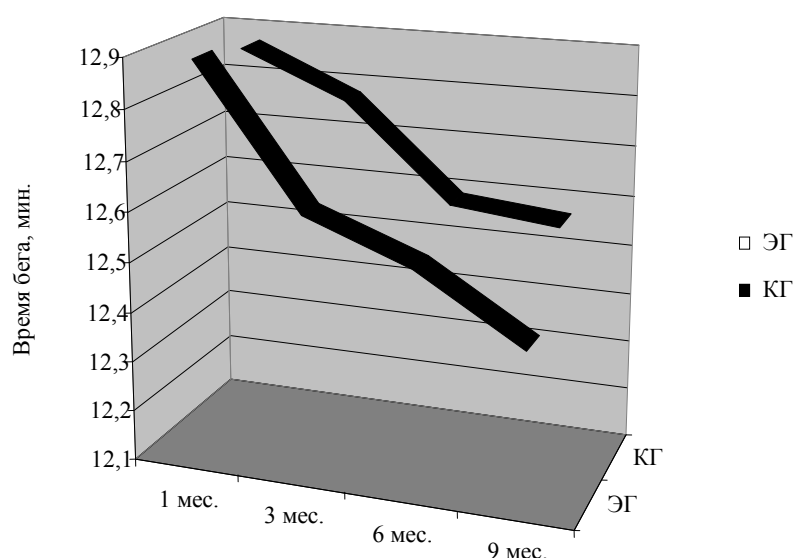

Рис. 3. Динамика результатов челночного бега на 10×10 м у испытуемых контрольной и экспериментальной групп

Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности разработки методики формирования профессионально-прикладных умений и навыков у кадетов с нарушениями сводов стопы различной степени тяжести [9, с. 13]. Наш эксперимент был направлен на разработку именно такой методики и применение ее в среднем образовательном учреждении Министерства обороны Российской Федерации, где данная методика сможет улучшить уровень сформированности профессионально-прикладных умений и навыков у кадет, обучающихся в старших классах и имеющих плоскостопие различной степени.

Список литературы

1. Боброва Г.В. Военно-профессиональная составляющая в системе физической подготовки воспитанников кадетского училища // Современное образование в России и за рубежом: теория, методика и практика: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 46-48.
2. Ашмарин Б.А. Педагогика физической культуры. СПб., 1999. 353 с.
3. Бальсевич В.К. Перспективы модернизации современных образовательных систем физического воспитания на основе интеграции национальной физической и спортивной культуры. М.: РГАФК, 2002. 30 с.

4. Галанин Ю.Г. Роль физического воспитания в формировании личности кадетов в условиях организации учебно-лагерных сборов // Теория и практика физической культуры. 2010. № 3. С. 30-34.
5. Файзериев Л.Р. Особенности физического воспитания суворовцев и кадетов // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях: материалы Всерос. конф. Чебоксары: Чувашская ГСХА, 2016. С. 122-125.
6. Федоров П.А. Особенности физического воспитания в кадетских военных корпусах: история и современное состояние // Успехи современной науки. М., 2017. Т. 1. № 4. С. 43-47.
7. Чиж И.М., Жилев Е.Г. Актуальные проблемы психофизиологического обеспечения военно-профессиональной деятельности // Военно-медицинский журнал. 2016. Т. 319. № 3. С. 4-10.
8. Селитреникова Т.А. Актуальность коррекции плоскостопия у воспитанников кадетского корпуса в процессе профессионально-прикладной подготовки // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. Тамбов, 2016. Т. 15. № 3. С. 109-113.
9. Meracle P. Ordo Deus // Medical practice. 2016. № 1 (55). P. 12-15.

References

1. Bobrova G.V. Voenno-professional'naya sostavlyayushchaya v sisteme fizicheskoy podgotovki

- vospitannikov kadetskogo uchilishcha [Military-professional component in the system of physical preparation of cadet school students' preparation]. *Materialy 4 Mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom: teoriya, metodika i praktika»* [Proceedings of the 4th International Scientific-Practical Conference "Modern Education in Russia and Abroad: Theory, Methods and Practice"]. Cheboksary, Center of Scientific Cooperation "Interaktiv plyus", 2016, pp. 46-48. (In Russian).
2. Ashmarin B.A. *Pedagogika fizicheskoy kul'tury* [Physical Culture Pedagogy]. St. Petersburg, 1999, 353 p. (In Russian).
 3. Balsevich V.K. *Perspektivy modernizatsii sovremennykh obrazovatel'nykh sistem fizicheskogo vospitaniya na osnove integratsii natsional'noy fizicheskoy i sportivnoy kul'tury* [Modernization Prospects of Modern Educational Systems of Physical Education Basing on Integration of National Physical and Sport Culture]. Moscow, Russian State Academy of Physical Culture Publ., 2002, 30 p. (In Russian).
 4. Galanin Y.G. Rol' fizicheskogo vospitaniya v formirovanii lichnosti kadetov v usloviyakh organizatsii uchebno-lagernykh sborov [The role of physical education in the formation of personality of cadets in the conditions of educational-annual camp organization]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 2010, no. 3, pp. 30-34. (In Russian).
 5. Fayzeriev L.R. Osobennosti fizicheskogo vospitaniya suvorovtsev i kadetov [Peculiarities of physical education of Suvorov Military College students and cadets]. *Materialy Vserossiyskoy konferentsii «Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh»* [Proceedings of All-Russian Conference "Relevant problems of Physical Culture and Sport in Modern Social-Economic Conditions"]. Cheboksary, Chuvash State Agrocultural Academy Publ., 2016, pp. 122-125. (In Russian).
 6. Fedorov P.A. Osobennosti fizicheskogo vospitaniya v kadetskikh voennykh korpusakh: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Physical education peculiarities in cadet military schools: history and modern state]. *Uspekhi sovremennoy nauki* [Modern Science Success]. Moscow, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 43-47. (In Russian).
 7. Chizh I.M., Zhilyaev E.G. Aktual'nye problemy psikhofiziologicheskogo obespecheniya voenno-professional'noy deyatel'nosti [Relevant problems of psychological provision of military-professional activity]. *Voenno-meditsinskiy zhurnal – Military Medical Journal*, 2016, vol. 319, no. 3, pp. 4-10. (In Russian).
 8. Selitrenikova T.A. Aktual'nost' korrektsii ploskostopiya u vospitannikov kadetskogo korpusa v protsesse professional'no-prikladnoy podgotovki [The relevance of flat-foot correction among cadet school pupils in the process of professional-applied preparation]. *Psihologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 109-113. (In Russian).
 9. Meracle P. Ordo Deus. *Medical practice*, 2016, no. 1 (55), pp. 12-15.
- Поступила в редакцию 17.12.2016 г.
Отрецензирована 18.01.2017 г.
Принята в печать 08.08.2017 г.
- Received 17 December 2016
Reviewed 18 January 2017
Accepted for press 8 August 2017

UDC 376.23

CONTROLS OF THE LEVEL OF CADETS' PHYSICAL FITNESS

Maxim Gennadievich KOZADAEV

Post-graduate Student, Adapted Physical Education and Life Security Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: kozadaev1988@yandex.ru

The research urgency is caused by necessity of observance of requirements of "Instructions for physical culture and sport for pre-University educational institutions of the Ministry of Defence of the Russian Federation" to the level of physical fitness of cadets with a view to their entering higher military educational institutions of the Russian Federation. The aim was to study the physical preparedness of cadet with disorders of the arch of the foot. Main research methods were: run 100 m, shuttle run 10 at 10 m, run 3000 m. It is proved that the cadet with the flat of varying severity, level of physical fitness can improve subject to regular, dosed exercises correctional, or entry into a program of professional-applied physical preparation of the corresponding exercises. The dynamics of the results of the above mentioned tests of the cadets of the control and experimental groups and the comparison of these indicators are described. Physical preparedness determines the level of fitness or organism made in the process, targeted training necessary to constantly monitor. The results of physical fitness level control of the cadet discover the relationship status of their musculoskeletal system, exposure to exercises and correctional results of tests to assess motor abilities of the student.

Keywords: physical preparedness; cadets; pathology of the musculoskeletal system

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-138-143

Для цитирования: Козадаев М.Г. Элементы контроля уровня физической подготовленности кадет // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 138-143. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-138-143.

For citation: Kozadaev M.G. Elementy kontrolya urovnya fizicheskoy podgotovlennosti kadet [Controls of the level of cadets' physical fitness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 138-143. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-138-143. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 796.91+37

РАЗВИТИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ 10–11 КЛАССОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПАУЭРЛИФТИНГОМ

© **Светлана Александровна ЗАГУЗОВА**

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой теории
и методики физической культуры и спортивных дисциплин
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: s.zaguzova@mail.ru

© **Александр Сергеевич КУЗНЕЦОВ**

студент педагогического института
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: r.jkmuf@bk.ru

Одним из наиболее важных и эффективных средств укрепления здоровья и воспитания характера во все времена и у всех народов являются занятия физической культурой и спортом. Пауэрлифтинг – новый вид спорта, который появился за рубежом лишь в конце 40-х – начале 50-х гг. XX столетия, в Россию пришел еще позже, а в настоящее время динамично развивается во всем мире. Популярность пауэрлифтинга объясняется простотой, доступностью этого вида спорта, быстрым ростом результатов и благотворным влиянием на здоровье спортсмена. Занятия пауэрлифтингом способствуют увеличению мышечной силы, укреплению связок и суставов, помогают вырабатывать выносливость, гибкость и другие полезные качества, воспитывают волю, уверенность в своих силах, повышают работоспособность всего организма. Все это вместе взятое делает данный вид спорта одним из ценных и полезных в воспитании молодого поколения. При занятиях пауэрлифтингом со школьниками 10–11 классов развитие силы – это не самоцель, а стремление к достижению их высокой работоспособности, сохранению и укреплению здоровья, так как нередко в повседневной трудовой деятельности в допризывный период и во время службы в армии молодые люди оказываются не способными преодолевать физические нагрузки, связанные с проявлением максимальных силовых напряжений. Занятия пауэрлифтингом можно начинать не ранее чем в 14 лет, когда школьник начинает конкретно специализироваться в пауэрлифтинге, а верхней границы практически не существует. Значительные физические нагрузки можно выполнять начиная с 17–18-летнего возраста. Но, к сожалению, в тренировочном процессе данного вида спорта до сих пор нет хорошего научно-методического обеспечения, существует много нерешенных вопросов, связанных с технологиями и методами обучения.

Ключевые слова: пауэрлифтинг; тренировочный процесс; силовые способности; школьники

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-144-150

Среди многочисленных средств физкультурно-оздоровительной и физкультурно-развивающей деятельности в общеобразовательной школе как на уроках физической культуры, так и в большей степени во внеурочных формах организации дополнительных занятий (внеклассных, внешкольных) у школьников старших классов все большее значение приобретают занятия силовыми видами спорта, в том числе и пауэрлифтингом. Соревнования по этому виду спорта проходят в трех упражнениях – приседание со штангой на спине, жим штанги, лежа на горизонтальной скамье, и становая тяга.

Популярность пауэрлифтинга объясняется простотой, доступностью этого вида спорта, быстрым ростом результатов и благотворным влиянием на здоровье и работоспособность человека [1–3].

Пауэрлифтинг, или силовое троеборье является видом спорта, который способствует развитию всех физических способностей, но в основном силовых. По результатам исследований А.Н. Воробьева, С.Ю. Смолова, Б.И. Шейко и других исследователей, именно эти упражнения вовлекают в работу наибольшее количество мышечных групп человека и тем самым оказывают быстрый эффект в развитии его силовых способностей [1–5].

Достижение высоких спортивных показателей в пауэрлифтинге, как и в любом другом виде спорта, возможно только при условии систематических занятий, направленных на всестороннее физическое развитие, выработку волевых качеств, стремления к постоянному совершенствованию техники выполнения разного рода упражнений и отличную

физическую подготовку. Занятия этим видом спорта преобразуют любого человека. Имея в арсенале почти весь набор упражнений, применяемых культуристами и тяжелоатлетами, занимающиеся пауэрлифтингом гармонично развивают мускулатуру всего тела и улучшают свои силовые способности [1–5].

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что при правильной организации и содержании учебного процесса по физической культуре в общеобразовательной школе, при этом делая акцент на внеурочную форму занятий, а именно дополнительные физкультурные занятия по воспитанию силовых способностей у школьников (юношей) 10–11 классов, занятия пауэрлифтингом окажут существенное влияние на развитие данных способностей. Это и повлияло на выбор темы нашего исследования и разработки экспериментальной методики развития силовых способностей для юношей старших классов.

Целью нашего исследования явилось изучение влияния дополнительных (физкультурных) занятий пауэрлифтингом на развитие силовых способностей юношей 10–11 классов в условиях сельской общеобразовательной школы.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи.

1. Изучить литературные источники о силовых способностях человека и методиках их развития.
2. Изучить анатомо-физиологические особенности организма юношей старших классов.
3. Разработать методику развития силовых способностей юношей 10–11 классов на занятиях пауэрлифтингом.
4. Выявить влияние предложенной методики на развитие силовых способностей юношей старших классов.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие методы.

1. Изучение, анализ и обобщение научно-методической литературы;
2. Педагогические наблюдения;
3. Педагогическое тестирование;
4. Педагогический эксперимент;
5. Математические методы.

Экспериментальное обоснование методики

Юноши старших классов, приходя на занятия пауэрлифтингом, в большинстве своем

имеют цель нарастить мышечную массу, поэтому они пытаются форсировать свою спортивную подготовку в этом виде спорта. Но они не должны тренироваться как опытные спортсмены, занимающиеся в этом виде спорта много лет, они не могут копировать тренировки хорошо подготовленных троеборцев, иначе могут быть травмы, состояние перетренированности, нежелательные изменения в деятельности сердечно-сосудистой и других систем, отсутствие желания продолжать занятия. Основным направлением занятий начинающих пауэрлифтеров должно быть хорошее здоровье, физическое развитие и функциональная подготовленность, гармоничное развитие всех систем организма, создание базы для будущих тренировок и спортивных достижений [1–4].

Нагрузка в этот период, согласно исследованиям Б.И. Шейко (2004, 2013), подбирается 45–60 % от максимальной для каждого спортсмена [1–2].

Годовой тренировочный процесс юных троеборцев делится на 2 этапа: основополагающий (подготовительный) и начального совершенствования. Продолжительность каждого этапа определяется индивидуально для каждого занимающегося в зависимости от поставленных целей. В среднем, длительность их равняется 6 месяцам для каждого [1–3].

За время тренировочного процесса основополагающего этапа юным пауэрлифтерам надо стараться выполнять нагрузку на основные мышечные группы. В результате выполнения данной нагрузки происходит уменьшение жировой прослойки, увеличивается сила при сохранении собственного веса занимающегося. Занятия на данном этапе проводятся 3 раза в неделю, упражнения выполняются в 3–5 сериях по 8–10 раз [1–3].

Упражнения для основополагающего этапа.

1. Подъем гантелей или штанги на бицепс стоя.
2. Жим штанги, стоя с груди или из-за головы.
3. Жим гантелей на наклонной скамье.
4. Вертикальная тяга блока трицепсами.
5. Тяга рукояти блока к груди или за голову.
6. Подъем туловища на умеренно наклонной плоскости.

7. Тяга штанги в наклоне.
 8. Разгибание туловища, лежа на животе.
 9. Приседание со штангой на плечах.
 10. Беговые, прыжковые упражнения, упражнения на растягивание «велосипед».
 11. Тяга штанги («сумо», классическая).
- В основном на основополагающем этапе тренировочного процесса юными пауэрлифтерами используется классическая тяга штанги.

На этапе начального совершенствования в каждой тренировке юных пауэрлифтеров следует развивать умения и навыки одного-двух соревновательных движений, далее прибавляется третье. В этот период необходимо следить за правильной техникой выполнения упражнений занимающихся и не гнаться за большим весом отягощения, что может привести к надрыву мышц и общей перетренированности атлетов. Основные мышечные группы, определяющие результат в жиме лежа и приседаниях, прорабатываются пауэрлифтерами дважды в неделю. Таким образом, за год занятий у них формируется солидная база для дальнейшего совершенствования в этом виде спорта [1–3].

Наилучший недельный режим занятий для начинающих атлетов – понедельник, среда, пятница или вторник, четверг, суббота с одним днем отдыха после каждого тренировочного дня. Такая тренировка обеспечива-

ет гармоничное развитие основных мышечных групп и формирование оптимальной техники соревновательных упражнений [7–8].

В начале занятия атлеты выполняют динамические упражнения для развития подвижности и быстроты движений, в конце – упражнения для развития выносливости и упражнения на растягивание [7–8]. Главное, не стараться форсированно увеличивать тренировочные веса, а стремиться к технически правильному выполнению каждого повторения упражнения. Тренеру на занятиях необходимо осуществлять индивидуальный подход к каждому занимающемуся школьнику в подборе нагрузки в упражнениях силового троеборья, осуществлять страховку при выполнении данных упражнений [7–8].

Примерный тренировочный микроцикл для начинающего пауэрлифтера представлен в табл. 1.

Основные и дополнительные упражнения пауэрлифтера на этапе начальной подготовки

В пауэрлифтинге к соревновательным упражнениям относятся упражнения, входящие в программу соревнований по пауэрлифтингу и применяемые в тренировочном процессе:

- приседание со штангой на спине;
- жим, лежа на горизонтальной скамье;
- тяга становая.

Таблица 1

Примерный тренировочный микроцикл для начинающего пауэрлифтера

Тренировочное упражнение/дни недели	Дозировка (серий/кол-во раз)
Понедельник, пятница	
Подъем штанги на грудь в высокую стойку	3×8
Тяга штанги к подбородку узким хватом стоя	3×8
Приседание со штангой или гирей в руках, опущенных позади тела	6×8
Жим лежа	6×8
Жим из-за головы, сидя	3×8
Разгибание рук трицепсами – со штангой стоя или лежа, или на блоке	3×8
Подъем туловища на наклонной доске	3×(10–15)
Среда	
Подъем штанги на грудь с подседом	3×8
Полные приседания со штангой на плечах	6×8
Тяга становая	6×8
Сведение плеч со штангой в опущенных руках	3×8
Жим гантелей на наклонной скамье	3×8
Разгибание туловища лежа на животе	3×8
Наклоны в стороны с гантелью в опущенной руке	3×10

Специально-подготовительные упражнения в пауэрлифтинге – это упражнения, направленные на изучение и совершенствование как отдельных элементов техники соревновательных упражнений, так и на развитие специальных физических качеств атлета (силы, быстроты, выносливости, гибкости и т. д.):

- подводящие упражнения для приседаний;
- подводящие жимовые упражнения;
- подводящие тяговые упражнения.

Общеподготовительные упражнения в пауэрлифтинге: со штангой, гириями, гантелями, амортизаторами, на тренажерах, акробатические и гимнастические упражнения, а также плавание и спортивные игры, способствующие разностороннему физическому развитию спортсмена [1–3].

Условия выполнения соревновательных упражнений в пауэрлифтинге

1. Упражнения в пауэрлифтинге выполняются с отягощениями как небольших и средних, так максимальных и сверхмаксимальных весов. Это требует от мышечной системы юного атлета, принимающей участие в движениях, проявления различных по величине напряжений, вплоть до максимальных, динамических и статических [1–3].

2. В процессе выполнения упражнения с отягощением наблюдается чередование усилий: относительно спокойных, уступающих и статических. Происходит непрерывная смена и чередование динамического и статического режимов работы как всего тела, так и отдельных его звеньев [1–3].

3. При разучивании техники упражнений в пауэрлифтинге атлета и штангу следует рассматривать как единую замкнутую механическую систему, имеющую общую опору, где основным действующим лицом системы является спортсмен [1–3].

Апробация разработанной методики проходила во время педагогического эксперимента, который был проведен на базе СОШ п. Комсомолец Тамбовского района. Педагогический эксперимент заключался в проведении дополнительных занятий по пауэрлифтингу с группой юношей 15–16 лет (всего 6 человек) в условиях средней общеобразовательной школы. Основной целью

проведения педагогического эксперимента являлось изучение влияния занятий пауэрлифтингом на развитие силовых способностей юношей 15–16 лет.

Тренировочные занятия проводились три раза в неделю (понедельник, среда, пятница) по 60 минут по предложенной нами методике, включающей изучение технического выполнения соревновательных упражнений в пауэрлифтинге и их совершенствование: приседание со штангой на спине, жим лежа на горизонтальной скамье, тяга становая; применение специально-подготовительных, подводящих и общеразвивающих упражнений для данных соревновательных упражнений.

В процессе дополнительных занятий применялся индивидуальный подход ко всем занимающимся. Также на занятиях мы знакомили юношей с тренировочным процессом в пауэрлифтинге, правилами соревнований в данном виде спорта и особенностями питания. Кроме того, на данном этапе была проведена сравнительная характеристика полученных показателей соревновательных упражнений в пауэрлифтинге и показателей развития силовых способностей школьников (юношей) 15–16 лет в конце эксперимента с результатами, показанными данными учащимися в начале эксперимента.

Результаты тестирования юношей представлены в табл. 2, 3.

Из табл. 2 мы видим, что среднегрупповые показатели упражнений силового троеборья у школьников (юношей) в начале исследования низкие (согласно авторской программе тренировок по пауэрлифтингу для новичков И. Тимко): приседание со штангой на спине (кг) – 345 кг; жим, лежа на горизонтальной скамье (кг) – 285 кг; тяга становая (кг) – 400 кг. Согласно другим авторским программам по бодибилдингу, данные показатели также являются низкими. Надеемся, что в результате систематических занятий силовым троеборьем (пауэрлифтингом) показатели указанных выше упражнений значительно повысятся.

В табл. 3 представлены показатели силовых способностей юношей старших классов экспериментальной группы в начале эксперимента.

Таблица 2

Показатели упражнений силового троеборья юношей старших классов
экспериментальной группы ($n = 6$) в начале эксперимента

Фамилия испытуемого	Упражнения силового троеборья		
	Приседание со штангой на спине, кг	Жим, лежа на горизонтальной скамье, кг	Тяга становая, кг
А-в	55	45	65
Г-н	50	40	60
Д-в	65	55	75
И-в	50	45	60
К-н	60	50	70
П-о	65	50	70
Среднегрупповые показатели	345	285	400

Таблица 3

Показатели силовых способностей юношей старших классов
экспериментальной группы ($n = 6$) в начале эксперимента

Фамилия испытуемого	Показатели силовых способностей				
	Подтягивание на перекладине, кол-во раз	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	«Пистолет», кол-во раз	Прыжок в длину с места, см	Сгибание туловища за 30 с., кол-во раз
А-в	7	15	11	182	17
Г-н	6	14	9	193	15
Д-в	9	17	18	205	18
И-в	5	13	9	176	15
К-н	8	15	14	203	18
П-о	7	15	14	200	18
Среднегрупповые показатели	7	14,8	12,5	193,2	16,8

Из табл. 3 мы видим, что показатели силовых способностей школьников (юношей) 10–11 классов, пришедших на занятия силовым троеборьем (пауэрлифтингом), в начале эксперимента, также как и показатели силового троеборья, очень низкие [7]. Особенно низкие показатели учащихся в тестах подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, сгибание туловища. Среднегрупповые показатели в тестах составили: подтягивание на перекладине – 7 раз, сгибание и разгибание рук в упоре лежа – 14,8 раз, «пистолет» – 12,5 раз, прыжок в длину с места – 193,2 см, сгибание туловища за 30 секунд – 16,8 раз. Данные показатели силовых способностей юношей старших классов в полной мере подтверждают необходимость дополнительных занятий с ними упражнениями на развитие силы различных мышц, и конечно мы надеемся, что занятия пауэрлифтингом будут способствовать этому.

После проведения педагогического эксперимента (в течение 8 месяцев) со школьниками (юношами) 10–11 классов по предложенной нами методике нами было проведено контрольное тестирование исследуемых показателей.

Прирост среднегрупповых показателей силового троеборья юношей старших классов за период эксперимента представлен в табл. 4.

Из табл. 4 мы видим, что за период эксперимента показатели упражнений силового троеборья юношей старших классов значительно улучшились: в упражнении «Приседание со штангой на спине» среднегрупповой показатель составил – 515 кг, прирост 33,6 %; «Жим, лежа на горизонтальной скамье» – 400 кг, прирост составил 28,7 %; «Тяга становая» – 635 кг, прирост составил 37 %.

Таблица 4

Прирост среднегрупповых показателей силового троеборья
юношей старших классов за период эксперимента

Упражнения силового троеборья	До эксперимента	После эксперимента	Прирост, %
Приседание со штангой на спине, кг	345	515	33,6
Жим лежа на горизонтальной скамье, кг	285	400	28,7
Тяга станочная, кг	400	635	37

Таблица 5

Прирост среднегрупповых показателей силовых способностей
юношей старших классов за период эксперимента

Показатели силовых способностей	До эксперимента	После эксперимента	Прирост, %
Подтягивание на перекладине, кол-во раз	7	18,5	62,2
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	14,8	38,3	61,4
«Пистолет», кол-во раз	12,5	21,5	41,9
Прыжок в длину с места, см	193,2	216,8	10,9
Сгибание туловища за 30 секунд, кол-во раз	16,8	38,7	56,6

Прирост среднегрупповых показателей силовых способностей юношей старших классов за период эксперимента представлен в табл. 5.

Из табл. 5 мы видим, что показатели силовых способностей школьников 10–11 классов, пришедших на занятия пауэрлифтингом, в конце эксперимента значительно улучшились. Особенно показатели в тестах: подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, сгибание туловища и др. Среднегрупповые показатели в тестах в конце эксперимента составили: подтягивание на перекладине – 18,5 раз, сгибание и разгибание рук в упоре лежа – 38,3 раз, «пистолет» – 21,5 раз, прыжок в длину с места – 216,8 см, сгибание туловища за 30 секунд – 38,7 раз.

Таким образом, можно сделать вывод, что дополнительные физкультурные занятия пауэрлифтингом с юношами старших классов не только улучшили их результаты в силовом троеборье, но и значительно повысили показатели силовых способностей. Так, прирост данных показателей в тестах составил: подтягивание на перекладине – 62,2 %, сгибание и разгибание рук, в упоре лежа – 61,4 %, в тесте «пистолет» – 41,9 %, в прыжках в длину с места – 10,9 %, сгибание туловища за 30 секунд – 56,6 %.

Список литературы

1. Шейко Б.И., Горулев П.С., Румянцева Э.Р., Цедов Р.А. Пауэрлифтинг. От новичка до мастера. М.: Медиа групп «Активформула», 2013. 560 с.
2. Шейко Б.И. Пауэрлифтинг: настольная книга тренера. М.: Изд. центр «Спорт сервис», 2004. 540 с.
3. Карачакова А.К. Влияние занятий пауэрлифтингом на развитие силовых способностей школьников старших классов. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5246531/> (дата обращения: 10.09.2016).
4. Бартош О.В. Сила и основы методики ее воспитания. Методические рекомендации. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2009. 47 с.
5. Воробьев А.Н., Сорокин Ю.К. Анатомия силы. М.: ФиС, 1987. 80 с.
6. Лях В.И. Комплексная программа физического воспитания учащихся 1–11 классов. М.: Просвещение, 2003. 296 с.
7. Курашин Ю.Ф. Теория и методика физической культуры. М.: Сов. спорт, 2003. 464 с.
8. Минаев Б.Н., Шиян Б.М. Основы методики физического воспитания школьников. М.: Просвещение, 1989. 222 с.

References

1. Sheyko B.I., Gorulev P.S., Rumyantseva E.R., Tsedov R.A. *Pauerlifting. Ot novichka do mastera* [Powerlifting. From the Fresher to the Mas-

- ter]. Moscow, Media group "Aktiformula", 2013, 560 p. (In Russian).
2. Sheyko B.I. *Powerlifting: nastol'naya kniga trenera* [Powerlifting: Trainer's Handbook]. Moscow, Publ. Centre "Sport servis", 2004, 540 p. (In Russian).
3. Karachakova A.K. *Vliyanie zanyatiy pauerliftingom na razvitie silovykh sposobnostey shkol'nikov starshikh klassov* [The influence of weightlifting on the development of strength abilities of students of the senior classes.]. (In Russian). Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/5246531/> (accessed 10.09.2016).
4. Bartosh O.V. *Sila i osnovy metodiki ee vospitaniya* [Power and the Fundamentals of its Upbringing]. Vladivostok, Maritime State University Publ., 2009, 47 p. (In Russian).
5. Vorobev A.N., Sorokin Y.K. *Anatomiya sily* [Anatomy of the Power]. Moscow, Physic Culture and Sport Publ., 1987, 80 p. (In Russian).
6. Lyakh V.I. *Kompleksnaya programma fizicheskogo vospitaniya uchashchikhsya I–XI klassov* [Complex Program of Physical Education for pupils of I–XI Forms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2003, 296 p. (In Russian).
7. Kuramshin Y.F. *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Methods of Physical Culture]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
8. Minaev B.N., Shiyan B.M. *Osnovy metodiki fizicheskogo vospitaniya shkol'nikov* [Basic Methods of Physical Education for Pupils]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 222 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.10.2016 г.
Отрецензирована 22.11.2016 г.
Принята в печать 30 August 2017

Received 12 October 2016
Reviewed 22 November 2016
Accepted for press 30 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 796.91+37

THE DEVELOPMENT OF POWER CAPABILITY OF SCHOOLCHILDREN IN 10–11 FORM DURING POWER-LIFTING PRACTICE

Svetlana Aleksandrovna ZAGUZOVA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Methods of Physical Culture and Sport Disciplines Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: s.zaguzova@mail.ru
Aleksandr Sergeevich KUZNETSOV
Student on Pedagogical Institute
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: r.jkmuf@bk.ru

One of the most important and effective means of strengthening of health and character building at all times and of all people are physical culture and sport. The powerlifting – new sport which appeared abroad only in the late 40s – the beginning of the 50s of the XX century has come to Russia later, and is now dynamically developing around the world. Popularity of powerlifting is explained by simplicity, availability of this sport, rapid growth of results and beneficial influence on health of the athlete. Powerlifting promotes increase of muscle force, strengthening of sheaves and joints, helps to develop endurance, flexibility and other useful qualities, cultivate will, confidence in the forces, increase operability of all organism. All these things combined do this sport one of valuable and useful in education of the younger generation. At powerlifting with school students of 10–11 forms development of force is not end in itself, but aspiration to achieve their high performance preservation and promotion of health as frequently in daily work during the preservice period, and during military service, young people are not capable to overcome the exercise stresses connected with manifestation of the maximum power tension. Powerlifting can be started not earlier than in 14 years when the school student begins to specialize specifically in powerlifting, and the upper bound practically does not exist. Considerable exercise stresses can be carried out from the age of 17–18. But, unfortunately, in training process there is still no good scientific and methodical providing, there are many unresolved questions connected with technologies and methods of training.

Keywords: powerlifting; training process; power abilities; school students

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-144-150

Для цитирования: Загузова С.А., Кузнецов А.С. Развитие силовых способностей школьников 10–11 классов на занятиях пауэрлифтингом // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 144–150. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-144-150.

For citation: Zaguzova S.A., Kuznetsov A.S. Razvitie silovykh sposobnostey shkol'nikov 10–11 klassov na zanyatiyakh pauerliftingom [The development of power capability of schoolchildren in 10–11 form during powerlifting practice]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 144–150. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-144-150. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 376.4

РАЗВИТИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ 9–11 ЛЕТ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

© Вера Борисовна БОЛДЫРЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории
и методики физической культуры и спортивных дисциплин
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ver.bor.bold@mail.ru

© Александр Юрьевич КЕЙНО

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории
и методики физической культуры и спортивных дисциплин,
зам. директора педагогического института
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: keino@tsu.tmb.ru

© Павел Михайлович ГРИЦКОВ

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории
и методики физической культуры и спортивных дисциплин
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: gritskov1@yandex.ru

В настоящее время в эпоху автоматизации значительно снизилась двигательная активность людей. В условиях постоянно ухудшающейся экологии это приводит к значительному ухудшению физического развития и различным заболеваниям. Особенно сильно это сказывается на детях-инвалидах. По статистике Минздрава, в нашей стране сейчас рождается до 70 % детей с отклонениями в состоянии здоровья. Поэтому особого внимания заслуживает физическое воспитание детей младшего школьного возраста, когда закладывается двигательная база, формируется мотивация к занятиям физической культурой и спортом. Младший школьный возраст является тем периодом, в котором будущий член общества обучается основным двигательным умениям и навыкам, в формировании которых значительную роль играют координационные способности. Развитие координационных способностей в младшем школьном возрасте является важной частью процесса физического воспитания в школе. Развивая координационные способности у детей разных нозологических групп, мы формируем «школу движений», которая в дальнейшем поможет с наименьшими усилиями разучивать сложные двигательные действия и осваивать новые умения и навыки. Хорошо развитые координационные способности являются благоприятной почвой для развития остальных физических качеств (силы, быстроты, выносливости и т. д.). Важным фактором является правильно построенный учебный процесс по физическому воспитанию для детей младшего школьного возраста с умственными или физическими отклонениями, ограничениями. Учителям по физическому воспитанию необходимо учитывать методические рекомендации по полу, возрасту, степени тяжести заболевания, особенностям психической и эмоционально-волевой сферы детей. Формирование потребности в двигательной активности, систематических занятиях физическим воспитанием (упражнениями) и осуществлении здорового образа жизни является одной из основных задач адаптивного физического воспитания. В процессе физического воспитания у детей младшего школьного возраста разных нозологических групп первостепенное внимание уделяется задачам коррекции основного дефекта, сопутствующих заболеваний и вторичных отклонений, выработке компенсаторных механизмов осуществления жизнедеятельности. Указанные выше положения стали реальными предпосылками, на которых была в дальнейшем теоретически и экспериментально разработана методика развития координационных способностей умственно отсталых детей младшего школьного возраста средствами физического воспитания. Различные физические упражнения, включенные в экспериментальную методику, варьирование методов, методических приемов, условий организации занятий направлено на коррекцию умственно отсталого ребенка, его потенциальных возможностей. Целесообразный подбор физических упражнений позволяет избирательно решать как общие, так и специфические задачи. Такие естественные виды упражнений, как ходьба, бег, прыжки, метания, упражнения с мячом и другие способствуют развитию двигательных качеств и профилактике вторичных нарушений, коррекции сенсорных и психических нарушений.

Ключевые слова: координационные способности; умственно отсталые дети; психические нарушения; физическое воспитание; упражнения; тестовые задания; двигательные возможности

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-151-159

Из всех функциональных отклонений в состоянии здоровья человека по социальным последствиям умственная отсталость является наиболее распространенным и тяжелым дефектом развития. В мире насчитывается более 300 млн человек с интеллектуальной недостаточностью, доля которых в экономически развитых странах, по данным Всемирной организации здравоохранения, составляет 1–3 % [1].

Немаловажное значение для социализации личности умственно отсталых детей имеет организация физического воспитания в педагогическом процессе специальных (коррекционных) школ, в ходе которого преимущественно осуществляется коррекция нарушений двигательной сферы, повышение физической подготовленности, уровня здоровья и функциональных возможностей детей с данной патологией. Для работы с ними целесообразно разрабатывать индивидуальные специальные методики физического воспитания, направленные на развитие координационных способностей [2].

В целях эффективного решения задач коррекции развития двигательной сферы школьников с умственной отсталостью представляется значимым исследование влияния различных подходов в системе физического воспитания учащихся специальных (коррекционных) школ. Исследования А.А. Дмитриева (1986) и других авторов рекомендуют использовать в программах по физическому воспитанию элементы различных видов спорта, подвижные и спортивные игры, специальные упражнения на точность, координацию движений. В целях оптимального физического развития и развития двигательных способностей учащихся специальных (коррекционных) школ предлагают систематическое применение индивидуально дозированных физических нагрузок [3].

В настоящее время для умственно отсталых детей разработаны программы по различным видам спорта: легкоатлетическому многоборью, лыжной подготовке, фигурному катанию, волейболу, баскетболу, вместе с тем практически не разрабатывался вопрос обоснования методики развития координационных способностей умственно отсталых детей средствами физического воспитания в условиях специальной (коррекционной) школы. В связи с этим нами было проведено

исследование развития координационных способностей умственно отсталых детей 9–11 лет средствами физического воспитания Горельской и Стаевской специальных (коррекционных) школ.

Исследование проводилось с детьми младшего школьного возраста с умственной отсталостью. Данные же статистики свидетельствуют о том, что около 2 % детей имеют статус инвалидов, то есть это категория детей с особыми образовательными потребностями. В связи с этим данному контингенту детей необходим особый подход к обучению в целом и физическому воспитанию в частности. Для работы с ними целесообразно разрабатывать индивидуальные, конкретные специальные программы по физическому воспитанию.

Дети с умственной отсталостью в большинстве своем очень раскоординированы и плохо физически развиты. Координация движений непосредственно связана с центральной нервной системой (ЦНС). ЦНС представляет собой высший уровень организации, которая осуществляет управление движениями. Таким образом, по методу обратной связи развитием координационных способностей можно оказывать воздействие на процессы ЦНС. Формируя координационные способности у детей с умственной отсталостью, можно в той или иной мере способствовать устранению отклонений в двигательной системе ребенка, а также воспитанию личностных качеств.

Для характеристики координационных возможностей человека при выполнении какой-либо двигательной деятельности в отечественной теории и методике физической культуры долгое время применялся термин «ловкость». Начиная с середины 1970-х гг. для их обозначения все чаще используют термин «координационные способности». Эти понятия близки по смыслу, но не тождественны по содержанию.

По мнению Н.А. Бернштейна, главной трудностью управления двигательного аппарата является преодоление избыточных степеней свободы. Например, только руки и ноги имеют по 30 степеней свободы. Поэтому основная задача, которую должен решить человек при координации движений, – исключение избыточных степеней свободы [4].

К основным трудностям при управлении двигательным аппаратом относят:

- необходимость распределения внимания между движениями во многих суставах и звеньях тела и необходимость стройно согласовывать все их между собой;
- преодоление большого количества степеней свободы, которые присущи человеческому телу;
- упругую податливость мышц.

В последнее время трудности построения целостного двигательного действия вызывают также со сменой двигательных программ, когда начало одной накладывается на окончание другой. Двигательные программы формируются под влиянием накопленного опыта, следов прошлых действий и «потребностей будущего – прогнозируемого результата. Программа двигательного действия – это механизм «объединения» прошлого, настоящего и будущего, механизм согласования движения с его смысловым содержанием. Одновременные и последовательные взаимодействия двигательных программ объединены переходными процессами. Между ними имеются переходные состояния, когда в центральных структурах управления движениями существуют не одна, а две или несколько альтернативных программ. Переходные механизмы являются ключевым механизмом становления биомеханической структуры движений [5].

Анализ развития и формирования координационных способностей у детей различных нозологических групп показал, что в наибольшей степени они утрачены или не сформированы у умственно отсталых детей. И простые, и сложные движения вызывают у данной категории детей затруднения. Любое двигательное действие требует согласованного, последовательного и одновременного сочетания движений звеньев тела в пространстве и времени, определенного усилия, траектории, амплитуды, ритма и других характеристик движения. Однако управлять всеми характеристиками одновременно умственно отсталый ребенок не способен [6].

Обеспечивая развитие двигательного аппарата, укрепляя здоровье, повышая работоспособность организма ребенка с умственными или физическими ограничениями, физическая культура способствует сглаживанию и преодолению множества отклонений.

Совершенствование физической активности ребенка-адаптанта, обучение моторным навыкам и повышение уровня его тренированности – не самоцель, а только одно из составляющих искомого результата, включающего надежды, отношение и деятельность, а также получение положительных эмоций в процессе обучения и тренировок.

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется отметить: несмотря на то, что умственная отсталость – явление необратимое, это не значит, что она не поддается коррекции. Постепенность и доступность дидактического материала при занятиях физическими упражнениями создают предпосылки для овладения детьми разнообразными двигательными умениями, игровыми действиями, для развития физических качеств и способностей, необходимых в жизнедеятельности ребенка [7; 8].

Для оценки координационных способностей умственно отсталых детей в 9–11 лет применялись двигательные тесты, определяющие абсолютные и относительные показатели координации, относящиеся к разным группам двигательных действий.

На начало эксперимента достоверных различий в показателях координационных способностей между умственно отсталыми детьми 9–11 лет экспериментальной и контрольной групп не наблюдалось.

Сравнив результаты начального и конечного тестирования экспериментальной группы с результатами начального и конечного тестирования контрольной группы, мы смогли определить: 1) эффективность разработанного комплекса специальных упражнений по развитию и коррекции координационных способностей у умственно отсталых детей; 2) положительную динамику в развитии координационных способностей воспитанников Горельской и Стаевской специальных (коррекционных) школ; 3) результаты экспериментальной или контрольной групп.

На рис. 1 и 2 представлены результаты начального и конечного тестирования мальчиков 9 лет (в конце эксперимента – 11 лет) экспериментальной и контрольной групп.

Анализ результатов теста «Метание мяча на дальность» показал: при исходном тестировании результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 43,91 % ($p < 0,05$). Однако по итогам конечного тес-

тирования результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 76,92 % ($p < 0,05$).

По итогам исходного тестирования в тесте «Ласточка» результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 52,78 % ($p < 0,05$). Результат экспериментальной группы в конце исследования стал

лучше контрольной группы на 23,5 % ($p < 0,05$).

В начале педагогического эксперимента в тесте «Линейка» результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 206,69 % ($p > 0,05$), а по результатам заключительного тестирования стал лучше на 44,44 % ($p < 0,05$).

Рис. 1. Развитие координационных способностей мальчиков 9 лет контрольной и экспериментальной групп

Рис. 2. Развитие координационных способностей мальчиков 9 лет контрольной и экспериментальной групп

Анализ результатов теста «Челночный бег» показал: по результатам исходного тестирования экспериментальная группа выполнила задание лучше контрольной группы на 13,83 % ($p < 0,05$), по окончании эксперимента разница в результатах увеличилась до 51,31 % ($p < 0,05$).

С тестом «Метание мяча на точность» при исходном тестировании экспериментальная группа справилась лучше контрольной группы на 33,33 % ($p < 0,05$). По данным последнего тестирования результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы уже на 77,77 % ($p < 0,05$).

Тест «Катание мяча рукой» при исходном тестировании экспериментальной группы показал результат лучше контрольной группы на 72,41 % ($p > 0,05$). По окончании педагогического эксперимента результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 127 % ($p > 0,05$).

Результат экспериментальной группы в тесте «Катание мяча ногой» в начале исследования был хуже контрольной группы на 112,12 % ($p < 0,05$). По окончании эксперимента результат экспериментальной группы был также хуже контрольной группы, но уже на 27,11 % ($p < 0,05$).

Соотношение достоверных ($p < 0,05$) результатов тестирования к недостоверным ($p > 0,05$) – 75 % ($p < 0,05$) : 25 % ($p > 0,05$).

На рис. 3 и 4 представлены результаты начального и конечного тестирования девочек 9 лет (в конце эксперимента – 11 лет) экспериментальной и контрольной групп.

Анализ результатов теста «Метание мяча на дальность» показал: при исходном тестировании результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 51,79 % ($p < 0,05$). Результат экспериментальной группы по окончании педагогического исследования стал лучше контрольной группы на 20,27 % ($p < 0,05$).

По данным исходного прохождения теста «Ласточка» результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 722,92 % ($p > 0,05$). Однако по окончании эксперимента результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 23,08 % ($p < 0,05$).

С тестом «Линейка» при исходном тестировании экспериментальная группа справилась хуже контрольной группы на 152,23 % ($p > 0,05$). В конце исследования результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 21,73 % ($p < 0,05$).

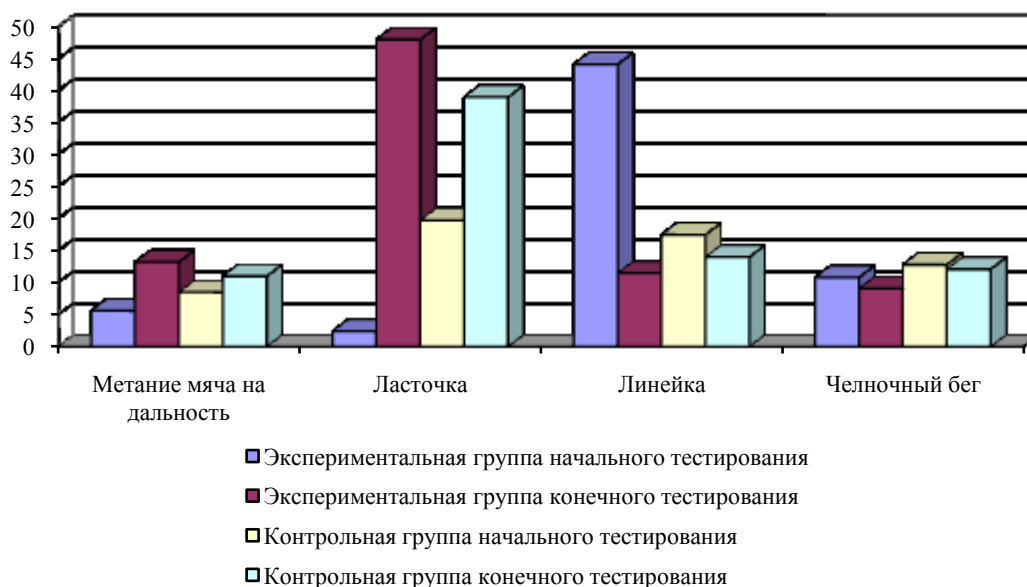

Рис. 3. Развитие координационных способностей девочек 9 лет контрольной и экспериментальной групп

Рис. 4. Развитие координационных способностей девочек 9 лет контрольной и экспериментальной групп

Исходные результаты экспериментальной группы в тесте «Челночный бег» были лучше контрольной группы на 18,52 % ($p < 0,05$), а по итогам тестирования в конце эксперимента экспериментальная группа была лучше контрольной группы уже на 32,97 % ($p < 0,05$).

Результат экспериментальной группы при исходном тестировании в тесте «Метание мяча на точность» был хуже контрольной группы на 41,67 % ($p < 0,05$). В конце эксперимента результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 67,69 % ($p > 0,05$).

Анализ результатов теста «Катание мяча рукой» показал, что при исходном тестировании результат экспериментальной группы был хуже контрольной группы на 60,34 % ($p > 0,05$). Однако итоговые результаты экспериментальной группы были лучше контрольной группы на 566,67 % ($p > 0,05$).

Результаты исходного тестирования в тесте «Катание мяча ногой» показали, что экспериментальная группа справилась с заданием хуже контрольной группы на 33,33 % ($p < 0,05$). Но по окончании педагогического исследования результат экспериментальной группы стал лучше контрольной группы на 72,5 % ($p < 0,05$).

Соотношение достоверных ($p < 0,05$) результатов тестирования к недостоверным ($p > 0,05$) – 60 % ($p < 0,05$) : 40 % ($p > 0,05$).

Для того чтобы выявить динамику развития (в течение трех лет) координационных способностей испытуемых контрольной и экспериментальной групп, необходимо сопоставить данные межгодовых динамик развития координационных способностей контрольной и экспериментальной групп. Полученные результаты представлены в табл. 1, 2.

В табл. 1 приведена динамика развития координационных способностей мальчиков экспериментальной и контрольной групп. Так, в четырех тестах из семи «Метание мяча на дальность», «Ласточка», «Линейка» и «Челночный бег» результаты первой межгодовой динамики экспериментальной группы лучше контрольной группы и в дальнейшем данная тенденция сохраняется. В тестах «Метание мяча на точность», «Катание мяча рукой», «Катание мяча ногой» первая межгодовая динамика экспериментальной группы хуже контрольной группы, однако вторая межгодовая динамика экспериментальной группы значительно лучше контрольной группы.

В табл. 2 приведена динамика развития координационных способностей девочек экспериментальной и контрольной групп. Так, во-первых, в четырех из семи тестах «Метание мяча на дальность», «Метание мяча на точность», «Ласточка» и «Линейка» результаты первой межгодовой динамики экспериментальной группы лучше контрольной группы и в дальнейшем данная тенден-

Таблица 1

Динамика развития координационных способностей
мальчиков 9 лет экспериментальной и контрольной групп

Название теста	Первая межгодовая динамика, %		Разница, %	Вторая межгодовая динамика, %		Разница, %
	ЭГ	КГ		ЭГ	КГ	
Метание мяча на дальность	34,56	-2,08	36,64	116,37	8,33	108,04
Ласточка	83,31	44,30	39,01	86,66	-17,02	103,68
Линейка	-2,32	-38,0	35,68	173,00	-3,85	176,85
Челночный бег	16,44	-3,58	20,02	2,99	-7,98	10,97
Метание мяча на точность	35,77	80,72	-44,95	43,71	-10,00	53,71
Катание мяча рукой	8,13	20,00	-11,87	70,68	-33,33	104,01
Катание мяча ногой	0,00	47,27	-47,27	53,25	-7,41	60,66

Таблица 2

Динамика развития координационных способностей
девочек 9 лет экспериментальной и контрольной групп

Название теста	Первая межгодовая динамика, %		Разница, %	Вторая межгодовая динамика, %		Разница, %
	ЭГ	КГ		ЭГ	КГ	
Метание мяча на дальность	53,42	0,00	53,42	31,25	4,76	26,49
Ласточка	546,67	-7,58	554,25	23,17	-14,75	37,92
Линейка	114,95	89,66	25,29	41,91	-48,22	90,13
Челночный бег	8,67	33,03	-24,36	3,96	-28,68	32,64
Метание мяча на точность	343,75	46,67	297,08	53,52	-8,77	62,29
Катание мяча рукой	57,63	108,0	-50,37	12,9	-85,58	98,48
Катание мяча ногой	5,13	103,33	-98,20	125,61	-45,36	170,97

ция сохраняется. Во-вторых, в тестах «Челночный бег», «Катание мяча рукой», «Катание мяча ногой» первая межгодовая динамика экспериментальной группы хуже контрольной группы, однако, вторая межгодовая динамика экспериментальной группы лучше контрольной группы.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. В современной адаптивной физической культуре и, в частности, в физическом воспитании умственно отсталых детей в настоящее время наиболее часто используется методика тестирования развития координационных способностей, предложенная В.И. Ляхом (2001). Данная методика тестирования физических качеств в целом достоверно отражает их развитие и динамику. Для умственно отсталых детей целесообразно использовать не все тесты, предложенные В.И. Ляхом, так как некоторые тесты не могут быть выполнены ими и особенно детьми с тяжелой и глубокой формами умственной отсталости). Анализ тестов, которые использовались в программе «Адаптивное образова-

ние детей-инвалидов», показал их высокую информационную значимость.

2. Анализ результатов экспериментальной программы позволил нам выявить динамику развития координационных способностей у умственно отсталых детей контрольной и экспериментальной групп. У мальчиков экспериментальной группы в четырех тестах из семи «Метание мяча на дальность», «Ласточка», «Линейка» и «Челночный бег» результаты первой межгодовой динамики лучше контрольной группы и в дальнейшем данная тенденция сохраняется. В остальных тестах первая межгодовая динамика экспериментальной группы хуже контрольной группы, однако, вторая межгодовая динамика экспериментальной группы значительно лучше контрольной группы. У девочек экспериментальной группы в четырех тестах из семи «Метание мяча на дальность», «Ласточка», «Линейка» и «Метание мяча на точность» результаты первой межгодовой динамики лучше контрольной группы и в дальнейшем данная тенденция сохраняется. В остальных тестах первая межгодовая дина-

мика экспериментальной группы хуже контрольной группы, однако, результаты второй межгодовой динамики экспериментальной группы лучше контрольной группы.

3. Обобщая все вышесказанное, можно сделать общий вывод о том, что целенаправленное педагогическое воздействие по формированию координационных способностей у умственно отсталых детей младшего школьного возраста оказывает существенное влияние на их развитие и коррекцию. С одной стороны, данное педагогическое воздействие играет важную роль в формировании и коррекции координационных способностей; с другой – увеличивается уровень социализации умственно отсталых детей, что в целом подтверждает теорию А.А. Дмитриева, Л.М. Шипицыной и В.Б. Болдыревой о социализирующей роли физического воспитания детей различных нозологических групп.

Список литературы

1. Болдырева В.Б. Исследование влияния средств баскетбола на двигательные способности умственно отсталых детей 13–14 лет // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2008. № 6. С. 45–48.
2. Болдырева В.Б. Развитие координационных способностей у детей с умственной отсталостью на занятиях баскетболом // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 2 (70). С. 267–271.
3. Дмитриев А.А. Развитие и коррекция двигательной сферы детей с интеллектуальными нарушениями. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 320 с.
4. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М.: ФиС, 1991. 288 с.
5. Курамшин Ю.Ф. Теория и методика физической культуры. М.: Сов. спорт, 2004. 457 с.
6. Шапкова Л.В. Частные методики адаптивной физической культуры. М.: Сов. спорт, 2004. 464 с.
7. Шипицына Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. М.: Речь СиБ, 2005. 474 с.
8. Черник Е.С. Физическая культура во вспомогательной школе. М.: Учеб. лит., 1997. 320 с.
9. Лях В.И. Тесты в физическом воспитании школьников. М.: Изд-во АСТ, 1998. 272 с.

References

1. Boldyreva V.B. Issledovanie vliyaniya sredstv basketbola na dvigatel'nye sposobnostey umstvenno otstalykh detey 13–14 let [The study

of the influence of basketball resources on moving abilities of mentally disabled children of 13–14 years old]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical Education: Education, Training*, 2008, no. 6, pp. 45–48. (In Russian).

2. Boldyreva V.B. Razvitie koordinatsionnykh sposobnostey u detey s umstvennoy otstalost'yu na zanyatiyakh basketbolom [The development of coordination abilities at children with mental disability during basketball practicing]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 2 (70), pp. 267–271. (In Russian).
3. Dmitriev A.A. Razvitie i korrektsiya dvigatel'noy sfery detey s intellektual'nymi narusheniyami [The Development and Correction of Motive Sphere of Children with Intellectual Abnormalities]. Krasnoyarsk, Editorial and Publishing Unit of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astavief, 2002, 320 p. (In Russian).
4. Bernshteyn N.A. O lovkosti i ee razvitiy [About Dexterity and its Development]. Moscow, Physic Culture and Sport Publ., 1991, 288 p. (In Russian).
5. Kuramshin Yu.F. Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury [Theory and Methods of Physical Culture]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2004. 457 p. (In Russian).
6. Shapkova L.V. Chastnye metodiki adaptivnoy fizicheskoy kul'tury [Private Methods of Adaptive Physical Culture]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2004, 464 p. (In Russian).
7. Shipitsyna L.M. «Neobuchaemyy» rebenok v sem'e i obshchestve [“Un-teachable Child in the Family and Society”]. Moscow, Rech SiB Publ., 2005, 474 p. (In Russian).
8. Chernik E.S. Fizicheskaya kul'tura vo vspomogatel'noy shkole [Physical Culture in Special Needs School]. Moscow, Uchebnaya literatura Publ., 1997, 320 p. (In Russian).
9. Lyakh V.I. Testy v fizicheskom vospitanii shkol'nikov [Tests in Physical Education of Schoolchildren]. Moscow, AST Publ., 1998, 272 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.12.2016 г.

Отрецензирована 30.01.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 20 December 2016

Reviewed 30 January 2017

Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interests.

UDC 376.4

THE DEVELOPMENT OF COORDINATION ABILITIES OF MENTALLY RETARDED CHILDREN 9–11 YEARS OLD BY MEANS OF PHYSICAL EDUCATION

Vera Borisovna BOLDYREVA

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Methods of Physical Culture and Sport Disciplines Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: ver.bor.bold@mail.ru

Aleksander Yurevich KEYNO

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Methods of Physical Culture and Sport Disciplines Department, Deputy Head of Pedagogical Institute

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: keino@tsu.tmb.ru

Pavel Mikhaylovich GRITSKOV

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Methods of Physical Culture and Sport Disciplines Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: gritskov1@yandex.ru

At the present time, in the era of automation, people's motor activity has significantly decreased. In a constantly deteriorating environment, this leads to a significant deterioration in physical development and various diseases. This especially affects children with disabilities. According to the statistics of the Ministry of Health, in our country now up to 70% of children with disabilities in the state of health are born. Therefore, special attention deserves the physical education of children of primary school age, when the motor base is laid, the motivation for practicing physical culture and sports is formed. Junior school age is the period in which the future member of society learns basic motor skills and skills, in the formation of which a significant role is played by coordination abilities. The development of coordination abilities in junior school age is an important part of the process of physical education in school. Developing the coordination abilities of children of different nosological groups, we form a "school of movements", which in the future will help with less effort to learn complex motor actions and learn new skills. Well-developed coordination capabilities are a fertile ground for the development of other physical qualities (strength, speed, endurance, etc.). An important factor is a properly constructed educational process for physical education for children of younger school age with mental or physical disabilities, restrictions. Teachers for physical education should take into account the methodical recommendations on sex, age, severity of the disease, the peculiarities of the psychic and emotional-volitional sphere of children. Formation of the need for motor activity, systematic training by physical education (exercises) and the implementation of a healthy lifestyle is one of the main tasks of adaptive physical education. In the process of physical education in primary school children of different nosological groups, primary attention is paid to the problems of correction of the primary defect, concomitant diseases and secondary deviations, the development of compensatory mechanisms for the realization of vital activity. The above provisions became real prerequisites, in which the method of developing the coordination abilities of mentally retarded children of primary school age by means of physical education was subsequently developed theoretically and experimentally. Various physical exercises included in the experimental method, variation of methods, methodological methods, and conditions for organizing classes are aimed at correcting the mentally retarded child and his potential opportunities. The appropriate selection of physical exercises allows you to selectively address both general and specific problems. Such natural kinds of exercises such as walking, running, jumping, throwing, ball exercises and others contribute to the development of motor qualities and the prevention of secondary disorders, correction of sensory and mental disorders.

Keywords: coordination ability; mentally retarded children; mental disorders; physical education; exercises; tests; possibility of movement

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-151-159

Для цитирования: Болдырева В.Б., Кейно А.Ю., Грицков П.М. Развитие координационных способностей умственно отсталых детей 9–11 лет средствами физического воспитания // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 151-159. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-151-159.

For citation: Boldyreva V.B., Keyno A.Y., Gritskov P.M. Razvitie koordinatsionnykh sposobnostey umstvenno otstalykh detey 9–11 let sredstvami fizicheskogo vospitaniya [The development of coordination abilities of mentally retarded children 9–11 years old by means of physical education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 151-159. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-151-159. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 94(47)18/19+908 (470.326)

ГЛАВЫ СЕМЕЙ ТАМБОВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© Дмитрий Валерьевич СТРЕКАЛОВ

кандидат исторических наук, сотрудник кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: strekalovdv@gmail.com

© Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: strekalovanv@mail.ru

История семьи является одним из актуальных направлений исследований исторической демографии и социальной истории. На основе двух массовых персонифицированных источников (материалов ревизий и «списков городских обывателей») с использованием компьютерных технологий был проведен сравнительный анализ социально-демографических характеристик глав семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века. Были исследованы проблемы соотношения численности и удельного веса мужчин и женщин – глав больших и малых семей губернского центра. Изучен семейный статус глав семей Тамбова, в том числе вопросы его фиксации в используемых источниках. Проанализированы особенности возрастных характеристик глав семей в зависимости от семейного статуса, типа семьи и сословно-социальной группы. Сделан вывод о продолжавшемся доминировании мужчин, на которых приходился основной удельный вес глав семей Тамбова. Отмечены процессы унификации среднего возраста глав больших семей к середине XIX века. Проведенное исследование позволило выявить разницу возрастов глав семей губернского центра и глав семей сел и уездного города губернии. Дополнительного изучения требуют источниковедческие проблемы истории провинциальной российской городской семьи конца XVIII – первой половины XIX века.

Ключевые слова: глава семьи; большая семья; малая семья; городская семья; массовые источники

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171

Изучение семьи в рамках различных направлений социальной истории представляет собой широкий спектр проблем. С точки зрения демографических исследований семья имеет особое значение как важнейший фактор воспроизводства населения и его демографического поведения.

Наличие общего неразделенного имущества, совместное ведение хозяйства и одного главы семьи – эти критерии можно назвать в числе главных применительно к провинциальной городской семье в конце XVIII – первой половине XIX века.

В первой половине XIX века понятие «семья» и «домохозяйство», по мнению исследователей, даже в отношении городского населения часто были тождественны [1]. Глава семьи – домохозяин (домохозяйка) иг-

рал особую роль в ее функционировании, фактически определяя ее профиль. Он управлял всеми членами семьи и всем домом, представлял семью перед городской общиной и государством, распоряжался имуществом и судьбой каждого ее члена и др. [2, с. 714]. В этой связи анализ социально-демографического портрета главы семьи провинциального российского города представляет особый интерес.

Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались исследователями городской семьи в целом и отдельных социально-сословных групп в частности. Были проведены исследования на общероссийском и региональном уровнях [2–9].

Для изучения семейной структуры городских жителей исследователями, как правило, привлекается широкий круг источников: ревизии, исповедальные росписи городских церквей, посемейные списки, источники личного происхождения, публицистика и др.

В большинстве случаев для анализа различных аспектов истории семьи используют

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального российского города в конце XVIII – начале XX века: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)», проект РФФИ-ОГОН № 17-11-68006a(p).

источники, которые содержат персонифицированную информацию, что позволяет применять методы микроанализа, обусловленные особенностями самого предмета исследования [2–9].

Однако точность и достоверность информации источников, фиксировавших данные демографического учета населения России в конце XVIII – первой половине XIX века (в том числе и городского), не раз подвергалась критике исследователей [2, с. 518].

Кроме того, можно выделить еще одну проблему, связанную с изучением российской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века. Исследователями были выявлены существенные различия семейной структуры в зависимости от критериев классификации семей и используемых источников [2, с. 657–659].

Для анализа проблем социально-демографических характеристик глав семей – жителей Тамбова была привлечена информация двух массовых персонифицированных источников, содержащих сведения о структуре и составе семьи провинциального губернского центра исследуемого периода: выборки ревизий 1795 г., 1833 г., 1850 г., 1857 г. и «списки городских обывателей» за 1833 и 1855 г. [10; 11]. Последний источник сравнительно редко используется для анализа проблем городской семьи конца XVIII – первой половины XIX века.

Каждый из указанных источников имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения полноты, достоверности и сохранности информации [12; 13]. Сведения указанных источников были внесены в специально созданные электронные базы данных, которые затем были обработаны и проанализированы [14]. Сравнительный анализ был проведен по нескольким показателям: число и удельный вес мужчин и женщин – глав семей (больших и малых), семейный статус глав больших и малых семей, возраст главы семьи в зависимости от семейного статуса, типа семьи и сословия.

На протяжении всего исследуемого периода отмечалось явное доминирование мужчин в соотношении глав семей жителей губернского центра в зависимости от пола. По данным ревизий, они составляли 93,5 % (в 1795 г.), 77 % (в 1833 г.), 82,5 % (в 1850 г.) и 87,6 % (в 1857 г.) глав больших семей. По

информации списков обывателей на них приходилось 65 % глав семей домовладельцев Тамбова в 1833 г. и 64 % в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Высокий удельный вес мужчин – глав семей вполне соотносится с правовыми, религиозными и бытовыми нормами, установками и ценностями традиционного общества и теми традиционно-патриархальными отношениями, которые, по мнению исследователей, продолжали господствовать и в городской семье первой половины XIX века, несмотря на некоторое ослабление власти главы семьи над домочадцами [2, с. 714].

Интерес представляет существенное расхождение доли женщин, записанных как главы семей, в списках обывателей Тамбова и ревизиях, взятых за синхронные годы. Эту разницу можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, в списках обывателей Тамбова малолетние дети, в том числе мужского пола, были записаны как главы семей только при отсутствии у них каких-либо иных взрослых родственников. Составители списков, фиксируя владельцев городской недвижимости, обычно указывали главой семьи лицо, которое, по их мнению, выполняло эти функции реально. Это отличало этот источник от ревизий, где главой семьи мог быть записан малолетний ребенок мужского пола, а не его мать, бабушка, старшая сестра или тетя, как это было на практике [2, с. 658; 3].

Во-вторых, в списки городских обывателей была внесена информация по дворянам, чиновникам, разночинцам, офицерам и их родственницам женского пола. Представителей этих социально-сословных групп не было (и не могло быть) в ревизиях. Доля же женщин, указанных в качестве глав семей, в этих сословно-социальных группах была заметно выше, что влияло на общие показатели соотношения мужчин и женщин – глав семей губернского центра в первой половине XIX века.

Разница показателей в ревизиях и списках может объясняться как в целом проблемами качества учета населения в конце XVIII – первой половине XIX века, так и конкретно некоторым «недоучетом» женского населения. Б.Н. Миронов, анализируя проблемы демографического учета населения России в XVIII – первой половине XIX

века, в параграфе «Ищите женщину: половая структура населения» отмечает, что учет женщин в ревизиях, церковной и административной статистике был хуже, чем учет мужчин [2, с. 518-519].

Женщины были главами только в нескольких типах семей Тамбова. Основной удельный вес приходился на тип 1.2. (одинокие с неизвестным брачным статусом) (здесь и далее используется типология П. Ласлетта. – Д. С., Н. С.) [15, р. 31; 16], что составляло около 64 % от числа женщин, включенных в анализируемую выборку, в 1833 г. и около 31 % в 1850 и 1857 г. (посчитано по [10]).

Около 33 % женщин в 1833 г., 31,5 % в 1850 г. и 24,1 % в 1857 г. были главами в семьях типа 3.4. (вдовы с детьми). Среди других типов семей, где женщины были указаны главой, можно выделить тип семьи 1.1. (одинокая вдова), тип 2.1. (несемейные кровные родственники, живущие вместе) и тип 2.2. (другие родственники, живущие вместе). Например, семья 59-летней незамужней тамбовской мещанки Анастасии Михайловны Степановой (по данным ревизии 1857 г.) состояла из нее и ее трех незамужних племянниц (22, 20 и 17 лет). Она была записана главой этой семьи [10, оп. 1, ед. хр. 1892, л. 89].

На основе тамбовского материала были выявлены единичные случаи, когда замужняя женщина была указана как глава расширенной семьи. Это происходило в тех случаях, когда муж был в бегах, в ссылке, в рекрутах. Иногда в документах был зафиксирован факт замужества женщины, но какая-либо информация о муже отсутствовала [10].

Главами малых семей жителей Тамбова, как и больших, были, в основном, мужчины. Доля женщин – глав малых семей (по данным ревизий) была выше, чем больших: в 1795 г. на 6,4 %, в 1850 г. на 1,2 %, в 1857 г. на 1 %. Только в 1833 г. удельный вес женщин – глав больших семей превышал этот показатель для малых на 8,8 % (посчитано по [10]).

Одним из важных составляющих социально-демографического профиля тамбовского домохозяина являлось его семейное положение, которое, в свою очередь, характеризовало и семейное состояние населения Тамбова в целом.

В конце XVIII – первой половине XIX века большинство глав больших и малых се-

мей, как по данным ревизий, так и по информации списков, – это женатые мужчины. В 1795 г. на них приходилось 56,2 % от общего числа глав больших ревизских семей. К 1833 г. их удельный вес сократился до 46 % и снова вырос до 55 % в 1857 г. (посчитано по [10]). Доля женатых глав семей по данным списков была 37,5 % в 1831–1833 гг. (что почти на 8,5 % ниже ревизских данных), а в 1855 г. – 42,5 % (то есть на 12,5 % ниже доли этой группы по данным ревизий 1857 г.) (посчитано по [10; 11]).

Такое расхождение также может объясняться наличием в списках обывателей информации по чиновникам, офицерам, дворянам, брачное поведение которых, согласно специально проведенным исследованиям, заметно отличалось от представителей городских сословий [4].

Однако и по данным списков обывателей, и по информации ревизий доля женатых в статусе главы семьи с 1830-х гг. к 1855–1857 гг. выросла. Проведенное исследование проблем брачного поведения населения Тамбова в первой половине XIX века свидетельствовало об общем росте коэффициента брачности в 1857 г. его жителей [17].

Анализ результатов ревизий позволил отметить рост удельного веса вдовцов и вдов – глав семей с 1795 г. к 1833 г. (почти в три раза для вдовцов (с 3 до 10,8 %) и в два раза для вдов (с 4,3 до 8 %)).

К 1850 г. при увеличении доли вдов (до 10,1 %) наблюдалось сокращение удельного веса вдовцов (до 7,4 %). В 1857 г. произошло снижение удельного веса вдов (до 5,9 %) и вдовцов (до 6,3 %) – глав семей Тамбова. Это происходило на фоне роста коэффициента брачности и повторных браков населения города (посчитано по [10]). На данное обстоятельство оказало влияние окончание Крымской войны, за которым последовало возвращение домой солдат и достаточно массовое размещение военнопленных на территории страны в целом и Тамбовской губернии в частности. Специально проведенный анализ брачности свидетельствовал о «всплеске» заключения браков жителями Тамбова в 1857 г. как с российскими военными, так и с иностранными подданными (военнопленными). Были «востребованы» и вдовы, которые в этот период активно вступили в брак [17].

Заметно отличался удельный вес вдов – глав семей по данным списков и ревизий. Доля вдов по материалам городских обывателей была выше, чем по данным ревизий населения Тамбова (взятых за синхронные годы). В 1833 г. они составляли 11 %, а в 1855 – 17,3 % глав семей домовладельцев города (посчитано по [11]). Кроме того, согласно данным списков, доля вдов была почти в три раза выше удельного веса вдовцов, на которых приходилось только 3 % глав семей в 1833 г. и 6 % в 1855 г. (посчитано по [11]). По данным же ревизий (за синхронные годы) удельный вес глав семей вдовцов превышал долю глав семей вдов. Доля вдовцов (по информации списков за 1831–1833 гг.) была почти в три раза выше этого показателя, полученного при подсчетах материалов ревизии 1833 г. По информации же списков за 1855 г. и ревизии 1857 г. эти показатели были фактически равны (посчитано по [10; 11]).

Число и доля замужних женщин, указанных в качестве глав семей, по информации и того и другого источника была небольшой. По материалам ревизий замужние женщины, которые были записаны как главы семьи, составляли 1,2 % в 1795 г., по 0,3 % в 1833 г. и 1857 г. Их удельный вес в списках обывателей был сопоставим с данными ревизий. Они составляли 0,9 % глав семей домовладельцев Тамбова в 1833 г. и 0,5 % в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Удельный вес глав семей со статусом «ребенок» в списках обывателей был заметно ниже (0,2 % в 1833 г. и 0,4 % в 1855 г.), чем по данным ревизий (4,3 % в 1795 г., 5,1 % в 1833 г., 4,2 % в 1850 г. и 1,2 % в 1855 г.) (посчитано по [10; 11]).

Последнее обстоятельство, о чем уже шла речь выше, возможно было связано с особенностями фиксации информации в источнике.

Дети (прежде всего, мальчики), чаще всего, были номинальными главами семей. На практике, как правило, главой такой семьи являлась взрослая женщина: мать, бабушка, старшая сестра, тетка и др. Например, в период между IX (1850 г.) и X (1857 г.) ревизиями умер тамбовский купец Илья Степанович Нестеров, его старшие сыновья – двадцатилетний Степан и семнадцатилетний Яков и его три сестры. В итоге в 1857 г. живы были

его мать – Екатерина Алексеевна Нестерова (56-летняя вдова), его вдова – Татьяна Алексеевна Нестерова, три его дочерей (14, 8 и 9 лет) и семилетний сын, который и был записан как глава данной семьи [10, оп. 1, ед. хр. 1897, л. 102].

Доля «холостых» и «девиц», указанных в качестве глав семей в списках обывателей (0,8 и 0,5 % в 1833 г., 2,6 и 0,4 % в 1855 г. соответственно), была меньше этого показателя, полученного в результате подсчета материалов ревизий (8,5 и 0,4 % в 1795 г., 13 и 11 % в 1833 г., 23,1 и 4,1 % в 1857 г. соответственно) (посчитано по [10; 11]).

На существенное отличие доли неженатых и незамужних глав семей между ревизскими сказками и списками обывателей, очевидно, влияли критерии, которые были взяты за основу при составлении двух этих источников. Для списков городских обывателей – это был факт владения имуществом, что предполагало определенный уровень благосостояния. Молодые, несемейные люди далеко не всегда имели возможность приобрести недвижимость. Чаще всего факты владения были связаны с получением ими недвижимой собственности в наследство [11, оп. 13, ед. хр. 14, л. 13об.-14, 50об.-51]. Кроме того, главы семей с таким статусом часто были «вновь прибывшими», которые еще не успели, а часто и не могли приобрести собственную городскую недвижимость.

На протяжении исследуемого периода наблюдался рост доли «холостых» глав семей тамбовских обывателей по информации и того и другого источника. Неженатые мужчины были главами разных типов семей, в том числе больших составных семей. Например, двадцатидевятилетний тамбовский мещанин Д.И. Иванов проживал с сорокадвухлетней мачехой и с пятью сводными братьями и сестрами от трех до семнадцати лет. Семья 39-летнего тамбовского мещанина Ф.А. Гаврилова состояла из его незамужних сестер и неженатых братьев. Тридцатилетний мещанин переселился в Тамбов из Асташкова, занимал должность временного продавца и жил один [11, оп. 13, ед. хр. 14, л. 33об.-34, 38об.-39].

Доля «девиц» – глав семей по данным ревизий выросла с 1795 г. к 1833 г. и сократилась к 1857 г., а согласно материалам списков обывателей она оставалась стабильной.

«Девушки» были главами только трех типов семей: 1.2. (одинокие с неизвестным брачным статусом), 2.1. (несемейные кровные родственники (братья и сестры)) и 2.2. (другие родственники, живущие вместе). Основной удельный вес семей, в которых главой была женщина с семейным статусом «девушка» приходился на тип семей 1.2. (одинокие с неизвестным брачным статусом) (посчитано по [10]).

Интерес представляет значительный процент глав семей Тамбова с неопределенным семейным статусом. Причем доля этой группы (согласно проведенным расчетам) по информации списков обывателей была заметно выше ее удельного веса, полученного в результате обработки материалов ревизий. Так, в 1831–1833 гг. удельный вес глав семей с «неопределенным семейным статусом» по данным списков обывателей составлял 46,5 %, а в 1855 г. – 26 %. В ревизиях удельный вес этой группы был 22 % в 1795 г., 6 % в 1833 г. и 3,8 % в 1857 г. (посчитано по [10; 11]).

Проведенный дополнительный персонализированный анализ показал, что в 1795 г. 50 из 51 главы ревизских семей, чей семейный статус не был определен, это мужчины, из которых 36 человек были представителями духовенства. В данную группу были включены: один военный служащий, один помещик, один пристав. Еще у двенадцати глав семей с неясным семейным статусом сословие (звание) указано не было.

Анализ в зависимости от типа семьи показал, что 25 человек (около 50 % глав семей с неясным семейным статусом) проживали в типе семьи 1.2. (одинокие с неизвестным брачным статусом) и 26 человек (50 %) – в типе 4.5. (неясные связи) (посчитано по [10]).

Был проведен дополнительный персонализированный анализ и домовладельцев губернского центра, чей семейный статус не был четко обозначен в источнике. В число 277 домохозяев, чье семейное положение по информации списков обывателей 1831–1833 гг. установить не удалось, входили 137 мужчин и 140 женщин, а в 1855 г. – 123 женщины и 100 мужчин. В 1833 г. из 277 домохозяев 235 (85 % глав семей с неопределенным семейным статусом по информации списков в 1833 г.) были представителями чиновничества, дворянства и офицерства. 77 % женщин и 62 % мужчин – домовладельцев Тамбова с неиз-

вестным семейным статусом в 1831–1833 гг. принадлежали к указанной выше сословно-социальной группе (посчитано по [11]).

35,5 % от числа глав семей Тамбова с подобным семейным статусом по данным списков обывателей в 1855 г. приходилось на отставных солдат и унтер-офицеров. В 1855 г. 6 % мужчин и 5 % женщин из числа домовладельцев Тамбова с неясным семейным положением были представителями городского духовенства. 10 % мужчин и 9 % женщин с неопределенным семейным статусом приходилось на однодворцев. 8 % мужчин с неизвестным брачным статусом были из ямщиков. Среди представителей других социально-профессиональных групп были студент, присяжный, лекарский ученик, иностранка, государственная крестьянка, цеховая (указано, что воронежская) и др. Примеры глав семей с неопределенным семейным статусом из числа мещан и купцов были единичными (посчитано по [11]).

Высокий удельный вес домохозяев Тамбова (чей семейный статус установлен не был) по информации списков обывателей определенным образом соотносился с данными по одиноким домохозяевам как в 1831–1833 гг., так и в 1855 г.

Однако подобные выводы нуждаются в дополнительной проверке, поскольку не все те лица, кто, согласно этому источнику, проживали одни, были одиноки в действительности. Прежде всего, это касалось представителей дворянства, чиновничества и офицерства. Во-первых, была вероятность того, что семья такого домовладельца Тамбова, записанного одиноким, могла оставаться по месту прежней службы, жить у родни в то время, когда муж (отец и др.) находился на службе в Тамбове. Во-вторых, исследователи и современники отмечали тот факт, что не всегда в списки обывателей включали членов семей представителей дворянства [17, с. 155]. Например, у помещтных дворян в списках обывателей мог быть зафиксирован только глава, в то время как его семья находилась в имении.

Можно выделить две крупные группы женщин в списках обывателей за 1831–1833 гг. с неясным семейным статусом. Первую группу (66 % от женщин с неустановленным семейным статусом) составляли домовладелицы Тамбова, у которых был указан тот или

иной чин: надворная советница, коллежская советница и др.

Во вторую представительную группу с неизвестным семейным статусом (около 29 %) входили жены, вдовы, дочери военных: солдаты, унтер-офицерши, штабс-капитанши, поручицы, подполковницы и др. Как известно, женщины в Российской империи не получали чинов. Следовательно, можно предположить, что это были жены, вдовы, дочери чиновников и военнослужащих, записанные в чинах мужей или отцов, информация о мужьях или отцах которых по каким-то причинам в данном источнике отсутствовала.

Около 5 % женщин – глав семей с неизвестным семейным статусом приходились на достаточно разнородную группу, куда входили: двадцатитрехлетняя отпущенница, одна прусская подданная, три дворянки, двадцатисемилетняя купчиха 3-й гильдии и др. (посчитано по [11]).

Для чиновниц и женщин, записанных в воинских чинах, наиболее вероятны были два варианта их статуса – это «жена» или «вдова». Для мужчин из числа чиновников и военных установить их семейный статус труднее, поскольку была вероятность того, что их семьи могли находиться в других регионах страны. Сложность в определении семейного статуса того или иного жителя Тамбова была, в определенной степени, обусловлена проблемами источниковедческого характера, поскольку не всегда информация источника давала возможность точно установить семейное положение отдельных обывателей губернского города.

Сравнение данных по семейному статусу глав больших и малых семей (по материалам ревизий) позволяет отметить, что основной удельный вес глав малых семей Тамбова, как и больших, приходился на женатых мужчин. Однако их доля в малых семьях в среднем на 3–4 % была выше, чем в больших. Доля вдовцов практически совпадала, а удельный вес вдов – глав малых семей была на 2–3 % выше. Примерно равными были доли детей – глав больших и малых семей. На 3–4 % ниже был удельный вес холостых и всего лишь на 0,5–1 % девиц в составе глав малых семей по данным ревизий (посчитано по [10]).

Сравнение данных ревизий и списков позволяет отметить как схожие, так и заметно отличавшиеся показатели среднего воз-

раста глав больших семей Тамбова в зависимости от их семейного статуса. Практически во всех группах средний возраст по данным списков домовладельцев губернского города были на 4–8 лет выше, чем по материалам ревизий. Эти расхождения могли быть вызваны как критериями, положенными в основу составления каждого из источников (о чем уже шла речь выше), так и качеством учета и фиксации возраста населения России в конце XVIII – первой половине XIX века. Так, встречались случаи, когда в разных источниках, взятых за один и тот же год, был указан разный возраст для одного и того же человека [13].

Самыми старыми главами больших семей были вдовы мужчины. Их средний возраст составлял 50–58 лет по информации ревизий и 59–61 год по информации списков обывателей, что по меркам общества того времени считалось старостью (посчитано по [10; 11]). То есть, в основном, в эту категорию входили те, кто уже по возрасту не решался вступать в повторный брак и «доживал» свой век. Да и по церковному положению того времени не рекомендовалось вступать в брак лицам, которые перешагнули шестидесятилетний возрастной рубеж.

Овдовевший в молодом и среднем возрасте мужчина имел все основания и возможности заключить повторный брак и не задерживался долго в категории вдовцов.

С конца XVIII к середине XIX в. отмечалось снижение среднего возраста (по данным ревизии) для вдов с 45,2 лет в 1795 г. до 37,4 лет в 1833 г. Однако к 1850-м гг. он снова вырос и в 1857 г. средний возраст вдов составлял 45,1 лет. По информации списков обывателей он был еще выше и колебался в пределах 51–53 лет (посчитано по [10; 11]).

На протяжении исследуемого периода наблюдалось повышение среднего возраста холостых глав больших ревизских семей с 22 лет 7 месяцев в 1795 г. до 31 года 7 месяцев в 1857 г., что, очевидно, было обусловлено общим повышением брачного возраста городского населения России к середине XIX века (посчитано по [10]). Однако по данным списков обывателей возраст холостых глав семей, напротив, снизился, что требует дополнительной проверки (посчитано по [11]).

Шло снижение среднего возраста с 42 до 26,6 лет для глав семей со статусом «девица»

с 1795 г. до 1850 г. Однако в 1857 г. снова отмечался его рост до 38,5 лет. Значительный процент глав с таким семейным статусом приходился на дворовых и отпущенниц (бывших крепостных), а также мещанок. Подавляющее большинство (около 90 %) из них проживали в типе семьи 1.2. (одинокое с неизвестным брачным статусом) (посчитано по [10]). Представительниц купеческого сословия и однодворок среди глав больших семей со статусом «девица» на основе анализируемых тамбовских материалов ревизий выявлено не было.

Средний возраст глав больших семей со статусом «ребенок» снизился с 15 лет в 1795 г. до 10,9 лет в 1833 г. В 1850-е гг. наблюдалась стабилизация этого показателя. В 1850 г. и в 1857 г. он составлял 12,3 и 12,4 лет соответственно (посчитано по [10; 11]). Для сравнения отметим, что средний возраст глав подобных семей по данным торгово-промышленного села Тамбовской губернии Рассказово в первой половине XIX века также колебался в интервале от 10 до 16 лет [1].

По данным ревизий вырос средний возраст женатых глав больших семей с около 42 лет в конце XVIII века до 44–45 лет к середине XIX века, а по информации списков обывателей Тамбова он, напротив, сократился с 48,7 в 1833 г. до 45,5 лет в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Показатели среднего возраста глав семей с неопределенным семейным статусом по данным списков обывателей выросли с 37,8 лет в 1831–1833 гг. до 44,8 лет в 1855 г. (посчитано по [11]).

В целом с конца XVIII к середине XIX века наблюдалось повышение среднего возраста глав больших семей Тамбова с 32,5 лет в 1795 г. до 41,3 лет в 1857 г. по материалам ревизий и снижение этого показателя по информации списков обывателей с 49,9 до 46,9 лет (посчитано по [10; 11]).

В первой половине XIX века шло повышение среднего возраста и глав больших крестьянских семей. Так, средний возраст глав ревизских семей сел Тамбовской губернии Малые Пупки, Байловка и Калугино в 1816 г. составлял 44,6, 39,2 и 45,2 года, а в 1850 г. – 48, 45,1 и 49,4 лет соответственно [19]. Эти цифры были близки к показателям среднего возраста в первой половине XIX века моршанского купечества [3, с. 178-179].

В целом средний возраст глав семей Тамбова в 1830–1850-е гг. колебался в пределах 40–48 лет, что соответствовало (известным по крестьянскому материалу) нормам традиционного общества, в соответствии с которыми главой семьи становился мужчина, достигший возраста, а часто и статуса деда, когда в малой семье появлялись внуки.

Вырос средний возраст глав малых семей Тамбова с 32,6 в 1795 г. до 39,9 лет в 1857 г. (посчитано по [10]). В исследуемый период схожая тенденция наблюдалась для уездного г. Моршанск и для торгово-промышленного села Рассказово (Тамбовской губернии) [1; 3, с. 178-179].

За исключением вдов, средний возраст глав малых семей с разным семейным статусом был ниже на 2–3 года возраста глав больших семей губернского центра. Фактически совпадали данные по детям из числа глав малых и больших семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века (посчитано по [10]).

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить разницу, которая составила от двух до пяти лет между женатыми главами малых и больших семей Тамбова (посчитано по [10]). Эти данные могли свидетельствовать о том, что в среднем взрослый женатый глава малой семьи должен был прожить от двух до пяти лет в составе большой семьи, чтобы стать главой собственной, выделившейся нуклеарной семьи. Для сравнения отметим, что для сельского населения эти показатели были выше и составляли 5–10 лет [1]. Тенденции разрыва между возрастом глав больших и малых семей свидетельствовали, по мнению исследователей, «о некоем стабильном периоде полураспада семейной ячейки» в первой половине XIX века [1].

Различались данные по среднему возрасту глав семей и в зависимости от типа семьи. Одними из самых возрастных были главы больших патриархальных семей типа 5, прежде всего, тип 5.2. (семьи супругов с женатыми и неженатыми детьми и внуками). Средний возраст старшего мужчины в такой семье составлял около 55 лет в 1795 г. и имел дальнейшую тенденцию к повышению. В 1857 г. он вырос до 62 лет (посчитано по [10]). Средний возраст глав таких семей по результатам исследования торгово-промыш-

ленного села Рассказово Тамбовской губернии был ниже и составлял 56–57 лет [1].

Анализ тамбовских показателей позволил отметить существенную разницу в возрасте глав больших семей типа 5.2. (супружеская пара с женатыми и неженатыми детьми и внуками) и глав семей типа 3.2. (супружеская пара с детьми (приемышами)), которая колебалась в интервале от 14 лет (в 1795 г.) до 17 лет (в 1857 г.). Средний возраст тамбовских глав семей типа 3.2. вырос с 39,4 лет в 1795 г. до 44,9 лет в 1857 г. (посчитано по [10]). В торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии главы семей типа 3.2. были в среднем на десять лет моложе глав семей типа 5.2. Их возраст составлял в разных категориях крестьян от 36 до 43 лет [1].

Высокие показатели среднего возраста были характерны для глав больших семей типа 1.1. (одинокие вдовцы). Именно в таком типе семьи проживал самый старый мужчина (по информации ревизии 1857 г.) – 89-летний вдовец, тамбовский мещанин Г.Г. Протасов. В этом же типе семьи по сведениям за 1857 г. проживала и самая пожилая женщина – 81-летняя вдова, мещанка А.А. Матвеева. При этом средний возраст данной категории имел тенденцию к снижению с 77 лет в 1795 г. до 52 лет в 1857 г. (посчитано по [10]).

Самой молодой вдовой из зафиксированных ревизиями была восемнадцатилетняя вдова купца А.Ф. Мандрыкина, которая проживала в типе семьи 3.4. (вдова с детьми) [10, оп. 1, ед. хр. 1898, л. 104]. Самым молодым вдовцам было по двадцать лет. Они были мещанами и однодворцами.

Встречали случаи, когда семья состояла из двух братьев-вдовцов и их детей. Например, двадцатисемилетний вдовец, купец 2-й гильдии В.М. Аносов проживал вместе с трехлетним сыном и двадцатипятилетним братом (тоже вдовцом) А.М. Аносовым и его двухлетним сыном [10, оп. 1, ед. хр. 1899, л. 56]. Однако такие семьи являлись скорее исключением, чем правилом.

Самые молодые главы семей были зафиксированы в семьях типа 1.2. (одинокие (с неизвестным брачным статусом)) и 2.1. (несемейные кровные родственники (братья/сестры)). В среднем их возраст составлял от 14 до 26 лет.

Отдельные вариации в возрасте глав семей наблюдались в зависимости от сословия. Так, на протяжении исследуемого периода средний возраст глав больших семей был заметно выше для купеческих семей Тамбова и имел тенденцию к повышению: с 41–42 лет в 1795 г. до 45–47 лет в 1857 г. Возраст купчих – глав семей был заметно выше, чем мужчин и составлял 52–53 года (посчитано по [10]).

Средний возраст глав больших мещанских семей Тамбова был ниже купеческих: 38,5 лет в 1795 г. и 38,7 лет в 1833 г. К середине XIX века этот показатель вырос и колебался в пределах 40–41 года, но, по-прежнему, был меньше возраста глав купеческих семей губернского центра (посчитано по [10]). Выше был средний возраст глав больших семей купечества в сравнении с мещанством и по материалам уездного города Моршанска. Но для моршанского мещанства, в отличие от тамбовского, было характерно снижение среднего возраста глав больших семей с 39 лет в 1816 г. до 37 лет в 1850 г. [3, с. 178-179].

Средний возраст глав больших семей так называемых тамбовских «рабочих мещан» был значительно выше и составлял 49–50 лет. Средний возраст глав больших семей тамбовского духовенства был около 34–37 лет (посчитано по [10]).

Высоким, сопоставимым с возрастом глав крестьянских больших семей, был возраст глав семей тамбовских однодворцев, который в 1833 г. в среднем составлял 46,2 лет (посчитано по [10]).

Одними из самых молодых глав больших семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века по данным ревизии были дворовые. Их средний возраст 30–31 год. Большинство были одинокие. По данным торгово-промышленного села Рассказово мужчины из двора также являлись одними из самых молодых домохозяев [1]. Очевидно, это обстоятельство было связано с общей деформацией семейной структуры представителей данной социальной группы, вызванной ограничениями крепостной зависимости и выражавшейся, в том числе, в высокой доле одиноких.

Таким образом, традиционно главами семей были женатые взрослые мужчины, на которых приходился основной удельный вес

глав больших и малых семей Тамбова на протяжении всего изучаемого периода, затем следовали вдовцы и неженатые молодые люди. Женщины считались юридически главами семей только в тех случаях, когда семьи состояли из одних женщин. Чаще всего это случалось, когда женщина была уже вдовой. Однако наличие значительного удельного веса женщин в составе владельцев недвижимой собственности могло быть свидетельством ее относительно высокого правового статуса в российском городе в первой половине XIX века.

Наблюдалось сближение семейного уклада и унификация среднего возраста глав больших семей Тамбова. К 1850-м гг. он колебался между 40–44 годами. Наиболее пожилыми были главы купеческих и однодворческих семей, часто объединявших достаточно многочисленное, многосоставное и многопоколенное семейство. Средний возраст женщин – глав семей был выше, чем возраст мужчин. В среднем возраст глав семей Тамбова был ниже возраста не только глав семей аграрных сел губернии, но и торгово-промышленного села, и уездного города. Данное обстоятельство может являться показателем более высокого уровня модернизации семей жителей губернского центра, а также дополнительным свидетельством демографического перехода от большой патриархальной к малой нуклеарной семье. поэтапное увеличение среднего возраста глав больших и малых семей губернского города к середине XIX века, вероятно, было связано, в том числе, с общим повышением брачного возраста в городах.

Проведенное исследование социально-демографических характеристик глав семей Тамбова на материалах двух персонифицированных источников позволило уточнить и конкретизировать отдельные аспекты проблемы. Однако ряд выявленных расхождений требует дальнейшего изучения. Необходим дополнительный анализ проблем и возможностей источников, используемых для изучения провинциальной российской городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века.

Список литературы

1. Морозова Э.А. Особенности социально-демографического облика торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
2. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.
3. Акользина М.К. Моршанск – хлебный порт России (середина конца XVIII – середина XIX). Тамбов, 2011. 208 с.
4. Бодрова Ю.В. Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2009.
5. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
6. Гончаров Ю.М. Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX века // Семья в ракурсе социального знания: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2001. С. 25–40.
7. Мионов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М.: Наука, 1990. 271 с.
8. Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
9. Щеглов С.Г., Меженникова О.В. Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского университета. 2016. № 2 (90). С. 176–180.
10. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 247, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127.
11. ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14; Оп. 91. Ед. хр. 29.
12. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. «Списки городских обывателей как источник по профессиональному составу населения Тамбова первой половины XIX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 207–208.
13. Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В. Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Курган, 2015. С. 265–279.

14. Стрекалова Н.В. К проблеме использования информационных методов и технологии в исследованиях провинциальной городской семьи конца XVIII – начала XX в. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 114-117.
15. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / eds. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
16. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 132-157.
17. Стрекалов Д.В. Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 314-318.
18. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министерства внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1863. Вып. 2. 330 с.
19. Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.
- Half of the 19th Century (on the Materials of the Tver Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tver, 2009. (In Russian).
5. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [City Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, Publishing House of the Altai University, 2002, 384 p. (In Russian).
6. Goncharov Y.M. Sotsial'noye razvitiye sem'i v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Social development of the family in Russia in the 18th – early 20th century]. *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the Perspective of Social Knowledge]. Barnaul, 2001, pp. 25-40. (In Russian).
7. Mironov B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-ye gody: demograficheskoye, sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye* [The Russian City in the 1740–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 271 p. (In Russian).
8. Shestakov N.V. *Rossiyskoye provintsial'noye dvoryanstvo v posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX vv. (na materialakh Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian Provincial Nobility in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Centuries (on the Materials of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).
9. Shcheglov S.G., Mezhenina O.V. Struktura sem'i v meshchanskom soslovii v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy poloviny XIX v. [The structure of the family in the middle class in the cities of Tomsk province in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – News of the Altai University*, 2016, no. 2 (90), pp. 176-180. (In Russian).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 12, list 1, archival unit 247, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127. (In Russian).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 16, list 13, archival unit 14; list 91, archival unit 29. (In Russian).
12. Strekalov D.V., Strekalova N.V. Sbor posodov obyvateley kak istochnik po professional'nomu sostavu naseleniya Tambova pervoy poloviny XIX v. [Lists of city dwellers as a source of professional composition of the population of Tambov in the first half of the 19th century]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i kom-*

References

1. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblicheniya torgovo-promyshlennogo sela v pervoy poloviny XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Socio-Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
2. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin's Publ., 2014, vol. 1. (In Russian).
3. Akolzhina M.K. *Morshansk – khlebnyy port Rossii (seredina kontse XVIII – seredina XIX)* [Morshansk is the Grain Port of Russia (mid-late 18th – mid-19th)]. Tambov, 2011, 208 p. (In Russian).
4. Bodrova Y.V. *Sem'ya provintsial'nogo chinovnika pervoy poloviny XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family of a Provincial Official of the First

- p'yuter* [Association Newsletter History and Computer], 2010, no. 36, pp. 207-208. (In Russian).
13. Strekalova N.V., Strekalov D.V. Istochniki dlya izucheniya sotsial'no-demograficheskikh protsessov v rossiyskom provintsial'nom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Sources for the study of socio-demographic processes in the Russian provincial city in the late 18th – first half of the 19th century: problems, opportunities, prospects]. *Vserossiyskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiyem «Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda»* [Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation “Historical Urbanistics: the Past and Present of the City”]. Surkhin State University, 2015, pp. 265-279. (In Russian).
 14. Strekalova N.V. K probleme ispol'zovaniya metodov i tekhnologiy v issledovaniyakh provintsial'noy gorodskoy sem'i kontsa XVIII – nachala XX v. [To the problem of using information methods and technology in the studies of the provincial urban family of the late 18th and early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tsifrovaya humanitaristika: resursy, metody, issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Digital Humanities: Resources, Methods, Research”]. Perm, 2017, part 2, pp. 114-117. (In Russian).
 15. Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
 16. Laslett P. Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod [Family and household: historical approach]. *Brachnost', rozhdayemost', sem'ya za tri veka* [Marriage, Birth Rate, Family for Three Centuries]. Moscow, 1979, pp. 132-157. (In Russian).
 17. Strekalov D.V. Problemy brachnosti gorodskikh obyvateley v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (po materialam Tambova) [Problems of marriage of urban inhabitants in the late 18th – first half of the 19th centuries. (based on the materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 314-318. (In Russian).
 18. *Statisticheskiye tablitsy Rossiyskoy imperii, izdavayemyye po rasporyazheniyu Ministerstva Vnutrennikh Del Statisticheskim otdelom Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta* [Statistical Tables of the Russian Empire, Issued by Order of the Ministry of Internal Affairs by the Statistical Department of the Central Statistical Committee]. St. Petersburg, 1863, no. 2, 330 p. (In Russian).
 19. Konchakov R.B. *Demograficheskoye povedeniye krest'yanstva Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX v. Novyye metody issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Demographic Behavior of the Peasantry of the Tambov Province in the 19th – Early 20th Century. New Methods of Research. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2001. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.02.2017 г.
Отрецензирована 19.03.2017 г.
Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 23 February 2017
Reviewed 19 March 2017
Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 94(47)18/19+908 (470.326)

THE HEADS OF TAMBOV FAMILIES AT THE END OF THE 18th – IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

Dmitriy Valerevich STREKALOV

Candidate of History, Worker of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: strekalovdv@gmail.com

Nataliya Valerevna STREKALOVA

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department

E-mail: strekalovanv@mail.ru

The history of the family is one of the topical research areas of historical demography and social history. Based on the materials of two mass personified sources (documents on state registration of the population and “lists of city inhabitants”), with use of computer technologies the comparative analysis of social and demographic characteristics of heads of families of Tambov at the end of 18th – the first half of the 19th century has been carried out. Problems of a ratio of number and specific weight of men and women – heads of large and small families of the provincial center are investigated. The marital status of heads of families of Tambov is studied, including, questions of its fixing in the used sources are considered. Features of age characteristics of the head of the family depending on marital status, type of family and class and social group are analyzed. The conclusion is made about the continued domination of men, who accounted for the main share of heads of families in Tambov. The processes of unifying the middle age of the heads of large families by the middle of the 19th century were noted. The conducted research has allowed reveal a difference of age of heads of families of the provincial center and heads of families of villages and the district city of the province. Additional studying is demanded by source study problems of history of provincial Russian city family at the end of 18th – the first half of the 19th century.

Keywords: head of the family; large family; small family; urban family; mass sources

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper is prepared under financial support of grant “Urban family and the processes of social modernization of provincial Russian town at the end of 18th – the beginning of 20th century: the portrait at the background of the epoch (basing on the materials of Tambov)”. Project Russian Foundation for Basic Research no. 17-11-68006a(p).

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171

Для цитирования: Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Главы семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-демографический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 160-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171.

For citation: Strekalov D.V., Strekalova N.V. Glavy semey Tambova v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: sotsial'no-demograficheskiy aspekt [The heads of Tambov families at the end of the 18th – in the first half of the 19th century: social and demographic aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 160-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 63.3

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РАБОТНИКИ ВОТЧИННЫХ КОНТОР ТАМБОВСКИХ ИМЕНЕЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА¹

© Руслан Магомедович ЖИТИН

кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального
моделирования социальных и политических процессов
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: istorik08@mail.ru

© Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

аспирант, кафедра всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: a-topil@yandex.ru

Проанализировано положение административных служащих имений Тамбовской губернии в конце XIX века. Изучены принципы управления помещичьей собственностью, состав штатных расписаний вотчинных контор, размер заработных плат конторских служащих. Источником для работы стал сборник «Сельскохозяйственных и статистических сведений по материалам, полученным от хозяев» (Санкт-Петербург, 1890, вып. 3), ряд описаний крупных тамбовских поместий, «Сборники статистических сведений по Тамбовской губернии» (Тамбов, 1886–1896, вып. 1–22). Актуальность работы определена важностью развитых форм администрирования в условиях предпринятой некоторыми владельцами модернизации своих имений. Наличие грамотных управляющих, безусловно, благотворно сказывалось на успехе ведения хозяйства. Изучение источников позволило определить различие норм управления в зависимости от стратификации помещичьих имений по количеству земли и по способам производственной деятельности. Количество служащих и их заработная плата увеличивались прямо пропорционально размеру владения. В итоге наиболее крупные имения сосредоточивали наибольшее количество персонала губернии. В имениях без наемных специалистов экономикой владения занимался сам помещик или приглашалась сезонная администрация. Номенклатура специалистов в Тамбовской губернии не отличалась постоянством, что показывает неразвитость рынка квалифицированной рабочей силы в пореформенной России.

Ключевые слова: административные работники; вотчинные конторы; управляющие; материальное обеспечение; номенклатура работников; крупные экономии; Тамбовская губерния

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-172-178

Систематический учет и анализ сведений о наемной администрации тамбовских имений начался еще в пореформенное время в связи с обращениями помещиков в кредитные учреждения. Тогда при залоге своих поместий владельцы предоставляли данные по расходу на управление, численности вотчинной сотрудников, уровню материального обеспечения рабочих и служащих. Благодаря работе Валуевской комиссии была организована первая публикация сведений по отдельным экономиям, которые были заложены в обществе взаимного поземельного кредита за три года (1870–1872) [1, с. 3].

Весьма ценным вкладом в историографию вотчинного управления являлся третий выпуск «Сельскохозяйственных и статистических сведений по материалам, полученным от хозяев» [2]. Подготовка издания производилась под руководством сотрудника департамента земледелия А.А. Шульца. Сведения собирались через добровольных корреспондентов. В ходе описания были выявлены конкретные показатели административных издержек в имениях ряда регионов России, дан краткий анализ полученных результатов.

В 80–90-е гг. XIX века важным источником для характеристики управления в русских имениях стали материалы земской статистики. Подробному описанию подвергались все компоненты помещичьего хозяйства вне зависимости от способа их ведения. В Тамбовской губернии это обследование происходило с 1887 по 1890 г. в восьми уездах

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках проекта «Форсированная модернизация лати-
фундиальных хозяйств России конца XIX – начала XX
века: экономическая динамика, социокультурные эф-
фекты» (грант Президента Российской Федерации для
государственной поддержки молодых ученых. Проект
№ МК-5688.2016.6).

[3]. Некоторые итоги работы земских статистиков подвел А.Ф. Фортунатов [1].

Интересные факты о развитии вотчинного делопроизводства содержались в рамках многочисленных описаний тамбовских имений, выходявших вплоть до Октябрьского переворота. Большое познавательное значение имеют статистические исследования Земетчинской экономии Долгоруких [4], Знаменского владения Строгановых [5], ряда других имений губернии [6].

Анализ указанных источников позволяет изучить способы управления усадьбами, оценить их значение для развития хозяйства помещиков. Для развитых интенсивно модернизирующихся экономий наличие грамотных управляющих, безусловно, благотворно сказывалось на успехе ведения хозяйства. Практики предпринимательской активности только входили в быт провинциальных владельцев, большинство которых не обладало необходимыми знаниями, сноровкой для выгодного предпринимательства на земле. Процесс трансформации вотчинного имения в капиталистическую экономию во многих случаях был заслугой грамотных управленцев.

Различие норм администрирования, обеспеченность необходимыми работниками определялись стратификацией помещичьих имений по количеству земли и по способам производственной деятельности. Общая сводка данных по Кирсановскому [7], Моршанскому [8], Лебедянскому уездам [9] Тамбовской губернии показывает почти полное отсутствие специалистов в мелких экономиях, преобладавших в структуре частного землевладения края (59 % от общего числа поместий).

Количество служащих в более крупных экономиях увеличивалось прямо пропорционально размеру землевладения, причем латифундисты концентрировали абсолютное большинство управленческих кадров. В имениях площадью от 100 до 200 десятин административные ресурсы отсутствовали в 84,9 % случаев, от 200 до 500 десятин – в 48,5 %, от 500 до 1000 десятин – в 17,8 %, от 1000 до 5000 десятин в – 1,7 % [4]. В хозяйствах свыше 5000 десятин дефицита наемного персонала зафиксировано не было. Нехватка необходимых работников в некоторых латифундиях может говорить о наме-

ренной ликвидации собственной запашки или ее переводе в арендное содержание. Из тех помещиков, которые вели собственное хозяйство, только 17 % обходились без профессиональных служащих.

Отсутствие вотчинных контор в огромном числе экономий Тамбовской губернии приводило к тому, что среднее количество служащих в регионе не повышало трех человек на одно владение. В 638 имениях Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов трудилось только 1450 специалистов, то есть 2,3 сотрудника в расчете на экономию.

Таким образом, для латифундий наличие административных работников представляло немалый интерес, так как контроль и производственное освоение значительных размеров экономической запашки не могли обходиться без профессионального штата рабочих.

По большей части в имениях без наемных специалистов экономикой владения занимался сам помещик. Насколько было распространено «ручное» управление, показывает сводка по Моршанскому уезду. Здесь половина экономий с площадью 50 и более десятин управлялась самими владельцами. В остальных экономиях уезда либо присутствовал наемный персонал, либо эти поместья состояли в аренде.

Похожий тренд наблюдался и в других черноземных губерниях России. По наблюдению статистиков, личный контроль владельцев над своими хозяйствами преобладал в трех уездах Орловской губернии [1, с. 13]. Во всяком случае, из 392 имений Мценского, Елецкого и Кромского уезда 288, то есть приблизительно 74 %, находились под управлением помещиков. Указанные уезды интересны еще и тем, что в них прослеживается зависимость размеров поместья и степени обеспеченности наемной администрацией. Мелкие экономии испытывали существенные трудности с наймом профессионалов, тогда как средние и крупные владения аккумулировали значительное количество местных работников.

В некоторой степени доля хозяйств с личным управлением зависела от сословной принадлежности помещика. В Тамбовской губернии крестьянские имения на 90 % управлялись самими хозяевами. В купеческих и дворянских владениях этот показатель был намного ниже: 73 и 31 % соответствен-

но. Как видим, дворяне пристальнее всего уделяли внимание найму специалистов. Нежелание высшего сословия самостоятельно заниматься своими имениями было предметом общественного дискурса [10]. Современники обвиняли «благородных» в экономическом абсентеизме, нежелании развиваться, частом отходе от земли. Данные по многим экономически развитым поместьям показывают недостоверность этой информации. Материалы земской статистики свидетельствуют, что дворянство первым в России стало переходить от простого надзора над собственностью к приглашению управляющих и использованию производственных новаций, основа которых стала в последующем перениматься другими группами населения.

Для ряда владельцев Тамбовской губернии было актуальным приглашение сезонной администрации. Так, в Кирсановских владениях на 641 постоянного конторского рабочего насчитывалось 86 временных, в Лебедянском уезде на 126 постоянных было 15 временных. Такую стратегию можно назвать компромиссом между нехваткой средств на постоянное содержание сотрудников и желанием доверить хозяйство грамотным управляющим.

Номенклатура специалистов в Тамбовской губернии, как и в других регионах России, не отличалась постоянством. В Моршанском уезде сотрудники с одинаковыми обязанностями носили название приказчиков, смотрителей и бурмистров и т. д. Та же ситуация наблюдалась в Кирсановском и Лебединском уездах, а также на территории других губерний России. Статистики отмечали, что часто выбор конкретной позиции в штатном расписании обуславливался даже не профессиональной занятостью человека, а его происхождением: лица городских сословий носили названия приказчиков и экономов, крестьяне именовались старостами, бурмистрами, ключниками.

Частым явлением в сельскохозяйственной практике дореволюционной России было включение в штатное расписание вотчинных контор неадминистративных по сути работников. Из 648 специалистов в имениях Тамбовской губернии 65 (10 %) занимались общим управлением, 92 (14 %) помогали начальнику в делопроизводстве, остальные 601 человек (76 %) занимались разнообразным

хозяйственным надзором. Во всех экономиях Лебедянских уезда было найдено только 12 управляющих.

Немало интересных сведений дает изменение среднего количества администрации по категориям землевладения. Как показывает выборка данных по Моршанскому и Кирсановскому уездам губернии, на одного работника приходилось в среднем до 700 и более десятин общей площади.

Высокая средняя загруженность одного специалиста в тамбовских имениях была обусловлена значительным землеобеспечением латифундий. Административному персоналу крупных имений доставалось гораздо большее количество земли, чем их коллегам в нечерноземной полосе России. Так, по уездам Санкт-Петербургской губернии средняя площадь экономической запашки на одного работника вотчинной конторы не превышала 50 десятин [1, с. 8].

Число десятин на одного управленца в тамбовских хозяйствах равномерно возрастает с возрастанием размеров экономической запашки. Показательны данные по Кирсановскому уезду. Здесь в экономиях до 200 десятин в среднем трудился 91 человек, в имениях от 200 до 500 – 104 человека. Латифундии привлекали большее количество специалистов. В поместьях от 500 десятин работу имели в среднем 156 управленцев.

Отсутствие стандартизированной номенклатуры конторских служащих показывало неразвитость рынка квалифицированной рабочей силы в пореформенной России. В какой-то мере на это влияла нестабильность экономики помещичьего хозяйства, только проходящей мучительный путь капиталистического становления, а также отсутствие в стране системы по подготовке и переподготовке сельскохозяйственных кадров. Данные по образованию специалистов имеются только для Моршанского уезда, и они наводят на грустные размышления: только 6 управляющих уезда (из 41) получили среднее сельскохозяйственное образование; в 5 крупных владениях губернии управляли иностранные подданные.

Эксперты признавали, что ведение частного хозяйства без надлежащего умения и знания явилось бедой для страны. Многочисленные случаи неграмотных подходов к надзору за собственностью порождали осо-

бое недоверие к управляющим и их деятельности. Газеты пореформенного времени с удовольствием сообщали читателям о все новых и новых случаях разорения поместий по вине начальников имений. И хотя нередко были случаи профессионального и грамотного отношения к своим обязанностям, образ русского конторского служащего на протяжении всего пореформенного времени являлся объектом для критики [11].

Внимательное рассмотрение повседневных практик администрирования конкретных имений позволяет заключить, что экономический успех в поместьях зависел от свободы работника в своих делах. По мнению некоторых современников, многочисленные проблемы частных поместий возникали не от дефицита знаний у служащих, а от отсутствия возможности реализовать «качества хорошего управления при непонимании дела помещиком и вследствие этого неправильном отношении его к ним» [1, с. 5]. В этой связи хозяйственная свобода, которой обладали начальники вотчинных контор самых успешных тамбовских экономий, только подчеркивает пользу наделения управляющих всей полномочной распоряжения в поместье.

Размер заработной платы является дополнительным индикатором доверия владельца к своим работникам. Необходимо отметить, что большинство управляющих Тамбовской губернии имели достойное вознаграждение за труд. Средний размер жалованья для хозяйств Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов достигал почти 800 руб. Причем Моршанский уезд резко выделяется особенно высоким средним размером жалованья. Здесь начальники контор получали от 240 руб. до 8 тыс. руб. (в среднем 1405 руб.). Специалисты из Кирсановского и Лебедянского уездов имели куда более скромные гонорары. В Кирсановском уезде в среднем оплата их труда составляла 595 руб., в Лебедянском – 557 руб.

Итоги земского обследования владений Тамбовской губернии вполне сопоставимы с материалами по другим районам Российской империи. Средний размер жалованья в 13 уездах 6 черноземных губерний России составил 710 руб. Интересно, что для нечерноземных регионов страны данный показатель был существенно ниже. В 141 имении Санкт-Петербургской губернии он равнялся 370 руб.

Наибольшую заработную плату платили работникам крупных поместий. В общей сумме административных расходов тамбовских помещиков материальное обеспечение управляющих составляло 9,6 % для малых и средних имений, до 20,6 % – в высших.

Помимо начальника, штат вотчинной конторы, как правило, состоял из бухгалтеров, кассиров, ключников, помощников управляющего и других сотрудников. Помощник управляющего в Моршанском уезде получал около 700 руб. Среднее жалованье конторщика для Кирсановского, Моршанского, Лебедянского уездов составляло около 190 руб. (Моршанский уезд – 227 руб., Лебедянский – 147 руб.; Кирсановский – 154 руб.). Среднее материальное обеспечение остальных работников администрации было гораздо меньшим по объему.

Приказчик в среднем получал немногим больше конторщика – около 200 руб. Жалованье старосты имело средний размер в 130 руб. в год, ключника – 100 руб., объездчика – 75 руб.

Результаты обследования по отдельным уездам Тамбовской губернии раскрывают средние траты помещика на наемных рабочих. Имеются данные для 1255 членов вотчинных контор. Наибольшие суммы получали работники экономий в Моршанском уезде (283 руб.). В Кирсановском уезде этот же показатель равнялся 181 руб., в Лебединском – 126 руб. Причем величина хозяйства сильно зависела от вознаграждения каждого специалиста. Если в имениях с 50–100 десятин собственной запашки на человека тратилось до 40 руб., то в латифундиях владелец отдавал своему персоналу 186 руб. В наиболее освоенных владениях региона на управление тратилось 319 руб.

В общих сумах, выделяемых на конторский аппарат поместий, расходы на одну десятину составляли 76 коп. Если оценивать и личный труд владельцев, траты на одну десятину возрастут до 90 коп.

Интересна известная зависимость между размерами хозяйств и относительными величинами административных расходов. Для Кирсановского и Лебедянского уездов наименьшие траты оказываются у владельцев имений среднего размера. Тот же вывод делается и при анализе расходов в Санкт-Петербургской губернии. Финансовые потери

на единицу общей площади здесь, оказывалась, достигали максимума в категории от 100 до 500 десятин (22 коп.). В имениях с площадью от 500 десятин они составляли только 12 коп.

По сведениям, извлеченным из оценочных ведомостей общества взаимного поземельного кредита за 1870–1872 гг., можно проследить траты по управлению 192 имений 41 губернии Европейской России. По подсчетам статистиков, средний расход их владельцев достигал 22,1 коп. на десятину.

К сожалению, ведомости – крайне ненадежный источник для анализа помещичьего хозяйства. Работавший с ними профессор Петровской сельскохозяйственной академии А.Ф. Фортунатов заключил, что по способу происхождения сведений, специфике сбора информации и обработке данные оценочных ведомостей нельзя назвать репрезентативными [1]. Если отобрать отдельно 118 поместий, находящихся в так называемой черноземной полосе (площадь 584 тыс. 879 десятин), то средний расход помещиков на их управление находился в пределах 24 коп. на десятину. Между тем для 74 поместий нечерноземной полосы аналогичный показатель составлял только 15,4 коп.

Губернии, в которых административные расходы на единицу площади превосходили 50 коп., составляли почти сплошной район на юге России. Вместе с Тамбовской это были Екатеринославская, Подольская, Донская, Курская, Харьковская, Киевская, Таврическая, Тульская, Воронежская и Полтавская губернии. Заинтересованность в сохранении земли, как мы видим, обуславливала значительные расходы на содержание работников. Наименьшие траты помещиков, не превышающие 25 коп. на десятину земельной площади, найдены банковскими оценщиками в Владимирской, Минской, Новгородской, Астраханской, Костромской, Оренбургской и Санкт-Петербургской губернии.

Одним денежным вознаграждением весь расход землевладельцев на наемную администрацию не определялся. Как правило, все служащие пользовались готовым содержанием от хозяев. Такая практика охватывала большинство экономий губернии.

Учет нематериальной поддержки администрации – наиболее слабый момент конторской статистики. В 40 % имений Мор-

шанского уезда эта статья не учитывалась совсем, в Кирсановском и Лебедянском уезде данные по готовому содержанию выявлены только для половины местных имений. Анализ имеющихся сведений показывает значительную долю нематериальной поддержки в общей структуре расходов на работников контор. По Моршанскому уезду такие траты составляли в среднем 25 % от суммы их жалованья, для Кирсановского – 41 % и Лебедянского уездов – 46 %. Часть специалистов не пользовалась готовым содержанием, предпочитая питаться на общей кухне, называемой в народе «белой застольной». Некоторые помещики Тамбовской губернии практиковали бесплатное снабжение своих служащих продуктами питания, не вычитывая их стоимость из заработной платы.

Таким образом, в конце XIX века практики управления тамбовских имений находились еще на стадии становления. Часть экономий еще не перешла под начальство профессионального штата служащих и велась самими владельцами. Наибольшего прогресса в правлении достигли крупные владельцы. Сосредоточивая большинство административных работников губернии, латифундисты имели все ресурсы для развития новых, эффективных практик модернизации частной земельной собственности.

Список литературы

1. *Фортунатов А.Ф.* Управление имениями в губерниях С.-Петербургской и Тамбовской. Спб.: Тип. В. Демакова, 1892. 13 с.
2. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Спб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1890. Вып. 3. Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. 496 с.
3. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Тамбов: Изд. Тамбов. губерн. земства, 1883–1900.
4. *Воронков А.И.* Краткое описание Заметчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911 г. Моршанск: Типо-литогр. В.И. Холуянова, 1911. 28 с.
5. Краткое описание имения графа П.С. Строганова при с. Знаменское Кариан. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1893. 24 с.
6. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Спб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. Вып. 1. 476 с.

7. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. / Издание Тамбовского губернского земства. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов: Губерн. зем. тип., 1891. 673 с.
8. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. / Издание Тамбовского губернского земства. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов: Губерн. зем. тип., 1890. 504 с.
9. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. / Издание Тамбовского губернского земства. Т. 17: Частное землевладение Лебедянского уезда. Тамбов: Губерн. зем. тип., 1891. V, 187, 212 с.
10. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 1. 564 с.
11. Житин Р.М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А.В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. С. 146-149.

References

1. Fortunatov A.F. *Upravlenie imeniyami v guberniyakh S.-Peterburgskoy i Tambovskoy* [Country Seats Control in Provinces of St. Petersburg and Tambov]. St. Petersburg, V. Demakov's Typography, 1892, 13 p. (In Russian).
2. *Sel'skokhozyaystvennyye statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot khozyaev, vyp. 3. Stoimost' proizvodstva glavneyshikh khlebov v Evropeyskoy Rossii* [Agricultural Statistical Information Basing on the Materials, Received from the Owners, issue 3. The Price of Core Breads in European Russia]. St. Petersburg, Typography of V.F. Kirshbaum, 1890, 496 p. (In Russian).
3. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii* [A Collection of Statistical Data in Tambov Province]. Tambov, Tambov Provincial County Publ., 1883–1900. (In Russian).
4. Voronkov A.I. *Kratkoe opisanie Zemetchinskogo votchinnogo imeniya ee siyatel'stva knyagini O.P. Dolgorukoy. K eksponatam na Morshanskoy sel'skokhozyaystvennoy vystavke 1911 g.* Morshansk [Short Description of Zemetchinskoe Patrimonial Country Seat Her Majesty Princess O.P. Dolgorukoya. To the Exhibit Items at Morshansk Country Exhibition 1911]. Morshansk, V.I. Kholuyanov's Typo-litography, 1911, 28 p. (In Russian).
5. *Kratkoe opisanie imeniya grafa P.S. Stroganova pri s. Znamenskoe Karian* [Short Description of Count P.S. Stroganov's Country Seat near Count Znamenskoe Karian]. Moscow, Typography of Partnership I.N. Kushnerev and C^o, 1893, 24 p. (In Russian).
6. *Kratkie spravochnye svedeniya o nekotorykh russkikh khozyaystvakh* [Short Reference Data about Some Russian Households]. St. Petersburg, V. Kirshbaum's Typography, 1900, vol. 1, 476 p. (In Russian).
7. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii. T. 16. Chastnoe zemlevladenie Kirsanovskogo uезда* [A Collection of Statistical Information in Tambov Province. Vol. 16. Private Landholding of Kirsanov County], publishing of Tambov province county council. Tambov, Provincial County Typography, 1891, 673 p. (In Russian).
8. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii. T. 15. Chastnoe zemlevladenie Morshanskogo uезда* [A Collection of Statistical Information in Tambov province. Vol. 15 Private Landholding of Morshansk County], publishing of Tambov province county council. Tambov, Provincial County Typography, 1890, 504 p. (In Russian).
9. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii. T. 17: Chastnoe zemlevladenie Lebedyanskogo uезда* [A Collection of Statistical Information in Tambov Province. Vol. 17 Private Landholding of Lebedyanskiy County], publishing of Tambov province county council. Tambov, Provincial County Typography, 1891, V, 187, 212 p. (In Russian).
10. Vasilchikov A.I. *Zemlevladenie i zemledelie v Rossii i drugikh evropeyskikh gosudarstvakh* [Landholding and Agriculture in Russia and Other European States]. St. Petersburg, 1876, vol. 1, 564 p. (In Russian).
11. Zhitin R.M. *Sotsial'nye kharakteristiki administrativnogo apparata Novo-Pokrovskogo imeniya grafa A.V. Orlova-Davydova* [Social characteristics of administrative apparatus of Novo-Pokrovskiy County of count A.V. Orlov-Davidov]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2014, no. 11, pp. 146-149. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.

Отрецензирована 10.01.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 28 November 2016

Reviewed 10 January 2017

Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interests.

UDC 63.3

ADMINISTRATIVE OFFICERS OF THE PATRIMONIAL OFFICES OF THE TAMBOV ESTATES IN THE LATE 19th CENTURY

Ruslan Magometovich ZHITIN

Candidate of History, Research Worker of Fractal Modeling of Social and Political Processes Centre

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: istorik08@mail.ru

Aleksey Gennadevich TOPILSKIY

Post-graduate Student, General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: a-topil@yandex.ru

The situation of administrative employees of the Tambov province estates at the end of the XIX century is analyzed. The principles of management, the composition of the staffing tables of the patrimonial offices, the salaries of clerical employees are researched. The source for the work was a collection of "Agricultural and statistical information on the materials received from the owners" (St. Petersburg, 1890, issue III), a number of descriptions of large Tambov estates, "Collections of statistical information on the Tambov province" (Tambov, 1886–1896, issue 1–22). The relevance of the work is determined by the importance of advanced forms of administration in the context of the modernization undertaken by some owners of their estates. The presence of competent managers, of course, had a beneficial effect on the success of farming. The study of sources made it possible to determine the difference in the norms of management, depending on the stratification of landed estates by the amount of land and the methods of production activity. The number of employees and their wages increased in direct proportion to the size of ownership. As a result, the largest estates concentrated the largest number of staff in the province. In estates without hired specialists, the landowner was engaged in the economy of ownership or a seasonal administration was invited. The nomenclature of specialists in the Tambov province was not constant, which shows the underdevelopment of the skilled labor market in post-reform Russia.

Keywords: administrative workers; patrimonial offices; managers; material support; workers' nomenclature; large savings; Tambov province

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is prepared within the framework of the project "Accelerated modernization of latifundium household of Russia at the end of XIX – the beginning of XX century: economic dynamics, social-cultural effects" (grant of the President of Russian Federation for state support of young scientists. Project no. MK-5688.2016.6)

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-172-178

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. Административные работники вотчинных контор Тамбовских имений в конце XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 172-178. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-172-178.

For citation: Zhitin R.M., Topilskiy A.G. Administrativnye rabotniki votchinnikh kontor Tambovskikh imeniy v kontse XIX veka [Administrative officers of the patrimonial offices of the Tambov estates in the late 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 172-178. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-172-178. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

© **Катарина КУХЕР**

доктор истории, профессор, научный сотрудник института

Восточно-Европейской истории и страноведения

Университет Эберхарда и Карла

72074, Федеративная Республика Германия, г. Тюбинген, Гешвицер-Шоль-Платц

E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

© **Павел Петрович ЩЕРБИНИН**

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Специально и комплексно изучена система социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии XIX – начала XX века сквозь призму государственной, общественной и благотворительно частной деятельности. На основе широкого комплекса первичных материалов (архивных источников, периодической печати, воспоминаний) были репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен отечественный и мировой опыт изучения формирования систем социального государства и гражданских благотворительных инициатив в провинциальной России, которая нередко имела существенные отличия от столичных реалий. Выявлена удивительная успешность организации призрения детей-сирот на региональном и уездном уровне, что позволяет оценить модернизацию общественных инициатив в городском и сельском социуме рассматриваемого хронологического периода. Уточнены возможности земских учреждений в процессах благотворительной деятельности, а также проявления софинансирования и соучастия в этих земских проектах частных лиц (представителей купечества, дворянства, мещан и духовенства). Специально рассмотрено положение и политика по передаче подкинутых детей в частные руки на воспитание, оценены финансовые проблемы, связанные с передачей этих детей-сирот в бездетные семьи. Выявлены основные мотивы активной благотворительной деятельности крупных региональных меценатов, что отражало общие тенденции в развитии самооценки провинциального купечества и представителей других сословий Российской империи рассматриваемого периода. Сделаны выводы о результатах и историческом опыте, традициях и особенностях поддержки детей-сирот на уровне губернии и уезда, что позволило успешно реконструировать данную систему социальной защиты дореволюционной России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений благотворительной поддержки и частной инициативы в рассматриваемый период, а также оценки общественно-политических, социокультурных и этноконфессиональных позиций регионального социума. Уточнено влияние отдельных категорий благотворителей на социальную защиту детей-сирот в период воспитания и обучения в приютах, а также последующей социализации.

Ключевые слова: дети-сироты; призрение детей; социальная защита; благотворительные учреждения; социальная опека; детские приюты; региональная благотворительность; гражданские инициативы; провинциальный социум

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189

Дети-сироты являлись неотъемлемой частью социокультурного, этно-конфессионального, общественного-правового и социально-экономического пространства в Российской империи XIX – начала XX века [1]. Эти несчастные и нередко беспомощные

подданные являлись не только индикатором реального состояния социальной защиты в стране, но и демонстрировали возможности социального государства, а также частной инициативы и развития общественной благотворительности. Внимание государства и общества, сословных и профессиональных сообществ, отдельных людей к проблемам детского сиротства отражали настроения, менталитет, социально-правовые установки,

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДФГ, ФРГ (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1 (Internationale Kooperationsanbahnung)).

традиции семейных патриархальных устоев российского социума.

В статье рассмотрены особенности, тенденции и основные этапы развития социальной поддержки детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века, что позволило реконструировать систему частной, общественной и государственной благотворительности, выявить практику социального призрения детства в имперский период отечественной истории.

При изучении уровней и результативности призрения детей-сирот, реконструкции благотворительных инициатив в региональном контексте необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Какова была нуждаемость детей-сирот в общественном попечении и насколько эффективны были сословные механизмы их социальной защиты?
2. Как регламентировались сословно-правовые механизмы организации призрения детей-сирот на региональном уровне?
3. Учитывались ли этно-конфессиональные особенности при организации призрения детей-сирот?
4. Как влияло реформирование системы социального призрения в Российской империи на практику социальной защиты детей, оставшихся без родителей?
5. Как относилось к детям-сиротам их социальное окружение, власть и общество?
6. Насколько эффективной была социальная поддержка и существовали ли для детей-сирот возможности использования «социальных лифтов»?
7. Влияли ли гендерные стратификации на перспективы социальной защиты для детей-сирот?
8. Насколько сопоставимы были государственная, общественная и частная социальные поддержки детей-сирот?
9. Какое место в социальной защите детей-сирот занимала инициатива отдельных меценатов и общественных деятелей?

Ответы на эти и другие вопросы по изучаемой проблематике возможно получить лишь при кропотливом анализе всего массива архивных и опубликованных источников и материалов. Заметим, что благотворительная деятельность в контексте социальной защиты детей-сирот имеет добротную и хорошо сохранившуюся источниковую базу [2]. Специ-

альные обзоры публиковались и в статистических сборниках [3, с. 248]. Необходимо учитывать, что в соответствии с законодательством Российской империи и сложившейся практикой все благотворительные организации обязаны были регулярно, ежегодно отчитываться о полученных и потраченных средствах, а также предоставлять подробные отчеты о своей деятельности [4, с. 22-31]. Регламентировалась и собственно филантропическая деятельность, то есть любое пожертвование или общественная инициатива должны были вначале получить поддержку губернатора, полицмейстера и министерства внутренних дел. Важно учитывать, что большинство отчетов и материалов о социальной защите или пожертвованиях должны были быть опубликованы в периодической печати и выходили отдельными выпусками.

В России был лишь один институт – православная церковь, которая в XIX веке несильно афишировала свою социальную поддержку детей-сирот, хотя реально оказывала таким детям серьезную и полезную помощь [5].

Все же наиболее полная и достоверная информация содержится в архивных фондах центральных и региональных архивов. Так, фонд 4 «Канцелярии губернатора» содержит ежегодные обязательные отчеты всех благотворительных организаций (детских приютов, очагов и пр.).

Весьма подробные отчеты и наблюдения о социальной поддержке детей-сирот содержатся в материалах периодической печати: газетах «Тамбовский губернские ведомости», «Тамбовские региональные ведомости» и других региональных изданиях.

Немногие воспоминания и дневниковые записи современников позволяют оценить реальное положение в детских приютах и других благотворительных учреждениях. Примечательно, что во всех официальных отчетах, публикациях в местной периодической печати состояние дел в приюте для малолетних преступников в г. Тамбове в начале XX века характеризовалось как образцовое. Но реальное положение детей в этом заведении весьма подробно описано в мемуарах тамбовского губернатора Н.П. Муратова. Перед своим отъездом из Тамбова на новое назначение курским губернатором Н.П. Муратов решил познакомиться с этим благоотво-

рительным учреждением. За день до его посещения в приюте-колонии побывали члены правления – председатель суда и губернский прокурор. Они написали в книге посетителей, что все нашли в образцовом порядке. Свидетельство мемуариста совершенно противоположное: «...На всем лежал отпечаток запустения, заброшенности, во дворе была грязь, валялись отбросы и чем-то скверно пахло... В большой комнате за длинными не накрытыми столами сидели грязные, обтрепанные, с немытыми руками воспитанники, что-то ели...» [6, с. 391]. При комплексе воспитанников 100 человек было 105 побегов, причем три мальчика пытались даже организовать крушение поезда.

Губернатор указал, что «земские деньги разворовываются и контроля за колонией-приютом нет, после чего Челокаев отказался от заведывания приютом».

Несомненно, добротный анализ и привлечение всего комплекса исторических свидетельств и материалов способны помочь восстановить реальную практику социальной поддержки детей-сирот в рассматриваемый период, а также сопоставить историографические оценки и подходы по заявленной теме.

Начальный период заботы о детях-сиротах в регионе был связан с призрением и социальной поддержкой детей-сирот в монастырях, которые имели серьезное влияние на весь уклад жизни и общественные настроения в XVII–XVIII веках. В эпоху Петра I были заложены основы государственной системы социального призрения детей [7, с. 26]. Однако мотивация Петра I была предельно проста: стояла задача сохранить представителей податного сословия, а значит будущих рекрутов и налогоплательщиков.

Важной вехой в развитии благотворительности и социальной защиты детей-сирот стало создание приказов общественного призрения в губерниях Российской империи после 1775 г. Во главе учреждения стоял губернатор, а к работе привлекались выборные представители сословий. Именно в этот период складываются основные типы богоугодных заведений: сиротский дом, больница, богадельня [7].

Наиболее эффективными в формировании и развитии системы социальной защиты детей-сирот были мероприятия Николая I. Создается ведомство детских приютов, и в

1831 г. было утверждено положение о сиротских домах [8]. Именно при Николае I было запрещено свободно принимать незаконнорожденных детей в воспитательные дома. Туда могли приниматься только подкинутые неизвестными, доставленные полицией и не имеющие родственников. Эти незаконнорожденные, оставшиеся на попечении государства, приписывались к военным кантонистам и находились в ведении приказов общественного призрения до восьмилетнего возраста [9]. Таким образом, фактор сбережения детей-сирот мужского пола отражал лишь военные потребности государства [10].

Великие реформы Александра II сыграли выдающуюся роль в развитии благотворительности в российской провинции, пробудив невиданные прежде возможности и ресурсы социальной защиты детей-сирот. Каковы же были мотивы этих «новых» благотворителей, кто они были эти акторы гражданской и общественной инициативы, которые смогли спасти жизни десятков тысяч детей и обеспечить им успешное воспитание и образование?

Важно оценить и понять мотивы новой волны благотворителей. Заметим, что правительство достаточно терпимо, а порой покровительственно относилось к благотворительной деятельности в провинции, так как это избавляло государство от дополнительных расходов и забот в социальной сфере.

Нередко участие в благотворительности считалось для имущих престижным, поскольку получало всестороннее одобрение общественного мнения. В глазах своего социального окружения и общества в целом человек, занимавшийся благотворительностью, пользовался уважением и особым авторитетом. Репутационный компонент тоже имел важное значение и играл выдающуюся роль в мотивации благотворителя. Да сами моральные установки провинциального социума отражали устойчивые традиции общества.

Вполне очевидно, что благотворительная деятельность часто выступала фактором социальной мобильности. Именно благотворительность и меценатство облегчали социальное продвижение для тех, кто не принадлежал к привилегированному дворянскому сословию. Во многих случаях благотворительная деятельность открывала дорогу к почетному гражданству. Неслучайно наиболее известные

представители тамбовского купечества второй половины XIX в., занимавшиеся благотворительностью (А.М. Носов, А.И. Толмачев и др.), были удостоены звания почетного гражданина.

К концу XIX века в России было разработано законодательство, регулировавшее филантропическую деятельность. Закон запрещал принимать пожертвования от лиц, которые могли быть заподозрены в заинтересованном отчислении средств – для легализации незаконных доходов или получения наград от правительства. В уставе об общественном призрении говорилось: «При пожертвовании от частных людей должно обращать внимание на поведение и прежний образ жизни лица приносящего, не был ли и не состоит ли под судом и следствием». Проверкой «чистоты» благотворителей занималось МВД. Земские учреждения, принимая пожертвования от частных лиц, были обязаны публиковать информацию о них в специальных ведомостях. Таким образом, государство стремилось держать под контролем частную филантропическую инициативу, ориентируясь на открытость и гласность.

В историографии сложились вполне определенные подходы к оценке гражданских инициатив и благотворительных тенденций в сфере социальной защиты. К классическим исследованиям критериев и форм социального государства можно отнести ряд работ зарубежных историков [11–13].

Успешное освоение заявленной в статье проблемы с точки зрения оценки уровней социальной защиты в Российской империи провели исследователи истории семьи и частной жизни [7; 14; 15].

Региональные аспекты развития социальной защиты детей-сирот в XIX – начале XX века наиболее полно и подробно раскрыты в работах Т.Г. Деревягиной [16] и О.А. Дорожкиной [1].

Рассмотрим четыре основные модели сиротского призрения XIX – начала XX века, которые сложились в Тамбовской губернии, показав удивительные результаты и возможности региональной инициативы:

- 1) воспитание подкидышей у частных лиц (под контролем земских учреждений);
- 2) работа сиротского дома;
- 3) частная, прежде всего купеческая, благотворительность;

- 4) уездные сиротские учреждения и организации.

Воспитание подкидышей у частных лиц сложилось как вариант сохранения, а нередко и спасения детей в условиях их высокой смертности в учреждениях приказа общественного призрения. Обычно подкидыши первоначально доставлялись в земское заведение общественного призрения и именно, по отсутствию специальных для них заведений, – в земские больницы. Расходы на содержание этих сирот земство брало по статье благотворительные расходы [17, с. 11].

В первый год передачи дел от приказа общественного призрения в приют для подкинутых детей при губернской земской больнице поступило 9 подкидышей, из которых 3 умерло, остальные были отданы на воспитание за плату. Размер выплат был установлен еще со времен приказа общественного призрения и сохранялся неизменным более двадцати лет до 1887 г. Воспитателям подкидышей платили до достижения ими 7 лет по 1 руб. 50 коп. в месяц, а затем (12–14 лет) по 70 коп. в месяц.

В 1887 г. было решено повысить эти выплаты и они стали составлять: по 2 руб. воспитателям детей до 7 лет, а от 7 до 14 лет по 1 руб. в месяц. В 1890 г. плата за детей до 7 лет была повышена до 3 руб. в месяц [18, с. 135]. Но повышение выплат могли делать и сами уездные земства. Так, возникла и коллизия с платой за призрением и ростом желающих призывать детей в Моршанском уезде. Местное Моршанское земство ввело оплаты в 3 руб., а потом в 5 руб. в месяц за воспитание подкидышей, что способствовало резкому росту желающих взять на воспитание этих сирот. Так, в 1879 г. губернская управа выдавала пособие на воспитание 150 подкидышей. А спустя три года выяснилось, что моршанская управа раздает пособие на 45 подкидышей. Это составляло около трети всех призреваемых подкидышей губернии.

В 1887 г. пособие на призрение подкидышей выдавалось на 250 детей, в том числе в Моршанском уезде на 130 детей. Моршанцы всегда удваивали сумму пособия, то есть вместо трех, выплачивали 6 руб. в месяц на ребенка (около 3000 руб. составляла эта доплата от уездного земства). Вскоре выяснилась и причина столь активной заботы о подкинутых детях. Дело в том, что первоначаль-

но в Моршанске был устроен приют для подкидышей, но там так была велика смертность, то было признано за лучшее отдавать подкидышей в частные руки и с платой пособия от земства. Заметим, что аналогичные приюты были открыты также в Тамбове и Шацке, но высокая смертность детей (в Моршанском – 60 %, Шацком – 90 %) привела к стремлению отдать детей в частные руки [16, с. 41]. Это пример вполне примечателен тем, что, несмотря на всю регламентацию МВД любой благотворительной деятельности, земцы находили возможность реализовывать собственные планы и добивались их реализации.

Постепенно менялись некоторые правила раздачи детей. С 1890 г. раздавать детей стали лишь бездетным людям, причем лишь после отнятия детей от груди, а до этого времени их вскармливали в приюте. В 1894 г. было внесено в смету земства на плату за воспитание подкинутых детей 5500 руб. С четырехмесячного возраста детей переводили на искусственное вскармливание и лишь после прорезывания зубов, в среднем – по достижении детьми десятимесячного возраста. Это было сделано для того, чтобы предотвратить «питомнический промысел», когда детей брали, чтобы получить деньги и не обеспечивали им хорошего вскармливания, что давало высокую смертность.

Раздача бездетным уже после того, как ребенок прожил самый нежный возраст в приюте, введена была потому, что такие дети становились потом как бы членами семей.

В 1899 г. на средства земства (10000 руб.) было построено при губернской больнице здание на 50 подкинутых детей. Это было каменное, двухэтажное здание, где и был размещен приют для подкинутых детей, которым заведовала врач М.С. Прокофьева. В 1902 г. было подкинуто и находилось в приюте 223 ребенка, из них было роздано по деревням – 50, возвращено матерям – 37, умерло в приюте 70, то есть смертность составляла 31 % [18].

Впрочем, необходимо учитывать, что традиционное общество, включавшее в себе крестьянский социум, само довольно успешно решало проблемы с заботой о детях-сиротах [19; 20]. По оценкам В.Б. Безгина, материальное обеспечение сироты являлось главной заботой односельчан. Круглые сироты

проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства в случае отсутствия дохода с имущества опекаемого. В судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей, принимала участие вся община. Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворянам [21, с. 78].

Еще одним важным механизмом для социализации детей-сирот и их последующей поддержки были сиротские дома. Тамбовский приказ общественного призрения содержал в сиротском доме 50 мальчиков и 30 девочек. Но в 1865 г. учреждения приказа были переданы Тамбовскому земству, которое взяло на себя финансирование этого «богоугодного заведения». В среднем в год там призревало около 120 детей [17, с. 187].

Так, в 1872 г. в сиротском доме воспитывалось 105 сирот за счет губернского земства, 10 за счет дворянства, и еще было более 50 стипендиатов уездных земств и частных лиц. Сметы составлялись на 120 мальчиков и 60 девочек. Средний расход на одного воспитанника составлял 28 руб. в год.

Так как многие воспитанники и воспитанницы сиротского дома учились в мужской и женской гимназиях и в реальном училище, то им шилось форменное платье. Мальчикам форменные сюртуки синего или темнозеленого сукна с галунами и металлическими пуговицами, форменные плащи и форменные фуражки. Девочкам – шерстяные коричневые платья, черные шерстяные передники. Воспитанники могли и успешно получали не только начальное, но и среднее и даже высшее образование. Более 40 из них ежегодно получали стипендии тамбовского губернского земства [22]. Таким образом, земское самоуправление не просто обеспечивало детям-сиротам питание, кров и обучение, но по сути давало возможности получения добротного образования, что открывало перспективы для «социального лифта» и перспектив адаптации в окружающем мире.

Одним из самых успешных проектов по спасению, поддержке и адаптации детей-сирот были приюты как традиционная форма частной благотворительности. Приюты существовали преимущественно на благотворительные средства, так как государственная казна, городские и земские учреждения отпускали на их содержание незначительные

суммы. В многих регионах Российской империи именно частная благотворительность позволяла развиваться этой форме социальной поддержки детей-сирот.

В Тамбовской губернии первый детский приют был целиком основан на частные пожертвования – это был Мариинский приют. Он был основан 21 апреля 1847 г. при участии губернатора Петра Алексеевича Булгакова и на пожертвования жителей Тамбовской губернии. Примечательно, что собственно идея открытия такого приюта возникла у благотворительницы коммерции советницы Татьяны Ивановны Лион, которая пожертвовала для приюта деревянный дом, но благоустроить его не успела. Ее сын, инженер-капитан С.М. Лион, приспособил дом для приюта и пожертвовал ему всю усадьбу, располагавшуюся в одном из лучших районов Тамбова. Мариинским приют был назван в честь великой княжны Марии Николаевны, вотчины которой находились в Тамбовской губернии.

Было создано попечительство, и попечительницей приюта была назначена по традиции жена губернатора К.Р. Булгакова. Капитал приюта, размещенный в тамбовском приказе общественного призрения, составлял 12154,47 руб. Первыми призреваемыми были 19 мальчиков и 18 девочек. Затем долгие годы в приюте призревало до 150 детей. В 1875 г. на попечении в приюте было 107 детей. Всего с 1847 по 1877 г. призревало 3406 детей, из них мальчиков 1371 и девочек 2035 [23].

В Мариинский приют принимались дети от 3 до 10 лет, преимущественно сироты или дети беднейших горожан. Мальчики обучались грамоте, девочки – рукоделию. По достижении десятилетнего возраста воспитанники передавались в ремесленное училище, дом трудолюбия, фельдшерскую школу или к надежному мастером для обучения профессии.

Мариинский детский приют также финансировали М.В и В.Т. Асеевы, которые были членами попечительского совета этого заведения. Эти же меценаты содержали в Тамбовском уезде приют малолетних сирот, оставшихся после смерти фабричных рабочих при суконной фабрике Асеевых, в селе Рассказово.

Бюджет Мариинского приюта пополнялся также за счет разнообразных вечеров, концертов и любительских спектаклей, дававших ежегодный доход до 1000 рублей. Весенние лотереи приносили Мариинскому приюту солидные прибыли, которые использовались для учреждения стипендий воспитанникам. Успешное призрение детей-сирот в этом благотворительном учреждении вполне отражало веление времени и было примером успешной частной благотворительной инициативы жителей Тамбовской губернии.

Имели место и новации. Важно отметить, что местное самоуправление охотно шло на «софинансирование» важных и необходимых детских благотворительных учреждений. Так, купец А.М. Носов открыл в 1885 г. ремесленную мастерскую с приютом для обучения и содержания мальчиков, которая затем была преобразована в ремесленное училище. В 1889 г. был открыт при богадельне приют для мальчиков, а с 1891 г. приют и для девочек [24, л. 1]. Эти учреждения содержались и за счет местного самоуправления, хотя большая часть расходов покрывалась из денег А.М. Носова.

В целом, необходимо отметить, что была разработана и неукоснительно действовала система гласной (публикуемой в специальных брошюрах и газетах) балансовой отчетности о работе всех без исключения учреждений и организаций общественного призрения, в том числе городских и частных. Данный порядок отчетности практически исключал возможность должностных злоупотреблений, коррупции и тем более прямого воровства.

Призрение детей-сирот велось непрерывно, последовательно от дошкольного возраста, через начальную школу до изучения профессий или ремесел, до обеспечения их самостоятельного существования. Соблюдался принцип раздельного образования и воспитания мальчиков и девочек, лишенных семейного попечения [25].

Важно учитывать, что частная инициатива в сфере благотворительности чутко реагировала на острые, нередко неожиданно возникавшие проблемы, которые не требовали долгого согласования в столице и МВД. Так, в 1871 г. после эпидемии холеры в Тамбовской губернии умерло 12605 человек. В Тамбове в результате оказалось много детей-

сирот, которые нуждались в экстренной помощи и поддержке. По инициативе местных жителей и согласовании этой инициативы с губернатором был образован особый Комитет по призрению сирот. Сбор пожертвований, организованный комитетом, дал более 5440 руб., что позволило организовать призрение 60 детей. Некоторых из них поместили на собранные средства в Мариинский детский приют, других в дом трудолюбия. Многие благотворители сделали дополнительные пожертвования. Так, граф П.С. Строганов решил жертвовать по 200 руб. ежегодно в течение 10 лет, Е.Д. Нарышкин выделил 350 руб. на покупку кроватей и устройство постелей для детей. Общество ремесленников пожертвовало одновременно 300 руб. Для мальчиков-сирот решено было устроить ремесленное училище [23, с. XVII].

Наконец, важно учитывать и уездные инициативы частных благотворителей и меценатов по вопросу призрения детей-сирот. Одним из примеров такой частной благотворительной инициативы является случай с завещанием лебедянского купца Афанасия Адриановича Уланова. Он скончался в 1894 г. и завещал свой дом, имущество и доходы для создания в г. Лебедянь приюта для сирот-мальчиков, назвав его Александровским в память о почившем императоре Александре III. В феврале 1917 г. его душеприказчики подали прошение Тамбовскому губернатору о желательности открытия приюта на 5 сирот и ходатайствовать об этом перед МВД [18, с. 105].

Благотворительные учреждения Тамбовской губернии в начале XX века были самыми разнообразными и отражали спектр настроений и традиций уездного общества [26]. В Липецке 43 сироты призревались в детском приюте имени Хренникова и содержались на проценты с капитала и арендные деньги со 120 десятин земли. В Елатье был детский мужской приют при благотворительном комитете при Елатомском городском общественном управлении, и там призревалось 10 мальчиков на частные пожертвования и городские средства. В Моршанске был городской сиротский дом, находившийся в ведении города, где призревалось 22 человека на проценты с капиталов и аренду земли. В уездном Козлове на средства городского самоуправления содержалась Никола-

евская богадельня с сиротским домом на 58 человек. Кроме того, в городе имелся Александро-Невский приют для сирот, который находился в ведении Императорского человеколюбивого общества, а источниками его содержания были членские взносы, пожертвования и доходы от просфоропечения и швейной мастерской [18, с. 110-112].

Понятно, что не могла остаться в стороне от призрения детей-сирот и православная церковь. Так, еще в 1870 г. при тамбовском женском монастыре был основан приют для девочек. Он содержался полностью на средства монастыря и в год тратилось более 1000 руб. Помещался приют в деревянном двухэтажном монастырском здании. В 1878 г. в приюте было 19 девочек от 7 до 17 лет. Решение о приеме детей в приют должно было принимать епархиальное начальство и преимущество отдавалось детям-сиротам из духовного звания [25].

В г. Елатье имелся свой женский детский приют при Рождество-Богородицкой церкви, который находился в ведении церковно-приходского попечительства. Там призывалось в 1902 г. 15 человек на пожертвования, проценты с капитала и деньги, полученные от рукоделия [18, с. 108]. В Лебедянском уезде был женский приют для сирот при Сезеновском женском монастыре, призывалось там 13 человек на средства монастыря [18, с. 109].

Большое внимание и забота уделялись детям-сиротам в военные годы XIX – начала XX века [2]. Но эта страница регионального опыта благотворительной заботы о детях-сиротах требует отдельного рассмотрения.

Подводя предварительные итоги проведенного исследования заявленной в статье темы, можно сделать следующие выводы и заключения.

1. Призрение детей-сирот, независимо от сословной, социально-правовой и этноконфессиональной принадлежности, признавалось властью и обществом серьезной и неотложной для решения проблемой, что порождало не только внимание к ней административных структур (приказа общественно-го призрения, полиции и др.), но и вызывало самостоятельные частные инициативы различных представителей населения региона.

2. Сословно-правовые и социальные условия социальной защиты являлись универ-

сальными и лишь учет гендерных особенностей разделял типы и формы призрения детей-сирот. В отдельных случаях, как это было с приютами при монастырях, преимущество имели сироты лиц духовного звания. Но позиция купеческой, земской и городской благотворительности была иной и не допускала сословной или иной сегрегации и разделения детей-сирот по какому бы то ни было основанию.

3. Общественное попечение и призрение детей-сирот было достаточно эффективным и давало возможности для большинства воспитанников социальных учреждений для получения профессии, необходимого образования и успешной социальной адаптации в обществе.

4. Для полной и объективной реконструкции социальной защиты детей-сирот сквозь призму региональной благотворительности и частной инициативы важно проводить межрегиональные исследования, а также активнее изучать международный опыт и методологию заявленной научной проблемы.

Список литературы

1. *Дорожкина О.А.* Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000. 51 с.
2. *Щербинин П.П.* Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 334-341.
3. *Маклаков Н.* Нарышкинский Александровский приют для арестантских детей // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1903.
4. Отчет Тамбовского земского исправительно-воспитательного приюта, состоящего под высочайшим покровительством государя императора за 1910 г. Третий отчетный год. Тамбов: Зем. тип., 1912.
5. Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1879. С. 127-128.
6. *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007.
7. Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб.: Лики России, 2008.
8. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в России // Большая Российская энциклопедия: в 33 т. М., 2005. Т. 3.
9. *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII–XIX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 147-157.
10. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 – начале 20 в.: монография. Saarbrücken, 2010. 545 с.
11. *Ritter G.A.* Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 2010.
12. *Kaufmann F.-X.* Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich. Frankfurt a/M., 2003.
13. *Lindenmeyr A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
14. The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research / ed. by D.L. Ransel. Urbana; Illions, 1978.
15. *Kucher K., von Winning A.* Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 63. 2015. № 2. S. 233-255.
16. *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбове (вторая половина XIX – начало XX в.). Тамбов, 2004.
17. Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / сост. Н. Романов. Тамбов, 1889.
18. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1903.
19. *Тютчев А.П.* Опекa у крестьян над малолетними и несовершеннолетними сиротами, безумными, сумасшедшими, глухонемыми, немыми, над имуществом должников и безвестно отсутствующих, и над расточителями. СПб., 1912.
20. *Осопова М.Т.* Материальное положение опекаемых малолетних в крестьянской среде Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 2. С. 152-157.
21. *Безгин В.Б.* Опекa малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2. С. 76-80.

22. Герд И. Сиротский дом Тамбовского губернского земства // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губернского правления, 1903. С. 121-123.
23. Указатель статей, помещенных в «Неофициальном отделе Тамбовских губернских ведомостей» за 1871–1877 г. / сост. М.П. Григоровский. С. LII.
24. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 962.
25. Попов Н.М. Социальная политика городского самоуправления Тамбова во второй половине XIX – начале XX в. // Тамбов: История, современность, перспективы: сб. трудов науч.-практ. конф., посвящ. 370-летию г. Тамбов. Тамбов, 2006. С. 13-15.
26. Nachtigal R. Die Entstehung eines staatlichen Gesundheitswesens in Russland 1890–1918 vor dem Hintergrund der Seuchenproblematik // Hungersnöte in Russland und in der Sowjetunion 1891–1947 / hrsg. A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen, 2017. S. 297-329.
6. Muratov N.P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Proceedings of Tambov Governor]. Tambov, 2007. (In Russian).
7. *Sirotdstvo i besprizornost' v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Orphanage and Homelessness in Russia: History and Modern World]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008. (In Russian).
8. Ulyanova G.N. *Blagotvoritel'nost' v Rossii* [Charity in Russia]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2005, vol. 3. (In Russian).
9. Sokolov A.R. *Rossiyskaya blagotvoritel'nost' v XVIII–XIX vv. (k voprosu o periodizatsii i ponyatiynom apparate)* [Russian charity in 18th–19th centuries (on the issue of periodization and nomenclature)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2003, no. 6, pp. 147-157. (In Russian).
10. Shcherbinin P.P. *Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v 18 – nachale 20 v.* [Military Factor in Everyday Life of Russian Woman in 18th – the Beginning of 20th Century]. Saarbrücken, 2010, 545 p. (In Russian).
11. Ritter G.A. *Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich*. München, 2010. (In German).
12. Kaufmann F.-X. *Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich*. Frankfurt am Main, 2003. (In German).
13. Lindenmeyr A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.
14. Ransel D.L. (ed.). *The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research*. Urbana; Illinois, 1978.
15. Kucher K., von Winning A. Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 63, 2015, no. 2, pp. 233-255. (In German).
16. Derevyagina T.G. *Rol' i mesto blagotvoritel'noy deyatel'nosti kuptsa A.M. Nosova v organizatsii sotsial'nykh uchrezhdeniy v g. Tambove (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Role and Place of Charity of the Merchant A.M. Nosov in the Organization of Social Institutions in Tambov (the Second Half of 19th – the Beginning of 20th Century)]. Tambov, 2004. (In Russian).
17. Romanov N. (compiler). *Statisticheskiy obzor raskhodov i dokhodov Tambovskogo gubernskogo zemstva po obshchestvennomu prizreniyu za 1866–1887 gg.* [Statistic Review of Expenses and Income of Tambov Provincial Zemstvo in Public Assistance for 1866–1887]. Tambov, 1889. (In Russian).
18. *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903. (In Russian).
1. Dorozhkina O.A. *Sirotdstvo v Rossii: istoriko-pedagogicheskiy analiz* [Orphanage in Russia: Historic-Pedagogical Analysis]. Tambov, 2000, 51 p. (In Russian).
2. Shcherbinin P.P. *Deti-sirot y i ikh prizrenie v period voyn Rossii nachala XX v. [Orphans and their charity during the wars Russia beginning of 20th century]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 334-341. (In Russian).
3. Maklakov N. *Naryshkinskiy Aleksandrovskiy priyut dlya arestantskikh detey [Naryshkin-Aleksandrovskiy Asylum for prisoners-children]. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903. (In Russian).
4. *Otchet Tambovskogo zemskogo ispravitel'no-vospitatel'nogo priyuta, sostoyashchego pod vysochayshim pokrovitel'stvom gosudarya imperatora za 1910 g. Tretiy otchetnyy god* [A Report of Tambov County Redemptory-Educational Asylum, Being under Supreme Protection of His Majesty the Emperor for 1910. Third Account Year]. Tambov, County Printing Office, 1912. (In Russian).
5. *Priyut dlya devochek v Tambovskom zhenskom monastyre [Asylum for Girls in Tambov Nunnery]. Pamyatnaya knizhka Tambovskoy gubernii za 1879 g.* [The Notebook of Tambov Province for 1879]. Tambov, County Printing Office, 1879, pp. 127-128. (In Russian).

- 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903. (In Russian).
19. Tyutchev A.P. *Opeka u krest'yan nad maloletnimi i nesovershennoletnimi sirotami, bezumnymi, sumasshedshimi, glukhonemymi, nemymi, nad imushchestvom dolzhnikov i bezvestno otsutstvuyushchikh, i nad rastochitelyami* [Child Protection among Peasants for Minor and Under Age Orphans, Insane, Mad, Deaf-Mute, Property of the Debtor and Missing Persons and Spenders]. St. Petersburg, 1912 (In Russian).
20. Osopova M.T. Material'noe polozhenie opekayemykh maloletnikh v krest'yanskoy srede Tambovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Financial standing of the patronized minors in peasant sphere of tambov province in the context of 19th – the beginning of 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philological, Political and Legal Sciences, Culturology and Studies of Art. Issues of the Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 3, part 2, pp. 152-157. (In Russian).
21. Bezgin V.B. Opeka maloletnikh i sirot v russskom sele (vtoraya polovina XIX veka) [Child protection of minors and orphans in Russian village (the second half of 19th century)]. *Yuridicheskiy mir* [Legal World], 2009, no. 2, pp. 76-80. (In Russian).
22. Gerd I. Sirotskiy dom Tambovskogo gubernskogo zemstva [Orphan House of Tambov Province Zemstvo]. *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903, pp. 121-123. (In Russian).
23. Grigorovskiy M.P. (compiler). *Ukazatel' statey, pomeshchennykh v «Neofitsial'nom otdele Tambovskikh gubernskikh vedomostey» za 1871–1877 g.* [The Index of Articles, Placed in “Unofficial Department of Tambov Provincial Journal” for 1871–1877]. pp. LII. (In Russian).
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 962. (In Russian).
25. Popov N.M. Sotsial'naya politika gorodskogo samoupravleniya Tambova vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Social policy of city government of Tambov in the second half of 19th – the beginning of 20th century]. *Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 370-letiyu g. Tambov «Tambov: Istoriya, sovremennost', perspektivy»* [The Proceedings of Scientific-Practical Conference, Devoted to 370th Anniversary of Tambov “Tambov: History, Modern World, Prospects”]. Tambov, 2006, pp. 13-15. (In Russian).
26. Nachtigal R. Die Entstehung eines staatlichen Gesundheitswesens in Russland 1890–1918 vor dem Hintergrund der Seuchenproblematik. In: Eisfeld A., Hausmann G., Neutatz D. (eds.). *Hungersnöte in Russland und in der Sowjetunion 1891–1947*. Essen, 2017, pp. 297-329. (In German).

Поступила в редакцию 18.04.2017 г.
Отрецензирована 19.05.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 18 April 2017
Reviewed 19 May 2017
Accepted for press 30 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 93/94

FEATURES OF CARE OF CHILDREN-ORPHANS IN THE TAMBOV PROVINCE IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES THROUGH THE PRISM OF PUBLIC AND PRIVATE CHARITABLE ACTIVITIES

Katharina KUCHER

Doctor of History, Professor, Research Worker of Institute of Eastern European History and Area Studies

Eberhard Karls University of Tübingen

72074, Federal Republic of Germany, Tübingen, Geschwister-Scholl-Platz

E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

Pavel Petrovich SHCHERBININ

Doctor of History, Professor, Head of UNESCO on Human Rights and Democracy Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Specifically and comprehensively system of social protection of orphan children in the Tambov province of 19th – beginning of 20th century through the prism of the state, public and private is studied. On the basis of a wide range of primary materials (archives, periodicals, memoirs) was representative of the little-known aspects of the stated scientific problem. The domestic and global study of the formation of the social state and civil charitable initiatives in provincial Russia is summarized, often with significant differences from Metropolitan realities. Amazing success of the charity orphans at the regional and county level is revealed, which allows to assess the modernisation of public initiatives in urban and rural society the chronological period under review. The possibility of Zemstvo institutions in the processes of charitable activities is specified, as well as manifestations of co-financing and participation in these rural projects private persons (representatives of the merchant class, the nobility, burghers and clergy). The position and policy on transfer throw children into private hands on education is specifically reviewed, estimated financial problems associated with the transfer of these orphaned children to childless families. The main reasons for the active charitable activities major regional patrons are found, reflecting general trends in the development of self-assessment of provincial merchants and representatives of other estates of the Russian Empire in the period under review. The conclusions about the results and historical experience, traditions and peculiarities of support of children-orphans at the level of province and county, that allowed to reconstruct the system of social protection of pre-revolutionary Russia. Attention is drawn to the importance of the regional context and the specific historical manifestations of charitable support and private initiative in the period under review, as well as evaluation of socio-political, socio-cultural and ethno-religious positions of the regional society. The impact of certain categories of donors for the social protection of children-orphans in a period of education and training in shelters, and the subsequent socialization is clarified.

Keywords: orphans; charity for children; social protection; charitable institutions; social care homes; orphanages; regional philanthropy; civic initiatives; provincial society

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared with the financial support of grant DFG, FRG (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1 (Internationale Kooperationsanbahnung))

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189

Для цитирования: Кухер К., Щербинин П.П. Особенности призрения детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века сквозь призму общественной и частной благотворительной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 179-189. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189.

For citation: Kucher K., Shcherbinin P.P. Osobennosti prizreniya detey-sirot v Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX veka skvoz' prizmu obshchestvennoy i chastnoy blagotvoritel'noy deyatel'nosti [Features of care of children-orphans in the Tambov province in the 19th – early 20th centuries through the prism of public and private charitable activities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 179-189. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 93

ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА (Историографический анализ исследований XVIII–XXI вв.)

© Протоиерей Владимир Александрович СЕРГУНИН

преподаватель Церковно-практической кафедры
Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
старший преподаватель кафедры философии и методологии науки,
соискатель кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tdsmetod@yandex.ru

Представлено историографическое введение в изучение истории женских монастырей и женского монашества как актуальной и перспективной темы, требующей учета научного опыта, накопленного отечественной и зарубежной наукой. Выявление и осмысление работ, позволяющих охарактеризовать историческую перспективу женского монашества, осуществлено в виде суммы формулировок, раскрывающих логику научного процесса и порождающих гуманитарное знание об изучаемом предмете. Выявлены основные подходы к осмыслению проблематики, связанной с социальной динамикой женского общинного религиозного движения. Тематико-хронологическая систематизация исторического знания о формировании, функционировании, закономерностях развития, условиях существования, а также о гендерной специфике и отдельных представителях русского монашества осуществлена на основе репрезентативной выборки исследований с начала XIX по XXI век. На основе произведенного анализа дана оценка состоянию и перспективам изучения русского православного женского монашества как части социальной истории России. Доказана необходимость учета макро- и микрофакторов, влияющих на процесс монастырского строительства, уклад монастырской жизни и формирование типов женского монашеского служения. Выявлена зависимость женского монашества от мужского, от института старчества. Обоснована тесная зависимость особенностей монашества как социальной группы от способов консолидации, социальной адаптации и пр.

Ключевые слова: монастырская община; мотивация выбора социальной роли; социальный статус; старчество; функции монастырей

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-190-199

Еще Н.М. Карамзин в 1802 г. размышлял об исследователе, который «напишет историю русских женщин живыми красками любви к женскому полу и Отечеству» [1, с. 294-302]. Эта заповедь выдающегося представителя русской историографии особенно актуальна в отношении православного женского монашества. Эпоха Н.М. Карамзина знаменательна и тем, что дала начало научному подходу к изучению женского монашества как исторического предмета. Наиболее продуктивно в XIX веке развивалось описательное направление, питаемое интересом к отдельным монастырям, объектам монастырской архитектуры (церквям), подвижникам монашеской аскезы. В числе подобных исследований – труды игумена Дамаскина (Орловского) [2], архиепископа Игнатия (Семёнова), Н. Казанского и др. [3]. Как правило,

авторы трудов пользовались жанром историко-статистического очерка.

В XIX веке в ответ на задачи реформирования государственной, общественной и церковной структуры, а также моделей их взаимодействия появляются специальные, отраслевые, исследования. В числе таковых назовем в области законодательства о монастырях и монашестве труды П.Г. Веденяпина, протоиерея М.И. Горчакова [4, с. 92], А.И. Загоровского, В. Ивановского, В.А. Колесникова, В. Маврицкого, А.И. Проволовича, протоиерея И. Чижевского и др. [5].

Закономерно наблюдается растущая динамика работ, посвященных материальному, экономико-финансовому состоянию монастырей: Д. Ростиславов [6], А. Щапов [7], протоиерей М. Горчаков [4], И.И. Григорович [8] и др. Количество таких работ с

60-х гг. XIX века заметно возрастало. В работах характеризуемого направления рассматривалась история церковно-государственных отношений, а также превалировали мнения о монастырях как центрах благотворительности и попечения, например, работы А.Н. Кудрявцева [9], Е.Д. Максимова [10], Н.А. Никольского и др.

Исследователи прошлого устойчиво связывали генезис женской социальности с процессами развития крестьянской общины, а также демографической проблематикой. Таковы работы архимандрита Амвросия (Орнатского), Н.М. Астырева [11], К.И. Арсеньева, И. Беляева [12] и др. Еще в первой половине XIX века исследователи установили, что активизация женщин является следствием развития новых социально-экономических отношений, а именно – капиталистических. Отмечались тенденции эмансипации женщин и специальные позиции юридического регулирования их статуса, что отражалось авторами публикаций и в периодической печати 1830–1840-х гг. О растущем интересе к женскому вопросу в России свидетельствуют данные специального указателя за 1887 г. [13].

Помимо связи женского общинного движения с традиционным миром крестьянской общины в XIX веке отметим ряд других важных обстоятельств, влияющих на появление нового социального женского статуса, среди которых важнейшим является мужское старчество. Наследующие евангельскому и святоотеческому опыту спасения рода человеческого, как и спасения личного, – монашество и монастыри – вот тема, интересовавшая не только ученых-исследователей, но и все русское общество XIX века, в том числе и женское. Доказательством тому служат публикации в периодической печати и специальные работы, посвященные духовному наставничеству русского старчества [14; 15].

Наряду с описательными, констатирующими, работами появились исследования аналитического характера, в которых указывались причины, движущие силы, ход и последствия церковно-государственного регламентирования. Например, в трудах Н.И. Кедрова [16], П.В. Знаменского [17] рассматривались причины, ход и последствия монастырских реформ Петра I (1724 г.) и Екатерины II (1764 г.). В этой связи интересна и актуальна одна из первых работ конца XIX

века П. Чудецкого, который в 1877 г. предпринял попытку систематизировать накопленный материал о закрытых в этот период монастырях, в том числе и женских. Влияние на состояние русского монашества процессов секуляризации церковных земель, сокращения церковных штатов представлено работами А. Ратшина [18], А.А. Завьялова [19] и др. Заметным вкладом в историю изучения монастырей и монашества являются работы П.М. Строева [20]. Первые системные интерпретации истории монашества и монастырей как части Русской православной церкви появляются в исследованиях церковных историков, первенство среди которых принадлежит митрополиту Платону (Лёвшину), автору «Краткой российской церковной истории» [21].

В начале XX века процессы церковно-государственного взаимодействия, происходившие в XVIII–XIX веках, продолжают осмысливаться историками. Вычлениются как самостоятельные темы исследования: подвижничество, женское общинное движение, женская эмансипация, разложение крестьянской общины и т. п. Именно в этот период развивалась церковно-историческая наука, находясь в поисках подхода, совмещающего достоинства научно-исторического метода и богословского. Таковы работы Е.Е. Голубинского, Л.Н. Карсавина [22], П.И. Малицкого, П.В. Верховцева, С.Г. Рункевича [23] и др. Однако история монастырей и монашества остается преимущественно мужской, констатирующей заслуги монашества на службе престолу и отечеству, в борьбе с сектантством и инакомыслием. Таковы работы И.В. Преображенского, А.С. Пругавина [24], архимандрита Никодима (Кононова) [15], Е. Поселянина (подлинное имя – Е.П. Погожев) [25] и др. О кризисном состоянии русского общества и женском монашестве как его части свидетельствуют работы автобиографического плана, например, критический очерк монахини Тихоны (Цепниной) [26].

Крушение имперской системы, установление новой мировоззренческой парадигмы решительно изменило позицию ученых в отношении женского монашества и Церкви вообще. С позиций атеистической концепции вся тема после падения имперской России воспринималась как «тяжкое наследие царизма», «пережиток капитализма», как «опиум для народа». Работы историков

М.А. Рейснер [27], К. Троицкого [28], Н.М. Лукина, Е.Ф. Грекулова [29] порой уже самой формулировкой названий демонстрировали негативную идеологическую установку.

Идеологическая односторонность исследований по истории монастырей и монашества была преодолена только в 1960–1970-е гг. Главное и новое направление составили исследования по критическому осмыслению самой идеологии православия. С новых идеологических позиций была изложена история Русской православной церкви. В этой связи наиболее показательным является коллективный труд А.П. Каждан, С.А. Токарева, А.М. Сахарова, Н.А. Смирнова, в котором история церкви и монастырей интерпретируется в логике истории России [30]. Развивалось направление по созданию нового праздничного советского календаря, в связи с чем вновь с атеистических позиций монашество и Церковь представлялись как противники революционных преобразований, отвлекавшие массы от классовой борьбы (Е.Ф. Грекулов) [29], как опора самодержавия и институт угнетения крестьянства (Л.И. Емелях) [31]. Замечательным явлением исторической науки этого периода являлись работы этнографов, без осуждения описывавших мир современных им русских «черничек», «ке-лейниц». Некоторые исследователи женского монашества уходили от идеологических оценок, предпочитая излагать и интерпретировать систематизированные факты: Л.А. Тульцева [32], М.М. Громыко [33], Н.И. Лебедева [34], И.А. Булыгин [35], В.Ф. Зыбковец и др.

Решительную попытку найти иную риторику осмысления исторического опыта Церкви и монашества сделали авторы юбилейного исследования, посвященного 1000-летию Крещения Руси [36]. Одной из наиболее активно развивающихся тем стало освещение истории репрессий и гонений, например, работы иеромонаха Дамаскина (Орловского) [2], И.И. Осипова и др. Отказ от односторонних идеологических оценок в освещении опыта монашества был отмечен в 1990-х гг., что привело к смене методологических установок в отношении к религии и Церкви. Вновь возник интерес к пониманию духовных, эстетических, художественных, педагогических, благотворительных и прочих функций монастырей и монашества. С 1996 г. Россий-

ский институт истории искусств выпускает сборник «Наследие монастырской культуры: ремесло, искусство, искусство», в котором освещались повседневная жизнь монахов, хозяйственная деятельность монастыря [37].

Начало нового тысячелетия ознаменовалось взлетом интереса к религии, к Церкви, к монастырям и монашеству. В 2002 г. вышли фундаментальные исследования В.А. Кучумова [38], П.И. Зырянова [39], А. Беглова [40]: первый вернул в активный научный оборот тему русского старчества, другой – дал многоаспектную характеристику российским монастырям, третий – детально проанализировал формы нелегального монашества, церковного подполья, возникшие как результат гонений. Проблемы истории личности православной монахини затронуты в работах С. и Т. Фоминых [19], монахини Таисии [41], инокини Иларии (Трофимовой) [42]. «Правовой статус» православных женщин в отечественной историографии рассматривали Е.В. Белякова, А.Н. Белякова и Е.Б. Емченко [43]. В монографии Н.Е. Шафажинской [44] исследована сущность духовной и социокультурной миссии монашества, рассмотрен процесс формирования и развития монашеской просветительской традиции Руси – России с XI до начала XXI столетия.

Мысль о близости таких форм социализации женщин, как монашеская община, благотворительные общества Красного креста и сестер милосердия, высказывалась в исследованиях Е.Н. Правдиковой [45], Е.В. и Н.А. Беляковых [46]. Именно женское общинное движение, развивавшееся параллельно официальному монашеству, исследовали Е.В. и Н.А. Беляковы, обратившиеся к постановке вопроса о диаконах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. [46].

В годы гонений на церковь в России центром церковно-исторической науки стало русское зарубежье, русская диаспора и ее представители: И.К. Смолич [47], А.В. Карташев, Н.Д. Тальберг, Н.Н. Глубоковский, в их работах с позиций церковно-исторической науки анализируется опыт Русской Церкви, ее подвижников. С философских позиций опыт аскетического монашеского делания рассматривал протопресвитер А. Шмеман. Особое значение принадлежит работе Г. Флоровского «Пути русского богословия», где указаны социальные причины религиозного кризиса в

России в конце имперского периода, а также содержатся наблюдения за процессом создания и работы религиозных общин, в которых русское общество надеется обрести новые формы религиозности, альтернативные монастырским традициям. Немалую роль в этом движении, по мнению философа, играли женщины. Зарубежных исследователей, обращавшихся к истории Русской православной церкви, в том числе и монастырей, более заботили события и факты политического характера, особенности личности монахини-женщины не затрагивались, как не указывались и характеристики ее социального статуса [48–51].

С исследованиями русской диаспоры связан интерес зарубежных историков к проблематике православного монашества. Одной из работ зарубежных авторов по русскому женскому монашеству является статья американки Б. Михен-Вотерс «Авторитет старицы: женская аскетика и духовные лидеры в XIX веке в России», в которой используются подходы феминологии, следуя материалам русских ученых Л.А. Тульцевой и М.М. Громыко о подвижничестве «черничек». Опыт русского монашества обсуждался на Международной конференции «Христианское монашество от Востока до Запада. Монастырские традиции и современность в Европе» (июнь 2015); общей темой выступлений стало обсуждение проблем социальности женщины-монахини, общей социальной истории монашества [52].

Тем не менее игуменья Афанасия (Силкина) отмечает, что, несмотря на большое количество работ, посвященных истории отдельных монастырей, жизнеописанию женщин-монахинь, стариц, – дать общую историю русского монашества как мужского, так и женского «пока не представляется возможным» [53]. Вместе с тем церковная и светская наука накопили сведения по отдельным темам: «юридическое и экономическое положение женских монастырей, их социальный состав, типология монастырей (общежительные, особножительные, аристократические, крестьянские, городские, сельские, миссионерские, молитвенные, благотворительные и т. д.), которые требуют серии исследований по различным периодам» [53]. Она также отмечает преемственность монашества древнему аскетическому опыту: обращенность

русского монашества к наследию Фиваиды, общин времен апостолов и «Самого Иисуса Христа»; сохранение опыта попечения мужских монастырей о женских; последовательное прохождение ступеней иноческого жития – рясофор, мантия, схи́ма и др. В ряду закономерностей отмечается меньшая, в сравнении с мужскими, численность женских монастырей, но при этом большая их населенность. Отмечается также сохранность мотивов образования монастырей, наследуемых из древнерусской монастырской практики: вдовство; сохранение молитвенной памяти о погибших близких (мужьях, сыновьях и пр.); удаление от мира по болезни в предчувствии кончины и необходимости покаяния; коллизии брачной жизни в княжеской и царской среде; поселение жен репрессированных представителей элиты; по обету за помощь Божию в даровании победы и пр. Однако основным мотивом остается зов благочестия.

Сохраняя преемственность мотивов основания женского монастыря, пострижения, русское монашество заметно изменило свою функциональную характеристику, что было следствием имперской политики. В XVIII веке женские монастыри становятся многофункциональными, совмещая многие социальные роли – увечных и больных становится возможным привлечение женщин-монахинь в качестве работницы в госпитале. Присутствует и функция изоляции и надзора за вольными и невольными участниками политической, экономической мирской жизни, до конца имперского периода монастырь сохраняет за собой и пенитенциарные функции [44].

Растущий интерес, не только исследовательский, но и общий, к монастырям и монашеству объясняет появление сборников очерков для паломников, туристов и массового читателя по истории обителей. В подобной научно-популярной литературе, как аксиомы, повторяются сделанные исследователями прошлого выводы о исключительно пагубном влиянии синодальной политики, преобразований Петра Великого и Екатерины Великой, процессах секуляризации монастырских земель, отторжение доходов с монастырских вотчин в пользу казны, сокращении монастырских штатов и пр. Однако в церковно-исторической науке нет единства мнений относительных названных и иных трактовок, которые рано называть аксиома-

тичными. Проблемы регулирования монастырей и монастырского хозяйства с помощью синодальной политики также входят в зону специального интереса исследователей прошлого и настоящего. Так, например, еще в пореформенный период было замечено, что появление благотворительной функции женских монастырей как ведущей связано с ограничительными мерами в отношении открытия новых монастырей. Регуляцию численности женского монашества с помощью экономических ограничений отметили исследователи постимперского периода [53].

На женскую монашескую социальную активность в XVIII веке историки никак не указывают, возможно, в силу латентного характера самого движения. Однако относительно XIX века такая активность наблюдается и имеет широкие отклик в исследовательской среде. Так, статистика отмечает заметный рост численности монашествующих женщин во второй половине XIX века, что историки объясняют с разной долей подробности следующими причинами: экономическими, социально-политическими, ростом аскетических настроений, стремлением к образованию и самостоятельности [53].

История женского монашества не осмыслена с учетом макрофакторов, таких как общие законы социальной динамики нового периода истории, ударивших по традиции как гаранту стабильности, изменивших культуру повседневности, принесших ценности либерализма, демократизации на смену общинной ментальности. Решение подобной задачи невозможно вне учета ряда фундаментальных направлений исторического исследования. По-прежнему наиболее актуальным остается фундаментальное научное исследование об имперском периоде истории России во всей сложности составляющих процесса социальной динамики. Одной из главных является тема общинной организации русского общества на пути от традиции к модернизации и демократизации. Эта тема в последние десятилетия основательно разрабатывается Б.Н. Мироновым [54]. Хотя в его двухтомном исследовании по социальной истории России женское монашество не выделено в специальную тему, тем не менее из него можно получить целостное представление о внешних условиях, мотивирующих выбор монашества и способа монашеского

служения. После исследования Б.Н. Миронова мы не можем игнорировать в изложении истории женского монашества влияния общих социальных, политических и культурных факторов: демографических, социально-экономических, военных, ментальных и пр. Неудовлетворенность женщины своим положением в семье, общине, обществе, подержанная тенденциями эмансипации, феминизации, модернизации, являла мощный мотив изменения ее социального статуса. Одним из таких статусов и являлось монашество. Можно предположить, что тема женского монашества как самостоятельный предмет неслучайно выпадает из фундаментального исследования Б.Н. Миронова [54]. Новое трехтомное изложение динамики от традиционной картины мира к модернизму Б.Н. Миронова показывает логику процесса модернизации, осуществляемой в движении от традиции к новации, к отрицанию традиционных ценностей и в стремлении установить новую аксиологическую систему [55].

Крупным вкладом в науку о социальной истории женщин являются труды основательницы русской исторической феминологии и гендерной истории Н.Л. Пушкаревой. Она выявила предпосылки системного изложения женской истории: социально-политические (движение молодежи и феминисток), научно-методологические, социально-демографические. Она же назвала причины длительного игнорирования женского вопроса (недостаточность сведений, социальная пассивность самих женщин, низкая доля женского участия в качестве ученых-исследователей). В качестве обязательного условия объективного взгляда на женщину выдвигается учет гендерных закономерностей и своеобразия [56].

Таким образом, современная методология исторических исследований, опыт интегративных подходов к систематизации и интерпретации материала позволяют решить настоятельную задачу – освятить историю женского монашества как часть социальной истории России. Однако сам факт самодеятельной народной женской инициативы в образовании общин для спасения души в служении ближнему как доминирующий мотив личностного выбора, как альтернатива массовому движению к модернизации, увлекавшему женщину в борьбу за права ради

самой борьбы – остается неосмысленным историками прошлого и настоящего.

Список литературы

1. *Карамзин Н.М.* Известие о Марфе-посаднице // Вестник Европы. 1803. № 9 (12). С. 294-302.
2. *Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним: в 7 кн. Тверь, 1992. Кн. 1. 213 с.
3. *Казанский Н.* История православного русского монашества до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855. 532 с.
4. *Горчаков М.И., священник.* Монастырский приказ (1649–1725): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. 309 с.
5. *Чижевский И., протоиерей.* Собрание Церковно-гражданских постановлений о монашеских и монастырях. Харьков, 1898. 534 с.
6. *Ростиславов Д.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб., 1876. 396 с.
7. *Щапов А.* Состояние русского духовенства в XVIII столетии // Православный собеседник. 1862. Кн. 2. 119 с.
8. *Григорович И.И.* Обзор учреждений в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869 гг.). СПб., 1869.
9. *Кудрявцев А.Н.* Нищенство как предмет попечения церкви, общества и государства. СПб., 1885. 295 с.
10. *Максимов Е.Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894. 267 с.
11. *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. 214 с.
12. *Беляев И.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1860. 140 с.
13. Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. Т. 7-8.
14. *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри крайнего Севера. СПб., 1892. 286 с.
15. *Никодим (Кононов), архимандрит.* Преподобный Александр Свирский и его ученики-подвижники // ОЕВ. 1902. № 16-22, 24.
16. *Кедров Н.И.* Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886. 216 с.
17. *Знаменский П.В.* Чтение из истории Русской Церкви за царствование Екатерины II // Православный собеседник. 1875. Т. 1, 3.
18. *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших древних и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. М., 1852. 685 с.
19. Женская Оптиная: материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря / сост.: С. и Т. Фомины. М., 2005. 477 с.
20. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. 112 с.
21. *Платон (Лёвшин), митрополит.* Краткая российская церковная история: в 2 ч. М., 1802.
22. *Карсавин Л.П.* Монашество в средние века. СПб., 1912. 119 с.
23. *Рункевич С.Г.* История православной церкви в XIX веке: исторические наброски С.Г. Рункевича. СПб., 1901. 386 с.
24. *Пругавин А.С.* Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства. СПб., 1907. 489 с.
25. *Поселянин Е. (Погожев Е.П.)* Русская Церковь и русские подвижники XVIII в. СПб., 1905. 585 с.
26. *Тихона (Цепнина), монахиня.* Нужны ли монастыри (скромный голос наболевшего сердца монахини). Казань, 1917. 84 с.
27. *Рейснер М.А.* Государство и церковь. М., 1918. 263 с.
28. *Троицкий К.* Церковь и государство в России. М., 1923. 475 с.
29. *Грекулов Е.Ф.* Православная инквизиция в России. М., 1964. 294 с.
30. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): критические очерки / авторы глав А.П. Каздан, С.А. Токарев, А.М. Сахаров, Н.А. Смирнов. М., 1967. 857 с.
31. *Емелях Л.И.* Антиклерикальные движения крестьян в период первой русской революции. Москва; Ленинград, 1965. 375 с.
32. *Тульцева Л.А.* Чернички // Наука и религия. 1970. № 1. С. 80-82.
33. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 217 с.
34. *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян: Полевые материалы Н.И. Лебедевой 1923–1965 гг. Рязань, 1991. 344 с.
35. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне в первой четверти XVIII в. М., 1977. 519 с.
36. Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. 476 с.
37. Наследие монастырской культуры: Ремесло, искусство, искусство. СПб., 1996. Вып. 1. 35 с.; 1997. Вып. 2. 83 с.; 1998. Вып. 3. 131 с.
38. *Кучумов В.А.* Русское старчество // Монастыри и монашество в России XI–XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н.В. Сеницына. М., 2002. С. 84-123.

39. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. 372 с.
40. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 319 с.
41. Таисия (Карцова), монахиня. Русское православное женское монашество. Мн., 2006. 253 с.
42. Илария (Трофимова), инокиня. Духовные традиции Курской земли // Пятые Дамиановские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2008. Ч. 1. С. 83-90.
43. Белякова Е.В., Белякова А.Н., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. 437 с.
44. Шафажинская Н.Е. Монастырская просветительская культура России: монография. М., 2013. 354 с.
45. Правдицкая Е.Н. Общины сестер милосердия в культуре России: дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 196 с.
46. Белякова Е.В., Беляков Н.А. Вопрос о диаконах на Поместном соборе 1916–1917 гг. // Церковно-исторический вестник. М., 2001. № 8. С. 139-161.
47. Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917. М., 1997. 630 с.
48. Byrnes R. Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington; London, 1968. 215 p.
49. Simon G. Konstantin Petrovic Pobedonostev und die Kirchenpolitik. Gottingen, 1969. 276 p.
50. Freeze G. Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Counter-Reform. Princenton, 1983.
51. Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // История СССР. 1991. № 2. С. 12-19.
52. Медведева К. Что социология может сказать о монашестве? URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru/%3>. (дата обращения: 01.05.2017).
53. Афанасия (Силкина), игум., наст. Монастыря Рождества Богородицы (Ростов Великий) Женское монашество на Руси // 23 Международные Рождественские образовательные чтения. Секция «Преемство святоотеческих традиций в монашестве Русской Церкви». URL: <http://monasterium.ru> (дата обращения: 01.05.2017).
54. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. LX+548 с.; Т. 2. 583 с.
55. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1. 896 с.; 2015. Т. 2. 912 с.; 2015. Т. 3. 992 с.
56. Пушкарева Н.Л. Женская гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социальная история. 2010. Т. 3. № 2. С. 51-64.

References

1. Karamzin N.M. Izvestie o Marfe-posadnitse [News about Marfa-posadnitsa]. *Vestnik Evropy* [European Bulletin], 1803, no. 9 (12), pp. 294-302. (In Russian).
2. Damaskin (Orlovskiy), hieromonch. *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi XX stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim* [Martyrs, Confessors and Devotees of Piousness of the Russian Orthodox Church of 20th Century. Biography and Materials to Them]. Tver, 1992, book 1, 213 p. (In Russian).
3. Kazanskiy N. *Istoriya pravoslavnogo russkogo monashestva do osnovaniya lavry Svyatoy Troitsy prepodobnym Sergiem* [History of the Orthodox Russian Monastery to the Development of Laura of the Holy Trinity by reverend Sergiy]. Moscow, 1855, 532 p. (In Russian).
4. Gorchakov M.I., priest. *Monastyrskiy prikaz (1649–1725): Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastery Order (1649–1725): Experience of Historical and Juridical Investigation]. St. Petersburg, 1868, 309 p. (In Russian).
5. Chizhevskiy I., archpriest. *Sobranie Tserkovno-grazhdanskikh postanovleniy o monashestvu-yushchikh i monastyryakh* [Collection of Church and State Decisions on Religious Men and Monasteries]. Kharkov, 1898, 534 p. (In Russian).
6. Rostislavov D. *Opyt issledovaniya ob imushchestvakh i dokhodakh nashikh monastyrey* [Experience of Investigation About Property and Returns of Our Monasteries]. St. Petersburg, 1876, 396 p. (In Russian).
7. Shchapov A. *Sostoyanie russkogo dukhovenstva v XVIII stoletii* [Condition of the Russian clergy in the 18th century]. *Pravoslavnyy sobesednik* [Orthodox Interlocutor], 1862, book 2, 119 p. (In Russian).
8. Grigorovich I.I. *Obzor uchrezhdeniy v Rossii pravoslavnykh monastyrey so vremeni vvedeniya shtatov po dukhovnomu vedomstvu (1764–1869 gg.)* [Review of Development in Russia Orthodox Monasteries from the Time of Establishment of Personnel in Department of Religious Affairs (1764–1869)]. St. Petersburg, 1869. (In Russian).
9. Kudryavtsev A.N. *Nishchenstvo kak predmet popecheniya tserkvi, obshchestva i gosudarstva* [Poverty as a Subject of Custody of Church, Society and State]. St. Petersburg, 1885, 295 p. (In Russian).
10. Maksimov E.D. *Istoriko-statisticheskiy ocherk blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii* [Historical-Statistical Note of Charity and Public Assistance in Russia]. St. Petersburg, 1894, 267 p. (In Russian).

11. Astyrev N.M. *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [Being of the Volost Clerk. Notes of Peasants' Autonomy]. Moscow, 1896, 214 p. (In Russian).
12. Belyaev I. *Krest'yane na Rusi. Issledovanie o postepennom izmenenii znacheniya krest'yan v russkom obshchestve* [Peasantry in Rus. Investigation About Gradual Changing of the Role of Peasants in the Russian Society]. Moscow, 1860, 140 p. (In Russian).
13. Ukazatel' literatury zhenskogo voprosa na russkom yazyke [Index of literature on women's issue in Russian]. *Severnyy vestnik* [North Bulletin], 1887, vol. 7-8. (In Russian).
14. Dokuchaev-Baskov K.A. *Podvizhniki i monastyri kraynego Severa* [Devotees and Monasteries of the Extreme North]. St. Petersburg, 1892, 286 p. (In Russian).
15. Nikodim (Kononov), archimandrite. *Prepodobnyy Aleksandr Svirskiy i ego ucheniki-podvizhniki* [Reverend Alexander Svirsky and His Students-Devotees]. *OEV*, 1902, no. 16-22, 24. (In Russian).
16. Kedrov N.I. *Dukhovnyy reglament v svyazi s preobrazovatel'noy deyatelnost'yu Petra Velikogo* [Spiritual Reglamente and Connections With Transforming Activity of Peter the Great]. Moscow, 1886, 216 p. (In Russian).
17. Znamenskiy P.V. *Chtenie iz istorii Russkoy Tserkvi za tsarstvovanie Ekateriny II* [Reading from the history of the Russian Church about reign of Catherine the Great]. *Pravoslavnyy sobesednik* [Orthodox Interlocuter], 1875, vol. 1, 3. (In Russian).
18. Ratshin A. *Polnoe sobranie istoricheskikh svedeniy o vsekhn byvshikh drevnikh i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvyakh Rossii* [Completed Works of Historical Writings About All Former Ancient and in Existence Today Monasteries and Notable Churches of Russia]. Moscow, 1852, 685 p. (In Russian).
19. Fomin S., Fomina T. (compilers). *Zhenskaya Optina: materialy k letopisi Boriso-Glebского zhenskogo Anosina monastyrya* [Materials to the Chronicle of Boris and Gleb Monastery in Anosino "Nuns Optina"]. Moscow, 2005, 477 p. (In Russian).
20. Stroev P.M. *Spiski ierarkhov i nastoyateley monastyrey Rossiyskoy Tserkvi* [Lists of Hierarchs and Superiors of Monasteries of Russian Church]. St. Petersburg, 1877, 112 p. (In Russian).
21. Platon (Levshin), metropolitan. *Kratkaya rossiyskaya tserkovnaya istoriya* [Brief Russian Church History]. Moscow, 1802. (In Russian).
22. Karsavin L.P. *Monashestvo v srednie veka* [Monks in the Middle Ages]. St. Petersburg, 1912, 119 p. (In Russian).
23. Runkevich S.G. *Istoriya pravoslavnoy tserkvi v XIX veke: istoricheskie nabroski S.G. Runkevicha* [History of Orthodox Church in 19th Century: S.G. Runkevich historical notes]. St. Petersburg, 1901. 386 p. (In Russian).
24. Prugavin A.S. *Religioznye otshchepentsy. Ocherki sovremennogo sektantstva* [Religious castoff. Notes of Modern Sectarianism]. St. Petersburg, 1907, 489 p. (In Russian).
25. Poselyanin E. (Pogozhev E.P.) *Russkaya Tserkov' i russkie podvizhniki XVIII v.* [Russian Church and Russian Devotees in 18th Century]. St. Petersburg, 1905, 585 p. (In Russian).
26. Tikhona (Tsepnina), nun. *Nuzhny li monastyri (skromnyy golos nabolevshego serdtsa monakhini)* [Are Monasteries Necessary (Shy Voice of Nun's Sore Heart)]. Kazan, 1917, 84 p. (In Russian).
27. Reysner M.A. *Gosudarstvo i tserkov'* [State and Church]. Moscow, 1918, 263 p. (In Russian).
28. Troitskiy K. *Tserkov' i gosudarstvo v Rossii* [Church and State in Russia]. Moscow, 1923, 475 p. (In Russian).
29. Grekulov E.F. *Pravoslavnyaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow, 1964, 294 p. (In Russian).
30. Kazhdan A.P., Tokarev S.A., Sakharov A.M., Smirnov N.A. (authors of the chapters) *Tserkov' v istorii Rossii (IX v. – 1917 g.): Kriticheskie ocherki* [Church in the History of Russia (9th Century – 1917): Critical Notes]. Moscow, 1967, 857 p. (In Russian).
31. Emelyakh L.I. *Antiklerikal'nye dvizheniya krest'yan v period pervoy russkoy revolyutsii* [Anticlerical Movement of Peasants in the Period of the First Russian Revolution]. Moscow, Leningrad, 1965, 375 p. (In Russian).
32. Tultseva L.A. Chernichki. *Nauka i religiya* [Science and Religion], 1970, no. 1, pp. 80-82. (In Russian).
33. Gromyko M.M. *Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v.* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Discussions of Russian Peasants of 19th Century]. Moscow, 1986, 217 p. (In Russian).
34. Lebedeva N.I. *Dukhovnaya kul'tura ryazanskikh krest'yan: Polevye materialy N.I. Lebedevoy 1923–1965 gg.* [Spiritual Culture of Ryazan Peasants: Field Data of N.I. Lebedeva of 1923–1965]. Ryazan, 1991, 344 p. (In Russian).
35. Bulygin I.A. *Monastyrskie krest'yane v pervoy chetverti XVIII v.* [Monastery Peasants in the First Quarter of 18th Century]. Moscow, 1977, 519 p. (In Russian).
36. Klibanov A.I. (academ. ed.). *Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii* [Russian orthodox Christianity: Landmarks of History]. Moscow, 1989, 476 p. (In Russian).

37. *Nasledie monastyrskoy kul'tury: Remeslo, khudozhestvo, iskusstvo* [Heritage of Monastery Culture: Trade, Artistry, Art]. St. Petersburg, 1996, no. 1, 35 p., 1997, no. 2, 83 p., 1998, no. 3, 131 p. (In Russian).
38. Kuchumov V.A. Russkoe starchestvo [Russian spiritual eldership.]. In: Sinitsyna N.V. (ed.). *Monastyri i monashestvo v Rossii XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [Monasteries and Monastery in Russia of 11–20th Century: Historical Notes]. Moscow, 2002, pp. 84–123. (In Russian).
39. Zyryanov P.N. *Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka* [Russian Monasteries and Monastery in 19th and Beginning of 20th Century]. Moscow, 2002, 372 p. (In Russian).
40. Beglov A. *V poiskakh «bezgreshnykh katakomb»*. *Tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In the Search of “Sinless Catacombs”. Church Cellar in the USSR]. Moscow, 2008, 319 p. (In Russian).
41. Taisiya (Kartsova), nun. *Russkoe pravoslavnoe zhenskoe monashestvo* [Russian Orthodox Christian Nunnery]. Minsk, 2006, 253 p. (In Russian).
42. Ilariya (Trofimova), nun. *Dukhovnye traditsii Kurskoy zemli* [Spiritual traditions of Kursk territory]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pyatye Damianovskie chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Fifth Damian Readings”]. Kursk, 2008, part 1, pp. 83–90. (In Russian).
43. Belyakova E.V., Belyakova A.N., Emchenko E.B. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiyskaya praktika* [Woman in the Orthodox Christianity: Church Law and Russian Practice]. Moscow, 2011, 437 p. (In Russian).
44. Shafazhinskaya N.E. *Monastyrskaya prosvetitel'skaya kul'tura Rossii* [Monastery Enlightenment Culture in Russia]. Moscow, 2013, 354 p. (In Russian).
45. Pravdikovskaya E.N. *Obshchiny sester miloserdia v kul'ture Rossii: dis. ... kand. kul'turologii* [Communities of Sisters of Charity in the Russian Culture. Cand. culturology diss.]. Moscow, 2012, 196 p. (In Russian).
46. Belyakova E.V., Belyakov N.A. *Vopros o diakonissakh na Pomestnom sobore 1916–1917 gg.* [Issue of deaconess on local council of 1916–1917]. *Tserkovno-istoricheskiy vestnik* [Church and Historical Bulletin]. Moscow, 2001, no. 8, pp. 139–161. (In Russian).
47. Smolich I.K. *Russkoe monashestvo. 988–1917* [Russian monastery. 988–1917]. Moscow, 1997, 630 p. (In Russian).
48. Byrnes R. *Pobedonostsev. His Life and Thought*. Bloomington, London, 1968, 215 p.
49. Simon G. *Konstantin Petrovic Pobedonostev und die Kirchenpolitik*. Gottingen, 1969, 276 p. (In German).
50. Freeze G. *Parish Clergy in Nineteenth Century Russia*. Counter-Reform. Princeton, 1983.
51. Friz G. *Tserkov', religiya i politicheskaya kul'tura na zakate starogo rezhima* [Church, religion and political culture on the decline of the regime]. *Istoriya SSSR – History of USSR*, 1991, no. 2, pp. 12–19. (In Russian).
52. Medvedeva K. *Chto sotsiologiya mozhet skazat' o monashestve?* [What sociology can tell about monastery?]. (In Russian). Available at: <http://yandex.ru/clck/jsreaddir?from=yandex.ru%3>. (accessed 01.05.2017).
53. Afanasiya (Silkina), hegumene, abbess of Monastery of the Nativity of the Mother of God (Rostov Veliky). *Zhenskoe monashestvo na Rusi* [Nunneries in Rus]. *23 Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya. Sektsiya «Preemstvo svyato-otecheskikh traditsiy v monashestve Russkoy Tserkvi»* [Proceedings of 23rd International Christmas Educational Readings. Section “Continuity of the Saint and Paternal Traditions in Monasticism of Russian Church”]. (In Russian). Available at: <http://monasterium.ru> (accessed 01.05.2017).
54. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia During the Empirical Era (18th – beginning of 20th Century)]. St. Petersburg, 2003, vol. 1, LX+548 p., vol. 2, 583 p. (In Russian).
55. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to the Modern]. St. Petersburg, 2014, vol. 1, 896 p., 2015, vol. 2, 912 p., 2015, vol. 3, 992 p. (In Russian).
56. Pushkareva N.L. *Zhenskaya gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii* [Women's gender history: conclusions and prospects of development in Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya – Historical Psychology & Sociology*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 51–64. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.
Отрецензирована 16.06.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 14 May 2017
Reviewed 16 June 2017
Accepted for press 30 August 2017

UDC 93

NUNNERIES AND MONASTICISM AS A PART OF THE SOCIAL HISTORY OF RUSSIA OF THE IMPERIAL PERIOD (HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE STUDIES OF THE 18th–21st CENTURIES)

Archpriest Vladimir Alexandrovich SERGUNIN

Lecturer of Church-Practical Department

Faith-Based Organization Clergy Educational Establishment of Higher Education “Tambov Seminary of Tambov Eparchy of Russian Orthodox Church”

3 M. Gorky St., Tambov, Russian Federation, 392000

Senior Lecturer of Philosophy and Methodology Science Department, Competitor of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tdsmetod@yandex.ru

There is a historiographical introduction to the study of the history of nunneries and women's monasticism as an urgent and promising topic that requires the consideration of the scientific experience accumulated by domestic and foreign science. The identification and comprehension of works that make it possible to characterize the historical perspective of female monasticism is realized in the form of a sum of formulations that reveal the logic of the scientific process and generate humanitarian knowledge about the subject under study. The main approaches to understanding the problems associated with the social dynamics of the female communal religious movement are identified. The thematic-chronological systematization of historical knowledge about the formation, functioning, patterns of development, conditions of existence, as well as on the gender specifics and individual representatives of Russian monasticism was carried out on the basis of a representative sample of studies from the early 19th to the 21st century. On the basis of the analysis carried out, an assessment is made of the state and prospects of studying Russian Orthodox female monasticism as part of Russia's social history. The need to take into account the macro and micro factors affecting the process of monastic construction, the way of monastic life and the formation of types of female monastic ministry is proved. The dependence of female monasticism on the masculine, on the institution of eldership, is revealed. The close dependence of the characteristics of monasticism as a social group on the methods of consolidation, social adaptation, etc., is substantiated.

Keywords: monastic community; motivation for choosing a social role; social status; eldership; functions of monasteries

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-190-199

Для цитирования: Сергунин В.А., протоиерей. Женские монастыри и монашество как часть социальной истории России имперского периода (историографический анализ исследований XVIII–XXI вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 190–199. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-190-199.

For citation: Sergunin V.A., archpriest. Zhenskie monastyri i monashestvo kak chast' sotsial'noy istorii Rossii imper-skogo perioda (istoriograficheskiy analiz issledovaniy XVIII–XXI vv.) [Nunneries and monasticism as a part of the social history of Russia of the imperial period (historiographical analysis of the studies of the 18th–21st centuries)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 190–199. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-190-199. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 27-9+316.343.33+323.2

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Протоиерей Виктор ЛИСЮНИН

кандидат исторических наук, проректор по учебной работе
Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
E-mail: tdsmethod@yandex.ru

Рассмотрено развитие православного духовенства на фоне общественно-политической жизни Российской империи в конце XIX – начале XX века. Особо уделено внимание изменению общественно-политической ситуации, когда под влиянием либеральных реформ и нажимом эмансипированного общества Церковь в лице духовенства оказалась в ущемленном положении. Сохраняя преданность консервативной позиции, поддерживая государственный строй, духовенству в изменившейся ситуации требовалась свобода действий, которую сковывала бюрократическая синодальная система. Отмечено, что недовольство вызывала непоследовательность консервативного курса государственной политики из-за увлечения либеральными идеями, шедшими в разрез с традиционно устоявшейся моделью общественно-государственных отношений. Необходимость реформ, которые позволили бы ослабить государственную опеку над Церковью и сформировать активную приходскую общину, способную консолидировать общество, осознавалась большинством православного духовенства. В то же время процесс парламентаризации общества вновь актуализировал проблему выборного начала в Церкви. К началу XX века налицо был кризис бюрократической системы, в происходящее активно вовлекалось духовенство, которое вынуждено было постоянно откладывать решение своих собственных проблем. В связи с субъективным мнением императора Николая II проведение Поместного собора было отложено.

Ключевые слова: духовенство; Тамбовская епархия; Синод; консервативный курс; приходская община; либеральная оппозиция

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-200-210

Официально поддерживаемой Святейшим синодом позицией православного духовенства в конце XIX – начале XX века был традиционализм и консерватизм, чему немало содействовал К.П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905). Он, автор Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 г., с которого стартовала контрреформа, не был враждебен реформам как таковым. Например, он всецело поддерживал оптимизацию церковно-приходского образования (1884, 1902). Хотя обер-прокурор К.П. Победоносцев олицетворял консервативно-охранительную политику, осуждал демократию и парламентаризм как «великую ложь нашего времени», ему не чужд был и либерализм, в силу которого он считал своим долгом следовать убеждениям, а не мнению правящей элиты [1]. Почитая Церковь и веру основой российской государственности, он противостоял уступкам Самодержца либеральному обществу [2]. Общество отвечало

главе ведомства православного исповедания нескрываемым раздражением и ненавистью. Так, представитель кадетской партии В.П. Обнинский в своих мемуарах называет обер-прокурора «беспринципным бюрократом», «неверующим главой духовенства», «главным виновником разложения православной церкви» и пр. [3, с. 12; 4, с. 732].

Либеральная оппозиция распространяла свое негативное отношение и на все православное духовенство, которое не было единым в оценке проводимого Синодом политического курса. Преобладание эмоций над разумом, свойственное эпохе потрясений и отражающееся на всей системе церковно-государственного взаимодействия, убедительно показывает историю отношений главы Синода и епископата, епископата и приходского духовенства. В этом плане перспективен анализ взаимоотношений Синода и лично обер-прокурора К.П. Победоносцева с

представителями тамбовского духовенства¹ (митрополит Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский), митрополит Владимир (Богоявленский), митрополит Макарий (Булгаков, епископ Тамбовский с 1857 по 1859 г.), святитель Феофан Затворник Вышенский (на кафедре с 1859 по 1863 г.), Феодосий II (Шаповаленко, 1863–1873), Палладий I (Писарев, 1873–1876)², Палладий II (Ганкевич, 1876–1885), Виталий (Иосифов, 1885–1890), Иероним (Экземплярский, 1890–1894), Александр (Богданов, 1894–1898), Георгий (Орлов, 1898–1902), Димитрий (Ковальницкий, 1902–1903), Иннокентий (Беляев, 1903–1909)).

Существование в рамках официального консервативного курса позволяло добиваться эффективных результатов деятельности представителям белого, приходского духовенства. Вместе с тем в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному именно приходское духовенство оказывалось в сложной ситуации, так как оно страдало от «несоответствия между привилегированным сословным положением... и зависимым неудовлетворительным материальным положением» [5].

Ни консерватизм, ни либерализм сами по себе не обеспечивали политического единомыслия, что следует из факта сложных отношений К.П. Победоносцева с тамбовским духовенством, многие представители которого обязаны личным участием обер-прокурора в их судьбе. Эту мысль убедительно подтверждают факты различного понимания происходящего обер-прокурором и митрополитом Антонием (Вадковским), за которым, преодолевая сопротивление Синода, пошел епископат навстречу Поместному собору [6–8], а также с епископами, Димитрием (Ковальницким) и Иннокентием (Беляевым) во время подготовки и совершения канонизации всенародно почитаемого преподобного старца Серафима Саровского [9–11].

¹ Под определением «тамбовское духовенство» мы понимаем тех, кто служил в Тамбовской епархии, не являясь ее уроженцем, а также выходцев из тамбовского духовенства, служивших вне Тамбовской епархии и тех, чья жизнь и деятельность прошли исключительно в Тамбовской епархии.

² В миру – Павел Раев, с 1892 по 1898 г. – митрополит Санкт-Петербургский и первенствующий член Синода.

Несмотря на заметную сегментацию либеральных и консервативных взглядов в среде духовенства, преобладание в начале XX века в среде епископата идей реформирования синодального состояния Церкви подтверждено большим количеством документальных свидетельств [12]. Анализ ряда работ, посвященных политической ориентации духовенства в годы первых русских революций, показывает, что духовенство вовсе не было слепым проводником имперской власти, как утверждала советская историография, но вовлекалось в оппозиционные группы, оставалось политически неоднородным и лишь формально подчинялось официальной консервативной политике [13, с. 42]. П.Н. Зырянов обосновал тезис о том, что «Православная церковь являлась... частью, хотя и обособленной, государственной машины самодержавия» [13, с. 42–52; 14, с. 39]. Аргументировать же этот вывод содержанием проповедей, осуждающих насилие и агрессию, которыми сопровождалось событие Первой русской революции, едва ли можно. В силу православного правосознания русское духовенство не могло дать иную интерпретацию происходящему. Несогласие же с официальным курсом политики, поддерживаемой официально Синодом, несомненно, присутствовало как в среде тамбовского, так и в целом российского духовенства [13; 14].

Просвещенная часть тамбовского духовенства сознавала, что реформы обществу и Русской православной церкви необходимы [15, с. 443]. При этом реальные результаты реформирования, охватившего Россию с 60-х гг. XIX века, удовлетворить духовенство никак не могли, и особенно заметно это было на примере аграрного российского большинства, существенно пострадавшего от распада традиционного патриархального общинного уклада, на останках которого должна была возникнуть, но не возникла активная приходская община.

Епископат на местном уровне сопротивлялся тактике либерализации, которой власть вынуждена была придерживаться под нажимом эмансипированного общества. Процесс парламентаризации общества вновь актуализировал проблему выборного начала в Церкви, без чего трудно было создать духовно консолидированную общину. В связи с этим возникла идея созыва съездов духовенства

[16; 17]. Попытке белого, приходского, духовенства высвободиться из-под власти черного духовенства способствовала инициатива разделения судебной и административной власти в церковном судопроизводстве. Несмотря на поддержку либеральной общечерноуниверситетской инициативы реформирования церковного суда не были поддержаны [18].

На пагубность последствий, которые наблюдались на пути реформирования, епископат реагировал молчаливым несогласием, подчиняясь общепринятой синодальной дисциплине. Например, Тамбовский епископ Палладий (Раев), как и другие архиереи, не подал в Синод отзыва на предлагаемые реформы церковного суда: законодательная инициатива так и осталась нереализованным проектом [19]. Открытое и молчаливое сопротивление архиереев реформам завершилось отменой выборного начала, официально подтвержденной Указом Синода 5 апреля 1881 г., что согласовывалось с политикой централизации и бюрократизации Александра III. Продолжив свое существование, съезды приходского духовенства, лишённые выборного начала, приобрели рутинный характер. Ни события 1905 г., ни полемика в Государственной думе не вернули им активности, характерной для 1860-х гг.

На новом этапе развития выборного начала в среде духовенства, в период создания Предсоборного Присутствия и созыва Государственной думы – в 1905 г., необходимость демократизации церковно-приходской системы была признана тамбовскими иерархами. Епископ Иннокентий (Беляев) высказался за разделение административной и судебной власти, за представленность в приходах мирян и пр. О том, что идеи реформаторства в среде духовенства не остыли, свидетельствуют события Собора Русской православной церкви и чрезвычайного съезда тамбовского духовенства в 1917 г. [15, с. 443–471].

Необходимость единения общества на основе приходской общины стала одной из заметных тем церковной печати думского периода. В 1908 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» (ТЕВ) опубликовали речь ректора Санкт-Петербургской духовной академии: автор отводил приходу центральную роль в сплочении всех сил на борьбу с бедностью, болезнями, пьянством, сиротством и пр. [20]. Эти инициативы, поддерживаемые

в Петербурге усилиями митрополита Антония (Вадковского), на его родине не дали решительного результата, и приходская жизнь в массе оставалась формальной. Это подтверждают даже названия статей в ТЕВ: «Ужас одиночества», «Тоска по вере и христианской жизни». Эти публикации констатировали холодность паствы к вере и одиночество священника: «Страшно сказать, как мы разъединены друг с другом! Часто бывает, живем под одной кровлей, едим из одной тарелки, а в душе ничего общего. Этот факт, свидетельствующий об упадке любви в людях и усилении эгоистических начал, весьма печален» [21]. О сложной ситуации в тамбовских приходах к 1905 г. свидетельствуют материалы ответов на анкету Святейшего синода, представленные Тамбовским епископом Иннокентием. Идея реформирования приходской жизни была поддержана в присланных отзывах подавляющим большинством епархиальных архиереев, кроме троих [22].

В это время в либеральной печати предлагалось ввести мирян в состав съезда приходского духовенства, а права избрания, содержания, обучения, контроля, наказания и поощрения духовенства делегировать земству, что было покушением на права епископа. Назначение пастырей народом вызвало решительное сопротивление духовенства. От самого же духовенства синодальная власть требовала быть влиятельной стабилизирующей силой [23]. Именно такую задачу ставил перед духовенством царский Манифест 26 февраля 1903 г. о расширении роли и значения Церкви в государственно-общественной жизни. Само духовенство основным препятствием к решению возложенных на него задач считало свое зависимое положение. Однако оберпрокурор Синода К.П. Победоносцев был уверен, что зависимость приходского духовенства от мирян укрепляет связь между ними [24, с. 244].

Духовенство пыталось оживить приходскую жизнь, не опираясь на общественную инициативу. Так, преосвященные Иннокентий и Кирилл предлагали организацию общего пения в приходе, внебогослужебные беседы, личный пример нравственной жизни, добросовестное служение, организацию церковных школ и работу в земских школах. Однако застой и разложение приходской жизни отмечались как в благополучных, так

и в неблагополучных приходах. «Церковно-приходская жизнь в Сампурском приходе находится в мертвом состоянии, и для оживления ее причтом никаких мер не принимается. Члены причта здесь, начиная с настоятеля, все почтенных лет, малоучительны и при этом не достаточно усердны к своим обязанностям. Слово Божие в Сампурском храме проповедуется весьма редко, собеседования не ведутся, обучение молитвам и заповедям никогда не практикуется» [25]. «Церковно-приходское дело в Троицком приходе в полной разрухе. Отец настоятель подвержен слабости, которая не позволяет ему держать в должном порядке не только церковь и приход, но и себя самого. Церковной проповеди здесь не бывает, собеседования не ведутся, к общему пению прихожане не приучаются, богослужение отправляется небрежно. Вследствие всего этого прихожане холодно относятся к храму и редко посещают его, грубы и не почтительны к своему приходскому причту» [25]. «Причт села Нижней Отормы состоит из священника диакона и псаломщика. Все они по отправлению богослужения и треб исправны, но часто ссорятся между собой и своей несогласной жизнью соблазняют прихожан» [25, № 22/23, с. 846].

Государство использовало духовенство как средство информационного, политического, идеологического воздействия на население, особенно с конца XIX века. Обязательный и подконтрольный характер приобретают проведение и посещение служб, на которых оглашают царские манифесты; молебны по случаю избавления правительственных особ от угрозы гибели и пр. В обязанность губернаторов и уездных исправников входило составление соответствующих докладов в правительственные ведомства [26]. Светские власти грубо вмешивались во внутренние дела Церкви, например, в вину священнику могли поставить, что прихожан вовремя не оповестили о панихиде по Александру II, хотя это составляло обязанность церковного старосты [27]. Внешнее соблюдение религиозности входило в состав определения «политическая благонадежность», поэтому становые приставы бдительно следили за всем, что могло быть связано с диссидентством, будь то анонимные письма о рождении антихриста и конце света или мо-

литвы неизвестного происхождения о необходимости покаяния «перед грядущим Страшным судом» [28].

Приходское духовенство в глазах населения стало походить на местное чиновничество, о котором в народе сложилось мнение, что оно искажает закон в свою пользу, поэтому надежды на позитивные перемены возлагались на ходоков во власть [29]. Право обращаться к единоверной власти крестьянин рассматривал как следствие соблюдения им Закона Веры и исполнения функций земледельца [30]. Тем не менее, приходской священник был историческим персонажем, который в условиях начала XX века имел возможность быть проводником государственной политики [31, с. 268].

Активно возникающие светские общественные организации создавали успешную конкуренцию духовенству [32]. Хотя их создание и деятельность были под пристальным вниманием губернских властей, они имели возможность действовать, опираясь на неофициальные каналы власти [33]. Уставные цели обществ обычно служили ширмой, скрывающей политическую оппозиционную суть, о чем свидетельствуют факты закрытия их губернатором. Так, «Общество детских развлечений» распространяло книги антирелигиозного и антиправительственного содержания. Убежденный консерватор, столыпинский губернатор Н.П. Муратов вынужден был бороться с учрежденным по инициативе губернатора А.А. Фредерикса (лютеранина) «Обществом любителей музыки и драматического искусства», а также с возглавлявшим его С.М. Стариковым, евреем по национальности. «Общество» было идейным центром либерализма и оппозиционности в Тамбове. Как считалось, пропаганда революции скрывалась под видом организации концертных вечеров в пользу малоимущего студенчества. Н.П. Муратов удалил ряд еврейских деятелей, подозревая их в антиправительственной деятельности [34–36].

О влиятельности либеральной аристократии в высших сферах говорит факт удаления губернатора Н.П. Муратова по ходатайству дворянского собрания и графа К.А. Бенкендорфа; за Тамбовское отделение Императорского русского Музыкального Общества (ИРМО) и лично за С.М. Старикова вступилась сама принцесса Е.Г. Альтенбургская.

Характерно, что защитницей С.М. Старикова была и православная русская аристократка, статс-дама А.Н. Нарышкина (урожденная Чичерина, сестра Б.Н. Чичерина). Она, самоотверженно защищая артистический талант С.М. Старикова, не видела разницы между благородством профессионального поприща и неблаговидной политической сущностью. Будучи влиятельной фигурой, она смело выступила против губернатора Н.П. Муратова, поддержал ее и предводитель дворянства князь Н.Н. Чолокаев [37; 38].

По понятным причинам документальные доказательства участия антицерковных и антироссийских сил в процедуре удаления от власти людей, способных противостоять революционизму, отсутствуют. Мемуарные же источники ясно обнаруживают тенденцию появления инородцев и иноверцев в окружении царской семьи, что не способствовало умиротворению общества. В.Ф. Джунковский (товарищ министра, был уволен за ходоатайство о выдворении Г.Е. Распутина из царской семьи) цитирует письмо А.Н. Нарышкиной от 3 августа 1915 г., вызванное назначением князя В.М. Волконского (Владимир Михайлович Волконский (1868–1953) имел непосредственное влияние на жизнь Тамбовской губернии, являясь тамбовским дворянином) товарищем министра внутренних дел: «Слава Богу, что Вы еще стоите у правой стези и в этой смуте состоите вехой хорошего пути, на которую с надеждой смотрят люди разума. Но с назначением пресловутого Волконского (бывший товарищ Председателя Госдумы) надежды всякие блекнут. Он у нас целовался с левыми, обманывал духовенство, плясал то в одну, то в другую сторону. Никто ему не доверял» [39, с. 469]. Налицо был кризис бюрократической системы, инстинкт самосохранения которой заглушал голос разума и совести.

В происходящее активно вовлекалось духовенство, которое вынуждено было постоянно откладывать решение своих собственных проблем. В связи с субъективным мнением императора Николая II, которое в свое время было сформировано под влиянием К.П. Победоносцева, боявшегося любых перемен, проведение Поместного собора было отложено, согласно высочайшей резолюции, оставленной царем на сводном докладе, составленном Предсоборным Присутствием в

1907 г.: «Собор пока не проводить» [6, с. 295]. Так, Синод аннулировал свое решение «о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства», сроки введения которого пришлось перенести с 6 июня 1904 г. на 1 января 1907 г., как писали ТЕВ, «...ввиду происходящих повсеместно нестроений в общественной жизни и, принимая во внимание, что в это смутное время отвлечение духовенства от прямых лежащих на нем пастырских обязанностей, представляется совершенно невозможным...» [40, с. 53].

Первая российская революция заставила самодержавие пересмотреть свою конфессиональную политику. 17 апреля 1905 г. был обнародован «Манифест о веротерпимости», провозгласивший свободу вероисповедания всех конфессий: разрешалось строить молитвенные здания, издавать духовную литературу, прекращалось преследование сектантов. Тамбовские епархиальные ведомости откликнулись на Манифест рядом публикаций, проникнутых чувством беспокойства. В Тамбовской епархии хорошо понимали последствия такой реформы, так как антигосударственный настрой сектантов и инаковерцев здесь ощущали с момента основания епископской кафедры [41; 42].

Справедливое недовольство вызывала непоследовательность консервативного курса политики, когда самодержавие, идя навстречу либералам, действовало как светская власть, при этом оно требовало соблюдения традиционной духовности и верности Православию. Уступкой либеральным силам стали следующие нововведения: упрощение процедуры бракоразводного процесса, сокращение количества нерабочих дней по случаю православных праздников, поддержка земским школам [24, с. 308]. Манифест 1903 г., призванный как-то уравновесить позиции сторон, обещал улучшить положение Церкви и духовенства. Манифест 1905 г. «О веротерпимости» уравнивал главную конфессию в правах со всеми остальными, не дав ей прав самостоятельности, чем ослабил ее и усилил позиции духовных оппонентов православия.

В таких условиях любое санкционированное событие становилось в ряд политических. Крупнейшими событиями в истории Русской православной церкви, и особенно в жизни тамбовского духовенства, стали две канонизации святых: в 1903 г. торжественно

совершилось прославление преподобного Серафима Саровского; в 1914 г. состоялась канонизация святителя Питирима Тамбовского (при освидетельствовании мощей Серафима Саровского и у истоков процесса канонизации стоял епископ Тамбовский Димитрий (Ковальницкий) в 1902 г., при епископе Иннокентии (Беляеве) в 1903 г. состоялось открытие мощей и канонизация) [43–46]. Обе канонизации активно поддерживали искренне верующие, Николай II и члены царствующего Дома. Канонизация символизировали единство православного Царя и верного ему православного народа, уповающих на молитвенную защиту своих святых [11, с. 108; 47].

Несогласие в позициях с Русской православной церковью официальная власть обнаружила в ходе процедуры канонизации прп. Серафима Саровского: мощи при освидетельствовании оказались «поддавшимися тлению», что не служило каноническим препятствием, но расходилось с народными представлениями о святости [48]. Обер-прокурор К.П. Победоносцев подошел к инициативе канонизации иеромонаха Саровской пустыни Серафима осторожно, видя в этом давление со стороны императрицы [11, с. 108–109; 49–51]. Обер-прокурор понимал, что события канонизации в ситуации враждебного отношения либерального общества к самодержавному государству не могут не приобрести политического значения [11, с. 108; 47; 51, с. 127–128].

Можно предположить, что осторожное отношение епископа Тамбовского и Шацкого Димитрия (Ковальницкого) к списку свидетельств о чудотворениях святого, осмотрительность решений митрополита Владимира (Богоявленского) как председателя комиссии по канонизации прп. Серафима Саровского объясняются солидарностью с главой Синода (отказ епископа Димитрия (Ковальницкого) подписать акт о чудесных исцелениях мог послужить причиной его перевода с тамбовской кафедры и назначения нового главы – Иннокентия (Беляева) [11, с. 108; 52–55]). Митрополиту Антонию (Вадковскому) пришлось выступить в печати с разъяснениями об отсутствии канонических препятствий, дав информацию о результатах освидетельствования мощей в своей интерпретации [11, с. 108–109; 56; 57]. Остроту противодействия

со стороны инославцев-староверов показали факты циничного глумления над событиями канонизации святого старца в Саратовской губернии, за что виновные понесли наказание [58].

Епархиальная и губернская тамбовская печать публиковала восторженные отклики верующих, побывавших в Сарове, в стихах и прозе прославлявших во святых молитвенного заступника – прп. Серафима [11, с. 108–109; 59; 60]. Однако были и свидетельства участников, увидевших в происходящем холодное отношение к насущным запросам рядового верующего, которому трудно было добраться до Саровской пустыни, негде преклонить голову и найти пропитание [11, с. 116], хотя для канонизации был создан паломнический городок, раздавалась еда и пр. Николай II считал свое участие в канонизации прп. Серафима Саровского самым трогательным событием в жизни [61].

Верующая паства ждала положительных перемен от канонизации и прославления святых, однако они являли собой молитвенное укрепление перед наступающими смутными временами. Политические убийства, террор захлестнули страну. Церковь едва успевала оплакивать жертв террора, к которым добавились тамбовские имена: были убиты – Н.Е. Богданович, В.Ф. фон дер Лауниц, ранен – архимандрит Симеон (Холмогоров) и др.

Сохранение религиозности поддерживалось светскими и церковными властями: отличившиеся на этом поприще поощрялись. Так, был награжден орденом св. Анны I степени преосвященный Виталий (Иосифов), при котором в 1889 г. в честь избавления императорской семьи от смертельной опасности (крушение поезда) были открыты памятные часовни в Козлове, в монастырском скиту у Трех Лощин (с. Двойня Тамбовского уезда), в честь Александра II – каменная часовня в с. Пересыпкино [11, с. 116; 62; 63].

Неизменно видную роль играло духовенство в моменты торжественных встреч представителей царского Дома. Накануне прославления святителя Питирима Тамбовскую губернию посетили представители царской семьи: 7 декабря 1914 г. – император Николай II, в начале апреля 1915 г. – Великая княгиня Елизавета Федоровна, которая побывала в лазаретах (дома Егоровых, Красного Креста, Вознесенского монастыря) [64;

65]. Все члены императорской семьи щедро жертвовали на прославление свт. Питирима, показывали личное благочестие и христианскую любовь к ближним. Проправительственный настрой духовенства отражала оценка событий, связанных с празднованием крупных юбилейных дат: 100-летие Отечественной войны 1812 г., 300-летие династии Романовых.

В целом, тамбовское духовенство, прежде всего его епископат, придерживались правых позиций, защищая самодержавие и православную веру как оплот российской государственности. При этом оно не было чуждо и взглядов критического отношения к синодальной системе государственно-церковных отношений, признавая необходимость освобождения от синодальной зависимости, разделяя в этой части взгляды выдающихся деятелей Церкви, воспитанников Тамбовской духовной семинарии митрополитов Антония (Вадковского) и сщмч. Владимира (Богоявленского). При этом региональной особенностью являлась приверженность крайним правым позициям, на которых солидаризировался тамбовский епископат: Иннокентий (Беляев), сщмч. Кирилл (Смирнов), Григорий (Яцковский), Зиновий (Дроздов), ректоры Тамбовской духовной семинарии архимандриты Феодор (Поздеевский) и Симеон (Холмогоров) и др.

Список литературы

1. *Полунов А.Ю.* Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М., 2010.
2. Церковь и государство. М., 2005. Ч. 4-5.
3. *Обнинский В.П.* Последний самодержец: очерки жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1912.
4. Большая советская энциклопедия. М., 1940. Т. 45.
5. *Безбородова М.В.* Положение духовенства в городских приходах Тамбовской епархии XIX века // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: межвуз. сб. науч. тр. М., 1984. 237 с.
6. *Митрофанов Г., прот.* История русской православной церкви 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002.
7. *Басин И.* Пастырь на рубеже эпох: к 150-летию митрополита Антония (Вадковского) // Православная община. 1996. № 3. С. 75-91.
8. *Максимов Ю.В.* Дом у Московской заставы. СПб., 2002. 40 с.
9. Тамбовские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1903. № 20. С. 542-547; № 26. С. 733-736.
10. *Степашкин В.А.* Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров: ЗАО «Инфо», 2009. 264 с.
11. *Фриз Г.* Мирские нарративы о священном таинстве // Православие: конфессия, институты, религиозность XVII–XX вв. СПб.: Европ. ун-т, 2009.
12. Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / авт.-сост.: Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. М.: Рус. панорама, 2008. 376 с.
13. *Мошненко А.В.* К вопросу о политической ориентации российского православного духовенства в 1905–1907 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви. М., 2015. Вып. 2 (63). С. 42-52.
14. *Зырянов П.Н.* Церковь в период трех русских революций // Русское православие: вехи истории. М., 1989.
15. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб.: Синодальная типография, 1906. Ч. 1. 548 с.; 1906. Ч. 2. 562 с.; 1907. Ч. 3. 591 с.
16. *Беллюстин И.С.* Епархиальное самоуправление // Беседа. 1871. Март.
17. Церковно-общественный вестник. 1881. № 88.
18. Христианское чтение. 1871. № 11. С. 103.
19. Церковно-общественный вестник. 1876. № 37.
20. Одна из важных задач для духовенства: речь ректора Петербургской академии архимандрита о. Сергия, 17 февраля 1902 года // ТЕВ. 1908. № 1. Неофиц. ч. С. 15-21.
21. ТЕВ. 1908. № 8. Неофиц. ч. С. 410-411.
22. *Ореханов Г., иерей.* На пути к собору: церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. 223 с.
23. *Щукин П.П.* О выборном начале в церкви // Русская старина. 1906. Т. 125. № 2. С. 366, 376.
24. *Рожков В., протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. 560 с.
25. Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // ТЕВ. 1912. № 11/12. Неофиц. ч. С. 347-414.
26. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1938, 2854.
27. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2759, 3357.
28. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2576, 2765.
29. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992. 256 с.

30. Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века // Социс. 1992. № 4. С. 3-14.
31. Киреев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.
32. Туманова А.С. Отношение губернской власти к общественной самодеятельности на рубеже XIX–XX веков: (по материалам Тамбовской губернии) // Власть и общество России. XX век: сб. науч. тр. МПГУ. Москва; Тамбов, 1999. С. 33-38.
33. ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11, 106, 127.
34. Тамбовские отклики. 1914. 3, 11, 12 января.
35. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 123.
36. Воспоминания Н.П. Муратова // РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 156-156об.
37. ГАТО. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 13. Л. 133; Ф. 2. Оп. 101. Д. 16. Л. 12об.; Ф. 2. Оп. 143. Д. 408. Л. 15об.; Д. 156. Л. 3.
38. РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 334. Л. 198.
39. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. / под ред. А.Л. Паниной. М., 1997. Т. 1.
40. Епархиальные распоряжения и известия // ТЕВ. 1906. № 3.
41. ТЕВ. 1905. № 7-9, 11, 14.
42. Нечаев А.А. Очерки из истории Тамбовской церкви. СПб., 1908.
43. Бытность архиереев Тамбовских // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 58. Тамбов, 1918. С. 148-162.
44. Молчанов Н. Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914.
45. Житие святителя Питирима Тамбовского. Одесса, 1914. С. 18-20.
46. ТЕВ. 1904. № 24-41; 1905. № 19, 20, 27, 30; 1914. № 1, 2, 3; 1912. № 24.
47. Виноградов Н. Духовная связь Царя и народа // Московские церковные ведомости. 1903. № 20. С. 309-311.
48. Акт освидетельствования мощей, хранящихся в «секретном отделении» Синодального архива // ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 796. Оп. 183. Д. 2524. Л. 10.
49. Вумме С.Ю. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 242-243.
50. Дневник А.А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 157.
51. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119-140.
52. ЦГИА СПб. Ф. 796. Оп. 183 (1902 г.). 1902 г. Д. 2524, Л. 10.
53. Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1903. № 7. С. 43.
54. ТЕВ. 1903. № 2. С. 542-547.
55. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1903. № 32. С. 984.
56. Антоний, митрополит. Необходимые разъяснения // Церковные ведомости. 1903. № 26. С. 983-984.
57. Акт освидетельствования мощей, хранящихся в «секретном отделении» Синодального архива // ЦГИА СПб. Ф. 796. Оп. 205. Д. 247. Л. 2.
58. ЦГИА СПб. Ф. 76. Оп. 442. Д. 1979. Л. 35; Ф. 797. Оп. 74. Отд. 2. Ст. 3. Д. 9.
59. ТЕВ. 1903. № 20. С. 542-547; № 26. С. 733-736.
60. Степашкин В.А. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров, 2009. 264 с.
61. ЦГАОР СССР (Центральный государственный архив октябрьской революции. Ныне – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. Л. 44-45; Ф. 797. Оп. 74. Отд. 3. Ст. 4. Д. 2. Л. 4.
62. ГАТО. Ф. 46. Оп. 54. Д. 26.
63. ТЕВ. 1890. № 8. С. 174, 430.
64. ТЕВ. 1915. № 13/14. С. 321-322.
65. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9124. Л. 1-58.

References

1. Polunov A.Y. *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: vekhi politicheskoy biografii* [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: Political Biography Landmarks]. Moscow, 2010. (In Russian).
2. *Tserkov' i gosudarstvo* [Church and State]. Moscow, 2005, part 4-5. (In Russian).
3. Obninskiy V.P. *Posledniy samodержets: ocherki zhizni i tsarstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II* [The Last Autocrat: Outlines of Life and Reign of the Emperor of Russia Nicholas II]. Berlin, 1912. (In Russian).
4. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopaedia]. Moscow, 1940, vol. 45. (In Russian).
5. Bezborodova M.V. *Polozhenie dukhovenstva v gorodskikh prikhodakh Tambovskoy eparkhii XIX veka* [The position of clergy in urban parish of Tambov eparchy of 19th century]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Gorodskie srednie sloi v Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyne»* [Intercollegiate Collection of Scientific Articles "Urban Middle Classes in October Revolution and Civil War"]. Moscow, 1984, 237 p. (In Russian).
6. Mitrofanov G., archpriest. *Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi 1900–1927* [History of Russian Orthodox Church 1900–1927]. St. Petersburg, Satis Publ., 2002. (In Russian).
7. Basin I. *Pastyr' na rubezhe epokh: k 150-letiyu mitropolita Antoniia (Vadkovskogo)* [Pastor at the edge of epochs: to the 150th anniversary of metropolitan Anthony]. *Pravoslavnyaya obshchina* [Orthodox Community]. 1996, no. 3, pp. 75-91. (In Russian).

8. Maksimov Y.V. *Dom u Moskovskoy zastavy* [The House near Moscow Zastava]. St. Petersburg, 2002, 40 p. (In Russian).
9. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1903, no. 20, pp. 542-547, no. 26, pp. 733-736. (In Russian).
10. Stepashkin V.A. *Prepodobnyy Serafim Sarovskiy: predaniya i fakty* [Saint Seraphim of Sarov: Legends and Facts]. Sarov, CJSC "Info", 2009, 264 p. (In Russian).
11. Friz G. Mirskie narrativy o svyashchennom tainstve [Secular narrative about sacrament]. *Pravoslavie: konfessiya, instituty, religioznost' XVII–XX vv.* [Orthodoxy: Confession, Institutes, Religiousity 17–20th]. St. Petersburg, European University Publ., 2009. (In Russian).
12. Lavrov V.M., Lobanov V.V., Lobanova I.V., Mazyrin A.V. (authors-compilers). *Ierarkhiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi, patriarshestvo i gosudarstvo v revolyutsionnuyu epokhu* [Hierarchy of the Russian Orthodox Church, Patriarchy and State in Revolutionary Epoch]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2008, 376 p. (In Russian).
13. Moshnenko A.V. K voprosu o politicheskoy orientatsii rossiyskogo pravoslavnogo dukhovenstva v 1905–1907 gg. [The political orientation of the Russian Orthodox clergy in 1905–1907 as a historiographical problem]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi – St. Tikhons University Review. History. History of Russian Orthodox Church*, 2015, no. 2 (63), pp. 42-52. (In Russian).
14. Zyryanov P.N. Tserkov' v period trekh russkikh revolyutsiy [Church and the period of three Russian revolutions]. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Landmarks of History]. Moscow, 1989. (In Russian).
15. *Otzyvy eparkhial'nykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoy reforme* [Opinions of Eparchial Archpriests on the Issue of Church Reform]. St. Petersburg, Synod Typography, 1906, part 1, 548 p., 1906, part 2, 562 p., 1907, part 3, 591 p. (In Russian).
16. Bellyustin I.S. Eparkhial'noe samoupravlenie [Eparchy self-government]. *Beseda* [Conversation], 1871, March. (In Russian).
17. *Tserkovno-obshchestvennyy vestnik* [Church-Public Herald], 1881, no. 88. (In Russian).
18. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 1871, no. 11, pp. 103. (In Russian).
19. *Tserkovno-obshchestvennyy vestnik* [Church-Public Herald], 1876, no. 37. (In Russian).
20. Odnа iz vazhnykh zadach dlya dukhovenstva: rech' rektora Peterburgskoy akademii arkhimandrita o. Sergiya, 17 fevralya 1902 g. [One of important tasks for clergy: speech of rector of Saint-Petersburg Academy archimandrite father Sergiy, February 17, 1902]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1908, no. 1, unofficial part, pp. 15-21. (In Russian).
21. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1908, no. 8, unofficial part, pp. 410-411. (In Russian).
22. Orekhanov G., priest. *Na puti k soboru: tserkovnye reformy i pervaya russkaya revolyutsiya* [On the Way to the Synod: Church Reforms and the First Russian Revolution]. Moscow, 2002, 223 p. (In Russian).
23. Shchukin P.P. O vybornom nachale v tserkvi [About the electorate origin in church]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1906, vol. 125, no. 2, pp. 366, 376. (In Russian).
24. Rozhkov V., archpriest. *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoy dume* [Church Issues in State Duma]. Moscow, 2004, 560 p. (In Russian).
25. Obozrenie Ego Preosvyashchenstvom, Preosvyashchenneyshim Kirillom episkopom Tambovskim i Shatskim, monastyrey, tserkvey i shkol eparkhii v 1911 g. [The view by the Right Reverend, eminent Kirill bishop of Tambov and Shatsk of monasteries, churches and eparchy schools in 1911]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1912, no. 11/12, unofficial part, pp. 347-414. (In Russian).
26. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 1938, 2854. (In Russian).
27. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 2759, 3357. (In Russian).
28. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 2576, 2765. (In Russian).
29. Zyryanov P.N. *Krest'yanskaya obshchina Evropeyskoy Rossii 1907–1914 gg.* [Peasant Community of European Russia 1907–1914]. Moscow, 1992, 256 p. (In Russian).
30. Firsov B.M., Kiseleva I.G. *Struktury povsednevnoy zhizni russkikh krest'yan kontsa XIX veka* [Structures of everyday life of Russian peasants at the end of 19th century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1992, no. 4, pp. 3-14. (In Russian).
31. Kireev N.I. *Prozhitoe i perezhitoe* [Outlasted]. Leningrad, 1990, 384 p. (In Russian).
32. Tumanova A.S. *Otnoshenie gubernskoy vlasti k obshchestvennoy samodeyatelnosti na rubezhe XIX–XX vekov: (po materialam Tambovskoy gubernii)* [The relation of provincial power to public amateur activity at the edge of 19–20th centuries: (basing on the materials of Tambov province)]. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo*

- universiteta «Vlast' i obshchestvo Rossii. XX vek» [A Collection of Scientific Works of Moscow Pedagogic State University "Power and Society of Russia, 20th century"]*. Moscow, Tambov, 1999, pp. 33-38. (In Russian).
33. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 11, 106, 127. (In Russian).
 34. *Tambovskie otkliki* [Tambov Responses], 1914, January 3, 11, 12. (In Russian).
 35. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 6848, p. 123. (In Russian).
 36. Vospominaniya N.P. Muratova [N.P. Muratov's Memoirs]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], fund 1208, list 1, file 26, p. 156-156 back side. (In Russian).
 37. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 1048, list 1, file 13, p. 133, fund 2, list 101, file 16, p. 12 back side, fund 2, list 143, file 408, p. 15 back side; file 156, p. 3. (In Russian).
 38. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], fund 87, list 1, file 334, p. 198. (In Russian).
 39. Dzhunkovskiy V.F. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 1997, vol. 1. (In Russian).
 40. Eparkhial'nye rasporyazheniya i izvestiya [Eparchy instructions and news]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1906, no. 3. (In Russian).
 41. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1905, no. 7-9, 11, 14. (In Russian).
 42. Nechaev A.A. *Ocherki iz istorii Tambovskoy tserkvi* [Outlines from History of Tambov Church]. St. Petersburg, 1908. (In Russian).
 43. Bytnost' arkhierееv Tambovskikh [The Being of Tambov archpriests]. *Izvestiya Tambovskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii* [The News of Tambov Academic Committee], no. 58. Tambov, 1918, pp. 148-162. (In Russian).
 44. Molchanov N. *Zhizneopisanie svyatitelya Pitirima, episkopa Tambovskogo* [The life of Saint Pitirim, Tambov bishop]. Tambov, 1914. (In Russian).
 45. *Zhitie svyatitelya Pitirima Tambovskogo* [Life of Saint Pitirim of Tambov]. Odessa, 1914, pp. 18-20. (In Russian).
 46. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1904, no. 24-41, 1905, no. 19, 20, 27, 30, 1914, no. 1, 2, 3, 1912, no. 24. (In Russian).
 47. Vinogradov N. Dukhovnaya svyaz' Tsarya i naroda [The spiritual connection of tsar and people]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti* [Moscow Church News], 1903, no. 20, pp. 309-311. (In Russian).
 48. Akt osvidetel'stovvaniya moshchey, khranyashchikhsya v «sekretnom otdelenii» Sinodal'nogo arkhiva [Examination certificate of relics, saved in "secret department" of synod archive]. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg], fund 796, list 183, file 2524, p. 10. (In Russian).
 49. Vitte S.Y. *Vospominaniya* [Memoirs]. Berlin, 1922, vol. 1, pp. 242-243. (In Russian).
 50. Dnevnik A.A. Polovtseva [A.A. Polovtsev's Diary]. *Krasnyy arkhiv* [The Red Archive], 1923, vol 3, pp. 157. (In Russian).
 51. Zakharova L.G. Krizis samodержaviya nakanune revolyutsii 1905 g. [Autocracy crisis before the revolution in 1905]. *Voprosy istorii* [The Issues of History], 1972, no. 8, pp. 119-140. (In Russian).
 52. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg], fund 796, list 183 (1902), file 2524, p. 10. (In Russian).
 53. Vysochayshee povelenie [Supreme order]. *Tserkovnye vedomosti* [Church Journal], 1903, no. 7, pp. 43. (In Russian).
 54. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1903, no. 2, pp. 542-547. (In Russian).
 55. *Pribavleniya k Tserkovnym Vedomostyam* [Adding to Church Journal], 1903, no. 32, p. 984. (In Russian).
 56. Antoniy, metropolitan. Neobkhodimye raz'yasneniya [The necessary explanation]. *Tserkovnye vedomosti* [Church Journal], 1903, no. 26, pp. 983-984. (In Russian).
 57. Akt osvidetel'stovvaniya moshchey, khranyashchikhsya v «sekretnom otdelenii» Sinodal'nogo arkhiva [Examination certificate of relics, saved in "secret department" of synod archive]. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Historical Archive of St. Petersburg], fund 796, file 205, list 247, p. 2. (In Russian).
 58. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of St. Petersburg], fund 76, list 442, file 1979, p. 35, fund 797, list 74, department 2, art. 3, file 9. (In Russian).
 59. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1903, no. 20, pp. 542-547, no. 26, pp. 733-736. (In Russian).
 60. Stepashkin V.A. *Prepodobnyy Serafim Sarovskiy: predaniya i fakty* [Saint Serafim of Sarov: Legends and Facts]. Sarov, 2009, 264 p. (In Russian).
 61. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv oktyabr'skoy revolyutsii. Nyne – GARF* [The Central

- State Archive of October Revolution, now – The State Archive of the Russian Federation], fund 601, list 1, file 246, p. 44-45, fund 797, list 74, department 3, art. 4, list 2, p. 4. (In Russian).
62. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 46, list 54, file 26. (In Russian).
63. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1890, no. 8, pp. 174, 430. (In Russian).
64. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Bulletin], 1915, no. 13/14, pp. 321-322. (In Russian).
65. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 4, list 1, file 9124, p. 1-58. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.06.2017 г.
Отрецензирована 26.07.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 22 June 2017
Reviewed 26 July 2017
Accepted for press 30 August 2017

UDC 27-9+316.343.33+323.2

ORTHODOX CLERGY AT THE RIGHT WING OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE AT THE END OF 19th – THE BEGINNING OF 20th CENTURIES

Archpriest Viktor LISYUNIN

Candidate of History, Provost for Education

Faith-Based Organization Clergy Educational Establishment of Higher Education “Tambov Seminary of Tambov Eparchy of Russian Orthodox Church”

3 M. Gorky St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tdsmetod@yandex.ru

The development of orthodox clergy at the background of social and political life of the Russian Empire at the end of 19th the beginning of 20th centuries is considered. The attention is paid to the changes in social and political situation, when the Church in the person of clergy was in disadvantaged position under the influence of liberal reforms and the stress of emancipated society. Following the conservative position, supporting the political system, the clergy needed the discretion, but they were limited by the bureaucratic synodal system. It is marked that the inconsistency of conservative course of state policy caused complaints because of the increase of liberal ideas. These liberal ideas were different from traditionally stable model of social and state relations. The necessity of reformatations, which could let ease the state supervision on the Church and form active parish community, which would be able to consolidate the society, was understood by the most of the representatives of orthodox clergy. At the same time, the process of parliamentarization of the society actualized the problem of elective origin of the Church. By the beginning of 20th century the crisis of bureaucratic system was reached, the clergy was very actively involved and they had to delay the decision of their own problems. Complemented by subjective opinion of the Emperor Nicholas II, the Church Council conduction was delayed.

Keywords: clergy; Tambov eparchy; Synod; conservative course; parish community; liberal opposition

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-200-210

Для цитирования: Лисюнин В., протоиерей. Православное духовенство на правом фланге общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 200-210. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-200-210.

For citation: Lisyunin V., archpriest. Pravoslavnoe dukhovenstvo na pravom flange obshchestvenno-politicheskoy zhizni v kontse XIX – nachale XX veka [Orthodox clergy at the right wing of social and political life at the end of 19th – the beginning of 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 200-210. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-200-210. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 94(47)

РАСХОДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1907–1914 гг.)

© **Иван Евгеньевич СТРЕЛЬЦОВ**

аспирант, кафедра истории, философии и русского языка
Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I
394087, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Мичурина, 1
E-mail: dr.streltsov2017@yandex.ru

Накануне Первой мировой войны перед правительством наряду с переустройством флота остро встал вопрос и об организации разведывательной службы на флоте. Морской генеральный штаб для хорошей организации тайной агентурной службы требовал от правительства немалых финансовых затрат на обучение агентов и их работу за границей. Рассмотрено отношение Морского министерства и Министерства финансов к новому зарождающемуся органу – военно-морской разведке. Изучена проблема финансирования военно-морской разведки с момента образования Морского генерального штаба до начала Первой мировой войны. На основе неопубликованных архивных документов и современных исследований впервые дана оценка денежного обеспечения организации разведывательной деятельности на русском флоте в период подготовки к войне. Проанализированы причины плохого финансирования агентурной службы на флоте в начале Первой мировой войны. Приведены статистические данные для сравнения финансирования военной и военно-морской разведок в период с 1905 по 1909 гг. Данные используемых материалов позволили прийти к выводу о роли финансового фактора на работу военно-морских агентов за границей и качество добываемой ими информации.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, секретные расходы, Морской генеральный штаб, военно-морская разведка

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-211-215

История отечественных спецслужб всегда привлекала к себе внимание ученых. Лишь в последнее время в российской историографии активно стали рассматриваться вопросы, касающиеся деятельности военно-морской разведки и контрразведки в царской России в начале XX века. Тем не менее многие аспекты организации агентурной службы на флоте остаются для исторической науки неизвестными или малоизученными. В частности, в научной литературе до сих пор не затрагивалась проблема денежного обеспечения императорской разведывательной службы на флоте. Тогда как денежный фактор играл значительную роль в работе военно-морских агентов и оказывал большое влияние на качество и количество добываемой информации [1, л. 16]. Из этого немаловажного аспекта вытекает задача данной статьи – попытаться восполнить недостающее звено в системе военно-морской разведки Российской империи накануне Первой мировой войны и оценить, насколько это возможно, значение экономического фактора для военно-морской агентурной службы.

В целях объективного представления проблемы хотелось бы подтвердить мнение

исследователя радиоразведки М.А. Парталы и сослаться на тот факт, что на русском флоте к началу Первой мировой войны в штабах командующих морскими силами Балтийского и Черного морей органов разведки в привычном современном понимании не существовало [2, с. 134]. Их становление в организационном и профессиональном плане происходило уже во время активных боевых действий на море благодаря инициативной и творческой деятельности офицеров, вовлеченных в этот процесс [3, с. 90].

Формально же начало военно-морской разведки было положено Высочайшим указом от 27 апреля (7 мая) 1906 г., когда из Генерального морского штаба «была выделена стратегическая часть в самостоятельное в составе Морского министерства учреждение, именуемое Управление Морского генерального штаба (МГШ)» [4, с. 29]. В основные обязанности это органа входило планирование и подготовка флота к военным действиям, а с 1907 г. на МГШ была возложена задача ведения разведывательной деятельности за границей, которой ведала Иностранная часть.

С образованием МГШ остро встал вопрос о денежном ассигновании военно-морских агентов. Деятельность корабельных разведчиков за границей требовала огромных умственных и эмоциональных усилий. Успех предоставления необходимой информации о месте пребывания во многом зависел от подготовки и способностях агентов [5, с. 48]. Для разработки планов войны, переустройства отечественного флота МГШ нуждался в информации о состоянии флота ведущих морских держав, но получение необходимой секретной информации военно-морскими агентами требовало немалых затрат.

В 1907 г. Морское министерство впервые получило кредит в размере 46 тыс. руб. на «секретные расходы» (табл. 1). С 1908 по 1911 г. сумма эта увеличилась до 90 тыс. руб. ежегодно [1, л. 4].

Таблица 1
Смета ежегодных ассигнований
на секретные расходы
Морского министерства на 1907 г. [1, л. 2]

Назначение расходов	Сумма расходов (руб.)
Главный агент	6000
Помощник главного агента	3000
5 заграничных агентов (вместе с расходами по их разведке)	25000
На разведку главного агента	2000
На поездки офицеров за границу	5000
На покупки и перевод материалов	3000
Другие расходы	2000
Итого: 46 000	

Из табл. 1 видно, что финансовые затраты на нужды военно-морской разведки в первый год существования МГШ были весьма незначительными, если учесть, что после русско-японской войны вплоть до 1909 г. Генеральный штаб получал на военную агентурную разведку 344 140 руб. в год [6, с. 115].

Но было бы ошибочно говорить о равнодушном отношении Министерства финансов к новому зарождающемуся органу агентурной службы. Дело здесь далеко не в попустительском отношении. Уместно будет выделить причины столь низкого финансирования военно-морской разведки в первые годы ее существования.

Первым фактором послужила программа воссоздания флота, предложенная МГШ весной 1907 г. Для России флот всегда являлся

важнейшим звеном ее внешней политики, но после русско-японской войны состояние военно-морского флота, по оценке МГШ, было таковым, что он не только не смог бы оказать какого-либо сопротивления противнику в открытом море, но даже не в состоянии оборонять российские морские границы [7, с. 19]. После утверждения судостроительной программы обсуждался вопрос об ассигнованиях на постройку судов и на их минное и артиллерийское вооружение. Совет министров 9 июня 1907 г. после долгого рассмотрения предложил Морскому министерству кредит на судостроение суммой в 2 млн 700 тыс. руб. [8, с. 336]. К тому же с 1908 по 1911 г. предполагалось выдавать суммы на нужды строительства флота по 31 млн руб. ежегодно, что в общем составило 126 млн 700 тыс. руб. [8, с. 337].

К 1908 г. стоимость строительства судов значительно увеличилась в связи с изменением нормы рабочего дня и значительным повышением заработной платы рабочим. Поэтому распределение кредитов на военное судостроение, включая 2 млн 700 тыс. руб., выделенные в 1907 г., увеличивалось до 188 млн 700 тыс. руб. [8, с. 338].

Таким образом, ясно видно, что средства из государственного бюджета выделялись на более важные и насущные проблемы. На строительство и усиление флота, способного успешно противостоять неприятелю и защищать свои рубежи во внешних водах. Но МГШ упустил очень важный момент. С разработкой судостроительной программы ушла в тень организация военно-морской разведки, ей не уделялось такого пристального внимания, а следовательно, и средств к существованию. К тому же, как справедливо отметил отечественный исследователь истории радиоразведки В.Г. Кикнадзе, в начале войны активных боевых действий на море не предполагалось [9, с. 43]. Поэтому и Министерство финансов, и МГШ не придавали особого значения разведывательной деятельности на флоте.

Второй нюанс, позволяющий рассмотреть проблему с другой стороны, это наличие кадров, стоявших на службе корабельной разведки. Военно-морскими агентами часто становились флотские офицеры, которые уже не были пригодны в качестве командиров судов, но знали хорошо иностранные языки,

морское дело, имели аналитические способности и были неплохо обеспечены, а значит и траты морского ведомства на их службу были минимальны [10, л. 2, 3].

В связи с перестройкой и улучшением боеспособности российского флота на территории империи активизировалась деятельность иностранных спецслужб. Так, Германия, к примеру, на военно-морскую разведку ежегодно тратила не менее 500 тыс. руб. [1, л. 16]. При этом необходимо обратить внимание на наличие на территории Российской империи огромного числа немецких фирм и подданных Германии, не говоря уж об участии многих крупных немецких фирм в судостроительной программе [1, л. 17]. Вот почему немцам с легкостью удалось заполучить копию законопроекта «Малой судостроительной программы» Российской империи [11, с. 443]. Другой союзник Германии, Австро-Венгрия, ежегодно тратила на разведку 300 тыс. руб., причем в одной только России [10, л. 18].

В июле 1912 г. Государственная Дума одобрила законопроект об отпуске из государственного бюджета по 200 тыс. руб. ежегодно начиная с 1913 г. вплоть до 1915 г. Начиная с 1915 г., согласно планам МГШ, предполагалось удвоить выдаваемую сумму, то есть довести ее до 400 тыс. руб. в год. К тому же Морское министерство ходатайствовало о дополнительном отпуске 100 тыс. руб. к 1914 г. [10, л. 43]. Такое резкое повышение затрат на военно-морскую разведку было связано с осложнениями в деятельности военно-морских агентов. Их работа была затруднена настолько, что приходилось ограничиваться добыванием абсолютно не секретных сведений [5, с. 50]. Секретная и полезная для разведки информация требовала соответствующей оплаты работы агентов.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что недостаточное денежное обеспечение военно-морской разведки с момента ее формирования сказалось на ее состоянии к началу Первой мировой войны. В резерве МГШ наблюдалась нехватка профессиональных кадров, ощущалось отсутствие хорошего технического оснащения, позволяющего быстро и вовремя предоставлять секретную информацию. К тому же МГШ направлял все силы и средства, в том числе и финансовые, на переустройство и усиление военного флота, дабы

избежать неудач в будущей войне. Но нельзя обвинять МГШ в попустительском отношении к военно-морской разведке. К началу Первой мировой войны все же были сделаны первые шаги по ее организации, постепенно, как мы выяснили, был увеличен кредит на «секретные расходы». Однако, несмотря на увеличение денежных ассигнований к началу войны, сумма была недостаточно высока для достижения оптимальных успехов в работе военно-морских агентов.

Список литературы

1. РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. 418. Оп. 2. Ед. хр. 18.
2. *Партала М.А.* Радиоразведка Балтийского флота в Первую мировую войну // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы 6 ежегод. науч. конф. СПб., 2005. С. 134-141.
3. *Партала М.А., Симонов Д.Н.* Радиоразведка русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. INSIDE. 2005. № 1. С. 90-96.
4. *Федоров В.М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2007. 720 с.
5. *Казин Ф.А.* Русские морские агенты в 1906–1914 гг. // Новый часовой. 1999. № 8-9. С. 48-52.
6. *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев, 2005. 696 с.
7. *Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. 24 с.
8. Представление Морского министерства в Совет министров о дополнительном ассигновании на судостроение. 30 августа 1908 г. // Военная промышленность России в начале XX века: сб. документов. «Новый хронограф». М., 2004. С. 336-338.
9. *Кикнадзе В.Г.* Разведка Балтийского флота в 1914–1917 гг.: особенности развития и функционирования // Балтийский флот накануне и в годы Первой мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. к 100-летию начала Первой мировой войны. Калининград, 2013. № 21. С. 43-49.
10. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Ед. хр. 1.
11. *Николаи В.* Тайные силы: записки руководителя германской разведки и контрразведки периода Первой мировой войны Вальтера Николаи. М.: Principium, 2015. 590 с.

Reference

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archive of Naval Fleet], fund 418, list 2, archival unit 18. (In Russian).
2. Partala M.A. Radiorazvedka Baltiiskogo flota v Pervuyu mirovuyu voinu [Communications intelligence of the Baltic Fleet in First World War]. *Materialy 6 ezhegodnoi nauchnoi konferentsii «Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy»* [Proceedings of the 6th Scientific Conference “Saint-Petersburg and Nordic Europa Countries”]. St. Petersburg, 2005, pp. 134-141. (In Russian).
3. Partala M.A., Simonov D.N. Radiorazvedka russkogo imperatorskogo flota na Baltiskom more: istoriya sozdaniya [Communications intelligence of the Imperial Navy on the Baltic Sea: History of creation]. *Zashchita informatsii. INSIDE – Data protection. INSIDE*, 2005, no. 1, pp. 90-96. (In Russian).
4. Fedorov V.M. *Voenno-morskaya razvedka: istoriya i sovremennost'* [Naval intelligence: History and Modernity]. Moscow, 2007, 720 p. (In Russian).
5. Kazin F.A. Russkie morskoe agenty v 1906–1914 gg. [Russian naval agents in 1906–1914]. *Novyi chasovoi – New time*, 1999, no. 8-9, pp. 48-52. (In Russian).
6. Zvonarev K.K. *Agenturnaya razvedka. Russkaya agenturnaya razvedka vseh vidov do i vo vremya voiny 1914–1918 gg. Germanskaya agenturnaya razvedka do i vo vremya voiny 1914–1918 gg.* [Human intelligence. Russian Human Intelligence of all Kinds Before and During the War 1914–1918. German Human Intelligence Before and During the War 1914–1918]. Kiev, 2005, 696 p. (In Russian).
7. Stepanov Yu.G., Tsvetkov I.F. *Eskadrennyi minonosets «Novik»* [Destroyer “Novik”]. Leningrad, 1981, 224 p. (In Russian).
8. Predstavlenie Morskogo ministerstva v Sovet ministrov o dopolnitel'nom assignovanii na sudostroenie. 30 avgusta 1908 g. [Representation of the Admiralty in the Council of Ministers on additional funding for shipbuilding. 30 August 1908]. *Voennaya promyshlennost' Rossii v nachale XX veka*. [Russia's Military Industry in the Early 20th Century]. Moscow, New Chronograph Publ., 2004, pp. 336-338. (In Russian).
9. Kiknadze V.G. Razvedka Baltiiskogo flota v 1914–1917 gg.: osobennosti razvitiya i funktsionirovaniya [Intelligence service of the Baltic Fleet in 1914–1917: features of development and functioning]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny «Baltiiskii flot nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny»* [Proceedings of All-Russian Scientific Conference on the 100th Anniversary of the First World War “The Baltic Fleet on the Eve of and During the First World War”]. Kaliningrad, 2013, no. 21, pp. 43-49. (In Russian).
10. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archive of Naval Fleet], fund 418, list 2, archival unit 1. (In Russian).
11. Nikolai V. *Tainye sily: zapiski rukovoditelya germanskoi razvedki i kontrrazvedki perioda Pervoi mirovoi voiny Val'tera Nikolai* [Secret Power: the Note Head of German Intelligence and Counterintelligence Services During World War Walter Nikolai]. Moscow, Principium Publ., 2015, 590 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 05.11.2016 г.

Отрецензирована 08.12.2016 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 5 November 2016

Reviewed 8 December 2016

Accepted for press 8 August 2017

UDC 94(47)

THE COSTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ORGANIZATION OF NAVAL INTELLIGENCE ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR (1907–1914)

Ivan Evgenevich STRELTSOV

Post-graduate Student, History, Philosophy and Russian Language Department

Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter I

1 Michurin St., Voronezh, Russian Federation, 394087

E-mail: dr.streltsov2017@yandex.ru

At the age of the World War I Russian government faced problems of reorganization and organizations of their intelligent forces on the fleet. Naval general staff required huge investments for organization and training of agents who are able to work abroad, from the government. There were considered the attitude of the naval ministry and the financial ministry to the forming naval intelligence. The problem of financing of naval intelligence was studied from the formation of the Naval Head quarter before the World War I. Using unpublished documents from archives and modern researches, the estimation of the allowance organization of intelligence activities in the Russian Navy in preparation for war was given for the first time. They were analyzed the reasons of poor funding's intelligence services in Navy at the edge of World War I. Statistical data for comparison of financing military and naval intelligence services in the period from 1905 to 1909 is given. The data of the material, which was used, allowed concluding on the role of financial factors to work the naval agents abroad and the quality of extracted information.

Keywords: Russian Empire; World War I; secret expenses; Naval General Staff; naval intelligence

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-211-215

Для цитирования: Стрельцов И.Е. Расходы Российской империи на организацию военно-морской разведки накануне Первой мировой войны (1907–1914 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 211–215. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-211-215.

For citation: Streltsov I.E. Raskhody Rossiyskoy imperii na organizatsiyu voenno-morskoy razvedki nakanune Pervoy mirovoy voyny (1907–1914 gg.) [The costs of the Russian Empire in the organization of naval intelligence on the eve of the First World War (1907–1914)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 211–215. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-211-215. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 93/94

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ШАРИАТСКОГО СУДА КАК МЕРА
ПО ИНТЕГРАЦИИ ИНОРОДЦЕВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА В РОССИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
(ПО ЖУРНАЛАМ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО МУСУЛЬМАНСКИМ ДЕЛАМ 1914 г.)**

© Гадел Ринурович ХАСАНШИН

аспирант, отдел новой истории

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

420014, Российская Федерация, г. Казань, Кремль, подъезд 5

E-mail: gadelkhasanshin@gmail.com

Одной из задач внутренней национальной политики Российской империи пореформенного периода являлась интеграция татаро-мусульманского населения в общественно-культурную и правовую жизнь страны. В этих целях правительство рассматривало различные способы воздействия на исламские институты, в том числе на шариатский суд. Для всестороннего изучения данного вопроса в начале века были созданы специальные органы межведомственного взаимодействия – Особые совещания. Целью данного исследования является анализ журналов Особого совещания по мусульманским делам 1914 г., которые раскрывают отношение властей к системе мусульманского судопроизводства, а также содержат конкретные меры по ее реформированию. На основе изученных материалов сделан вывод о том, что для регулирования повседневной жизни мусульман империи использовались как гражданские, так и религиозные законы, наблюдался некий симбиоз норм, способствовавший нормальному функционированию общества. В начале XX века для обеспечения процессов интеграции правительство планировало ограничить сферу влияния шариатских судов и установить в стране единообразие норм материального и процессуального права. В то же время полное исключение шариата из правовой системы не рассматривалось. История функционирования мусульманского суда является ярким примером возможности взаимодействия российского и исламского права в условиях поликонфессионального государства.

Ключевые слова: Особые совещания; шариатский суд; татаро-мусульмане Волго-Уральского региона

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221

С момента присоединения новых земель с мусульманским населением одной из ключевых задач новой власти являлось утверждение на этой территории общероссийского законодательства. Под воздействием времени, аннексии новых территорий, особенностей общественного развития местных народов, внутривластного курса правительства на окраинах и в центральных губерниях, где проживали мусульмане, сложились неодинаковые модели и границы применения норм шариата.

Признание ислама одной из «терпимых религий» в империи, по сути, означало и признание шариата как источника права для мусульман страны. Важно отметить, что религиозные и правовые нормы в исламе всегда были неразрывно связаны и затрагивали все сферы жизни деятельности мусульман, выступая в качестве регулятора религиозных, семейных, имущественных и иных отношений. Как отмечал миссионер М.А. Машанов,

мусульманская община – это «миниатюрное государство» со своими законами и обычаями, в котором власть принадлежит старшинам и всему приходу, пользующихся религиозно-нравственным авторитетом [1, с. 13]. Существование параллельного, альтернативного правового поля – шариата – в котором отсутствовал полноценный контроль со стороны правительства, создавало властные полномочия мусульманскому духовенству над прихожанами, что беспокоило имперскую администрацию. Однако власти вынуждены были считаться с местными традициями, поставив во главу угла своей политики сохранение целостности поликонфессионального государства и усиление его могущества.

Следует отметить, что религиозные управления (Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП), Управление Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения, Управле-

ние Закавказского мусульманского духовенства шиитского учения), подчиненные правительству, являлись институтами, которые способствовали регламентации применения норм шариата в российском законодательстве.

Скажем, в Волго-Уральском регионе и Западной Сибири учреждение в 1788 г. ОМДС первоначально с целью формирования группы духовенства, лояльно настроенных по отношению к царскому правительству [2, с. 42], способствовало постепенной имплементации шариата в правовой системе российского государства. Как отмечает И.А. Мухаметзарипов, на примере брачно-семейных, наследственных, имущественных и религиозных отношений имели место быть четыре способа включения шариата в правовую систему страны: 1) применение норм шариата без изменений (например, применение общих правил заключения брака и развода, уплата махра; общих правил определения долей наследников, учреждения вакуфа; осуждение самоубийства, членовредительства и др.); 2) дополнение шариатских норм (обязательное участие имама, ведение метрических записей; обязательность духовных завещаний, документальное оформление дарения, административный контроль за учреждением вакуфов, дополнительные правила совершения паломничества, приведения к присяге и др.); 3) изменение шариатских норм (например, изменение брачного возраста; включение христиан в число наследников после умершего мусульманина, правила погребения, богослужения и др.); 4) запрещение шариатских норм (запрет применения телесных наказаний за прелюбодеяние, мер физического воздействия на жену; запрет на применение процессуальных норм шариата и др.) [3, с. 121, 200]. Таким образом, для регулирования повседневной жизни мусульман империи использовались как гражданские, так и религиозные законы, наблюдался некий симбиоз норм, способствовавший нормальному функционированию общества.

С созданием ОМДС, название которого в переводе на татарский язык звучало как «Махкама-и-шагия Оренбурджия» (Оренбургский шариатский суд), в его округе постепенно сформировалась специфическая модель мусульманской судебной системы [4, с. 117]. В качестве первой инстанции споры, как и прежде, рассматривались приходским

духовенством, а Духовное собрание официально выступало в качестве апелляционной инстанции. В то же время в случаях, установленных законом, в разрешение ряда мусульманских дел вовлекались и гражданские суды.

В компетенцию ОМДС входило рассмотрение жалоб на решения приходского духовенства по делам: о порядке богослужения, обрядах и исправлении треб; о заключении и расторжении браков; о частной собственности в случае споров, возникающих по завещаниям или при разделе наследственного имущества; о неповиновении детей родителям; о нарушении супружеской верности [5, с. 64].

Ряд дел о расторжении браков ОМДС разрешало в качестве суда первой инстанции: 1) по безвестному отсутствию одного из супругов; 2) за присуждением супруга к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния; 3) магометанок, состоявших в браке с воинскими чинами, совершившими побег со службы, пропавшими на войне без вести и взятыми неприятелем в плен. Так, согласно справке о размерах делопроизводства ОМДС, за 1913 г. было рассмотрено бракоразводных дел – 1691, наследственных – 272, по жалобам на действия духовных лиц – 258, о сооружении, ремонте и перестройке мечетей – 277, об определении духовных лиц – 258, по выдаче удостоверений о наследственных правах – 142 и т. д. [6, с. 56]. На членов собрания ложилась немалая служебная нагрузка, в связи с чем оренбургские муфтии не раз обращались к властям с просьбой о расширении штата собрания.

В соответствии со статистическими данными, приведенными на заседании, в 1913 г. в округе ОМДС числилось 4572276 мусульман, то есть около 25 % последователей ислама империи, 6144 мечети и 12341 лицо духовенства [6, с. 56]. Обширность территории, подведомственной Духовному собранию, и значительное количество населения сказывалось на объемах его деятельности, а также влияло на выполнение судебной функции.

Специфика судопроизводства в ОМДС заключалась в том, что стороны по делу не приезжали в Уфу для непосредственного участия в заседании, а лишь направляли апелляционные жалобы [7, с. 28]. Духовное собрание, в свою очередь, изучив поступив-

шие материалы, направляло их для нового рассмотрения ахуну или другому приходскому имаму или же губернским властям, если разрешение спора не относилось к компетенции собрания. После нового рассмотрения ахуны и имамы направляли в ОМДС отчет, содержащий материалы производства, а также обоснование принятия ими того или иного решения. В случае несогласия сторон с вновь принятым «судебным актом» он подлежал повторной проверке ОМДС и при наличии нарушений норм шариата подлежал отмене с одновременным направлением дела на рассмотрение имаму другого прихода. Постановления же Духовного собрания могли быть обжалованы губернатору, который перенаправлял жалобы для разрешения в Министерство внутренних дел. Таким образом, на практике ОМДС редко самостоятельно разрешало спор [7, с. 28], ограничиваясь изучением законности принятых «судебных» актов, тогда как имамы и ахуны проводили полноценные заседания с непосредственным исследованием доказательств по делу.

Свертывание поля применения шариатских норм в пореформенный период во внутриполитическом курсе правительства явилось одним из сегментов политики интеграции мусульман в общеимперское политико-правовое поле. Религиозные управления стояли «на страже» сохранения установленных норм применения шариата. Прежде всего имперская власть отказалась учреждать во вновь присоединенных территориях не только религиозное управление, но и вовсе признавать местное духовенство, повела наступление на мусульман тех регионов, в которых религиозные управления отсутствовали. Так, казахи в 1868 г. были выведены из духовно-административного ведения ОМДС, и решение семейно-наследственных дел перешло из рук мусульманского духовенства в компетенцию народных судов, решавших дела по адату. В результате не только в Степном крае, но и в Туркестане, областях и округах Кавказского наместничества, не входящих в район Закавказских духовных правлений, бракоразводные дела стали рассматриваться народными судами. «В округах Оренбургского собрания и Таврического духовного правления дела о спорах по завещаниям и по разделу наследственных имуществ всецело сосредоточены в ведении духовенства... в Тур-

кестанской и Степной области магометанское духовенство совершенно устранено от рассмотрения шариатных дел, состоящих в ведении народных судов... в пределах Кавказского наместничества наследственные дела изъяты из ведения магометанского духовенства и подлежат рассмотрению как общих судов, так и специальных... В состав специальных судов при рассмотрении шариатных дел входит кадий, но степень участия кадия в разборе и решении шариатных дел не во всех местностях Кавказа одинакова» отмечалось в 1914 г. [6, с. 161].

В начале XX века правительство попыталось комплексно с привлечением заинтересованных ведомств и даже ученых-востоковедов определить приоритеты этноконфессиональной политики в отношении мусульманских народов и исламских институтов. В частности, были проведен ряд Особых межведомственных совещаний по «мусульманским делам», в которых рассматривались вопросы образования мусульман (1905 г.), организации духовной жизни, противодействия панисламизму и пантюркизму (1910 г.).

В 1914 г. под председательством товарища министра, действительного статского советника И.М. Золотарева было созвано новое совещание, на котором в первую очередь планировалось обсудить устройство управления духовными делами мусульман, порядок замещения магометанских высших и приходских духовных должностей, вопросы строительства мечетей, меры противодействия татаризации и др.

Заседание Особого совещания по мусульманским делам от 12 мая 1914 г. было посвящено в том числе вопросам функционирования мусульманского суда и применения шариата. На заседании приняли участие директор Департамента духовных дел Е.В. Менкин, начальник Азиатской части Главного штаба М.М. Манакин, член Совета министров народного просвещения А.М. Позднеев, вице-директор Департамента полиции К.Д. Каффов, а также Акмолинский, Воронежский, Вятский, Казанский, Оренбургский, Уфимский губернаторы, Таврический вице-губернатор [6, с. 152].

Необходимо отметить, что Совещание рассматривало особенности применения шариата в масштабах всей империи, учитывая порядок деятельности мусульманских судов

в разных регионах страны, о чем свидетельствует и широкий состав участников. Они сравнивали состояние дел на Кавказе, в Крыму, в Степных областях, внимание было уделено и Волго-Уральскому региону. Члены совещания отмечали, что предполагаемая «реорганизация должна производиться в жизнь с известною постепенностью, дабы не вызывать нежелательного недовольства в мусульманской среде, веками свыкшейся с определенным в законе порядком рассмотрения так называемых шариатских дел» [6, с. 160].

Отсутствие единообразия в нормах как материального, так и процессуального права на территории Империи беспокоило членов совещания, полагавших, что «одним из способов надлежащего сплочения разноплеменных и разноверных элементов, входящих в состав известного государства, служит единство правовых норм и суда» [6, с. 160]. В связи с этим предложенные ими меры были направлены на ограничение полномочий мусульманских судов, путем постепенной передачи шариатных дел в ведение гражданских судов. Так, обсуждая полномочия мусульманского духовенства по рассмотрению споров из области семейного права, Совещание отметило, что в компетенцию имамов должны входить дела религиозного характера в непосредственном значении этого понятия. Участники указали, что «дела о расторжении браков могли бы быть изъяты из ведения мусульманского духовенства, так как в сущности брак у мусульман является не таинством, а своеобразным договором, облакаемым в письменную форму и обуславливающий некоторые имущественные взаимоотношения супругов, вытекающие из брачного союза» [6, с. 160].

Кроме того, участники Совещания выразили недовольство профессиональным уровнем имамов, отметив, что «передача мусульманских бракоразводных дел в гражданский суд, не составляя какого-либо посягательства на вероисповедную свободу мусульман, несомненно, способствовала бы объективному беспристрастному рассмотрению дел о разводах, находящихся ныне в руках зачастую невежественных мулл, вызывающих вполне справедливые нарекания заинтересованных лиц» [6, с. 160].

Второй категорией дел, которые Совещание призвало передать в ведение общих

судов, являлись споры о наследстве. В основу данного предложения легло заключение Совета Министров, удостоенное высочайшего утверждения 25 февраля 1913 г. Согласно заключению, дела, подсудные народным судам в Туркестане, передавались в ведение мировых судей, которые при разрешении некоторых категорий дел, в том числе и наследственных, должны были руководствоваться нормами местного обычного права (в случае с магометанами – нормами шариата). Совещание признало желательным распространение такого порядка на все области империи, населенные мусульманами, отметив, что «передача рассмотрения споров по наследствам единственно в ведение гражданского суда способствовала бы постепенному проникновению в мусульманскую среду общих норм нашего гражданского права» [6, с. 164]. Кроме того, Совещание высказалось за упразднение в округе ТМДП должностей кадиев и за повсеместное допущение христиан наследованию в имуществе мусульман, поскольку ранее такой порядок был установлен лишь в отношении наследств, открывающихся после смерти мусульман Тавриды [6, с. 248], хотя по нормам шариата не мусульманам запрещалось наследовать после мусульман, и наоборот [8, с. 31, 32].

Что касается итоговой сводки Совещания, то в нее вошли только предложения в области наследственного права, положение об изъятии бракоразводных дел из ведения мусульманского духовенства было исключено.

Таким образом, анализ документов Совещания свидетельствует о том, что применение шариата было широко распространено на территории империи. Регулирование различных правоотношений среди мусульман осуществлялось как на основе российского, так и исламского права. Разрешение судебных споров возлагалось на религиозные и гражданские суды. Для обеспечения процессов интеграции члены Совещания выступили за ограничение сферы влияния шариатских судов и установление в стране единообразия норм материального и процессуального права. В то же время полное исключение из правовой системы государства шариата, имеющего многовековую практику применения, не рассматривалось.

Рекомендации, разработанные Особым совещанием 1914 г., не нашли законодатель-

ного закрепления: начало Первой мировой войны внесло кардинальные изменения в планы правительства в этой сфере. В результате функционирование шариатского суда в регионах компактного расселения мусульман продолжалось без изменений.

Список литературы

1. *Машанов М.* Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим народам. Казань: Типо-Литография И.С. Перова, 1910.
2. *Байбулатова Л.Ф.* История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р. Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2013. № 3. С. 42-54.
3. *Мухаметзарипов И.А.* Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 236 с.
4. *Хабутдинов А.Ю.* Религиозное самоуправление и шариатское семейное право в России: опыт Оренбургского магометанского духовного собрания в конце XVIII – первой четверти XIX // Евразия: Духовные традиции народов. М.: Православный институт святого Иоанна Богослова, 2012. № 2. С. 117-123.
5. *Загидуллин И.К.* О религиозно-культурной автономии татар в округе оренбургского магометанского духовного собрания // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. М.: Изд. дом «Медина», 2015. Т. 11. № 3. С. 61-70.
6. *Загидуллин И.К.* Особое Совещание по мусульманским делам 1914 г.: Журналы. Казань: «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2011. 296 с.
7. *Гарипова Р.Р.* Оренбургское магометанское духовное собрание как шариатский суд // Гасырлар авазы. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2014. № 3-4. С. 26-31.
8. *Мухин В.Ф.* Очерк магометанского права наследования. Спб., 1898.

References

1. *Mashanov M.* *Sovremennoe sostoyanie tatar-mukhammedan i ikh otnoshenie k drugim inorodtsam* [Modern State of Tatars-Mahomet and their Relation to Other Persons of Foreign Race].

- Kazan, Typo-Litografy of I.S. Perova, 1910. (In Russian).
2. *Baybulatova L.F.* *Istoriya Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v lichnoy i deloproizvodstvennoy perepiske muftiev (po svodu «Asar» R. Fakhretдина)* [The story of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting in personal and paperwork of mufti's correspondence (Asaro code of R. Fakhretдина)]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of Peoples of Volga Region]. Kazan, Publishing House of S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 3, pp. 42-54. (In Russian).
3. *Mukhametzaripov I.A.* *Osobennosti funktsionirovaniya norm shariata v musul'manskom soobshchestve Rossii v kontse XVIII – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Peculiarities of Sheria Norms Functioning in the Muslim Community of Russia and the Context of 18th – the Beginning of 20th Centuries. Cand. ist. sci. diss.]. Kazan, 2000, 236 p. (In Russian).
4. *Khabutdinov A.Y.* *Religioznoe samoupravlenie i shariatskoe semeynoe pravo v Rossii: opyt Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX* [Religious autonomy and Sharia family law in Russia: the experience of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting in the context of 18 – the first quarter of 19th century]. *Evraziya: Dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of the Peoples]. Moscow, Orthodox Institute of St. John the Evangelist Publ., 2012, no. 2, pp. 117-123. (In Russian).
5. *Zagidullin I.K.* *O religiozno-kul'turnoy avtonomii tatar v okruge orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya* [About religious-cultural autonomy of Tatars in the region of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty* [Islam in the Modern World: Intrastate and International-Political Aspect]. Moscow, Publishing House “Medina”, 2015, vol. 11, no. 3, pp. 61-70. (In Russian).
6. *Zagidullin I.K.* *Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 g.: Zhurnaly* [Special Conference in Muslim Affairs 1914. Journals]. Kazan, “Ikhlas”, Publishing House of S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, 296 p. (In Russian).
7. *Garipova R.R.* *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie kak shariatskiy sud* [Orenburg Mohammedan Clerical Meeting as Islamic court]. *Gasyrlar avazy*. Kazan, The Main Archive Direction at the Cabinet of the Ministers of Republic of Tatarstan, 2014, no. 3-4, pp. 26-31. (In Russian).

8. Mukhin V.F. *Ocherk magometanskogo prava nasledovaniya* [The Sketch of Mohammedan Succession]. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Поступила в редакцию 26.10.2016 г.
Отрецензирована 29.11.2016 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 26 October 2016
Reviewed 29 November 2016
Accepted for press 8 August 2017

UDC 93/94

LIMITATION OF SHARIA COURT AUTHORITY AS A MEASURE FOR INTEGRATION OF OUTLANDERS OF VOLGA-URAL REGION IN THE RUSSIAN LEGAL SPACE (IN THE JOURNALS OF SPECIAL MEETINGS IN MUSLIM AFFAIRS OF 1914)

Gadel Rinurovich KHASANSHIN

Post-graduate Student, Modern History Department

S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

5 Drive, Kreml, Kazan, Russian Federation, 420014

E-mail: gadelkhasanshin@gmail.com

One of the tasks of the internal national policy of the Russian Empire in the post-reform period was the integration of the Tatar-Muslim population into the socio-cultural and legal life of the country. To achieve this goal, the government considered various ways of influencing Islamic institutions, including the Sharia court. For a comprehensive study of this issue at the beginning of the century, special organs (Special Meetings) for interdepartmental interaction were convened. The purpose is to analyze the journals of the Special Meeting on Muslim Affairs of 1914, which reveal the attitude of the authorities to the system of Muslim legal proceedings, and also contain concrete measures for its reform. On the basis of the materials studied, it was concluded that both civil and religious laws were used to regulate the daily life of the Muslims of the empire. There was a certain symbiosis of norms that contributed to the normal functioning of society. At the beginning of the XX century, to ensure the integration processes, the government planned to limit the sphere of influence of the Sharia courts and establish a uniformity of the norms of substantive and procedural law. At the same time the complete exclusion of Sharia from the legal system was not considered. The history of the functioning of the Muslim court is a good example of the possibility of interaction between Russian and Islamic law in a multi-confessional state.

Keywords: special meeting; Sharia court; Tatar-Muslims of the Volga-Ural region

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221

Для цитирования: Хасаншин Г.Р. Ограничение полномочий шариатского суда как мера по интеграции ино-родцев Волго-Уральского региона в российское правовое пространство (по журналам Особого совещания по мусульманским делам 1914 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 216-221. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221.

For citation: Khasanshin G.R. Ogranichenie polnomochiy shariatskogo suda kak mera po integratsii inorodtsev Volgo-Ural'skogo regiona v rossiyskoe pravovoe prostranstvo (po zhurnalom Osobogo soveshchaniya po musul'manskim delam 1914 g.) [Limitation of Sharia court authority as a measure for integration of outlanders of Volga-Ural region in the Russian legal space (in the journals of Special Meetings in Muslim affairs of 1914)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 216-221. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 433.93

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНКОФОНИЯ

© Дарина Владимировна НАЛЕТОВА

аспирант, кафедра всеобщей истории и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: iskralive@yandex.ru

Рассмотрены особенности исследования идеологии одной из международных организаций – Франкофонии. Выбор ключевых задач организации рассматривается с точки зрения теории, истории и динамики развития сообщества. Круг интересов Франкофонии весьма широк, он постоянно видоизменяется и пополняется новыми идеями по реализации двух главных задач этой организации. С одной стороны, международная организация «Франкофония» призвана сохранить и усилить статус, использование и значимость французского языка. С другой – деятельность организации направлена на поддержание и расширение лингвистического и культурного многообразия, что является значимым средством развития и защиты демократии, прав человека, установления доверия и уважения друг к другу. Отмечено, что долгое время историю и международные отношения рассматривали с точки зрения политической экономии. Сегодня возникает необходимость применения других подходов к изучению исторических событий, которые рассматривают исторический процесс с точки зрения нематериальных факторов (как, например, культурно-цивилизационный анализ человеческих ценностей Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона и других, или же современный конструктивизм М. Фуко). Такой подход позволяет рассматривать Франкофонию в качестве гаранта совершенствования не только процесса глобализации, но и развития цивилизации. Что непосредственно связано со второй составляющей идеологии международной организации «Франкофония» – с культурным фактором, защитой культурного разнообразия, а также демократии.

Ключевые слова: Франкофония; международная организация; идеология; лингвистический фактор; демократия; мультикультурализм; диалог культур

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-222-230

Сегодня международная организация «Франкофония» (МОФ) является наиболее адаптированной для разговора о культурном многообразии организацией, ее можно назвать лабораторией культурного многообразия [1]. Согласно ее Уставу, который вступил в силу в ноябре 2005 г., основными институтами организации на сегодняшний момент являются сами инстанции Франкофонии (Конференция глав государств и правительств франкоязычных стран, Конференция министров Франкофонии, Постоянный Совет Франкофонии), а также Генеральный секретарь Франкофонии, Парламентская ассамблея Франкофонии и непосредственно действующие органы МОФ (международный канал TV5, Международная ассоциация франкоязычных мэров, Университет Сенгора, Университетское агентство Франкофонии) [2].

Круг интересов Франкофонии весьма широк, он постоянно видоизменяется и пополняется новыми идеями по реализации двух главных задач этой организации, которые не потеряли своей актуальности с мо-

мента ее создания. С одной стороны, МОФ призвана сохранить и усилить статус, использование и значимость французского языка, который благодаря своей точности и ясности является идеальным языком для дипломатического общения [3]. С другой – деятельность Франкофонии направлена на поддержание и расширение лингвистического и культурного многообразия. Последнее, в свою очередь, выступая основой франкофонной идеологии, является значимым средством развития и защиты демократии, прав человека, установления доверия и уважения друг к другу.

Рассматривая первую составляющую идеологии МОФ, заметим, что лингвистический фактор развития политических и дипломатических отношений всегда играл важную роль, так как сама социальная организация невозможна без общения и языка. Именно язык является необходимым условием для всякой социальности. Как пишет Л. Блумфилд: «любое общество – это, прежде всего, языковой коллектив» [4].

Обращение к фундаментальным работам в области исследования этносов, наций, национализма и национальной идентичности позволяет говорить о том, что язык является одним из важных источников самоидентификации и символом национальной идентичности. В то же время язык занимает одно из ключевых положений в наднациональной идентичности, определяемой нами как особый вид политической идентичности, предполагающей признание общих ценностей, ориентаций и принципов политико-культурного устройства институтов межгосударственного интеграционного объединения. При этом данный вид идентичности является результатом и, одновременно, предпосылкой межгосударственной интеграции и совершенствования международно-политических отношений [5].

К сожалению, история как наука, которая ищет закономерности в историческом процессе и пытается выявить законы социального развития, уделяет особое внимание больше экономической обусловленности социально-политических процессов, происходящих как на внутригосударственном, так и на международном уровне, нежели лингвистическому.

В начале XXI века можно говорить, что значительная часть исследователей продолжают рассматривать историю и международные отношения, прежде всего, как часть политической экономии. Однако при применении выводов данного подхода или результатов возникают некоторые проблемы, которые не могут быть решены только с экономической точки зрения. Все это приводит к критике «экономизма».

В связи с этим возникает необходимость применения других подходов к изучению исторических событий, которые могли бы заполнить черные дыры в наших знаниях там, где экономика бессильна. Мы имеем в виду такие подходы, которые рассматривают исторический процесс с точки зрения нематериальных факторов (как, например, культурно-цивилизационный анализ человеческих ценностей Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона и других, или же современный конструктивизм М. Фуко) [6]. Но и данные концепции оставляют язык в стороне от исследования, что является огромной ошибкой.

Еще Э. Сепир писал: «языкознание лучше всех социальных наук демонстрирует своими фактами и методами, несомненно, более легко устанавливаемыми, чем факты и методы других дисциплин, имеющих дело с социологизированным поведением, возможность подлинно научного изучения общества, не подражая при этом методам и не принимая на веру положение естественных наук» [7]. «Язык – это... ключ к пониманию культуры и истории зарубежного государства, структуры общества, системы отношений между людьми» [8]. Поэтому, на наш взгляд, нельзя обойти вниманием и его значимость для развития международных организаций и наднациональных интеграционных систем, которые объединяют страны с различными национальными языками. Одной из таких систем является и объект нашего исследования – Международная организация Франкофония.

Именно язык стал для МОФ связующим звеном для дальнейшей кооперации и развития всего франкофонного пространства. Преимуществом этой достаточно слабой организации в начале ее развития стал тот факт, что основополагающим языком аполотеты выбрали именно французский язык.

Как универсальный язык дипломатического общения, он уверенно сохранял свои позиции лингвистического лидера на протяжении четырех веков. Еще в XVII веке в период вытеснения латыни (последний международный договор, составленный на этом языке, Вестфальский мир, был подписан в 1648 г. и ознаменовал окончание Тридцатилетней войны) французский язык быстро стал популярным.

Наивысший расцвет он переживает в XVIII веке. В этот период, полностью вытеснив латынь из дипломатической жизни, французский язык становится основным языком и средством общения в международных культурных обменах, литературе и науках, распространяется в аристократических и ученых кругах Италии, Германии, Англии, России, Австрии, Польши, Скандинавских странах, Венгрии, Румынии и т. д. [9]. Высока была популярность французского языка и в России. Широко известный факт, что русское дворянство сначала училось говорить по-французски, а затем уже осваивало и родной язык. Как писал декабрист Н.И. Тургенев:

нев: «Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как и у себя на родине» [10].

В качестве основного дипломатического языка французский язык удерживал свои позиции долгое время. До Первой мировой войны французский язык оставался единственным официально признанным международным языком. Но во время войны стал уступать место английскому языку. Ярким примером является Версальский договор, который был составлен уже не на одном, а на двух языках – французском и английском, хотя до Первой мировой договоры писались исключительно на французском.

Еще со времен Французской революции, по словам самих французов, французский язык лежал и лежит в основе таких ценностей, как свобода, права человека, революция и прогресс. Франкофония очень важна для будущего, потому что «дает средства укрепить взаимопонимание и солидарность между народами, обеспечить права человека и права народов» [11].

Для многих заинтересованных исследователей, а также критически настроенных противников МОФ остается актуальным вопрос, почему данная организация, которая объединяет огромное количество африканских стран, в которых используют совершенно иные языки для общения, нежели французский, выбрали последний языком международного общения. Как отмечал Л. Сенгор еще в 1961 г.: «В момент тотализации и социализации процесса построения Универсальной цивилизации встает вопрос о нахождении лучшего инструмента, который бы помог справиться со всеми ужасами колониального режима. Для нас таким инструментом стал французский язык» [12].

По той же причине основатели МОФ сделали свой выбор в пользу и французской модели администрирования, а также в правовых вопросах и других областях. По словам П.Ф. Гонидека, «Франция никогда не навязывала на территории своих бывших колоний свою конституционную модель, кроме, может быть, Того и Камеруна. Но именно африканские политические деятели, которые прошли обучение во французских политических школах, сделали свой выбор в пользу французской модели в момент принятия первых конституций периода с 1958 г. Как они

сами говорили, у них была конституция-мать (Первая голлистская конституция 1958 г.) и конституции-дочери (Африканские конституции)».

По другим официальным версиям выбор французского языка и французской модели управления был практическим и политическим «приказом времени». Для Президента Республики Того, Гнассингбе Эядема, «французский язык... для африканских стран, которые его приняли, является единственным средством для того, чтобы побороть лингвистические барьеры, которые были порождены разнообразием этнических групп, из которых состоит наша популяция» [13].

На наш взгляд, мнение представителя политической элиты Того особенно важно, ведь на территории этого государства проживает около 50 этнических групп, которые говорят на 39 языках, среди которых невозможно определить более или менее весомый и распространенный, что говорит о действительно жизненной необходимости определения и выбора универсального языка, который был бы понятен всем [14].

Другим подтверждением резонности выбора французского языка для общения на франкофонном пространстве являются слова автора первых книг о Франкофонии, О. Виатте, «без сомнения каждому из нас должно быть понятно, что африканские языки заканчивают свое существование, оставаясь живыми только в письменной форме, переживая то, что некогда случилось с латинским языком или же арабским алфавитом, несмотря на все усилия ЮНЕСКО. Они более не будут «классическими» языками, а также они рискуют превратиться, как и латынь, лишь в инструмент мышления. Мы сами рискуем полностью закрыть африканцев в фольклоре, вместо того чтобы познакомить с современным миром. Все это говорит о том, что нам нужен язык, который их свяжет с внешним миром, язык, который порвет расстояния и антогонизм, приведет к континентальной гармонии, о которой они мечтают» [15].

При этом Франкофония и бывшие французские колонии не первые, кто столкнулся с проблемой языкового выбора. То же произошло и с африканскими странами, некогда бывшими английскими колониями. Экс-генеральный секретарь Содружества Наций

А. Смит подтверждает, что африканские страны также стояли перед выбором, но кроме того, у них была еще и проблема «построения новой нации, чтобы кенийцы стали думать как кенийцы, но не как масаи, луосы или кикуюсы, чтобы нигерийцы стали думать как нигерийцы, а не как народы хауса, йоруба или ибоса, и при этом чтобы они не потеряли своей культурной идентичности, богатого наследия в плане искусств, языка и других областей культуры, которыми они могли бы поделиться со своими соседями» [16].

Практически того же требовали и руководители МОФ в период первого реформирования франкоязычного пространства. Одновременно с организацией четкого политического руководства внутри сообщества Франкофония не стеснялась прибегать к помощи более сильных и крупных инстанций. Наш анализ многочисленных наднациональных инструментов регулирования языковой политики (Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции ООН о правах ребенка, Всеобщей декларации языковых прав, Декларации ООН по правам лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Рамочной конвенции СЕ о защите национальных меньшинств, Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, Ословских рекомендаций по языковым правам национальных меньшинств) показал, что многие из них носили лишь рекомендательный характер, закрепляли как индивидуальные, так и коллективные права и провозглашали принцип не дискриминации по языку. Сегодня данные документы, закрепляя языковые права, выступают в качестве основы для формирования языковой идентичности, с одной стороны, и представляют собой своего рода модель, которая обеспечивает структуры для организации и регулирования языковых отношений как в пределах отдельного государства, так и межгосударственного интеграционного объединения, с другой стороны.

Благодаря вышеуказанным документам, Международная организация Франкофония превратилась в актора-защитника языковой идентичности на практике, соблюдающего

нормы развития и многонационального самосознания, и культурного разнообразия.

Также стоит оговориться, что существенна и ответственность МОФ за сохранение позиций французского языка не только в профранкофонской среде, но и во всем мире, что, в свою очередь, по мнению одного из ведущих идеологов Франкофонии Д. Волтона, является залогом успешной глобализации. В своем выступлении на коллоквиуме в Сенате он пояснил, почему глобализация является шансом для французского языка.

Во-первых, потому что она дает франкофонии возможность вернуться к своим «всемирным», универсальным корням, уходящим в доколониальную эпоху XV–XVI веков, когда Франция «владела умами» всего мира.

Во-вторых, она позволяет помимо исторической оси Север–Юг выделить также значение оси Запад–Восток.

А в-третьих, на фоне различных конфликтов, усилившихся в условиях глобализации, франкофония служит институциональным и политическим фактором большего взаимопонимания, сближения и примирения между народами [17].

С другой стороны, Франкофония может стать гарантом совершенствования не только процесса глобализации, но и развития цивилизации, понятия, применимом в нашем исследовании как в единственном числе, так и во множественном. Данное предположение непосредственно связано со второй составляющей идеологии МОФ, а именно культурным фактором, защитой культурного разнообразия, а также демократии.

Как мы знаем, цивилизации являются наиболее масштабными социальными объединениями культурной природы. Между ними существуют тенденции интеграционного и дифференцирующего характера. Поэтому в процессе эволюции межкультурные лакуны периодически трансформируются, вызывая, в конечном счете, изменения и на уровне личностной идентификации [18], и на уровне развития международных отношений, которые могут привести к формированию интеграционных и наднациональных объединений.

Исторически сложилось несколько цивилизационных подходов, которые условно можно поделить на две основные группы: стадийная концепция цивилизаций (пред-

ставителями которой являются Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Дж. Мартин, И. Масуда, Ф. Полак, У. Ростоу, Ж. Фурастье), и концепция, где цивилизация рассматривается как общность, основанная на социокультурных понятиях, и имеющая в себе «центральный принцип» и «большую идею», которые формируют «большую традицию» (как говорили Н.Я. Данилевский, Б.С. Ерасов, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Эйзенштадт и др.).

Согласно современной концепции, основоположниками которой являются З. Бжезинский, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма, мы можем говорить о том, что в качестве современной доминирующей формы цивилизационной идентичности выступают факторы культурной идентичности [19].

В новой картине мира возникла возможность многополюсной, полицивилизационной глобальной политики. Модернизация перестала быть синонимом «вестернизации» – распространения западных идеалов и норм на весь мир. А само возникновение многополюсного мира сделало первостепенной проблему межцивилизационных лакун и баланса между цивилизациями [18].

В современном мире этим вопросом занимаются многие международные организации: ООН, ЮНЕСКО, ЕС, МЕРКОСУР, Содружество Наций. Не исключением является и Международная организация Франкофония, для которой вопрос нахождения баланса между цивилизациями представился именно в «силе мультикультурализма, преодолевающего неуважение идентичности культурных меньшинств и изменение доминирующих представлений о маргинальных группах, а также дискриминации, которую испытывают люди, относящиеся к социальным группам, обладающими статусом меньшинств» [20].

В качестве интеллектуального движения мультикультурализм основан и на либеральных ценностях автономии и равенства, и на «политике признания», некогда предложенной Ч. Тайлором, и на идеи диалога, направленного против монополистического «Я» классической культуры. Все эти «блага и дары цивилизационного мира» МОФ использует в своей политике культурного многообразия.

Как говорил Ч. Тайлор, так говорят и апологеты Франкофонии: «Разнообразные

культурные идентичности и языки представляют минимальные социальные блага, которыми должен обладать каждый член общества. Признание равенства разных культур требует замещения традиционного либерального режима равных свобод и возможностей для всех граждан схемой особых прав для культурных меньшинств» [21].

Основными своими задачами на пути распространения мультикультурализма МОФ видит в поиске новых форм политических действий, формировании альтернативной франкофонной культуры, анализе вопросов дальнейшего присоединения, равенства, свободы идентичности и т. д.

Помогает в реализации данных проектов Франкофонии и ЮНЕСКО, работающая над этим вопросом с 1945 г., посвятившая этому целый ряд международных актов, деклараций и договоров, таких как Рекомендации о сохранении традиционной и народной культуры, Флорентийское соглашение – Договор о ввозе образовательных, научных и культурных материалов (1950 г.), Всемирная конвенция об авторском праве (1952 г.), Декларация о принципах международного сотрудничества в области культуры (1966 г.), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.), Рекомендации о статусе творческих работников (1980 г.) и др. Первым международным документом, всецело посвященным вопросу сохранения культурного многообразия, является Всеобщая декларация о культурном разнообразии 2001 г.

Согласно Всеобщей декларации, проявление терпимости и уважения к различным культурам является неперенным условием сохранения мира через осуществление межкультурного диалога и, как результат, принятие и соблюдение важных межкультурных соглашений [22].

Несмотря на положительные стороны как культурной политики организации, так и самого термина мультикультурализма в целом, в последнее время мы все чаще слышим критику в адрес последней. Например, Дж. Серль выступает категорически против него, как против движения, разрушающего концепции истины и объективности к западной традиции. Р. Росте считает мультикультурализм одним из направлений, ставящим вопрос об отношениях между философскими

теориями истины и академической практикой. Ч. Тайлор, наоборот, исследует проблему исторически, защищая мультикультурализм как отрасль либеральной политической теории. Некоторые критики мультикультурализма утверждают, что люди живут в культурах, которые уже являются космополитическими и характеризуются культурным разнообразием [23]. Как утверждает Ч. Кукатас: «нет прав групп, есть только права индивида. Поэтому государства не должны подталкивать к политике культурной интеграции или культурной инженерии, но, скорее, к политике индифферентности по отношению к меньшинствам» [24].

На наш взгляд, движение мультикультурализма необходимо в наши дни как гарант для дальнейшего мирного развития современного общества. Поэтому выражаем надежду, что вышеуказанная критика не отразится на политике МОФ, а защита диалога культур останется приоритетным направлением идеологии данной организации, о чем будет указано в будущей стратегической концепции 2018 г. так же, как и защита и распространение демократии в рамках франкоязычного пространства, особенно на африканском континенте.

Что касается демократического принципа идеологии МОФ в целом, то он основан не на прямой модели демократии, которая, согласно Ж.-Ж. Руссо, является прямым правлением народа, исключающего посредников в лице его правителей в законодательном органе власти, а именно депутатов, но модели представительной, которая нашла свое теоретическое обоснование в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Ш.Л. Монтескье. В данных работах демократия рассматривалась как компетентное и ответственное правление избранных народом людей, которые, принимая законы и контролируя их исполнение, обеспечивают правовое и политическое равенство граждан, их личные права, а также общественное благо. Таким образом, с помощью данных представителей в организациях различного уровня власти сам народ реализовал бы свой гражданский суверенитет.

С другой стороны, франкофония не отказывается полностью от идей Ж.-Ж. Руссо. Связано это с тем, что он разработал и предложил модель развивающейся демократии, которой МОФ придерживается в ряде стран

до сих пор. Классическая либеральная модель видит в развивающейся демократии способ формирования политически активных, хорошо информированных граждан, которые в процессе политического участия отстаивают свои интересы, используя при этом демократические свободы.

И все же процесс консолидации демократических основ МОФ до сих пор продолжается, привнося изменения в уже существующие, а также порождая новые теоретические типы «демократического транзита». Поэтому оказание поддержки к расширению демократии на франкофонном пространстве остается приоритетным направлением политики МОФ.

Подводя итог нашему исследованию, можем утверждать, что базовую идеологию организации Франкофонии можно определить как «глобальную политическую корректность», или, выражаясь языком Л. Сенгора, «универсальным гуманизмом». Эта идеология, по мысли ее апологетов, должна выступать в роли идеологии, конкурирующей с глобальной западной моделью (определяемой как «англосаксонской») и тем не менее не отменяющей ее, но придающей ей «гуманистическое измерение» [25]. Как следствие, Франкофония сегодня выступает в качестве своеобразного моста между богатым и развитым Севером и бедным отсталым Югом, проповедуя в странах «третьего мира» западные идеи, прежде всего, демократии и защиты прав человека.

Список литературы

1. *Legendre J.* Les limites de l' "Etat francophone": vers un réseau mondial de la Francophonie // *Revue internationale et stratégique*. 2008. № 71. P. 49-52. DOI: 10.3917/ris.071.0049.
2. Декларация X Саммита МОФ. URL: http://www.francophonie.org/IMG/pdf/Declaration_SOM_X_27112004.pdf (дата обращения: 15.01.2017).
3. *Смирнова О.А., Семенычева Т.П.* Роль Франции и Международной организации «Франкофония» в сохранении культурного многообразия // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 89-97.
4. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968. 603 с.
5. *Маманов Ч.М.* Языковой фактор в международно-политических отношениях: постановка

- проблемы. URL: <https://articlekz.com/article/11028> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Ковалевская Н.В., Чернов И.В., Ягья В.С. Лингвифан. Роль лингвистического фактора в социальном управлении и историческом развитии // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 156-175.
 7. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
 8. Ланко Д.А., Новикова И.Н., Худолей К.К. Инновационное образование для Балтийского региона: опыт российско-финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. № 3 (5). С. 21-28.
 9. Советникова О.В. На пути от «франкофонии» к «Франкофонии» // Управленческое консультирование. 2014. № 15. С. 125-132.
 10. Влияние идей просветителей на мировоззрение декабристов. URL: <http://www.historiar.ru/histos-543-1.html> (дата обращения: 17.12.2016).
 11. Discours de F. Mitterrand. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/les-ministres-et-le-ministere/archives-et-patrimoine/> (accessed: 10.01.2017).
 12. Senghor L.S. Le français, langue du culture // Esprit. 1969. № 3. P. 837-844.
 13. Allocution du général Gnassingbé Eyadema, Président de la République togolaise // ACCT, Actes de la deuxième Conférence des chefs d'État et de gouvernement des pays ayant en commun l'usage du français. Québec, 1987.
 14. Languages of Togo. URL: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=TG (accessed: 18.01.2017).
 15. Viatte A. La francophonie. Paris: Larousse, 1969.
 16. Smith A. Le Commonwealth, instrument de consultation et de collaboration. Francophonie et Commonwealth: Mythe ou réalité? URL: <http://www.acls.org/cyberinfrastructure/ourculturalcommonwealth.pdf> (accessed: 15.01.2017).
 17. Discours de D. Wolton en colloque du Sénat. URL: http://www.senat.fr/colloques/actes_mondialisation_francophonie/actes_mondialisation_francophonie1.html#toc3 (accessed: 11.12.2016).
 18. Гриценко В.П., Данильченко Т.Ю. Культурная компетентность в контексте культурного многообразия и лакуарности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2014. № 28 (180). С. 66-83.
 19. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (Очерки общей теории). М.: Наука, 1990.
 20. Коробейникова Л.А. Культурное разнообразие в контексте мультикультурализма // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 197-200.
 21. Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992.
 22. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. Париж, 2001.
 23. Waldron J. Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative // The Rights of Minority Cultures. Oxford: Oxford University Press, 1995.
 24. Kukathas C. The Liberal Archipelago: a Theory of Diversity and Freedom. Oxford: Oxford University Press, 2003.
 25. Чернов И.В. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. СПб., 2006.

Reference

1. Legendre J. Les limites de l' "Etat francophone": vers un réseau mondial de la Francophonie. *Revue internationale et stratégique*, 2008, no. 71, pp. 49-52. DOI: 10.3917/ris.071.0049. (In French).
2. Deklaratsiya X Sammita MOF [Declaration of the 10th IOF Summit]. (In Russian). Available at: http://www.francophonie.org/IMG/pdf/Declaration_SOM_X_27112004.pdf (accessed 15.01.2017).
3. Smirnova O.A., Semenycheva T.P. Rol' Frantsii i Mezhdunarodnoy organizatsii «Frankofoniya» v sokhranении kul'turnogo mnogoobraziya [On the Role of France and International Organization «La Francophonie» in Preserving Cultural Diversity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 2011, no. 1 (19), pp. 89-97. (In Russian).
4. Blumfeld L. *Yazyk* [Language]. Moscow, 1968, 603 p. (In Russian).
5. Mamanov C.M. *Yazykovyy faktor v mezhdunarodno-politicheskikh otnosheniyakh: postanovka problemy* [Linguistic factor in international and political relations: articulation of issue]. (In Russian). Available at: <https://articlekz.com/article/11028> (accessed 15.01.2017).
6. Kovalevskaya N.V., Chernov I.V., Yagya V.S. Lingvifan. Rol' lingvisticheskogo faktora v sotsial'nom upravlenii i istoricheskom razvitii [Linguisthan. Role of a linguistic factor in social management and historical development]. *Upravlencheskoe konsultirovanie – Administrative Consulting*, 2016, no. 7, pp. 156-175. (In Russian).
7. Sepir E. Status lingvistiki kak nauki [Linguistic status as a science]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and culturology]. Moscow, 1993, 656 p. (In Russian).

8. Lanko D.A., Novikova I.N., Khudoley K.K. Innovatsionnoe obrazovanie dlya Baltiyskogo regiona: opyt rossiysko-finlyandskogo transgranichnogo universiteta [Innovative education for the Baltic Region: the experience of the Finnish-Russian cross-border university]. *Baltiyskiy region – Baltic Region*, 2010, no. 3 (5), pp. 21–28. (In Russian).
9. Sovetnikova O.V. Na puti ot «frankofonii» k «Frankofonii» [On the way from «francophony» to «Francophony»]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*, 2014, no. 15, pp. 125–132. (In Russian).
10. Vliyanie idey prosvetiteley na mirovozzrenie dekabristov [Influence of enlighteners' ideas on decembrists' world view]. (In Russian). Available at: <http://www.historiar.ru/histos-543-1.html> (accessed 17.12.2016).
11. Discours de F. Mitterrand. (In French). Available at: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/les-ministres-et-le-ministere/archives-et-patrimoine/> (accessed 10.01.2017).
12. Senghor L.S. Le français, langue du culture. *Esprit*, 1969, no. 3, pp. 837–844. (In French).
13. Allocution du général Gnassingbé Eyadema, Président de la République togolaise. *ACCT, Actes de la deuxième Conférence des chefs d'État et de gouvernement des pays ayant en commun l'usage du français*. Québec, 1987. (In French).
14. *Languages of Togo*. Available at: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=TG (accessed 18.01.2017).
15. Viatte A. *La francophonie*. Paris, Larousse, 1969. (In French).
16. Smith A. *Le Commonwealth, instrument de consultation et de collaboration. Francophonie et Commonwealth: Mythe ou réalité?* (In French). Available at: <http://www.acls.org/cyberinfrastructure/ourculturalcommonwealth.pdf> (accessed 15.01.2017).
17. Discours de D. Wolton en colloque du Sénat. Available at: http://www.senat.fr/colloques/actes_mondialisation_francophonie/actes_mondialisation_francophonie1.html#toc3 (accessed 11.12.2016).
18. Gritsenko V.P., Danilchenko T.Y. Kul'turnaya kompetentnost' v kontekste kul'turnogo mnogoobraziya i lakunarnosti [Cultural competence in the context of cultural diversity and lacunarity]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2014, no. 28 (180), pp. 68–83. (In Russian).
19. Erasov B.S. *Kul'tura, religiya i tsivilizatsiya na Vostoke (Ocherki obshchey teorii)* [Culture, Religion and Civilization in the East]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
20. Korobeynikova L.A. Kul'turnoe raznoobrazie v kontekste mul'tikul'turalizma [Cultural variety in the context of multiculturalism]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6. (In Russian).
21. Taylor C. The Politics of recognition. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton, Princeton University Press, 1992.
22. *Vseobshchaya deklaratsiya YuNESKO o kul'turnom mnogoobrazii* [UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity]. Paris, 2001.
23. Waldron J. Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative. *The Rights of Minority Cultures*. Oxford, Oxford University Press, 1995.
24. Kukathas C. *The Liberal Archipelago: a Theory of Diversity and Freedom*. Oxford, Oxford University Press, 2003.
25. Chernov I.V. *Mezhdunarodnaya organizatsiya Frankofonii: lingvisticheskoe izmerenie mirovoy politiki* [International Organization Francophonie: Linguistic Measurement of World Policy]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Поступила в редакцию 21.03.2017 г.

Отрецензирована 18.04.2017 г.

Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 21 March 2017

Reviewed 18 April 2017

Accepted for press 30 August 2017

UDC 433.93

THEORETICAL FOUNDATIONS OF IDEOLOGY RESEARCH OF INTERNATIONAL ORGANIZATION OF FRANCOPHONIE

Darina Vladimirovna NALETOVA

Post-graduate Student, General History and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: iskralive@yandex.ru

The peculiarities of ideology research of one of international organizations – Francophonie, are considered. The choice of key tasks of organization is considered from the point of view of theory, history and dynamics of community development. The circle of interests of Francophonie is rather broad, it always changes and is supplemented by new ideas of realization of two main tasks of this organization. On the one hand, International Organization Francophonie has an aim of saving and increase the status, the use and significance of French language. On the other hand – the work of Francophonie is aimed at support and widening of linguistic and cultural diversity. It is a significant means of development and democracy protection, the human rights, trust establishment and respect to each other. It is marked that history and foreign relations were considered from the point of view of political economy for a long period of time. Now the necessity to use other approaches to the study of historical events appears, which consider the historical process from the point of view of nonmaterial factors (such as, for example, cultural and civilization analysis of human values of N.Y. Danilevsky, O. Spengler, A.J. Toynbee, S. Huntington and many others, or modern constructivism of M. Foucault). Such approach let consider Francophonie as a grant of improvement of not only a process of globalization, but also a civilization development. That is connected with the second component of International Organization Francophonie ideology – with cultural factor, culture diversity protection and also democracy.

Keywords: Francophonie; international organization; ideology; linguistic factor; democracy; multiculturalism; dialogue of cultures

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-222-230

Для цитирования: Налетова Д.В. Теоретические основы исследования идеологии Международной организации Франкофония // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 222-230. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-222-230.

For citation: Naletova D.V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya ideologii Mezhdunarodnoy organizatsii Frankofoniya [Theoretical foundations of ideology research of International Organization of Francophonie]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 222-230. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-222-230. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 908+378.095

«...ФАКУЛЬТЕТ НАХОДИТ НЕОБХОДИМЫМ ВЫЕХАТЬ В ТАМБОВ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ...». О МОСКОВСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАМБОВСКОГО АГРОФАКА (1918 г.)

© Александр Липанович АВРЕХ

кандидат исторических наук, профессор

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: post@tsutmb.ru

На основе документов Государственного архива Тамбовской области, по большей части вводимых в научный оборот впервые, и сведений электронных ресурсов прослеживаются основные этапы предьстории агрономического факультета Тамбовского государственного университета (1918 г.). Выявленные материалы позволяют считать учебно-научный уровень, закладываемый в основание высшего сельскохозяйственного образования на Тамбовщине, полностью соответствующим академическим требованиям.

Ключевые слова: Тамбовский государственный университет; агрофак; образование; наука; публикации

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-231-236

Заявленная после Октября либерально-эсеровско-аполитичная идея создания Тамбовского университета, питаемая иллюзиями «свободы-прогресса», упирала на прикладное значение вуза. Для черноземной Тамбовщины главным «прикладом» должен был стать агрономический факультет (плюс – отделение/факультет лесоводства).

Понимая, что местными силами университет не создать, учредители, объединившись в Общество Тамбовского университета (ОТУ), оформившееся в конце февраля – начале марта 18-го [1, д. 1, л. 1-4], делали ставку на приглашение московских светил. Надежды питались перспективностью задачи и относительной местной сытостью. Для координации действий тамбовцы создали «агентуру» в столице, завязавшую контакты с профессурой университета и Петровской академии [1, д. 3, л. 14об.].

В течение июня знаменитый профессор физмата Московского государственного университета (МГУ) А.П. Соколов, исполняя «словесное поручение» ОТУ, провел переговоры со столичными специалистами на предмет работы на агрофаке ТГУ – Иваном Степановичем Плотниковым, доктором физики, приват-доцентом МГУ, Павлом Михайловичем Орловым, профессором сельхозакадемии, Николаем Николаевичем Смирновым, доктором минералогии и геологии, приват-доцентом МГУ, Львом Ивановичем Кур-

сановым, магистром ботаники, приват-доцентом МГУ, Александром Робертовичем Кизелем, магистром ботаники, приват-доцентом МГУ. Вместе с приглашенными ОТУ профессором Михаилом Ивановичем Придорогиным, согласившимся занять пост декана, доктором зоологии, приват-доцентом МГУ Николаем Александровичем Иванцовым, давшим предварительное согласие профессором сельхозакадемии Дмитрием Николаевичем Прянишниковым, формирующийся штат на высшем уровне обеспечивал выполнение учебного плана 1-го курса.

4 июня под руководством А.П. Соколова, по-видимому, в одном из помещений Физического института МГУ состоялось совещание «по делу Тамбовского университета» (в Государственном архиве Тамбовской области сохранился отчет представителя ОТУ в Москве – «инженера» с неразборчивой подписью). Присутствовали: профессора М.И. Придорогин, Д.Н. Прянишников, И.С. Плотников, П.М. Орлов, Л.И. Курсанов, А.Р. Кизель, Н.Н. Смирнов, «в первую очередь решался вопрос об осуществимости всего дела и материальной устойчивости». Было признано: осуществимо и устойчиво.

Обсуждался вопрос о профессорско-преподавательском составе (ППС). Решили: профессора «должны иметь ученую степень доктора или магистра» (кроме специалистов, например, по лесоводству, инженерному де-

лу, для которых степени не установлены). Вознаграждение, определенное ОТУ (1 тыс. руб./месяц) признавалось «вполне приемлемым». Деканы и заведующие кафедрами обеспечиваются «квартирами при университете без вычета из оклада». Преподаватели должны иметь степень магистра (за указанными исключениями), 750 руб./мес., квартира – заведующему. Ассистентам необходимо было иметь высшее образование, старший ассистент получал 650 руб., младший – 550. Собрание «отметило необходимость 5-летних прибавок в размере 25 % «для всего» ППС.

Собрание наметило учебный план 1 курса агрофака: математика (2 часа в неделю), физика – 4, геодезия – 4, неорганическая химия – 4, аналитическая – 2, метеорология – 2, геология и минералогия – 2, ботаника – 4 («две кафедры», то есть две штатные единицы), зоология – 4. И штат ППС: 8 профессоров и 15 ассистентов. Кроме некоторых мелочей, собрание рассмотрело кандидатуры на должности ассистентов (ни один из предложенных в ТГУ не заработал).

Сомнения-то сохранялись. Было решено направить в Тамбов А.П. Соколова, М.И. Придорогина (который соглашался на должность декана, сохраняя работу в Москве), Л.И. Курсанова, А.Р. Кизеля, Д.Н. Прянишникова «для выяснения вопроса об оборудовании лабораторий» и наличии помещений. Сохранился автограф письма А.П. Соколова в ОТУ от 24 июля, в котором профессор извещал о визите в Тамбов во главе группы столичных преподавателей (профессора М.И. Придорогин, П.М. Орлов и И.С. Плотников, приват-доценты Н.А. Иванцов, А.Р. Кизель, Н.Н. Смирнов) 27 июля (в том числе и по вопросу об организации «физико-химического института»!).

Собрание, продемонстрировавшее сочетание трезвости и идеализма (насчет, степеней, например, или казенных квартир – откуда профессура могла знать, что грядет?), сыграло, по-видимому, решающую роль в формировании агрофака. Уведомление о его итогах, подписанное всеми участниками, так и начиналось: «Агрономический факультет Тамбовского университета сконструирован...». Поэтому профессор А.П. Соколов, формально не являвшийся членом ОТУ, но, по-видимому, возглавлявший столичное ОТУ, несомненно, относится к числу основателей ТГУ.

Кстати, А.П. Соколов, сразу оговорившись, что чтение курса «опытной физики» поручит «одному из своих ассистентов» (стажировавшемуся у Э. Резерфорда К.П. Яковлеву, в будущем – профессору МГУ), допустив для себя чтение популярных лекций во время наездов в Тамбов (предполагалось начать преподавание физики и химии во временном помещении – «трудовом убежище» или «временном физико-химическом институте»), наметил амбициозную программу собственной работы: строительство и оборудование «в ближайшем будущем» здания для стационарного физического института (!) «Тамбунта».

Совместно с И.С. Плотниковым А.П. Соколов произвел прикидку месячного содержания «физико-химического института»: 2 профессора – 3 тыс. руб., 3 старших ассистента – 1950, 2 младших – 1100, препаратор – 580, 7 служителей – 2275, всего – 8875 руб. (3,9 тыс. – физотделение, остальные – химики), не считая обслуживающих «общие нужды обоих отделений», находясь «в непосредственном подчинении» ему (механик-завмастерской, слесарь, столяр, стеклодув, сантехник, истопники, швейцар) – 3050 руб. Годичный расход – 144 тыс. руб. Траты на оборудование Института, А.П. Соколов предполагал определить на месте. Оценочно, для оборудования физического отделения «в ближайшем академическом году» потребуется 100 тыс. руб., химотделения (прикидка И.С. Плотникова) – 350–400 тыс. Скоро, понятно, выяснилось, что маститый физик неважно разбирался в политико-экономической ситуации лета 18-го. Разумеется, столичная профессура озабочивалась и бытоустойством на новом месте, причем их запросы не выглядели чрезмерными. Однако упоминание другим «штатским генералом» Н.А. Иванцовым необходимости иметь кровать «для прислуги» выглядело старорежимным диссонансом. Не могли физики и зоологи оценить последствий уже провозглашенной «Проддиктатуры» и нагрянувшего 11 июня декрета о комбедах.

По «условиям времени» становилось не до прислуги. В августе Н.Н. Смирнов, озабоченный оборудованием минералогического кабинета, договорился с заслуженным профессором МГУ С.Ф. Глинкой о приобретении из его личной библиотеки нескольких

ценных книг и полной подшивки научного журнала (по довоенной цене – 350 руб.). Заслуженный профессор согласился обменять литературу на пропитание. Точный расчет: 24 фунта гречки, 16 – гороха, 2 пуда ржаной муки, пуд пшена [1, д. 36, л. 29 об., 16-20об., 14об., 37, 31-33, 35об.].

Плодом обещанного А.П. Соколовым столичного десанта (по-видимому, приехали двое: А.П. Соколов и Плотников) стал сентябрьский заказ (дополненный и измененный в декабре) Тулиновской фабрики на поделку деревянного оборудования агрофака (более чем на 33 тыс. руб.). От 16 вешалок и 120 табуреток до 17 чертежных столов, 4 мольбертов и шкафа с «30 ящиками» и т. п. Разумеется, часть сделанного пришлось из-за рассыхания (использовалась непросушенная древесина) переделывать, не обошлось без препирательств. Но – обустройство начиналось [1, д. 226, л. 11-13об.].

24 августа М.И. Придорогин и Н.А. Иванов из Москвы сообщили ОТУ, что, поскольку указания о приспособлении помещений для «биологических наук» можно дать лишь «на месте», «факультет находит необходимым выехать в Тамбов в полном составе» в начале сентября [1, д. 3, л. 45].

Экзотическая формулировка отражала реальность – московское происхождение агрофака. В его рождении в разной мере участвовали состоявшиеся и потенциально видные представители столичной научно-педагогической элиты. Алфавитно (см.: энциклопедия):

– Иванов Николай Александрович (1863, Москва – 1927, Неаполь). Выпускник гимназии Л.И. Поливанова 1882 г., естотделения физмата МУ (1886 г.) со степенью кандидата (занимался вместе с будущим крупнейшим зоологом академиком А.Н. Северцовым в лаборатории М.А. Мензбира, профессора, заслуженного профессора, ректора МГУ в 1917–1919 гг.). Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительной анатомии. Доктор зоологии, приват-доцент/профессор МУ. Действительный член Психологического общества при университете, постоянно работал в одном из мировых центров зоологической науки – знаменитой Неаполитанской зоостанции. Владелец и директор московского реального училища. Действительный статский советник. С 1922 г. профессор зоологии Ассо-

циации НИИ при физмате МГУ. В 1927 г. – научная командировка, работал до конца жизни в биоинституте в Неаполе. Многочисленные труды по биологической и философской тематике, публицистика по проблемам художественной культуры.

– Кизель Александр Робертович (1882. Москва – 1942). Выпускник 5-й Московской гимназии 1900 г. В 1904 г. окончил естотделение физмата МУ, по приглашению К.А. Тимирязева оставлен на кафедре физиологии растений для подготовки к профессорскому званию. 1907–1909 гг. – стажировка в Цюрихе у известного агрохимика Э. Шульце, в научных учреждениях Гейдельберга, Геттингена и Парижа. В 1908 г. – магистр, приват-доцент МУ. В 1909 г. стажировался в лаборатории лауреата Нобелевской премии 1910 г. по физиологии и медицине А. Косселя в Гейдельберге. В 1918 г. – профессор университета и политехнического института в Саратове, вел занятия на просветительских курсах, член Комиссии по изучению Волги при микробиологическом институте. С 1922 г. – в МГУ, с 1929 г. – основатель/зав. кафедрой биохимии растений. В 1942 г. расстрелян, реабилитирован в 1956 г.

– Курсанов Лев Иванович (1877, дер. Кулаково Владимирской губернии – 1954, Москва). Выпускник естественного отделения физмата МУ 1900 г. Лаборант, магистр, приват-доцент, профессор с 1918 г., зав. кафедрой низших растений МГУ. Многочисленные труды, главным образом, по проблемам микологии. Сын – видный биохимик, академик Андрей Львович Курсанов.

– Орлов Павел Михайлович (1879, Москва – 1964, Москва). Выпускник Константиновского межевого института 1901 г. До 1907 г. – на полевых работах в Крыму и на Урале. С 1907 г. – ассистент, старший ассистент, с 1917 г. – профессор кафедры геодезии Академии. Один из организаторов Голицынских высших сельхозкурсов в 1908 г. 1929–1930 гг. – декан агрофака, 1930–1954 гг. – зав. кафедрой геодезии Московского института инженеров водного транспорта. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1959 г.). Автор учебников и пособий, многочисленных научных публикаций. Разработчик новых видов геодезических инструментов, методов полевых работ.

– Плотников Иван Степанович (1878, Тамбов – 1955, Загреб). В 1897 г. окончил Тамбовскую гимназию, выпускник физмата МУ 1901 г. с дипломом 1-й степени. Ученик Н.А. Умова, В.Ф. Лугинина и А.А. Соколова. В студенческие годы занимался проблемами математизации химических исследований. С 1901 г. – обучение в Лейпцигском университете, работа в Физико-химическом институте В. Оствальда (великий русско-немецкий физико-химик и философ, Нобелевский лауреат по химии, основатель первого в мире института физико-химического профиля). В 1905 г. после защиты диссертации получил степень доктора философии Лейпцигского университета, назначен ассистентом Оствальда, после отставки которого в 1907 г. вернулся в Россию. С 1908 г. – внештатный сотрудник в лаборатории Н.Д. Зелинского (выдающийся химик-органик, академик) при кафедре химии физмата МУ. В 1909 г. – приват-доцент (курс «Опытная физическая химия»), с 1910 г. начал пионерский курс «Фотохимия», защитил магистерскую диссертацию («Кинетика фотохимических реакций»). В 1911/1912 учебном году совместно с профессором Б.В. Станкевичем организовал физический коллоквиум. В 1912 г. представил к защите докторскую диссертацию («Исследование фотохимических явлений»), назначен и. д. экстраординарного профессора. В 1913 г. основал фотохимическую лабораторию МУ, в 1914 г. – руководитель объединенной лаборатории неорганической, физической химии и фотохимии. В 1915 г. – защита диссертации в Новороссийском (Одесса) университете. 1916 г. – ординарный профессор по кафедре химии МУ, в начале 1917 г. уволен (фотохимическое отделение ликвидировано). Эмигрировал. В 1919 г. – руководитель научной лаборатории фирмы Агфа в Берлине. С 1920 г. – ординарный профессор физики и химии технического университета Высшей технической школы в Загребе, основал химическое отделение. С 1926 г. – основатель и руководитель Физико-технического института при Загребском университете. Многочисленные труды в области фотохимии.

– Придорогин Михаил Иванович (1862, с. Баланда Саратовской губернии – 1923, Москва). Выпускник Саратовского реального училища 1880 г. В 1882 г. переезжает в Москву, в 1886 г. окончил Петровскую земле-

дельческую и лесную академию. 1887–1888 гг. – преподаватель земледельческих училищ Саратовский и Киевской губерний. 1888–1894 гг. – сотрудник, адъюнкт-профессор кафедры зоотехнии Новоалександрійского института сельского хозяйства и лесоводства. 1894–1895 гг. – заграничная стажировка. С 1895 г. – в Московском сельскохозяйственном институте/Петровской сельхоз-академии, с 1902 г. – профессор кафедры зоотехнии и заведующий (1905–1910 гг.) академической фермой (в 1910 г. достигнут рекордный средний надой – 4200 кг молока от коровы, прежде – 2763). После Октября – председатель Центральной зоотехнической комиссии НКЗема.

– Прянишников Дмитрий Николаевич (1865, сл. Кяхта Забайкальской области – 1948, Москва). Выпускник Иркутской гимназии 1883 г., естественного отделения физмата МУ 1887 г. Отклонив предложение остаться при кафедре органической химии для приготовления к профессорскому званию, поступил на 3 курс Петровской сельскохозяйственной и лесной академии. После окончания в 1889 г. оставлен для преподавания. Ученик К.А. Тимирязева, А.Г. Столетова, В.В. Морковникова, И.Н. Горожанкина. 1891–1917 гг. – приват-доцент МУ. В 1892 г. – заграничная командировка (Германия, Франция, Швейцария) для исследований в области растениеводства, получивших международное признание. 1895–1948 гг. – зав. кафедрой агрохимии в Московском сельхозинституте (1916–1917 гг. – ректор), читал курсы «Учение об удобрении», «Частное земледелие». В 1891–1931 гг. вел курсы агрохимии и химии растений в МУ/МГУ. 1896 г. – магистерская диссертация «О распадении белковых веществ при прорастании», 1900 г. – докторская диссертация «Белковые вещества и их распадение в связи с дыханием и ассимиляцией» в МУ. Инициатор организации в 1917–1919 гг. Научного института удобрений, в котором заведовал агроотделом, несколько лет был директором. 1920–1925 гг. – член Госплана, 1925–1929 гг. – работал в Комитете по химизации народного хозяйства. С целью ознакомления с международным опытом организации сельского хозяйства и промышленности более двух десятков раз выезжал в заграничные командировки. В 1941 г. эвакуирован в Среднюю Азию. Возглавлял работу по во-

влечению 13 млн га земель в сельхозоборот. Герой Социалистического Труда (1945 г.), академик АН СССР (1929 г.), ВАСХНИЛ (1936 г.), член-корреспондент Французской академии. Фундаментальные труды в области агрохимии.

– Смирнов Николай Николаевич (1885, Петербург – 1972, Москва). Закончил 1-е Петербургское реальное училище, выпускник естественного отделения физмата ПУ 1907 г. Оставлен при кафедре геологии для подготовки к профессорскому званию. В 1910 г. специализировался по петрографии у профессора Л.К. Дюпарка в Швейцарии. С 1912 г. – приват-доцент по кафедре геологии, по совместительству – ассистент, старший ассистент кафедры минералогии МУ. В 1914 г. – степень магистра (диссертация «Исследование явлений альбитизации/альбит – породообразующий минерал/в изверженных горных породах»), в 1917 г. – защита докторской диссертации («Граниты Челябинска») в Донском университете (создан в Ростове на базе эвакуированного Варшавского университета). 1918–1930 гг. – зав. кафедрой петрографии МГУ, 1930–1934 – профессор кафедры минералогии и геологии Московского института силикатов и стройматериалов, с 1934 г. – МХТИ им. Д.И. Менделеева, по совместительству (с 1942 г.) – профессор по кафедре петрографии геологического факультета МГУ. Масштабные изыскания в Европейской части России, фундаментальные публикации.

– Соколов Алексей Петрович (1864, Калуга – 1928, Москва). Золотой медалист Калужской гимназии. Будучи студентом 2-го курса физмата МУ, начал научную работу в лаборатории, созданной А.Г. Столетовым. В 1877 г. окончил курс с золотой медалью за сочинение «О кручении упругих призм», оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. В 1879 г. сдал магистерский экзамен, двухлетняя стажировка в Берлинском университете у Г.Л.Ф. Гельмгольца и Г. Кирхгофа (подготовил публикацию «Из теории света»). В 1881 г. читал курс теоретической физики в Варшавском университете. 1882 г. – защита выполненной в Берлине магистерской диссертации («О гальванической поляризации электродов»). С 1883 г. – в МУ, доцент, курсы теоретической

физики, физической географии с метеорологией, руководил практикумами в физической лаборатории, в 1884 г. – экстраординарный профессор по кафедре физики и физической географии. 1886 г. – защита докторской диссертации («Опытное исследование электрических колебаний в электролитах»). С 1891 г. – ординарный профессор МУ, преподаватель 3-й Московской гимназии. С 1894 г. – наряду со А.Г. Столетовым – ведущий преподаватель двухлетнего курса опытной физики. С 1901 г. приступил к исследованию радиоактивности, выдвинул гипотезу о терапевтическом значении ионизации воздуха (в речи на годовичном собрании Русского бальнеологического общества «Ионизация и радиоактивность атмосферного воздуха»). С 1905 г. – действительный статский советник, с 1907 г. – заслуженный профессор МУ. 1909 г. – на пенсии, внештатный профессор МУ. В 1911–1912 гг. – болезнь, лечение во Франции. Работал в лаборатории М. Кюри. В 1912 г. в Москве создал первую российскую радиологическую лабораторию. В 1910 г. выдвинул идею о продолжающемся разогреве земли внутренними теплоисточниками. В 1919–1922 гг. – профессор новоучрежденной кафедры физики медфака 1-го МГУ, профессор физики Высшей медицинской школы 2-го МГУ (до 1924 г.), читал курс по радиоактивности студентам химического отделения физмата 1-го МГУ. С 1927 г. – действительный член Исследовательского института физики и кристаллографии. Фундаментальные работы по различным проблемам физики, главным образом, радиоактивности.

Некоторые светила отказались от работы в Тамбове (И.С. Плотников, В.Н. Прянишников). Участие одних было мимолетным (А.П. Соколов), других – дольше (М.И. Придорогин, Н.Н. Смирнов). Н.А. Иванцов, например, доработал «до конца», даже начинал в незадавшемся преемнике агрофака – ТСХИ. Независимо от меры участия, ими был задан уровень. Остальное зависело не от них.

Список литературы

1. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1424. Оп. 1.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund R-1424, list 1. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2017 г.
Отрецензирована 21.06.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 25 May 2017
Reviewed 21 June 2017
Accepted for press 30 August 2017

UDC 908+378.095

“...THE FACULTY FIND THAT IT IS NECESSARY TO LEAVE FOR TAMBOV WITH A FULL COMPLEMENT...”. ABOUT MOSCOW ORIGIN OF TAMBOV AGRARIAN FACULTY (1918)

Aleksander Lipanovich AVREKH

Candidate of History, Professor

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: post@tsutmb.ru

Basing on the documents of State Archive of Tambov province, mostly introduced in scientific sphere for the first time, and the data of e-resources the basic stages are traced, the prehistory of agronomical faculty of Tambov State University (1918). The revealed materials let consider the educational-scientific level, being the basis of higher agrarian education in Tambov region absolutely corresponding to the academic demands.

Keywords: Tambov State University; agrarian faculty; education; science; publishing

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-231-236

Для цитирования: Аврех А.Л. «...факультет находит необходимым выехать в Тамбов в полном составе...». О московском происхождении Тамбовского агрофака (1918 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 231-236. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-231-236.

For citation: Avrekh A.L. «...fakul'tet nakhodit neobkhodimym vyekhat' v Tambov v polnom sostave...». O moskovskom proiskhozhdenii Tambovskogo agrofaka (1918 g.) [“...the faculty find that it is necessary to leave for Tambov with a full complement...”. About Moscow origin of Tambov agrarian faculty (1918)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 231-236. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-231-236. (In Russian, Abstr. in Engl.).

